2 р. 80 к., пер. 50 к.

П. И. Стучка

Учение о советском государстве и его конституции

1931

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ ЛЕНИНГРАД

П. И. Стучка

Учение о советском государстве и его конституции

1931

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * ЛЕНИНГРАД

Сдано в производство 7 мая
Подписано к печати 14 октября
Редактор В. Друнин Технический редактор В. Дахно
Отпечатано в 3-й типографии ОГИЗа «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ» Москва, Краснопролетарская, 16, в количестве 20 000 экземпляров.
Уполн. Главлита № Б — 10163
Огиз С—З № 261 Формат бумаги 62 × 94/16. 18 печ. л.
50000 знаков в печатном листе
Срок выхода — октябрь Заказ № 3219

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ К СЕДЬМОМУ ИЗДАНИЮ

Из-за крупных изменений в нашем советском строе на местах за последнее время пришлось более чем на полгода задержать новое издание. В этом году исполняется десять лет со дня составления первого издания моей работы, которая появилась в печати еще в начале 1922 г., но установка, по которой я составлял первое издание, и основная мысль, которая заключалась в последовательном и четко классовом противопоставлении всего устройства буржуазного и советского государств сверху донизу,—остается та же. Эта правильная установка и верно отмеченная тенденция нашего развития дают мне по-моему право сдать в печать это издание, несмотря на то, что теперь уже нет того голода на книгу о нашем государстве и нашей конституции, какой был в то время, когда мне поручили составить первое пособие.

То, что я писал в предисловии к шестому изданию в начале 1929 г. остается в полной силе, только в более определенной форме: у нас в еще более революционном, на Западе—в более контрреволюционных направлениях. Год великого перелома выдвинул еще более ярко в роли преемника и продолжателя учения Ленина в практике и теории пролетарской диктатуры советского государства т. Сталина. При моем методе революционно-диалектического изложения учения о теории и практике советского государства, с доведением развития до самого момента нового издания, необходимо было и это особо отметить, хотя все эти факты и документы у всех еще в свежей памяти.

Я старался дать свою работу в таком изложении, чтобы она могла считаться на некоторое время стабилизованной, поскольку у меня указывается основное направление развития нашего строя в связи с наступающим выполнением пятилетнего и предстоящей выработкой генерального плана нашего уже определенно и бесспорно социалистического строительства. Коренные переломы и в государственном устройстве уже сделаны, или по крайней мере начаты.

П. СТУЧКА.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ШЕСТОМУ ИЗДАНИЮ

Прошло шесть лет с первого издания моей работы, тогда наспех набросанной. Многое изменилось в нашем революционном строе; соответственно тому изменилась и моя работа. Но я остался верным коренному принципу моего метода: последовательному противопоставлению нашего государства государственному строю буржуазии и резкому осуждению всякого сближения в этом отношении. Для нас государство не вечная идея, а находящийся в движении институт, для которого мы намечаем только твердую тенденцию, а не готовую схему. И в этом отношении расхождение взглядов буржуазии и пролетариата все усиливается: в то время, как буржуазия постепенно всюду чрез парламент идет от своей демократии к фашизму как открытой форме диктатуры буржуазии, мы ведем свою революцию решительно в направлении к вовлечению всего трудового населения в управление советским государством. Там уходят даже от своей буржуазной демократии; у нас все более развертывается действительный, пролетарский демократизм.

По сравнению с пятым изданием мне пришлось внести лишь немного изменений в свою систему изложения, но пришлось дополнить особенно практические отделы работы, например о выборах, о власти на местах и т. д. Я все более и более выбрасываю из книги то, что стало лишним при наличии других работ, но все-таки я кое-где оставил и личные воспоминания, в целях оживления изложения. Я стараюсь дать возможно больше практических сведений, но меньше «словесности». Так я по сравнению с четвертым изданием выбросил отдел об историческом соотношении между пониманием государства и революции, но зато расширил отдел о ленинизме. Я собирался зачеркнуть и часть отдела об управлении государством, но вспомнил, что этот отдел, затрагивающий между прочим и вопрос о научном построении нашего госаппарата, мною был помещен уже в первом издании работы, когда у нас этот вопрос еще не был выдвинут на первое место; и я решил, лишь немного переделав, сохранить его и в настоящем издании.

Надеюсь, что книга в нынешнем виде облегчит изучение нашего государственного строя и одновременно более выпукло выдвинет все значение государства советов в условиях новой экономической политики и нового отношения к крестьянству, учи-

тывая наш новый сдвиг в сторону социализма как в городе, так и в деревне.

Если XV Съезд снова подчеркнул, что советская власть является вообще необходимою предпосылкою возможности социалистического строительства, то общесоюзные «начала земельного законодательства» это еще особо подчеркивают для социализации сельского хозяйства.

4 февраля 1929 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Я выпускаю вторую часть своей работы «Революционная роль права и государства» [1], но она появляется на свет самостоятельною работою, а не вторым томом. Когда я написал свое общее учение о праве, я даже предполагал ограничиться этою первою частью, ибо, как я тогда же писал, я считал, что вопрос о государстве принципиально уже верно поставлен. Но так как в это время я получил, независимо от прежнего, новое поручение написать «учение о государстве и Советской конституции с изложением функций местных властей», то я решил соединить в этой работе две задачи: дать общее или теоретическое и практическое учение о государстве в одной книжке, а первое именно в дополнение моей работы о праве.

Я имел в виду построить свою работу по системе наглядного обучения, т. е. пройти нашу конституцию по методу сравнительной популярно-научной работы. Рассматривая отдельные институты и учреждения, я хотел бы одновременно знакомить читателя и с теориями буржуазной науки. Это вносит больше ясности и заодно обогащает кругозор читателя. К сожалению эту работу удалось провести лишь отчасти, так как книжка иначе вышла бы слишком громоздкою и превысила бы размеры практического руководства для партийных школ.

С другой стороны, я считал своею обязанностью ввести в свою работу и вопросы, которые выходят за пределы изложения конституции, но которые мне неоднократно задавались во время чтения лекций о конституции перед коммунистическою или вообще рабочею аудиториею как на русском, так и на немецком (1918 г.) и латышском языках. Таковы например вопросы о пролетарской государственной власти при государственном капитализме, о понимании революционной борьбы в зависимости от взгляда на сущность государства, о партийном правительстве, о бюрократизме и т. д. Я не мог обойти молчанием и общих понятий из буржуазной науки о государстве, но я отказался от исторического обзора этих понятий и довел до минимума теоретическую часть работы, всюду, где только возможно, пользуясь подлинными словами Маркса и Энгельса на эти темы. Я считал себя в праве так облегчить себе задачу уже потому, что в своей работе о праве я показал бесплодность потуг буржуазных ученых со-

---

[1] П. Стучка, Революционная роль права и государства, I, «Общее учение о праве», Гив, 1921 г.

здать науку о праве и о государстве, не став на классовую точку зрения.

По поводу государства эта картина вышла бы еще более яркою, но она не дала бы ничего принципиально нового. Вопрос о государстве верно поставлен т. Лениным, и ответ на вопрос для нас уже свободен от всякого мистицизма. Для прочих же стран он все равно пока имеет в общем лишь характер веры или неверия, в убеждение масс его превратит только революция сама.

Я не буду извиняться относительно случайности цитированных мною буржуазных авторов; я нигде не имел в виду исчерпывающего обзора их мнений и учений. Я даже думаю, что авторы, которые будут писать у нас по вопросам науки о государстве, и впредь принесут больше пользы, если они вместо бесконечного пересказа всех этих теорий обратят больше внимания на прообраз буржуазного государства без примеси остатков старого режима, т. е. на конституции и практику всяких торговых, акционерных и прочих видов обществ и товариществ. Оттуда мы извлечем больше реальной пользы для будущего развития наших учреждений, чем из старого хлама буржуазной науки, которая и в теории и на практике нередко еще пережевывает отжившие свой век мысли и слова древней Греции и старого Рима.

Только таким путем мы дойдем до новой системы à la Тэйлор для «конторской» работы государственных учреждений с искоренением всякого лишнего «движения», т. е. лишних бумаг, копий, подписей и росписей и всякого лишнего, т. е. общественно бесполезного, а стало быть, вредного работника. В этом отношении у нас кроме обильного пустословия сделано еще весьма мало на практике, а в теории ничего не сделано. Я когда-то высказал мысль, что объединение в один профсоюз торговых и государственных служащих внесет новую струю в ряды и умы последних. Я боюсь, не случилось ли наоборот, и не заразили ли последние первых. Впрочем, поживем—увидим.

П. СТУЧКА.

ВВЕДЕНИЕ

ЧТО ТАКОЕ ПРАВО

Прежде чем приступить к изучению государства, необходимо несколько остановиться на определении **понятия права** постольку, поскольку оно необходимо для верного понимания государства. Тесная связь права с государством теперь вне спора. Еще Великая французская революция, выставляя в своей декларации в пункте обеспечение священного **права частной собственности**, из которого прямо или косвенно вытекают **все остальные** права буржуазного мира, провозгласила, что **государство** является лишь **средством** поддержки, обеспечения **права**. Буржуазная теория в своем «последнем слове» (теория так называемых нормативистов) дошла даже до полного **отождествления** права или правопорядка с государством.

Но что же в действительности представляет собой это всеобъемлющее понятие—право? Мне ответят: «Нет более простой вещи, чем узнать это: стоит только взять любой энциклопедический словарь». Исполняю совет, беру «Большой энциклопедический словарь» (правда, буржуазное дореволюционное издание) и читаю под рубрикой «Право»: «Вопрос о существе права принадлежит к числу наиболее трудных и до сих пор **нерешенных** проблем. До настоящего времени в **общем учении** о праве **оспаривает друг у друга исключительное господство значительное число** существенно друг от друга отличных **теорий**». Итак, о том самом праве, которое веками «правит» человечеством, во имя которого происходили смуты, восстания, революции, с одной стороны, и которому строили храмы правосудия, которому приписывали священное и божественное происхождение, с другой стороны, до сих пор для буржуазии остаются в силе слова Канта: «юристы все еще ищут определения для своего понятия права» [1].

Целые библиотеки посвящены вопросам права. Ему служило веками целое «сословие» (так оно и называлось) юристов, докторов права, присяжных и неприсяжных «служителей» права и т. д., не говоря уже о целой науке права и целых юридических факультетах этой науки. Мало того. Нет взрослого человека, которому не приходилось бы на деле сталкиваться с правовыми вопросами,

---

[1] И у нас встречаются голоса, считающие попытки дать общее понятие права схоластической мудростью. Я с ними не согласен, ибо это означает просто обход трудного, но и неизбежного вопроса и вносит известную неясность в рассуждения о праве.

осуществлять свое «право» или быть его жертвою. В самом ли деле оно является неизменным понятием? Нет,—ведь мы говорим о феодальном, о буржуазном, ныне о советском праве. Значит, право не вечно, оно *изменчиво*.

Право относится к *самым обычным взаимоотношениям людей*; значит, оно вместе с взаимоотношениями людей должно и меняться. Но почему в таком случае марксисты, которые в лице своих учителей вскрывали существо всех общественных отношений, не поспешили на помощь и не дали определения права, как они это сделали относительно государства, доказав, что оно по существу является *организациею господства* того или иного класса. О *классовом характере права* лишь у нас, и то недавно, впервые заговорили марксисты. А между тем в работах Маркса, Энгельса, Ленина имеются все данные для верной постановки вопроса о праве.

Чем это объясняется? В научном с.-д. журнале «Neue Zeit» за 1887 г. мы находим статью против «социалистов-юристов», автором которой показан Ф. Энгельс вместе с Каутским. В этой недавно еще забытой статье мы читаем следующие замечательные слова: «Еще в XVII столетии религиозное мировоззрение теряет свое господствующее положение, и уже 50 лет позже его заменяет *новое, юридическое*, которому суждено сделаться *классическим мировоззрением* для буржуазного общества вообще. Оно представляет собою превращение богословского мировоззрения в светское. Место догмы божественного права заняло право человека, на место церкви вступило государство». Нам становится яснее мистический, таинственный оттенок этого «священного» института буржуазии. Но только Октябрьская революция окончательно сорвала маску и с права. Должно было предшествовать окончательное разоблачение буржуазного, «правового» государства, а для этого потребовалось не мало времени и усилий.

В самом деле, социал-демократы, давно уже сознавая классовый характер буржуазного *государства*, буржуазному классовому государству противопоставляли бесклассовую социальную демократию. Они десятками лет разоблачали *классовую юстицию* буржуазии, не говоря уже о феодальной, но они и поныне противопоставляют ей «демократический» или, как последняя программа германских социал-демократов ее называет, социалистический, «независимый, сверхклассовый» суд. Классовый характер «диктатуры пролетариата» вскрыли почти одновременно т. Ленин в теории («Государство и революция») и Октябрьская революция 1917 г.—на деле. Дальнейший ход этой революции выдвинул и лозунг *классового пролетарского суда* переходного периода. О *классовом праве* впервые робко заявили отдельные коммунисты в 1918 г., дав теоретическое определение ему в Наркомюсте впервые в 1919 г.[1]. Еще поныне сомневается в

---

[1] «Собр. узак.» 1919 г., № 66, ст. 590, в известных «руководящих началах» по уголовному праву.

классовом характере права кое-кто даже из коммунистов, но зато уже признают его и отдельные буржуазные профессора. Но классовый характер права **должны** признать все коммунисты и всякая пролетарская революция. С ним вынужденно считаются даже так называемые «великие державы», признавая наш строй «de jure». Но его не могла и не может признать буржуазная наука в целом, ибо для последней признание буржуазного права классовым было бы моральным самоубийством. Оно означало бы и признание классового права пролетарской диктатуры переходного периода, другими словами,—легализацию, узаконение пролетарской революции.

Определение, формулированное нами в 1919 г. наспех в Наркомюсте, основано скорее на революционном чутье, чем на теоретическом изучении вопроса. Оно гласит: «Право—это **система** (или порядок) **общественных отношений**, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованною силою его (т. е. этого класса)», другими словами—государством. Не будем останавливаться здесь на формулировке. Такая трудная задача, как правильная научная постановка, да еще верная формулировка, впервые в истории, понятия права и правовых проблем не могла не привести к ошибкам и неопределенностям. Мы ныне все согласны в том, что право сводится к **форме**, но к диалектической форме. Мы говорим о праве, как о форме опосредствования содержания, общественных отношений, т. е. о форме, **посредством** которой оно «осуществляется» («Проявляется», «проводится в жизнь»)—тут еще нет вполне подходящего слова для пояснения сложного и непопулярного гегелевского слова «опосредствования». Что тут всегда играет роль субъективная сторона, не было сомнения, ибо как иначе я мог говорить о **революционной роли** права, как о **воздействии** формы на содержание. Но этот субъективный элемент «объективируется» в форме закона, на который до моей работы у нас обычно смотрели (кроме конечно Ленина) как на **консервативный**, сохраняющий элемент, почему и буржуазия, создавшая это понятие и доводившая его до полного фетишизма закона, в **законе** видела право в **объективном смысле**, а на самые отношения смотрела, как на право в субъективном смысле.

Ей тогда еще противопоставляли у нас другое определение, по которому право является не самою системою отношений, а «системою **социальных норм**», **охраняющих** тою же классовою силою этот порядок общественных отношений от всяких нарушений. Но и это определение в одинаковой мере уже признало **классовый характер всякого права в классовом обществе**. Этим мы сделали гигантский шаг вперед, достигнув **почти полного единогласия** среди коммунистов по вопросу о **классовом характере государства**, о **применении права** (юстиции) и наконец об определении самого **права** как классового понятия; мы ныне знаем, что в каждом классовом обществе должно быть **свое классовое** право, но что в свою очередь право существует **только в классовом обществе**.

Но этого одного недостаточно для полного понимания сущности права. Зная, что каждому классу свойственно свое право, мы говорим например о феодальном и буржуазном праве:

Феодальное право совершенно открыто носит характер классового, т. е. сословного (сословие ведь также класс) права, но не равного для всех, а привилегированного, преимущественного права, основанного на открытом насилии («кулачное право»—но здесь от слова кулак—сила), вытекающем из владения землею, ее обитателями и их трудом. Буржуазное же право господство буржуазии скрывает под видом равноправия. Откуда происходит это понятие равенства (равное за равное)? Оно происходит из обмена продуктов, принявших форму товаров, т. е. из обмена на основе трудовой стоимости, свойственного только обществу товаропроизводителей. «Равное количество труда за равное количество труда». С обращающихся на рынке товаров это равенство (равная стоимость, эквивалент) переходит на самого товаровладельца, как субъекта права, осуществляющего этот обмен. Товаровладелец в своей воле представляет как бы душу неоживленного товара. Так как равенство стоимости практически устанавливается соглашением двух воль, которое мы называем договором, то для всего общества товаропроизводителей из договора, как свободного соглашения двух воль, создается отвлеченное от первоначальной трудовой стоимости понятие особого права, договорного права. А так как эти договоры принимают, как ныне говорят, типовой, стандартный характер, то они превращаются в краткую формулу понятия данного типа договора («Институт гражданского права»), т. е. закон (в древнем Риме слово lex так и означало и договор и закон), например статья о том, что такое договор купли-продажи и т. п. Но в буржуазном понимании этот закон вытесняет совершенно понимание скрывающегося за ним отношения живых людей или по крайней мере придает этому отношению лишь второстепенное значение. «Я требую уплаты мне данных взаймы 50 руб. потому, что существует закон о договоре займа», говорит буржуазный юрист, а не потому, что я дал взаймы 50 руб. Создается фетишизм закона, идолопоклонство только перед законом: правом является только закон, и всякий закон является правом!

Равенство права с повсеместною победою буржуазии завоевывает не только одну территорию за другой, оно подчиняет своему влиянию и остальные области права, в том числе и вещное право господства[1], превращая сосредоточение в руках имущих классов всех средств производства, в том числе и даже землю, в простые титулы права («документы») на вещи, заменяющие эти вещи в свободном обороте на рынке, т. е. в так называемом гражданском обороте, где они простою договор-

[1] К. Маркс, Нищета философии, стр. 124. «Рента в смысле Рикардо поземельная собственность в буржуазном состоянии, т. е. феодальная ственность, подчиненная условиям буржуазного производства».

ною передачею меняют личность субъекта права. Даже политические права принимают форму простого буржуазного гражданского права на «известные порции (пайки) свободы» в лице его равноправного субъекта.

Но поскольку само понятие товара возможно лишь при существовании господства частной собственности, классовое господство субъекта вещного права частной собственности, как преимущественно права производства («производственных отношений», по выражению К. Маркса), только в скрытой форме, играет решающую роль и на рынке, в товарообмене, т. е. в буржуазном обязательственном праве. Классовый характер права остается бесспорным. «Ибо право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права[1]».

Таким образом и «буржуазное право» остается «порядком общественных отношений», как бы оно ни скрывалось за формулою, буквой закона. Оно остается таким же классовым правом неравенства, как бы оно ни было затуманено принципом возможного равенства людей, при одном лишь условии: имения для этого достаточно денег (или вообще имущества). Оно продолжает быть принудительным порядком, ибо свободное обладание и пользование («по своему усмотрению») всеми средствами производства охраняется государством класса имущих. Значит и по отношению к праву буржуазного общества наше определение остается в силе: право и тут является не просто законом, а порядком общественных отношений, соответствующим интересам господствующего класса буржуазии и охраняемым его государством, только скрытым под формальным равенством всех перед законом, под формально равною правоспособностью субъекта права.

Но совершилась победа трудящихся; настала диктатура пролетариата. «Буржуазное право отменяется» (но отменяется) не вполне, а лишь отчасти... лишь по отношению к средствам производства. «Буржуазное право» признает их частной собственностью отдельных лиц. Социализм делает их общей собственностью. Постольку и лишь постольку «буржуазное право» отпадает. Но оно остается все же в другой своей части, остается в качестве регулятора (определителя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества... за равное количество труда равное количество продукта». «А других норм, кроме буржуазного права, нет. И постольку остается еще необходимость в государстве, которое бы, охраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта и т. д.[2].

Тут ясно выражена целая программа советского права, которое образуется и у нас, правда как право лишь переходного периода, но явно классовое, особенно поскольку мы все еще не достигли этой ступени развития, а к ней лишь приб-

---

[1] Ленин, XIV, 2, стр. 377.
[2] Там же, XIV, 2, стр. 374.

лижаемся. Классы и у нас еще существуют и существуют классовые интересы как в производстве, так и в обмене. Если и большинство общественных отношений (в социалистическом секторе государственных предприятий уже освободилось от действия буржуазного права, то и там правовое урегулирование вообще, т. е. урегулирование путем общих законов, путем договоров и т. д. еще остается.

Нам остается еще пояснить несколько общих понятий. Под «общественными отношениями» мы понимаем, по Марксу, только такие взаимоотношения людей, которые вытекают из производства и обмена; суть права заключается в системе или порядке лишь этих отношений.

Остановимся далее вкратце на выяснении понятия общественного класса. Редко встречается слово, употребляемое так часто, как слово класс, классовая борьба и т. д. Но еще не так давно преобладало объяснение класса, данное Каутским, сводящееся к тому, что «класс образуется не только общностью источника дохода, но и вытекающею оттуда общностью интересов и общностью противоположности прочим классам, из которых каждый стремится суживать источник доходов другого, чтобы обогатить источник своего дохода». Если сделать логический вывод из этого определения, то классовая борьба должна была бы ограничиться одною борьбою за распределение продукта труда. Но это понятие узко оппортунистическое и не революционное.

Теперь у нас имеется классическое революционное пояснение марксовых понятий класса и классовой борьбы у Ленина («Великий почин»): «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это — такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства».

Таким образом революционное понимание Марксом класса сводится к тому, что «классом называется категория лиц, связанных общностью интересов, каковая категория определяется ее ролью в производстве и распределении средств производства». А так как это распределение средств производства получило в буржуазном обществе форму частной собственности на средства производства, то эта собственность и определяет состав классов и их борьбу. Распределение же средств производства определяет и распределение продукта труда.

Для примера мы берем буржуазное общество; в нем основных классов собственно два: класс угнетателей, разделяющихся на капиталистов и землевладельцев (преимущественно дворян), и класс угнетенных, т. е. рабочий класс. Капиталистам принад-

лежат средства производства, они в силу этого получают прибыль; землевладельцам—земля, за что они получают земельную ренту; рабочие же, продавая свою рабочую силу, получают наемную плату. Кроме этих трех классов имеются и средние слои, которые примыкают к одному или другому классу или колеблются между ними, но своего класса не составляют.

Классовая борьба является таким образом борьбою за положение на производстве, за распределение средств производства, за или против частной собственности на средства производства. Но так как право частной собственности, как и всякое иное право, основывается на авторитете классового государства, то классовая борьба одновременно является политическою борьбою, т. е. борьбою за сохранение государственной власти в руках своего класса, или за свержение власти господствующего класса. Победивший класс проводит свое право при посредстве государственной власти, а так как современное государство действует обыкновенно не отдельными мероприятиями, а общими мерами, законами, т. е. организованно, то получается видимость, будто бы закон или сам и есть право или произвольно творит право. Между тем закон не всемогущее орудие и может лишь провести в жизнь такое право, такую систему или такой порядок общественных отношений, для которых уже созрели материальные условия. Всякий иной закон бессилен, мертв, он просто «не гласит».

Остаются еще понятия классового сознания и классового правосознания. Я уже сказал, какую роль играет в классовой борьбе классовый интерес. Классы существуют в силу экономических условий, даже помимо воли и сознания людей. Классовое сознание появляется поздно и развивается медленно, ибо классовое сознание есть не что иное, как сознание класса «классом для себя», как говорит Маркс, т. е. сознание своих общих интересов как класса. Это сознание по мере развития класса[1] развивается и меняется, пока оно не сделается революционным классовым сознанием. Свое высшее напряжение классовая борьба получает в революции. Победив в революции, класс создает свою государственную власть, организовывает себя,—говоря словами «Коммунистического манифеста»,—в государство. Он ниспровергает существовавшее право, поскольку оно противоречит его классовому интересу, сжигает законы «свергнутого класса» и вводит в жизнь свое классовое право. Классовое правосозна-

[1] Интересны пояснения К. Маркса и Ф. Энгельса о классах в их «немецкой идеологии» (см. «Архив Маркса — Энгельса», I, стр. 243): «отдельные индивиды образуют классы лишь постольку, поскольку им приходится вести общую борьбу против некоторого другого класса, в остальном они сами противостоят друг другу враждебно как конкуренты. С другой стороны, класс объективируется, в свою очередь становясь тем самостоятельным по отношению к индивидам, так что последние находят предустановленными условия своей жизни, и класс указывает им их житейское положение, а вместе с тем и их личное развитие, он подчиняет их себе... Это подчинение индивидов классу превращается в то же время в подчинение их всякого рода представлениям».

ние таким образом можно определить **классовым сознанием победившего класса**, сознанием со стороны победившего класса своего классового интереса, до революции выраженного лишь в его **программе**, после победы уже охраняемого его организованною властью путем законов. Сама классовая борьба отнюдь не завершается первою победою. Она продолжается и после образования новой государственной власти, но только иными средствами. По мере развития этой борьбы и лишь после победы классовые интересы становятся достоянием сознания действительно всего класса, а не только его авангарда.

Итак право является не вечной, а исторически меняющейся категорией. Оно не вносится извне, а вытекает из развития производительных сил. Материальная сущность права заключается в известной **системе**, в известном **порядке** экономических отношений, т. е. людских взаимоотношений в производстве и обмене, она выражается в **том классовом интересе**, который является определяющим моментом данного права. Из этого положения вытекает и отношение права к революции: право восходящего класса является революционным; напротив, право погибающего, отходящего класса—консервативным, даже контрреволюционным правом. Но тут же видна и тесная связь права и государства. Неразрывная связь между правом и государством делает бесплодными намерения некоторых авторов, хотя и стоящих на почве классового понимания государства, но все-таки пытающихся защищать общечеловеческий характер права. И лишь в классовом сознании значение развития материальных производительных сил для данного класса претворяется в его классовый интерес. **Правосознание является лишь частью сознания победившего класса.**

После этого краткого очерка о значении права и о роли государства по отношению к праву легче будет вникнуть в **правильное понимание государства.**

I. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА

А. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

Вопрос о происхождении государства в марксистской литературе споров не вызывает и более или менее известен любому марксисту. С этим вопросом основательно знакомит нас капитальный труд Ленина «Государство и революция», и вводной работой по этому вопросу является «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса. Энгельс впервые научно рассмотрел с революционно-марксистской точки зрения вопрос о возникновении государства. Он показывает, как образовалась семья, род и т. д. и как появившаяся частная собственность нарушает экономическое равенство людей. Пока труд человека был настолько малопроизводителен, что его еле хватало на поддержание жизни трудящегося, не было излишков и запасов и следовательно не могло и быть никакой эксплоатации человека человеком. Как только появился продукт сверх самых необходимых средств существования, образовались запасы, появились частная собственность и разделение рода на экономически неравных людей. Одновременно прирост населения сузил территорию каждого рода, заставил перейти к оседлой жизни и вызвал между отдельными родами беспрерывные войны. Последние создали необходимость вооружения сначала всего взрослого населения, а затем образования особых отрядов вооруженных людей.

Фр. Энгельс пишет: «Государство отнюдь не является силою, извне навязанною обществу. Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимых противоречиях с самим собою, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, *классы* с противоречивыми экономическими интересами не пожирали друг друга и общество в бесплодной борьбе— для этого стала необходимой *сила, стоящая как бы над обществом*, сила, которая умеряла бы столкновения, держала бы его в границах порядка. И эта сила, *происшедшая из общества, но ставящая себя над ним*, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство».

Энгельс пишет о древних Афинах:[1] «А между тем незаметно развивалось государство... Оно создавало *общественную* си-

[1] Ф. Энгельс, Происхождение и т. д., стр. 75.

лу, уже не совпадавшую с совокупностью вооруженного народа; во-вторых, оно впервые разделяло народ для общественных целей не по родственным группам, но по территориальному сожительству».

Значит, по Энгельсу, 1) государство предполагает отделенную от всей массы составляющих его членов особую общественную власть с «особыми вооруженными дружинами в своем распоряжении», 2) «в основу нового государственного устройства были положены: а) территориальное деление» и б) «имущественное различие» людей.

Здесь возникновение государства излагается лишь в самых общих чертах; на деле возможности весьма разнообразны. Но всюду решающую роль играла власть: вооруженная сила, с одной стороны, духовная сила (касты жрецов и вообще религия, церковь), с другой.

По словам Энгельса, «так как государство возникло из потребности сдерживать классовые противоречия, но вместе с тем порождено в разгаре столкновений этих классов, то по общему правилу оно является государством наиболее сильного экономически общественного класса, который при посредстве его становится также господствующим политически и таким образом приобретает новые средства, чтобы держать в подчинении и эксплоатировать угнетенный класс. Так, античное (древнее) государство было преимущественно государством рабовладельцев для подчинения рабов, так, феодальное государство являлось органом дворянства для подчинения и обуздания крепостных и зависимых крестьян, а современное представительное государство играет роль орудия эксплоатации наемного труда капиталом». «В большинстве исторических государств предоставляемые гражданам права соразмеряются с их имущественным положением, и тем открыто признается, что государство является организацией имущего класса для защиты его от неимущего класса». Таким образом всякое государство является государством классовым.

Ленин, впервые создавший на деле пролетарский тип государства, впервые определяет его как государство, имеющее целью не эксплоатацию, а борьбу против эксплоатации, защиту неимущих классов от имущих, «государство как организованный в господствующий класс пролетариат» «для подавления», для держания в «подчинении» класса бывших угнетателей, буржуазии.

Некоторые теоретики представляют себе дело возникновения первоначального государства исключительно как результат одного лишь внешнего воздействия. Это ошибочно. Вполне возможно, что в недрах самого рода или племени постепенно количественно нарастали данные для перехода к новому строю и качественно отличному от рода. Но помимо такого диалектического скачка возможны и иные формы возникновения государства через войны

как внутренние («смуты», восстание, гражданская война), так и внешние (завоевания), а равно через известные образования переходного периода от бесклассового рода или племени к классовому государству. Таким переходным государством можно считать так называемое патриархальное государство, как переходную формацию к рабовладельческому государству, т. е. к первобытной демократии, ограниченному королевству или республике «свободных граждан» древних времен. Такие переходные ступени государства переходной эпохи необходимы и бывают при каждой смене у власти одного общества другим, в классовом обществе—одного класса другим.

Разные направления науки точно отражают в своих теориях происхождения государства эти разные фактические типы государства. Теория богословская (теологическая) учит, что сам бог является творцом государства и лично властелином в нем. Его уполномоченный на земле или «помазанник»—монарх. Это—теория всех государств общества рабовладельцев и крепостников. Нет, говорят теоретики абсолютизма, как преемника феодальной монархии, монарх—власть самодовлеющая, это—владелец «на правах собственности» вотчины-государства (теория вотчины, или патримониальная). Их противники—школа естественного права буржуазии. Она основывает государство на теории социального договора. Против нее восстает теория анархически-революционная, теория насилия (ср. Гумпловича) и т. д.

Революционный марксизм всем этим учениям противопоставляет свою революционно-классовую теорию возникновения государства (Маркса, Энгельса, Ленина). Коммунисты твердо стоят на этой почве.

Б. ИСТОРИЧЕСКАЯ СХЕМА ГОСУДАРСТВ УГНЕТАТЕЛЬСКИХ

Менялись у власти классы, а вместе с тем, естественно, менялось и государство, его роль, задача, цель. Но пока у власти сменяли друг друга классы угнетателей, у всех их было нечто общее: обеспечение свободы эксплоатации способом, соответствующим состоянию производительных сил данной эпохи и данного общества. Сменялись как бы разные поколения одного и того же, единого класса угнетателей. «Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо раб»[1].

Еще Энгельс писал: «Государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в одной корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество; в древности оно было государством рабовладель-

[1] Ленин, XVII, стр. 233.

цев, граждан государства, в средние века—феодального дворянства, в наше время—буржуазии» («Анти-Дюринг»).

Изменение классового характера государства естественно влекло за собой каждый раз и изменение целей, задач, структуры (построения) государства, как говорится, всего государственного строя. В древнем обществе это—государство-город, «синойкия»[1], т. е. объединение рабовладельческих хозяйственных ячеек. В феодальном строе—государство сословное, во главе которого главный дворянин, сверхфеодал, монарх (царь, король, князь). Наконец в буржуазном обществе это—государство национальное, демократия, государство типа акционерного общества, во главе которого—«коллективный капиталист», в конце концов—финансовый капитал. Человек творит не только своего бога по своему же образу и подобию: господствующий класс свой образ переносит на государственную власть. Будучи вкорне орудием подавления человека, владения и управления людьми, государство к этой своей задаче постепенно присоединяет задачи владения и управления вещами, принимает на себя не только политические, но и экономические функции. А если самый общественный класс в своем существе определяется его положением в общественном строе производства, то став у власти, класс в государстве, или вернее, в государственной власти в первую голову создает аппарат завоевания, упрочения, развития, сохранения возможности присваивать себе труд другой группы людей, или свергнуть группу, присваивающую чужой труд[2]. Вот откуда вытекает истинный смысл слов Маркса, что всякая классовая борьба (т. е. борьба из-за положения в производстве) есть борьба политическая (т. е. борьба, имеющая в виду охрану этого положения организованною властью государства или завоевание этой власти).

Для всякого ясна при таких условиях роль государства в так называемой политической или, как немцы говорят, национальной экономии. Каждая смена у власти класса или классовой группы вносит и новые взгляды на роль государства как в практику, так и в теорию.

а. У власти феодал-землевладелец

У власти один из трех великих общественных классов: землевладелец-феодал, т. е. дворянин. Государство соответствует этому сословному общественному строю. Это, собственно говоря, федерация феодальных волостных государств, и федерация вначале довольно слабая. Вся власть здесь на местах в руках помещика-дворянина. Его классовый интерес—владеть землею и владеть людьми, прикрепленными к этой земле, т. е. собирать с них дань, как со своих подданных. Суть всякого землевладе-

[1] Буквально — объединение домов, дворов, поселок, волость. От «ойкос» — дом, двор.

[2] См. выше на стр. 21 слова Ленина о классе.

ния заключается в получении в той или иной форме поземельной ренты. Феодальное устройство государства заключается в сословной иерархии с подчинением (принудительным, подчас и добровольным) низшего феодала высшему, причем этот последний (сюзерен) свою дань получает через низших феодалов. Ее форма—феодальная монархия. Это—организация принудительного взимания дани-ренты (т. е. кулачное право).

У помещика однако было уже и свое «мызное» хозяйство, расширяющееся со времени окончательного введения крепостной зависимости. Соответственно тому и у высшего феодала имеется свое хозяйство, свой «двор». Прибавляются еще известный запас дани и известный хозяйственный аппарат, имеющие целью снабжение военных дружин оружием и прочими военными запасами. Это—первые зачатки государственного хозяйства.

Дворянское сословие как класс было заинтересовано в свободном владении (мы знаем, что «владение» означало—собирать дань) землею и крестьянами. Это должно было им гарантировать их сословное государство. Но в самом классе был большой антагонизм интересов низшего и высшего феодала. Последний проявлял сильную тенденцию к расширению своих аппетитов: грабить награбленное его вассалами. Центральная власть—король, князь, государь—постепенно стремилась превратиться во владельца-монополиста на все государство как вотчину, не говоря уже о том, что этот владелец со своим двором был сам одновременно и самым крупным помещиком[1].

б. Абсолютизм—переходное государство к власти класса капиталистов

Разделение труда приводит к образованию и быстрому экономическому росту нового класса—класса капиталистов, который в связи с новою морской торговлей крепнет и вскоре делается в качестве ядра третьего сословия экономически равносильным классу-сословию феодалов. Естественным последствием являются изменения и в государственной власти.

Это тот период, по поводу которого Энгельс пишет: «В виде исключения встречаются однако периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними». «Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, бонапартизм 1-й и 2-й империи во Франции, Бисмарк—в Германии».

---

1 Король как сверхфеодал во Франции 1789 г. был и непосредственно самым крупным помещиком: «Королевские домены вместе с общими землями составляли приблизительно $1/3$ всей почвы Франции» (Л. де-Лаверны). Королевские леса для охоты занимали 1 млн. моргов. Сюда следует прибавить землевладения принцев, около $1/7$ всей Франции. $1/5$ часть земель принадлежала церкви и притом наиболее плодородная и обработанная часть.

Абсолютизм таким образом является чем-то в виде государства переходной ступени к буржуазному государству. Этот абсолютизм-самодержавие был своеобразным строем. Весь аппарат попрежнему состоял из той же дворянской сословной иерархии, но не как сословия, избирающего короля, а как служилого сословия, набираемого королем. С другой стороны, в экономической политике «все его мероприятия являются почти во всех деталях снимком с экономической политики средневековых городов». Экономическою системою этого переходного периода является меркантилизм, лозунг которого: создание замкнутого по отношению к внешнему миру государственного хозяйства. Характернейшею его стороною является чрезвычайно широкое вмешательство государства в экономическую сферу. В этой последней стадии абсолютизма государство получает название полицейского государства.

Это был исторически первый тип государственного капитализма. Власть, вышедшая из феодального сословия, превратилась в носительницу новой системы хозяйства. Недоставало лишь захвата этой власти выросшим новым классом, буржуазиею, которая, говоря словами Ленина о России 1917 г., «была почти у власти»».

в. Государство и буржуазная революция

Переходной ступенью между государствами двух разных классов должна быть революция. Мы читаем у Ленина, что «переходною ступенью между государством—органом господства класса капиталистов, и государством—органом господства пролетариата, является именно революция» и т. д.[1]. Но это правило, отмеченное Лениным по поводу пролетарской революции, имеет значение общее, ибо мирной, добровольной передачи одним классом другому своей власти в истории не бывает. Еще молодые, Маркс и Энгельс доказали эту мысль словами: «Прошедший интерес, особенная форма оборота (Verkehr), которая уже вытеснена формой оборота, соответствующей позднейшему интересу, еще долго продолжает по традиции обладать властью в объективировавшейся против индивидов (отдельных лиц) иллюзорной коллективности (государство, право), властью, которая в конечном счете может быть сломлена только путем революции»[2]. Эта смена классов выражается во временном двоевластии.

У нас к сожалению имеются данные только относительно перехода от феодального государства к буржуазному и от буржуазного—к советскому строю, так как крестьянские войны, эти крестьянские революции средних веков, всюду в результате их поражения привели путем контрреволюции к укреплению феодального государства. Таким образом первая революция угнетенных провалилась. Между всеми прочими революциями и революцией

[1] Ленин, XV, стр. 529

[2] Маркс и Энгельс, О Фейербахе, стр. 247.

пролетарской существуют принципиальная разница в том, что в последней впервые побеждает эксплоатируемый класс (пролетариат вместе с крестьянством, тоже хотя и иного рода, классом эксплоатируемым). Поэтому во всех прежних революциях класс у власти меняется, власть по существу изменяется, но преемственность власти остается. О пролетарской же революции Ленин продолжает приведенную выше цитату словами, что это—«революция, состоящая в свержении буржуазии и в ломке, в разбитии ее государственной машины».

Необходима ли вообще для буржуазии во что бы то ни стало политическая революция? Ленин на этот вопрос отвечает: «Вообще политическая демократия есть лишь одна из возможных (хотя теоретически для «чистого» капитализма и нормальная) форм надстройки над капитализмом. И капитализм, и империализм, как показывают факты, развиваются при всяких политических формах, подчиняя себе все эти формы»[1].

В самом деле, с какою ненавистью поныне английский буржуа вспоминает о революции 1640-х годов и ее республике. Он «славною» (glorious) называет лишь революцию 1689 г., представляющую по форме лишь смену династий, «королевских домов» без кровопролития. Мы видим, как медленно например во Франции буржуазия согласилась, даже под революционным давлением радикальной мелкой буржуазии и рабочих, на буржуазную республику. (Та же картина в России 1917 г. с кадетами.) А ныне профессора истории французской революции (например Олар) стараются доказать, что революции насилия во Франции, собственно говоря, и не было!

Но с того момента, как пролетариат начинает проявлять свою силу, буржуазия вынуждена проделать революцию, чтобы, став у власти от имени всей революции, немедленно предать революцию путем примирения[2].

Вдобавок, при абсолютизме вся экономическая организация буржуазии уже была готова. «Одно из основных различий между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, всегда вырастающей из феодализма, новые экономические организации постепенно создаются в недрах старого строя путем развития хотя бы торговых отношений, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача: смести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется, ибо она в итоге создает товарное производство и усиливает рост капитализма»[3].

Мы видели, как самодержавная власть, выросшая из феодального общества, всюду превращалась в носительницу новой си-

---

[1] Ленин, XIX, стр. 186.

[2] Ср. слова Ленина 1905 «в известном смысле буржуазная революция более выгодна пролетариату, чем буржуазии» (VI, стр. 330).

[3] Ленин, XV, стр. 124.

стемы хозяйства. Но эта власть была чрезмерно расточительна и этим вызвала недовольство даже среди части дворянства. С другой стороны, она препятствовала свободной конкуренции, необходимой для капитализма. В-третьих, она слишком опиралась на придворную дворянскую банду и тем вызвала недовольство не только среди буржуазии, но и среди другой обиженной или обойденной части дворянства, отчасти попавшей в роль разночинной интеллигенции.

Так было во Франции, так было и у нас (вспомните канун 1917 г.). Эти слои, объединяясь с третьим сословием, хотели делать «маленькую» революцию для ограничения короля в области финансов (во Франции), для ведения патриотической войны (у нас). Буржуазия не любит вообще слова «революция». И даже если революция совершилась, то создается вид, фикция, как будто бы ее и не было, как будто бы произошла лишь смена у власти лиц, а не класса. Отсюда всякие теории о вечности, беспрерывности («Continuität») государства и его власти. Еще Маркс писал о буржуазных революциях: «они кратковременны, скоро достигают кульминационной точки и долгое похмелье охватывает общество» («18 Брюмера»).

Но чрезмерно угнетенные крестьяне и голодные рабочие на этом не остановились: они подняли восстание, превратившееся в великую революцию, и ниспровергли как абсолютизм, так и феодализм. Однако государственная власть как во Франции, так и у нас попала в руки не их, а буржуазии, которой предшествовавшая эпоха дала возможность лучше сорганизоваться.

г. Буржуазное государство

Какие изменения внесла победа буржуазной революции в государство? Основною чертою феодального строя является его деление на привилегированные сословия (духовенство, дворянство и третье сословие, т. е. городскую буржуазию) и на трудящуюся чернь, не организованную вовсе в сословие или приписанную, как у нас до революции, к так называмым податным или «подлым» сословиям. Сословия представлены во власти их «генеральными штатами», сословным представительством. Местами и король является представителем своего сословия, «штата» (état) например в Англии (three estates of realm—три штата королевства: король и обе палаты парламента). Буржуазная революция началась с того, что она разрушила это деление на сословия, что она объявила себя «национальною», «нациею», собрание третьего сословия—«Национальным собранием», одновременно отменяя и третье сословие она отменила фактически понятие сословия, но на деле не отменила деления общества на общественные классы, напротив в своей декларации она объявила это деление на классы в силу права частной собственности священным, личным делом (Privatsache) каждого, для государства безразличным, значит неприкосновенным. Государство интересуется отдельным индивидом не в производстве, а лишь в

сфере, в кругу его равенства, равноправия. Поэтому нацией буржуазной объявляется совокупность потребителей-жителей, без различия классов.

Что же объединяет этих распыленных индивидов в единую нацию? Общие интересы? Нет, по крайней мере пока нет, а простой договор обмена товаров, бесконечное количество взаимных соглашений на основе эквивалента, т. е. равной стоимости, равноправия.

Буржуазная революция не разрушала ни прежнего государства, ни его власти; она захватила его лишь в свои руки. До тех пор феодал владел своею вотчиною; абсолютный король смотрел на всю землю, т. е. на всю территорию государства, как на свою вотчину: «государство—это я» (l'ètat—c'est moi), как заявлял еще Людовик XIV. Как к этому вопросу относилась буржуазная революция? В американской революции некоторые штаты так и потребовали провозглашения общего права нации на всю землю, но эти предложения не были приняты. В французскую декларацию напротив в 1789 г. было сразу внесено прямое отрицание права нации или крестьян на землю, допускалось лишь «отчуждение ее за справедливое вознаграждение», т. е. выкуп. Но вместо этого все буржуазные революции объявили формальную национализацию всей территории, введя понятие «священного отечества». «Allons, enfanfs, de la patrie» и т. д. (Вперед, ребята, за отечество!)—начинается гимн французской революции. Не «оседлость», а сама территория, ее границы-межи стали неприкосновенным для внешнего мира признаком государства, как совокупность частной собственности всех членов нации, на деле совокупность частной собственности имущих классов (The wealth of nations—«богатство нации»).

Остался вопрос власти. Герберт Спенсер, исходящий из того взгляда, что «государство начинается вообще лишь с индустриального периода, т. е. с момента объявления договора универсальным отношением, под влиянием которого действия отдельных индивидов объединяются для взаимной пользы», представляет себе государство лишь «под видом гигантского торгового предприятия или компании с качествами товарищеского союза в целях содействия благосостоянию его членов»». Спенсер чутьем верно поставил вопрос. Впоследствии буржуазная демократия принимает даже вид безымянного акционерного общества или треста, этих новейших форм торговых, финансовых и промышленных предприятий. Мы знаем целый ряд случаев, когда частное акционерное общество обладало даже непосредственно политическою властью, как например в Голландской Индии, в Британской Индии, Канаде и других колониях. Экономисты говорят о приспособлении формы акционерного общества к развитию государственных форм, доказывая, как проникла республиканская форма правления и в акционерные общества, но обратное влияние форм экономического объединения на форму буржуазного государства безусловно сильнее. И если Гильфердинг в своем «Финансовом капитале» показал, как значительный

капитал, вложенный в банк, может управлять громадными «независимыми» предприятиями, то его слова—mutatis mutandis (с известными изменениями)—можно перенести почти дословно на политическую власть в буржуазной демократии.

Формально эта власть принадлежит либо раздельно с королем, либо нераздельно одному законодательному органу, избранному формальным большинством голосов избирателей. Это общее «собрание депутатов» выдает свою срочную или бессрочную доверенность кабинету министров, а само занимается болтовнею (дебатами), или по проекту Муссолини, а ныне и всех фашистов, распускается по домам. На деле эта власть всюду, благодаря «хитрой механике», является диктатурою буржуазии, класса капиталистов, цель которой—«свобода прибыли». Система государственно-организованного грабежа, «грабежа по закону»! (Щедрин).

Буржуазия сама при победе, которую за нее одержали угнетенные классы, не сознавала, в какую ложную роль она попала. Лишь впоследствии она эту роль поняла, но продолжала и тогда вести себя уже сознательно, применяя обман и иллюзии, как представительница всей нации, всего общества, будучи представительницею лишь ничтожной части общества и злейшим, корыстным врагом, т. е. эксплоататором громадного большинства этой нации.

д. Буржуазное учение о государстве

«Политическая литература дает множество разнообразных определений государства, и нет ни одного общепринятого» (Коркунов). Таков вывод почти всех теоретиков буржуазной науки о государстве. Одни из того обстоятельства, что «в этих спорах не только имеются разногласия во взгляде на внутреннюю суть государства, на последнее его основание и конечную цель, но не достигнуто соглашения даже насчет внешней формулировки и постановки решающего основного понятия», делают только вывод «о глубине существующего несогласия» (Гирке), другие идут еще дальше и прямо заявляют, что «основное и самое общее понятие этой науки, может быть, навсегда останется вне области нашего полного сознания» (Ленинг—Loening). Французу П. Леруа-Болье «представление современников о государстве, его природе и роли кажется исключительно путаным», «их мысли по этим вопросам тонут в тумане». Но вслед за тем все эти критики сами дают новые определения, не менее путаные и не менее туманные. В то время как государство для одних является чем-то вполне конкретным (вспомните слова Людовика XIV: «Государство—это я»), и не только чем-то конкретным, но чем-то одаренным сверхъестественной силой, «всемогущим государством»,—для других (например Петражицкого) оно представляет «лишь особое, отвлеченное, никем невиданное существо», которое «люди выдумали и назвали государством и которому они требуют подчинения», тогда как оно в действительности—«простое психическое переживание».

Почему все буржуазные теории о государстве так расходятся между собой? Остроумный ответ на этот вопрос дает Франц Оппенгеймер: «Потому что все они являются теориями классовыми, нуждающимися в своих аргументах не для вскрытия истины, но в качестве орудия в борьбе за материальные интересы... и вот почему мы из понимания государства можем познать суть государственных теорий, но никак не из государственных теорий—суть государства» (Der Staat», стр. 8). Но Оппенгеймер как типичнейший представитель идеологов мелкой буржуазии сам недалеко ушел от своих коллег, ибо и сам не решился смело и откровенно стать на классовую точку зрения. Для него конечно полуанархистски мыслящий Гумплович выше и ближе, чем революционно-диалектическая мысль Маркса. Нелепый дуализм, противопоставление политических и экономических «средств» ему ближе монизма диалектики Маркса.

Но, не став на классовую точку зрения, буржуазная наука, так же мало могла удовлетворительно разрешить вопрос о государстве, как и вопрос о праве. Даже хуже, ибо последнее слово науки «государствоведения» заключается в теории буржуазной или «чистой» демократии правового, т. е. парламентского государства[1]: «Истинное демократическое государство не может не быть парламентарным, ибо парламентаризм является венцом конституционного режима»[2].

В своем стремлении к абстрактному обобщению буржуазная наука и здесь приходит или к чисто техническому перечислению разных признаков государства, или же к пустым формулам без всякого содержания. Так например Леон Дюги, обративший на себя особое внимание русских марксистов, пишет: «В своем наиболее общем смысле слова государство обозначает всякое человеческое общество, в котором существует политическая диференциация между правящими и управляемыми, одним словом,—политическая власть». Если бы Дюги понимал слово политика в том смысле, какой ему придает Ленин, а именно, как «отношение между классами», то мы получили бы приблизительно верную характеристику государства как организации общества с классовою властью во главе. Но буржуазия слово «политический» смешивает со словом «государственный», и определение Л. Дюги сводится к тому, что государство обозначает всякое человеческое общество, в котором имеется государственная власть, т. е. что государство есть государство. Было бы бесплодной потерей времени заниматься разбором подобных теорий.

---

1 См. например, Г. Мейер, Парламентское избирательное право (по-немецки): «Государство должно быть нейтральным элементом. Критерием государственной деятельности должно быть не благо отдельного сословия или класса, а общее благо народа». «Тот факт, что депутат избирается различными общественными классами, является могущественною сдержкою узкоэгоистичной классовой политики».

2 В. Гессен, Основы конституционного права. У него же (стр. 66): «Отождествление понятия правового и конституционного государства является общим местом современной германской доктрины государственного права».

Чисто описательная наука публичного или государственного права ограничивается перечнем и разбором отдельных признаков или элементов государства и затем объединением их в краткой формуле, обычно на началах равноправия каждого признака или элемента. Я выхватываю наугад такую готовую формулу: «Государством называется соединение людей, подчиненных одной верховной (или суверенной) власти в границах определенной территории». В этом определении буржуазная наука едина.

Мы видели, что и Энгельс в сущности признает эти три признака государства, только в несколько ином смысле. Во всяком случае тут не может быть и речи об элементах, а лишь о признаках государства.

С классовой точки зрения всякое, значит и буржуазное, государство есть прежде всего организация человеческого общества и притом организация власти и классовая в отличие от всех прочих возможных видов организации общества, или вернее организация самого класса в этом обществе («Коммунистический манифест»). Все остальные признаки, как бы они ни были важны и с виду определенны, теряют не только значение, но часто и свою определенность перед этим основным признаком. Не было государства там, где не было еще классов, как и не будет государства после уничтожения классовых антагонизмов и самих классов. Так мы получаем последовательно, по ходу истории: 1) первобытную коммунистическую организацию человеческого общества, или первобытный род и общину; 2) классовую организацию человеческого общества[1] или государство и 3) коммунистическую организацию человеческого общества будущего. Между этими видами организации общества должны быть разные формации переходного времени.

Нас здесь интересует только период классовой организации общества или государства. Но нам прежде всего возразят: о какой организации общества здесь идет речь, когда история государства как раз представляет собою сплошную историю дезорганизации общества[2]. Ведь развитие государства разрушило систему коммунизма и полукоммунизма, распылило личность, разлагая все первоначальные виды взаимной связи и организации людей, и привело к «системе» экономической анархии, называемой капиталистическим или буржуазным порядком», или обществом. Совершенно верно, но в том-то и дело, что под этим видом анархии, подобно стихийным силам природы, на основе свободной конкуренции выработалась новая организа-

[1] По существу смена видов эксплоатации представляет собой лишь видоизменение эксплоатации, т. е. присвоение продукта чужого неоплаченного труда и распределение этого присвоенного труда (например, между классом капиталистов и землевладельцев); класс угнетателей в этом смысле является единым, разделенным, как Маркс писал, на две фракции.

[2] Котляревский, Власть и право, 1915... «Но как ни разнообразны причины, ускоряющие образование государства... прежде чем государство станет силою, правообразующею, оно является по преимуществу силою праворазрушающею». Автор конечно слово «Право» относит и к доклассовому периоду.

ция общества, представляющая одновременно все элементы для новой и последней революции на экономической почве, для перехода к новому обществу—бесклассовому социализму, а вслед затем и к коммунизму как высшей ступени социализма.

Как могла буржуазная наука решиться на критику этого «созданного буржуазией» чудного здания? От конкретного единичного договора товарообмена до «основного», общественного договора (Contrat social), от отдельного закона-договора к основному договору-закону (конституции) был шаг громадный. Но то, что в результате дал этот «основной договор» или «основной закон», обеспечивающий свободу частной собственности, превзошло всякие ожидания. Создался «лучший из лучших миров», достойный быть вечным. При виде этих чудес, результатов буржуазной анархии, т. е. конкуренции, даже великий искатель и скептик буржуазии, Фауст, отписавший свою душу Мефистофелю, за тот миг, когда он скажет: «Остановись, мгновение, ты так прекрасно», не выдержал и увлекся, невзирая на угрожающие за это цепи Мефистофеля.

Буржуазная наука изобрела даже соответствующую теорию, принципиально отрицающую всякий перелом: теорию мирной («незаметной для глаз») эволюции. Но угнетенные классы вырастают, а накануне своей гибели и буржуазные умы делаются зрячими. Их охватывают ужас и пессимизм, или они закрывают глаза и, пряча голову, становятся апологетами (защитниками во что бы то ни стало старого мира и государства, или наконец предаются «прожиганию жизни»: «после нас хоть потоп!» Как убедительно это показал еще К. Маркс в предисловии ко второму изданию «Капитала»: «Последний великий представитель английской классической экономии Рикардо сознательно берет исходным пунктом своего исследования противоположность классовых интересов, заработной платы и прибыли и земельной ренты, наивно рассматривая эту противоположность как естественный закон общественной жизни. Вместе с этим буржуазная наука достигла в области политической экономии своего последнего, непереходимого предела». Шаг дальше—это уже была критика буржуазной экономии, которая уже выступала в лице пролетариата. Если это было так в абстрактной науке политической экономии, то каково было выдержать критику пролетариата в политической области, которую рабочий класс вел на улице с оружием в руках? Маркс продолжает свое предисловие: «Буржуазия во Франции и Англии завоевала политическую власть. Начиная с этого момента, классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научно-буржуазной экономии. Отныне для буржуазного экономиста вопрос заключается уже не в том, правильна или неправильна та или другая теорема, а в том полезна ли она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется ли с полицейскими соображениями или нет... Это—банкротство «буржуазной» политической экономии». То же самое, лишь в более яркой форме, случилось

с теорией о государстве. До этого момента и буржуазным теоретикам было по дороге с марксизмом (ср. Лоренца Штейна начала 1840-х годов и его учение о классовом характере общества, или у нас—Струве, Туган-Барановского, даже Милюкова до кануна 1905 г.). 1848 г. или у нас 1905 г. были для них пределом». Ленин писал: «главное в изучении Маркса есть классовая борьба.—Так говорят и пишут очень часто. Но это неверно. И из этой неверности сплошь да рядом получается оппортунистическое искажение марксизма, подделка его в духе приемлемости для буржуазии. Ибо учение о классовой борьбе не Марксом, а буржуазией до Маркса создано и для буржуазии вообще говоря приемлемо. Кто признает только борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще не выходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Ограничивать марксизм учением о борьбе классов—значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого да и крупного буржуа. На этом оселке надо испытать действительное понимание и признание марксизма»[1] Вот почему буржуазная теория права не могла стать на революционно-классовую точку зрения, а обычно ограничивалась узко-правовыми формулами, объявляя все остальное «метаюридическим» (сверх-или вне-правовым), а значит для государственного права—чуждым или безразличным («иррелевантным»). А последний «крик» юридической моды, австрийская школа нормативистов, с Кельсеном во главе, объявляет полное тождество, совпадение государства и права (правопорядка—идеи долженствования), очищенных от всего земного: социального, экономического и т. д.

Технически же наука о государстве ограничивается, как мы видели, разбором внешних признаков или «элементов» государства. Но и тут она вынуждена остановиться на полупути. И буржуазным юристам не совсем чужда мысль, что государство-нация представляет собою известную организацию людей, а не простую совокупность, сумму человеческих единиц. А в чем заключается эта организация?

Французский профессор Ориу (реакционер, но давший интересную работу о буржуазном государстве) приравнивает эту организацию нации—к организации публики, севшей на пароход для совместного путешествия. Он говорит об организации нации «для совместной маршировки». Но маршировки куда? Ориу признает и классы; он откровенно высказывает мысль, что в буржуазном государстве «потенциально» (в смысле возможности) все равноправны, но на деле громадные массы «осуждены исключительно на трудовую жизнь». Для охраны этого-то «порядка» и призвано

[1] Ленин, XIV, 2, стр. 323.

«государство с его средствами удерживать необходимое «равновесие».

Мы всякое государство называем классовою организациею человеческого общества или, что в действительности то же самое, организациею господствующего класса, имеющею основною своею задачею или целью господство этого класса. Мы на внешних признаках этой организации: территории населений и государственной власти должны подробнее остановиться просто по практическим соображениям.

1. Территория государства

В настоящее время обязательным признаком буржуазного государства является определенная государственною границею территория. «Территорией называется та страна (Land), на которой находится государственный союз или, с правовой точки зрения, то пространство, на котором государственная власть может осуществлять свою специфическую деятельность, а именно—свое господство». «В отрицательном смысле это означает то, что на этой территории ни одна другая государственная власть такой же деятельности осуществлять не может, а в положительном смысле, что это государственное господство подчиняет себе всех находящихся на этой территории лиц» (проф. Еллинек). То, что за этой границею (заграница), является «иностранной» территорией, территорией иных стран.

Этот признак, который ныне, когда мир разделен, единогласно считается обязательным условием существования государства, не всегда считался таковым, но является впервые требованием буржуазного общества. Можно прибавить, что он на деле таковым снова не является в полной мере и в империалистический период, когда господство великих держав простирается далеко за границы их территорий по отношению к так называемым «сферам влияния». Понятие государства эпохи классической древности, как мы видели, представляло государство как совокупность граждан (civitas), которая не обязательно отождествлялась с объединяющим их местом жительства. Ни одно научное определение древнего мира, а равно и периода с XVI до XIX в. не приводит определенной территории в числе обязательных признаков государства. Впервые Еллинек это требование находит в 1817 г. (у Кербера, определяющего «государство как гражданское общество в определенных земельных границах»).

Этот факт и для нас имеет значение весьма существенное, ибо он тесно связан с историей возникновения государства, именно как классового господства над «оседлым населением»[1]. Ф. Энгельс показывает, как оседлость, территориальность ломает родовой быт. Для всякого понятно, что строгое размежевание государств

---

[1] Еллинек, Allgemeine Staatslehre, II Auflage, 1905, стр. 410: «Государство с точки зрения права это — корпорация (Körperschaft) оседлого народа, снабженная элементарною властью господства».

в эпоху, когда государство только-что развивается из отчасти еще кочевого населения, или когда государственная власть является господством над громадной территорией независимых общин и прочих первобытных организаций человечества, вплоть до мирового государства Рима, было просто физически невозможно. Понятие территории стало существенным по мере того, как та или иная часть мира, а ныне весь мир уже были разделены. Она снова теряет прежнее значение с того момента, как победоносный империализм превращает в свои колонии $^2/_3$ всего мира, невзирая на границы существующих государств. Но особенное значение приобретают границы территории с точки зрения военной охраны и охраны от большевистской опасности.

Поэтому наукою и дипломатиею территория, границы государства ныне выдвигаются, как самое безусловное условие всякого существования государства. Буржуазная наука достигает этого конечно лишь допуская юридическую фикцию самостоятельных государств вместо реального факта их полной зависимости. Мы еще увидим, как буржуаазная революция и под это понятие подвела «идеологический фундамент» (с точки зрения буржуазии; мы тут говорим наоборот о надстройке) в понятии отечества и его обороны.

2. Население-нация

«Все, относящиеся к данному государству, люди в совокупности составляют нацию (народ, Staatsvolk)». Нация понимается в двояком смысле; нация как субъект, и нация как объект власти (сумма подданных) [1]. И это слово обозначает понятие новое. В древние времена, когда на территории государства находились свободные люди и рабы и когда политическое участие в государстве принимали только свободные граждане—cives, имелось и соответствующее название для их объединения—civitas—буквально гражданство. Рабы являлись не частью населения, а принадлежностью этих граждан. Подданные же вообще представляли собою лишь предмет обложения, как люди, находящиеся «под данью». Их так же, как в средние века крепостных, считали показателем богатства того или иного феодала для определения размеров дани последнего его сюзерену, т. е. высшему феодалу. Народом (в Риме—populus) назывались либо одни свободные граждане, либо слово народ превращалось в какое-то воображение философа, в силу которого Гоббс провозглашал, что в монархии король является народом («in monarchia rex est populus»). Русские крестьяне, как мы читаем у Чехова: о себе говорили: «Мы, народ, климковские мужики то-есть».

Из этого вытекает естественный вывод, что понятие населения-нации как единства могло появиться лишь там, где исчезло или исчезает деление людей на касты, на сословия и т. д. В этом обществе народ означает или население в противоположность го-

[1] См. того же Еллинека.

сподствующим касте, сословию и т. п., или же объединение только свободных граждан. Лишь в буржуазном государстве, разделенном на классы, понятие нации получает особый смысл, как обозначение государственной совокупности всех классов (противоречия—в единстве) и даже как отрицание классов вообще. Это является одной из коренных фикций буржуазного строя. И в этом отношении много способствует то различное значение, которое придается нации, то как синониму (иному названию) государства, то как совокупности всех жителей государства—без различия классов, нарочно смешивая понятие политическое с этнографическим. Существенным, связывающим элементом для нации объявляли историю, традицию (реальную или вымышленную). «Существенный элемент национального единства следует искать в общности традиций, потребностей, стремлений. Человечество, как говорят, создано больше из мертвых, чем из живых, нация—так же» (Леон Дюги).

Лишь Ленин впервые научно поставил вопрос о буржуазном происхождении нации и ее значении для буржуазного государства. Ленинизм определяет нацию как «исторически сложившуюся устойчивую общность людей—по языку, территории, экономической жизни (связности) и психическому складу, проявляющемуся в общности культуры»[1].

3. Государственная власть

«Государство и правительство однородны по своей классовой природе, но правительство уже по объему и оно не покрывает государства» (Сталин).

Если мы рассматриваем государство как организацию господствующего класса, имеющую своею задачею держать в подчинении угнетенные классы, то нам нетрудно определить и сущность государственной власти. Конечно, не весь класс лично участвует в этом подавлении, но в былые времена, на первых ступенях организованности, это личное участие всего класса в государственной власти было возможно и даже обычно:

«Сравнительно со старой родовой организацией, государство прежде всего отличается подразделением своих жителей по территориальному признаку... Вторым отличием является, учреждение общественной власти, уже непосредственно не совпадающей с населением, самостоятельно организующимся в вооруженную силу. Эта особая общественная сила необходима, так как самостоятельная вооруженная организация населения сделалась невозможной после раскола его на классы... Оказалась необходимой и жандармерия. Такая общественная власть существует во всех государствах: она состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков к ним, каковы тюрьмы и всякого рода принудительные учреждения, которых не знало

[1] Сталин, Марксизм и национальный вопрос

родовое общество. Эта власть... возрастает по мере того, как обостряются внутри государства классовые противоречия»[1].

Фр. Энгельс понимал первоначальную государственную, власть как реальную вооруженную силу, организованную господствующим классом. Вначале эта сила однако действует мало организованно, напротив стихийно и фактически. Но она совершенствуется, постепенно переходит к организованным, действиям путем закона и централизованных учреждений. Она расширяет не только свою территорию (князья-собиратели земли русской), но и свои функции, и превращается во всеобъемлющую на своей территории власть, всемогущую по существу. Достигши этой ступени развития государственная власть объявляет себя правовой, основанной на законе (божьем или человеческом), но одновременно издающую законы на основании своих же законов (знаменитое «самограничение» власти). Но тем, кто твердит, что «современная власть, в идее, должна быть только правом», мы можем ответить словами другого, буржуазного государствоведа: «То, что есть, только в силу того, что оно есть, превращается в то, что должно быть». Значит, не в силу одной идеи, но в силу факта существует государственная власть.

Одно бесспорно, что первоначальной государственной властью была фактическая сила, даже там, где она была в руках жрецов или ими поддерживалась; фактическая власть, опирающаяся на вооруженную силу. Монарх патриархальный и феодальный, как и впоследствии самодержавный, в своем титуле обыкновенно подробно описывает все отдельные территории, которыми он «владеет» (ср. полный титул бывшего императора всей России). Владеть «землею» как показывает М. Н. Покровский в своей истории России, означало «собирать дань» со своих подданных», т. е. с дворов крестьян, живущих на принадлежащей ему земле .Монарх, сначала лишь верховный «двор» над прочими дворами, стал считать эту территорию своею «вотчиною». К своему титулу он прибавил (в дополнение к силе принуждения) еще благословение церкви словами: «божьею» милостию (первоначальный способ «убеждения»). К этому титулу со временем в конституционном государстве прибавляется дополнение: «и волею народа», т. е. «в силу договора» с народом. Короля свергают и назначают президента, суррогат монарха, который «господствует» только «волею народа», т. е. в силу «демократических выборов» своего рода «публичного торга». За этим внешним маскарадом скрывается конечно изменение и сущности самой власти, а именно—ее классовое содержание. Так «божьею милостью» прикрывается монарх феодального периода и переходной эпохи абсолютизма (самодержавия), прибавка—«волею народа» отмечает участие во власти буржуазии; а одною «волею народа» наконец прикрывается диктатура буржуазии или так называемая «демократия».

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи и т. д.

Эти титулы уже своею буквою указывают на медленное развитие самой власти: от первоначального примитивного военного начальника с двором-дружиною, через монарха с его все более и более разрастающимся двором и сверх того ведомственным аппаратом—бюрократиею, до чистой формы фактически самодержавной исполнительной власти буржуазной демократии во главе с президентом, или вернее председателем кабинета министров. Представительство всего государства-вотчины как живого организма — такова внешняя суть единства верховной власти. К этому единству присоединяется еще «суверенность», к которой еще вернемся, и которая собственно не означает ничего иного, как выражение монополизации власти в масштабе данного государства. Монополия представительства во внешних отношениях, монополия управления в самом широком смысле внутри страны—таково последнее слово развития всякой государственной власти. Лишь в переходные эпохи образуется двоевластие. Но как раз в такие моменты больше всего ссылаются на государственную власть как на правовой институт, как на власть в идее, т. е. на власть, внесшую порядок.

Итак государственная власть есть власть фактическая, реальная и классовая. Она держится, как всякая власть вообще, на принуждении и на убеждении или, как механически выражаются буржуазные ученые старой школы, на «внешнем» и «внутреннем» воздействии или принуждении.

4. Суверенность власти

Суверенная или верховная власть означает власть, которой, с одной стороны, подчинены, подвластны все лица, относящиеся к данной территории, но которая, с другой стороны, сама по праву, «de jure», не подчинена никакой другой власти. Слова «de iure», которые здесь так часто означают одну фикцию права, противопоставляются словам «de facto», означающим фактическую реальную власть. «В старину противоположности государственной власти другим властям не существовало; современное государство свое существование отвоевало только в тяжелой борьбе... Что означает суверенитет? Не ученые открыли его, нет—мощные силы, борьба которых дала содержание целым столетиям, породили это понятие». «Суверенитет, это—понятие полемическое, сперва оборонительного, а затем и наступательного характера» (Еллинек).

Еллинек, который играет выдающуюся роль в буржуазной науке государственного права, здесь верно отмечает борьбу, но он не проникает в суть этой борьбы как борьбы классов, а видит лишь борьбу государства современного типа против иных сил прошлого: церкви, Римской империи и крупных вассалов и корпораций средних веков.

Отношение христианской церкви к государству играло большую роль в истории. В те времена, когда светское правительство было далеко от угнетенного «народа», от рабов и крестьян, церковь стояла к ним гораздо ближе. Церковь в своей иерархии имела

сильный централизованный аппарат, какого не было у государства. Наконец церковь одновременно была самим крупным землевладельцем, а вслед за тем и капиталистом. Церковь в силу этого властвовала над государством, не говоря уже о том, что она одновременно и определяла господствовавшее тогда христианское мировоззрение. Потребовалась целая церковная революция (реформация) и настоящая война между государством и церковью, пока государство завоевало свой «суверенитет», свое верховенство.

В этой борьбе мы видим последовательно три ступени развития: 1) государственная власть подчинена церкви, 2) существует параллельно и 3) государство подчиняет себе церковь как орудие порабощения масс. Больше для суверенности государственной власти ничего не требуется.

Вторая борьба шла за «самостоятельность» отдельных государств, в своем роде самоопределение против империалистического Рима. Одновременно же идет другая, противоположная борьба—за уничтожение самоопределения местных, волостных государств феодалов.

В результате этих разных видов борьбы получается та суверенная, абсолютная государственная власть, какую закрепила, буржуазная революция. С этого момента суверенность начинает терять свое определенное значение, и мы начинаем говорить то о суверенной власти нации в государстве, то о суверенной государственной власти в международном праве. Как в одном, так и в другом случае это понятие принимает лицемерный, часто иллюзорный характер, когда мы говорим о суверенности нации в классовом государстве, да еще при буржуазной диктатуре, или когда мы говорим о суверенности мелких, целиком зависимых государств. Тут получается какая-то несуразность, если говорит о «de jure» независимости по отношению к государствам «de facto» лишенным всякой самостоятельности, а в то же время «Лига наций» или отдельные государства признавали «de facto» независимость например советского правительства России, отрицая за ним это признание «de jure».

Первый период развития капиталистического или буржуазного общества обнаруживает стремление к единому государству, к централизации сначала национальной в узком смысле слова, а затем к централизации империалистической. Это стремление создать новую мировую империю с единою «суверенною» властью является фактическим устранением «суверенности» каждого отдельного зависимого государства. Понятие суверенности империалистического периода теснейшим образом связано, или даже отождествляется с понятием самоопределения, точнее, национального самоопределения. Империалистическое буржуазное объединение, которое основывается исключительно на силе и на отрицании самостоятельности или самоопределения для угнетенных наций, находит прямую противоположность в объединении Советской федерации, основанном на действительном праве самоопределения.

В. ПЕРЕХОДНОЕ ГОСУДАРСТВО УГНЕТЕННЫХ КЛАССОВ

а. Революционная теория Маркса и Ленина о государстве[1]

Еще в уставе I Интернационала К. Маркс выдвинул лозунг, что «завоевание государственной власти пролетариатом есть не конечная цель, а только средство для освобождения этого класса». Это положение является прямым выводом, сделанным из великих буржуазных революций, в применении к пролетариату. «Экономическое освобождение рабочих есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство». Но какой вывод из этого сделали последователи Маркса? II Интернационал с самого своего возникновения вел борьбу против анархистов, отказывающихся от политики и выставляющих своею целью немедленное уничтожение государства; он эту борьбу вел во имя безусловного участия в политике. На Брюссельской конференции (1900 г.) это условие было формулировано словами, что «к II Интерналу могут принадлежать все организации, примыкающие к основным пунктам социализма и ставящие целью социалистическое завоевание государственной власти со стороны пролетариата, организованного в классовую партию». В 1903—1904 гг. II Интернационал (на Дрезденском съезде германской с-д. партии и на Амстердамском международном съезде) запрещает с.-д. партиям участвовать в буржуазном как угнетательском правительстве и голосовать за военные кредиты, но война 1914 г. опрокидывает все эти торжественные резолюции: с.-д. партии голосуют за военные кредиты и почти всюду входят в коалиционные правительства, т. е. в правительства, смешанные с буржуазией (местами вплоть до реакционеров). А Каутский, автор «радикальной» резолюции 1903 г. в Дрездене, ныне официально высказывается за коалиционные правительства с буржуазией как принцип.

Эти предатели марксизма еще продолжают называться марксистами, но только на словах, да и то с оговорками. Но еще в 1851 г. К. Маркс в своем «18 Брюмера», подробно показав, как развилась буржуазная машина государственной власти, закончил это изложение словами: «все перевороты усовершенствовали эту машину (исполнительной власти), вместо того, чтобы сломать ее».

Наступила парижская пролетарская революция в 1871 г. Еще во время коммуны (12 апреля 1871 г.) Маркс пишет в письме к Кугельману: «Если ты заглянешь в последнюю главу моего «18 Брюмера», ты увидишь, что следующею задачею французской революции я объявляю: «не перенять из одних рук в другие

---

[1] Кроме работ Ленина, см. И. Сталина, Вопросы ленинизма, особенно стр. 101—114.

бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а сломать ее, и именно таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте. Как раз в том и состоит попытка наших геройских парижских товарищей». А после падения Коммуны Маркс и Энгельс пишут: «В особенности Коммуна доказала, что рабочий класс не может просто завладеть готовой государственною машиною и пустить ее в ход для своих собственных целей»[1].

«Борьба рабочего класса с классом капиталистов и их государством благодаря парижской борьбе вступила в новую фазу. Чем бы непосредственно дело ни кончилось, на этот раз новый исходный пункт всемирно-исторического значения все-таки завоеван»[2].

Ленин, исходя из этих и других мыслей в работах Маркса и Энгельса, построил свою революционно-марксистскую теорию о государстве. Для него «коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве»[3]. «Партия, поставившая себе целью свергнуть правительство, необходимо должна подумать о том, каким правительством заменить старое, свергаемое правительство. Возникает вопрос о временном революционном правительстве»[4].

Выводом из этого взгляда является капитальный труд Ленина «Государство и революция», вышедший из печати почти одновременно с Октябрьской революцией. Это—образец революционно-диалектической научной работы, в которой одно сопоставление в заглавии государства и революция обращало на себя внимание всего мира своей смелостью и оригинальностью. Эта чисто теоретическая работа настолько слилась с практикой пролетарской революции, что теория и практика ленинизма стали нераздельными. Впоследствии сам Ленин новую намеченную в его работе власть определил как «величайшее историческое изобретение»: «Ведь мы живем в XX в., и единственный народ, который вышел революционным путем не в пользу того или другого правительства, а сорвав их, это—русский народ, и вывела его русская революция. И то, что завоевано русскою революциею,—неотъемлемо. Этого никакая сила не может взять, как никакая сила в мире не может взять назад того, что Советским государством было создано. Сотни лет государственного строительства по буржуазному типу, и впервые была найдена форма государства небуржуазного. Может быть наш аппарат и плох, но говорят, что первая паровая машина, которая была изобретена, была тоже плоха, и даже неизвестно, работала ли она... Пусть наш аппарат из рук вон плох, но все-таки он создан, величайшее историческое изобрете-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Предисловие к «Коммунистическому манифесту» от 24 июня 1872 г., а равно К. Маркс, Гражданская война во Франции.
[2] Маркс, Письма к Кугельману, стр. 90.
[3] Ленин, XVIII, 1, стр. 309.
[4] Его же, VI, стр. 308.

ние сделано и государство пролетарского типа создано... Весь гвоздь состоит в том, чтобы отделить твердо, ясно и трезво, что у нас составляет всемирно-историческую заслугу русской революции от того, что нами исполняется до последней степени плохо, что еще не создано и что много раз надо переделывать»[1].

Как Ленин дошел до этого своего «изобретения»? Благодаря революционной диалектике, унаследованной им от Маркса, но нашедшей в нем в условиях империализма и всемирной революции гениальное олицетворение. Ленин был величайшим диалектиком не только мысли, но и слова и дела.

Еще до революции 1905 г. он уже ставил задачи, нашедшие почти буквальное осуществление лишь в 1917 г., одновременно никогда не забегая вперед, но оставаясь всегда на конкретной почве. Когда некоторые социал-демократы в 1905 г. (Парвус, Троцкий) в разгаре октябрьских дней объявили лозунг перманентной (беспрерывной) революции, т. е. непосредственного перехода власти к одному рабочему классу, рабочему революционному правительству, против всех прочих классов, в особенности крестьянства,—Ленин стоял на своем, что первый этап революции еще не пройден, еще не победила окончательно буржуазная революция, ибо еще нет демократической диктатуры (республики пролетариата и крестьянства.)

«Если в России уже противостоит пролетариат буржуазной нации, тогда значит он стоит прямо перед социалистической революцией... Тогда неверен лозунг конфискации помещичьих земель... тогда надо говорить не о «революционном рабочем», а о «рабочем социалистическом» правительстве»[2]. Ленин стоит твердо на своем лозунге: «Если пролетариат увлечет непролетарские массы деревни на конфискацию помещичьей земли и свергнет монархию, то это и будет завершением «национально-буржуазной» революции в России, это и будет революционной демократической диктатурой пролетариата и крестьянства»[3]. А когда прошла Февральская революция 1917 г., Ленин сразу определил: «Первый этап пройден».

Не надо ли было уже весною 1917 г. свергнуть новое буржуазное правительство? Ленин откровенно говорит: «Отвечаю: 1) его надо свергнуть, ибо оно олигархическое, буржуазное, а не общенародное, оно не может дать ни мира, ни хлеба, ни полной свободы; 2) его нельзя сейчас свергнуть, ибо оно держится прямым и косвенным, формальным и фактическим соглашением с советами рабочих депутатов и главным—советом Питерским, прежде всего; 3) его вообще нельзя «свергнуть» обычным способом, ибо оно опирается на «поддержку» буржуазии вторым правительством, Советом рабочих депутатов, а это правительство есть единственно возможное революционное

[1] Ленин, 27 марта 1922 г., XVIII, 2, стр. 52, 53.
[2] Ленин, XIII, стр. 213.
[3] Там же.

правительство, прямо выражающее сознание и волю большинства рабочих и крестьян. Выше, лучше такого типа правительства, как советы рабочих, батрацких, крестьянских, солдатских депутатов, человечество не выработало, и мы до сих пор не знаем...

«Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоеват большинство на свою сторону; пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством. Мы—марксисты, сторонники пролетарской классовой борьбы против мелкобуржуазного угара,—зависимости от буржуазии»[1].

«Только тогда мы будем за переход власти в руки пролетариев и полупролетариев, когда советты рабочих и солдатских депутатов станут на сторону нашей политики и захотят взять эту власть в свои руки»[2].

А в октябре Ленин уже пишет: «События так ясно предписывают нам нашу задачу, что промедление становится положительно преступным... Большевики не вправе ждать съезда советов, они должны взять власть тотчас же. Этим они спасают и всемирную революцию... и русскую революцию (иначе волна настоящей анархии может стать сильнее, чем мы), и жизнь сотен тысяч людей на войне. Медлить—преступление. Ждать съезда советов— ребяческая игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции. Если нельзя взять власть без восстания, надо итти на восстание тотчас... Ждать—преступление перед революцией»[3].

Мы уже видели, что, по словам Ленина, переходною ступенью между двумя государствами разных классов является революция. Каковы отличительные черты пролетарской революции? Прежде всего «смена буржуазного государства пролетарским невозможна без насильственной революции»[4].

Далее пролетарские революции, в отличие от буржуазных, крайне длительны. Октябрьской победе предшествовало длительное двоевластие .«Это двоевластие проявляется в существовании двух правительств: главного, настоящего, действительного правительства буржуазии—временного правительства Львова и К°, которое имеет в своих руках все органы власти, и добавочного, побочного «контролирующего» правительства в лице Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, которое не имеет в своих руках органов государственной власти, но опирается непосредственно на заведомо безусловное большинство народа, на вооруженных рабочих и солдат. Классовый источник этого двоевластия и классовое значение его состоит в том, что русская революция марта 1917 г. не только смела всю царскую монархию, не только передала всю власть буржуазии, но и дошла вплотную до революционно-крестьянской диктатуры пролетариата и

---

1 Ленин, 9 апреля 1917 г., XIV, 1, стр. 25—26.
2 Его же, XIV, 1, стр. 111.
3 Его же, XIV, 2, стр. 266.
4 Там же, 2, стр. 313.

крестьянства... Двоевластие выражает лишь переходный момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, но не дошла еще до «чистой» диктатуры пролетариата и крестьянства... она сразу втянула в движение неслыханно громадное количество обывателей». Значит вторая особенность этой революции—громадные массы ее участников.

Мы видели выше, что, по характеристике Ленина, буржуазная революция свои новые экономические организации создает в недрах старого строя. «В совершенно ином положении стоит социалистическая революця. Чем более отсталой является страна, которой пришлось в силу зигзагов истории начать социальную революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи—организационные»[1].

Вот чем объясняется и сравнительно легкая победа в октябре у нас. «Если бы народное творчество русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 г., не создало советов еще в феврале 1917 г., то ни в коем случае они не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависит от наличности уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы. Этой готовой формой явились советы не потому, что в политической области нас ждали те блестящие успехи, то сплошное триумфальное шествие, которое мы пережили, а потому, что политическая новая форма была наготове, и нам оставалось только несколькими декретами превратить советскую власть из того эмбрионального состояния, в котором она находилась в первые месяцы революции, в официально признанную форму российского государства—Российскую советскую республику. Она родилась сразу, так легко родилась потому, что в феврале 1917 г. массы создали советы раньше, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить даже этот лозунг»[2].

Но из этого факта вытекает и длительность диктатуры пролетариата.

Основную часть теоретической работы Ленина составляет вопрос о диктатуре. Как известно, Маркс своею заслугою считал не открытие существования классов и их взаимной борьбы, а «того вывода, что борьба классов неминуемо ведет к диктатуре пролетариата, и что эта диктатура сама является только переходом к отмене всех классов и к обществу без классов». И если в 1891 г. Энгельс в предисловии к «Коммунистическому манифесту» указал на Коммуну 1871 г.: «Взгляните на Парижскую коммуну; то была диктатура пролетариата», то Ленин с замечательною прозорливостью еще в тезисах 4 апреля 1917 г. указал на советы рабочих и солдатских депутатов как на

[1] Ленин, XV, стр. 121.
[2] Его же, XV, стр. 124.

будущую коммуну, на государство советов, на будущую диктатуру пролетариата в России.

Ленин берет за исходную точку своей теории о пролетарском государстве слова Маркса из его «Критики Готской программы германской социал-демократии» (1875 г.): «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата»». Оригинальною можно назвать переделку этих слов в работе с.-д. ренегата Каутского: 1922 г. «Между периодом чисто буржуазной и чисто пролетарской демократической государственной власти лежит период превращения первой во вторую. Этому периоду соответствует политический переходный период, правительство этого периода по общему правилу будет иметь форму коалиционного правительства с буржуазией». Это наглая контрреволюционная подделка слов Маркса Каутским.

Ленин в своей схеме для работы о диктатуре пролетариата (в 1919/20 г.) определяет эту диктатуру: а) как основные формы классовой борьбы и новую стадию ее с новыми задачами; б) как разрушение буржуазной и создание пролетарской демократии; в) как орудие борьбы против империализма или империалистической стадии капитализма, г) как диктатуру пролетариата в новой развернутой форме советской власти. К этим четырем задачам впоследствии Ленин лично и ленинцы присоединили задачи пролетарской диктатуры по социалистическому строительству, «подведению недостающего фундамента» (т. е. индустриализации страны), культурной революции и коллективизации деревни.

Рассмотрим эти задачи в отдельности.

1. Продолжение классовой борьбы

До Ленина социал-демократы представлял себе, что с победою пролетариата сразу окончится классовая борьба. «Они (вожди «желтого» интернационала) боятся признать, что диктатура пролетариата есть тоже период классовой борьбы, которая неизбежна, пока не уничтожены классы, и которая меняет свои формы, становясь первое время после свержения капитала особенно ожесточенной и своеобразной. Завоевав политическую власть, пролетариат не прекращает классовой борьбы, а продолжает ее—впредь до уничтожения классов, но разумеется в иной обстановке, в иной форме, иными средствами»[1]. «Основной источник непонимания диктатуры пролетариата «социалистами» это недоведение ими до конца (т. е. до диктатуры пролетариата) идей классовой борьбы»[2].

---

[1] Ленин, XV, стр. 249.
[2] Его же, Тезисы о диктатуре.

Ведь и буржуазная революция не обходилась без открытой диктатуры. «Сама буржуазия, власть которой теперь защищается социалистами, высказывающимися против «диктатуры вообще», и душою и телом стоящими за «демократию вообще», получила свою власть в цивилизованных странах благодаря целому ряду восстаний, гражданских войн, насильственному свержению королевской власти, феодальных рабовладельцев и подавлению попыток реставрации»[1].

Значит и «диктатура пролетариата означает не прекращение классовой борьбы, а продолжение ее в иной форме, новыми орудиями»[2]. «Переход от капитализма к коммунизму есть целая историческая эпоха. Пока она не закончилась, у эксплоататоров неизбежно остается надежда на реставрацию, а эта надежда превращается в попытки реставрации»[3].

Государство—лишь *новое орудие* пролетариата в его классовой борьбы из этого вытекают и новые формы этой борьбы.

Ленин требует разбора задач этой классовой борьбы по отношению ко всем классам в отдельности.

а) *Подавление сопротивления класса эксплоататоров.*

Об этой опасности нельзя забывать ни на минуту. Это сопротивление начинается до свержения буржуазии, но оно еще «обостряется после ее свержения». Это сопротивление принимает новые формы: «белые» заговоры и террористические акты, саботаж служащих и специалистов, вредительство, воздействие на колеблющиеся мелкобуржуазные массы, в том числе и крестьянство и т. д.

«Вы говорите, что миллионам не нужно насилия против тысяч? Вы ошибаетесь, и ошибаетесь от того, что рассматриваете явление не в его развитии. Вы забываете, что новая власть не с неба сваливается, а вырастает, возникает наряду со старой, *против* старой власти, в *борьбе против* нее. Без насилия по отношению к насильникам, имеющим в руках орудия и органы власти, нельзя избавить народ от насильников»[4].

б) *Гражданская война как развернутая форма классовой борьбы.*

Поскольку эта война беспрерывно связана с борьбою против империализма, речь о ней будет ниже.

в) *Отвоевание у буржуазии колеблющихся масс мелкой буржуазии, особенно крестьянства.*

Здень на первом месте стоит вопрос о крестьянстве. Это величайшая заслуга Ленина перед революцией, что он сумел революционно решить вопрос о крестьянстве. Интересную параллель можно провести между Великой французской и Октябрьской революциями. Когда французский конвент своим решительным вме-

---

[1] Ленин, XVI, стр. 37.
[2] Его же, XVIII, 1, стр. 317.
[3] Его же, XV, стр. 466.
[4] Его же, XVII, стр. 360.

шательством закрепил фактическую революцию крестьянства, он привязал крестьянина к революции как частного собственника. Но их вождем в этом отношении стал Наполеон как вождь армии крестьян. «Армия была вопросом чести мелких крестьян-собственников, она их самих делала героями, защищала от врагов их новую собственность, возвеличивала только что приобретенное ими равноправие в среде нации, грабила и революционизировала мир. Мундир был поэзией, продолжённая и округленная в воображении парцелла («клочок земли») отечеством, а патриотизм—идеальной формой чувства собственности»[1].

Ленин показал однако, что крестьянин не только частный собственник, но и труженик, и он взялся вовлечь его в пролетарскую революцию как труженика. Он достиг этого благодаря своему методу подробного анализа (разбора) классов. Он привлек в первую очередь, кроме батрака, бедноту и мелкого крестьянина и сумел «нейтрализовать», т. е. отвлечь от влияния буржуазии среднего крестьянина, но объявил беспощадную борьбу кулаку. Но как достигалась нейтрализация? Не всегда одним убеждением, но и в известной мере и принуждением («пресечением»). И «средний крестьянин производит продовольствия больше, чем ему нужно, и таким образом, имея хлебные излишки, он становится эксплоататором рабочего»[2]. Это было во время военного коммунизма. С переходом к нэпу политика к середняку резко изменилась в сторону торговой смычки, а с успехом индустриализации этот экономический союз переходит в производственную смычку, в прямую коллективизацию, т. е. при советской власти,—в социализацию и среднего крестьянина.

г) «Использование» буржуазии.

По отношению к буржуазии недостаточно было подавления сопротивления или даже нейтрализации, необходимо «взять ее на работу, принудить ее служить пролетариату». Программа ВКПб) гласит:

«Необходимо широкое привлечение к делу организации армии и ее оперативного руководства военных специалистов, прошедших школу старой армии. В свою очередь необходимым условием такого привлечения является сосредоточение политического руководства армией и всестороннего контроля над командным составом в руках рабочего класса», путем так называемых комиссаров.

Но то же самое относится к буржуазным специалистам вообще.

д) Воспитание новой дисциплины.

Эта задача относится главным образом к собственному классу или шире—к трудящимся вообще. На этой почве наши классовые противники нам предсказывали верную гибель и нелегка

[1] К. Маркс, 18 брюмера, Сочинения, VIII, стр. 411.
[2] Ленин, XI, стр. 376.

была борьба за новую дисциплину. «Во всякой социалистической революции, после того как решена задача завоевания власти пролетариатом и по мере того, как решаются в главном и основном задача—экспроприировать экспроприаторов, выдвигается на первый план необходимая, коренная задача, создания высшего чем капитализм, общественного уклада, именно повышение производительности труда и в связи с этим (и для этого) его высшая организация»[1]. И тут необходимо действовать как убеждением, так в известной мере принуждением и экономической заинтересованностью. Диктатура пролетариата должна уметь использовать как особый «рычаг» профсоюзы. Коммунистические субботники должны были внести и внесли инициативу, чистка партии и чистка госаппарата должна была освободить от негодных элементов. Система заинтересованности достигалась премиями и сдельною платою. Широкое социалистическое соревнование и ударные бригады являются результатом всей этой предварительной подготовки, но лишь после громадных успехов индустриализации и с переходом на этап социализма.

2. Диктатура пролетариата как новая действительная демократия

Это свойство диктатуры пролетариата будет рассмотрено дальше в особой главе о демократии и диктатуре.

3. Диктатура пролетариата против империализма

Ленин в своей работе об империализме показывает, как он неизбежно приводит к империалистическим войнам и ставит задачу перед пролетариатом превратить империалистическую войну в гражданскую войну.

Победив хотя бы в одной великой державе, пролетариат становится вождем борьбы пролетариата против империализма всего мира не только объединяя революционный пролетариат всего мира, но связывая эту гражданскую войну и с восстанием угнетенных народов в колониях и зависимых странах. Ленин при этом верно оценил «буржуазную верхушку» пролетариата, вожди которой ныне превратились в прямых союзников фашизма, социалфашистов.

4. Советская власть как развернутая форма диктатуры пролетариата

На эту тему у нас дальше трактует особая глава.

5. Диктатура пролетариата как предпосылка социалистического строительства

«Советская власть есть аппарат для того, чтобы масса начала немедленно учиться управлению государством и организации производства в общенациональном

[1] Ленин, XV, стр. 208—221.

масштабе... Граждане должны участвовать поголовно в суде и управлении страны. Для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся. Это гигантски трудная задача. Социализм не может ввести партийное меньшинство. Его могут ввести только десятки миллионов, когда они научатся все делать сами. Свою заслугу мы видим в стремлении к тому, чтобы помочь массе немедленно взяться за это самой, а не учиться этому из книг и лекций»[1].

Но перед диктатурой пролетариата еще стоит задача способствовать борьбе за предпосылки социализма.

«Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». С этим положением все герои II Интернационала... носятся поистине как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, а мне кажется, что оно не является решающим для оценки нашей революции». «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать—каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»[2].

Эта борьба превращается в борьбу за культуру:

«После решенной задачи величайшего в мире политического переворота перед нами стали иные задачи—задачи культурные, которые можно назвать «маленькими делами». Надо этот политический переворот переварить, сделать его доступным массам населения, добиться, чтобы этот политический переворот остался не только декларацией... Пора, когда надо было политически рисовать великие задачи прошла, и наступила пора, когда их надо проводить практически. Теперь перед нами задачи культурные, задачи переваривания того политического опыта, который должен и может превратиться в жизнь»[3].

Разве все это не пророческие слова о том, что сейчас, на третьем году пятилетки происходит в СССР?

Я ограничиваюсь этими общими вводными словами о государственной теории ленинизма и ее особенностях; все дальнейшее изложение заключается в более подробном ознакомлении с ленинским «государством пролетарского типа», с Советскою социалистическою республикой.

На основании подробного изучения ленинизма по вопросу о государстве мы можем и определить, в чем заключается отличительные черты ленинизма по вопросу о государстве. Они заключаются:[4].

[1] Ленин, XV, стр. 154.
[2] Его же, XVIII, 2, стр. 118.
[3] Его же, XVIII, 1, стр. 381.
[4] Подробнее см. И. Сталин, Вопросы ленинизма.

1) в его революционно-диалектическом подходе к изучению государства и революции;

2) в его взгляде на сущность, назначение и классовый характер всякого государства, не исключая и так называемой «чистой» демократии;

3) в его понимании сущности общественного класса и революционно-классовой борьбы, в частности, с новой оценкою в этой борьбе роли крестьянства;

4) в практической постановке значения пролетарского государства и в «изобретении» формы государства пролетарского типа «в виде» диктатуры пролетариата или советской власти;

5) в основном разрешении теоретически и практически, вопроса соотношения государства и масс;

6) в его взгляде на роль партии в этом государстве трудящихся масс;

7) в новой постановке вопроса о самоопределении нации как о проблеме государственного значения и

8) в объявлении временного переходящего характера всякого государства, не исключая и пролетарского.

6. Пролетарская революция

«Октябрьское восстание было, так сказать, заранее назначено на определенное число, на 25 октября, назначено не на тайном заседании, а открыто, всенародно,—и произошло это победоносное восстание в день 25 октября 1917 г., как было намечено». Так упрощенно излагается планомерность Октябрьской революции в статье к октябрю 1919 г. в журнале «Коммунистический интернационал» № 6. Против такого календарного плана Ленин выступил довольно резко еще между 3 и 7 октября 1917 г. когда он писал: «Медлить преступление. Ждать съезда советов— ребяческая игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции», а впоследствии (в 1920 г.) по поводу календарной программы вообще он писал: «Связывать себе наперед руки, говорить открыто врагу, который сейчас вооружен лучше нас, будем ли мы воевать с ним и когда, есть глупость, а не революционность. Принимать бой, когда это заведомо выгодно неприятелю, а не нам, есть преступление, и никуда негодны такие политики революционного класса, которые не сумеют проделать «лавирование, соглашательство, компромиссы», чтобы уклониться от заведомо невыгодного сражения»[1].

Да и само восстание на деле было тайно назначено и победило уже накануне открытия съезда. Но остается факт, что Октябрьская революция нам дала наиболее планомерный вид революции в истории. Тогда как прежде революция сама организовывалась лишь на ее ходу, а революционные

[1] Ленин, XVII, стр. 164.

правительства образовывались стихийно, революция 1917 г. еще в феврале началась организованно. «Назначенному» председателем совета министров кн. Львову достаточно было разослать по всей России телеграмму, что губернаторов заменяют под названием комиссаров Временного правительства б. председатели земских управ, ибо за время войны буржуазия сделалась наиболее организованным классом. «Она была почти совсем у власти... Класс капиталистических помещиков и буржуазии...за время войны 1914—1917 гг. чрезвычайно быстро организовался политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов, и думу, и военно-промышленные комитеты и т. д.». Этот новый класс «почти совсем» был уже у власти к 1917 г.; поэтому и достаточно было первых ударов царизму, чтобы он развалился, очистив место буржуазии»[1].

И для легкой победы Октябрьской революции Ленин находит объяснение «в наличности уже готовых организационных форм движения, охвативших. миллионы... Р. С. республика родилась сразу, родилась так легко, потому что в феврале 1917 г. массы создали советы раньше, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить даже этот лозунг». «Если бы народное творчество русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 г., не создало советов еще в феврале 1917 г., то ни в коем случае они не могли бы взять власть в октябре».

А как возникли советы в 1905 г.?

«Стачка быстро распространились,—пишет Радин («Первый совет рабочих депутатов» 1906 г.),—необходимо было создать для руководства более широкий и приспособленный аппарат, чем партийные организации. Результатом этой необходимости и явился совет рабочих депутатов. Инициатива его создания принадлежит меньшевикам, которые всегда стояли за широкие массовые организации. Но ни они, ни мы, большевики, не предполагали что новая организация примет такие громадные размеры и получит такое влияние на дело. Большевики смотрели на новое учреждение, как на стачечный комитет, меньшевики—как на орган «революционного самоуправления пролетариата». На самом деле, совет сделался больше чем стачечным комитетом, а вместо рабочего самоуправления стал руководить всеми боевыми действиями петербургского пролетариата в октябрьские и ноябрьские дни...» В воззвании учредительного собрания самого совета задачи его формулируются словами: «Мы постановили объединить руководство движением в руках общего рабочего комитета и предложить выбрать по 1 представителю на 500 рабочих»[2].

[1] Ленин, XIV, 1, стр. 19.

[2] Реакционеры тогда же кричали о Ленинградском совете, как о втором правительстве, более влиятельном, чем правительство Витте. Так, Суворин в «Новом времени» писал: «Я смотрю, где живые люди; я их ясно вижу у правительства незаконного, и они лишь в тумане мне видятся у правительства законного».

В Москве Совет рабочих депутатов образовался лишь во второй половине ноября, и накануне вооруженного восстания, 7 декабря, вышел первый номер его «Известий». И этот Совет являлся организациею массовою, ибо на первом его заседании, 22 ноября, уже были представлены 80 тыс. человек в лице 180 депутатов; впоследствии участвовало свыше 100 тыс. рабочих. Но, объявляя 7 декабря в 12 часов всеобщую политическую забастовку, Московский совет рабочих депутатов уже прибавил в своем постановлении и «стремиться перевести ее в вооруженное восстание». Московскому совету еще не суждено было стать органом власти; московское вооруженное восстание было подавлено...

Таким образом советы возникли «стихийно», из самих рабочих масс. Еще в 1918 г. теоретический вождь германских социал-демократов Каутский советы допускал лишь как «форму борьбы», а не государственной власти. «Иначе пролетарская масса: классовый инстинкт»[1] Ленин сам определил советы как органы революционной власти еще в 1906 г.:

«Создание новых органов революционной власти—советы рабочих, солдатских, железнодорожных, крестьянских депутатов, новые сельские и городские власти и пр. и т. п. Эти органы создавались исключительно революционными слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм, всецело революционным путем... Это были наконец именно органы власти, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и функционировании... Да, это были несомненно зародыши нового, народного или, если хотите, революционного правительства». «По своему социально-политическому характеру это была в зачатке диктатура революционных элементов народа». «Описанные нами органы власти были в зародыше диктатурою, ибо эта власть не признавала никакой другой власти, никакого закона, никакой нормы, от кого бы то ни было исходящей. Неограниченная внезаконная, опирающаяся на силу в самом прямом смысле слова, власть—это «есть диктатура»[2].

Организационный опыт предыдущей революции 1905 г., как во всех революциях, целиком перешел в следующую революцию 1917 г. Если бы кто-либо, заснув в декабре 1905 г. в вагоне Николаевской ж. д. в Москве, накануне подавления декабрьского восстания, когда часть революционеров-большевиков уже была арестована, а войска все еще не выходили из казарм, куда их запрятали, проснулся бы в Петербурге лишь 27 февраля 1917 г., когда петербургские войска уже вышли из казарм и победили в тот момент, когда большевики еще сидели в тюрьме (или находились в ссылке),—ему показалось бы, что он проспал всего одну ночь. С такою математическою точностью революция

[1] Ленин, Тезисы о диктатуре, Ленинский сборник, III, стр. 518.
[2] Его же, VII, 1, стр. 121.

1917 г. начала как раз с того места, где она была остановлена в 1905 г. В действительности, это была бесконечная, кошмарная ночь контрреволюционных ужасов. А утро началось с тех же советов, на которых «вчера» остановилась революция 1905 г., только на этот раз уже советов не одних рабочих, но и вооруженных рабочих и крестьян, т. е. солдат. То, о чем спорили в 1905 г., а именно—о роли советов как органов власти здесь было сразу налицо. Петербургский, а вскоре за ним и Московский советы стали даже фактическими органами всей власти, причем первый из них—органом центральной власти. Они были тою властью, из рук которой Временное правительство фактически получило свои полномочия, сохранив однако то двоевластие, о котором я уже говорил.

Как ленинцы оценили советы образовавшиеся в феврале? «Ясно для всех, что залог окончательной победы русской революции—в упрочении союза революционного рабочего с революционным солдатом. Органами этого союза и являются советы рабочих и солдатских депутатов... Укрепить эти советы, сделать их повсеместными, связывать их между собою во главе с Центральным советом рабочих и солдатских депутатов как органом революционной власти народа,—вот в каком направлении должны работать революционные с.-д.». Так писал т. Сталин в «Правде» от 14 марта 1917 г., а через 7 дней печаталось первое письмо т. Ленина, где он называет Совет рабочих и солдатских депутатов, уже «новым, неофициальным, неразвитым, еще сравнительно слабым рабочим правительством».

Лозунга Советской власти как революции пролетарской не было до приезда т. Ленина из эмиграции, до его знаменитых тезисов 4 апреля 1917 г. В этих тезисах Ленин впервые прямо сказал по существу, то, что, несколько иными словами выразил Маркс в 1871 г.: «Вы хотите знать, что такое советы? Взгляните на Парижскую коммуну».

Эта правда открылась лишь в тезисах 4 апреля. Поэтому мы с полным правом должны считать начало пролетарской революции в России, так сказать перелом в революции, с 4 апреля 1917 г.!

Я не знаю другой революции, которая открылась бы такою блестящею феерией, как российская Октябрьская. 3/16 апреля, когда газеты не выходили и заводы не работали, а на Неве был ледоход, в 3 часа дня Петроградский комитет партии оповестил районы, что к полуночи на Финляндский вокзал прибудет из эмиграции т. Ленин. Узнали об этом и кронштадтцы, и вечером, несмотря на ледоход, на Финляндском вокзале стояло шпалерами 3 тыс. революционных матросов Кронштадта. Дорогого Ильича товарищи подняли на руки и понесли к вокзалу. На площади перед вокзалом несметная толпа рабочих и солдат. С броневого автомобиля, вместо трибуны, т. Ленин говорит на волшебно освещенной «красным» военным рефлектором площади свое первое слово пролетарской революции в России.

На другой день, по инициативе т. Гольденберга, тогда «интер-

националиста», и др., было созвано «объединительное» собрание большевиков и в подавляющем большинстве меньшевиков, съехавшихся на первое Всероссийское совещание Совета рабочих и солдатских депутатов. И здесь, по настоянию товарищей, Ленин нехотя повторил свои тезисы о задачах пролетариата в российской революции. Я не помню более бурного заседания; под свистки и выкрики социал-предателей, под оглушительные аплодисменты революционеров Ленин впервые провозгласил: «Разъясните массам, что совет рабочих и солдатских депутатов есть единственная возможная форма революционного правительства». «Первый этап революции пройден». «Не парламентарная республика—возвращение к ней от совета рабочих депутатов было бы шагом назад,—а республика советов рабочих, батрацких и крестянских депутатов по всей стране, снизу доверху». «Требование государства коммуны, т. е. такого государства, прообраз которого дала Парижская коммуна».

Советы рабочих депутатов, это — Парижская коммуна! Такова квинт-эссенция всей речи т. Ленина. Меньшевики с Плехановым ее назвали «бредовою»; твердо убежденным большевикам она показалась вдохновением; неуверенных она оттолкнула из рядов революции или посеяла в сердцах их смуту. Но всем нам она открыла глаза на такую простую шараду: советы, это — Коммуна! Да здравствует Российская коммуна,—т. е. всю власть советам!

Впервые российский пролетариат открыто услышал лозунг второго этапа революции.

Но после такого блестящего объявления второго этапа российская пролетарская революция была и наиболее организованно проведенная революция в истории. Прямое подражание Коммуне 1871 г., она была прямою противоположностью 1871 г. в смысле организованного и сознательного ее проведения.

Восемь месяцев было у власти демократическое и коалиционное временное правительство буржуазии. Революция, сменяясь волною контреволюции (июльский разгром большевиков, наступление Корнилова и т. д.), нарастала. Большевики завоевывали один слой угнетенных за другим, наступил момент действовать. Это — небывалые в истории страницы борьбы вождя за победу революции, достигающие своего кульминационного пункта в сентябре—октябре (см. выше теорию Ленина). «Если нельзя взять власти без восстания, надо итти на восстание тотчас... Ждать — преступление пред революцией». «Успехи русской и всемирной революции зависят от 2—3 дней борьбы».

Ночью на 25 октября 1917 г. победили советы, и II Всероссийский съезд советов мог ограничиться краткою телеграммою нового Временного правительства—Совета народных комиссаров, губернским и уездным советам рабочих и крестьянских депутатов: «Вся власть отныне принадлежит советам. Комиссары Временного правительства отстраняются. Председатели советов сносятся непосредственно с революционным правительством». В советах большинство всюду было уже за большевиками. Если телеграмма Временного правительства Львова (см. выше)) означала

только замену одного класса угнетателей другим или вернее—компромисс двух классов угнетателей, то эта телеграмма означала замену власти класса угнетателей властью класса угнетенного. «Это был шаг вперед всего человечества».

в. У власти пролетариат в одной из великих держав

1. Период гражданской войны и «лобовое» наступление революции

Мы видели, как Маркс еще в 1851 г. писал про французскую революцию 1848 г.: «Революция основательна... Теперь... она доводит до совершенства исполнительную власть, сводит ее к самому чистому выражению, изолирует ее и противопоставляет ее себе, как единственный объект (Vorwurf), чтобы все свои силы разрушения концентрировать против нее» («18 брюмера»). Но этого урока империи 1951 г. было недостаточно. Необходимо было пройти еще стадию мировой войны, чтобы довести концентрацию «самого всестороннего господства» до немыслимых прежде размеров, и чтобы соответственно тому поставить революцию лицом к лицу против власти буржуазии в мировом масштабе.

Октябрьская революция в России сыграла в политической жизни Европы и всего мира роль химического реактива, разлагающего национальную сплоченность великих государственных объединений (Тройственного союза, с одной, — Антанты, с другой стороны). В Париже 1871 г. стечение обстоятельств произвело раскол нации на ее классовый состав, противопоставив рабочее правительство Парижской коммуны Версальскому буржуазному правительству всей Франции—диктатуру пролетариата столицы диктатуре буржуазии всей страны. В России 1917 г. победа пролетариата этот раскол провела в мировом масштабе: противопоставив диктатуру российского пролетариата диктатуре мировой буржуазии (заодно с российскою). Как в первом, так и во втором случае последствием была гражданская война, но в первом случае лишь в национальном, во втором же—сразу в интернациональном масштае. Здесь нас занимает не самый факт гражданской войны, но ее влияние на роль и значение государства.

Что означает классовая борьба в интернациональном масштабе? Это — та же борьба класса за положение в производстве, за право собственности на средства производства. Но, с одной стороны, на этот раз создается нечто новое. Пролетариат победившей страны в борьбу своего класса вводит средства и организованность государства. Но, с другой стороны, национальное единство сразу разрушено лишь в России, социалистическое отечество образовалось лишь в СССР, в остальных странах разложение протекает более или менее медленно и постепенно. А что означает разложение «священного национального единения»,

«Burgfrieden», в смысле государственном? Это означает и разложение классового государства военного времени, и разложение среди трудящихся веры в национальное отечество и его оборону. Всюду проявляется тенденция к двоевластию, т. е. к образованию новой революционной власти или временных коалиций разных сил. И всюду вследствие такого равновесия сил основных классовых противников, организуется средний слой, более или менее решающий борьбу, смотря по тому, на чью сторону он становится.

Создается своеобразный единый фронт всего капиталистического мира. Но экономическое развитие идет по «неумолимым» законам. Одним из таких законов является неравномерное развитие капитализма в разных странах. Рядом с ним законы международного рынка. Они приводят все снова к разрыву единого фронта класса капиталистов.

На противоположном полюсе РСФСР, а потом СССР и пролетариат всего мира борются действительно единым фронтом, ибо, невзирая на предательство вождей, пролетариат Запада поддерживает Советскую Россию, и, как Ленин неоднократно подчеркивал, без этой поддержки мы не просуществовали бы ни одного месяца, ни одной недели.

Такие грандиозные формы принимает классовая борьба, борьба за положение в производстве, за право на орудия труда, за государственную власть в последней стадии государства буржуазии.

Внутри государства пролетариат Советской России вел определенное «наступление». То был период так называемого «военного коммунизма». Роль пролетариата в классовом обществе — роль эксплоатируемого класса. Содержание его классовой борьбы — борьба за уничтожение класса эксплоататоров и классов вообще. Став у власти, он приступает к этому уничтожению. Для этой цели, он, в первую очередь, объявляет национализацию земельной собственности, одним ударом уничтожая класс землевладельцев, помещиков. Он тем довершает великую буржуазную революцию. Но так как у власти пролетариат как класс, то эта земельная собственность становится достоянием не буржуазии, а трудящихся, эксплоатируемых,—социалистическую государственною собственностью.

На этом революционный пролетариат остановиться не может. Он идет дальше по пути социализации. Победоносного пролетариата никакая сила от этого удержать не могла бы. Проведена национализация всей крупной промышленности в самом широком смысле, значит, национализация всех капиталистически организованных средств производства и всего капиталистически эксплоатируемого транспорта, наконец монополизирована вся внешняя торговля. Но производство (промышленность) не налажено, и пролетариат одной России оказывается не в силах сразу наладить свое хозяйство. Средства производства лежат неиспользованными. Несметные земельные пространства, промышленные средства производства и прочие богатства, представляющие неисчислимые потенциональные

ценности, находится в застывшем состоянии, т. е. временно без ценности. Сказывается капиталистическая отсталость России.

2. Революционное отступление

«Политическая надстройка должна будет приспособляться к экономическим силам». Значит: «назад к буржуазной демократии». Так поет весь хор всемирного союза социал-предателей. Предсказывают «термидор», т. е. провал большевиков по примеру Конвента 1793 г.

Но вообще механическое понимание исторической материализма, тот ревизионизм и экономизм былых времен, является буржуазным пониманием марксизма. Революционный марксизм понимает связь роста производительных сил с классовой борьбой. «Организация революционных элементов в класс уже заранее предполагает существование всех тех производительных сил, которые могли зародиться в недрах старого общества» [1], и стало быть от исхода классовой борьбы и зависит власть в государстве. Там, где рабочий класс победил и держит власть в своих руках, он многократно сильнее в классовой борьбе, чем прежде, ибо в его, как класса, руках находятся национализированные средства производства.

Значит, рабочий класс ныне, идя на уступки и одновременно продолжая классовую борьбу до ее революционной цели, имеет в своих руках несравненно больше средств борьбы, чем прежде, не говоря уже о том, что это только передышка, — до восстания рабочих других стран. Мыслимо ли было, чтобы победивший рабочий класс добровольно сдал свою власть в руки своих побежденных палачей? Нет.

А ныне наша Советская власть — власть для поддержки борьбы рабочего класса не только за предпосылки социализма, но и за самый социализм.

Теперь уже нет надобности доказывать правильность отступления к новой экономической политике: гигантский рост промышленности, увеличение количества рабочих на заводах и фабриках, повышение производительности труда, подъем заработной платы — и все это без всякого участия иностранного капитала — говорят за укрепление базы для социализма. Остались лишь заботы по упрочению нашего «союза с крестьянством».

Отступление к новой экономической политике означало отступление экономическое, а не политическое, притом отступление в революционном порядке и в целях более широкого наступления. Диктатура остается, но изменяется ее отношение к крестьянству, не только к бедняку, но и к середняку, в сторону еще большего их к нам приближения, для чего крестьянство и фактически более привлекается к сотрудничеству.

«Многое, — говорил Ленин весною 1919 г., — зависит от того, как мы определим наше отношение к среднему крестья-

[1] К. Маркс, Нищета философии.

янству. Теоретически этот вопрос решен, но мы превосходно испытали, мы по себе знаем разницу между теоретическим решением вопроса и практическим проведением решения в жизнь. Мы подошли вплотную к этой разнице, которая так характерна для Великой французской революции, когда французский конвент (1793 г.) размахивался широкими предприятиями, а для проведения их не имел должной опоры, не зна лдаже, на какой класс надо опираться для проведения той или иной меры»[1]

После поражения и почти полного уничтожения классов землевладельцев и капиталистов, Советская Россия, а ныне Союз ССР. оказалась государством, где остаются лишь два класса: пролетариат (город) и крестьянство (деревня). «Впервые в истории существует государство, где имеются только эти два класса, только пролетариат и крестьянство. Крестьянство образует громадное большинство населения. Оно конечно очень отстало. Как выражается практически в развитии революции отношение пролетариата, держащего в своих руках власть, к крестьянству? Первая форма—союз, тесный союз. Это очень трудная задача, но во всяком случае экономически и политически возможная»[2].

Пока остались два класса, продолжается и классовая борьба, но только формы, цель и средства борьбы изменяются. Цель — превратить трудящегося крестьянина в настоящего работника, поднимая его на городской уровень. Форма борьбы—сотрудничество обоих этих классов, а средства борьбы—соответственно тому—мирные, путем примера, а не принуждения. Надо дать по возможности больше конкретных мер, чтобы «простому, рядовому трудящемуся человеку было понятно, что он получит какое-нибудь улучшение».

Экономически это означает необходимость смычки между городскою промышленностью, с одной стороны, и крестьянским хозяйством, — с другой, смычки — пока просто путем торговли; лучше всего через кооперацию. Первая задача: поднять городское хозяйство и крестьянское хозяйство, хотя бы пока без перемены системы производства, и связать эти хозяйства путем смычки, но «не хуже», чем это делал капитализм.

«Если окажется правильным отступление, то сомкнуться, отступивши, с крестьянской массой и вместе с ней в сто раз медленнее, но зато твердо и неуклонно итти вперед, чтобы она всегда видела, что мы все-таки идем вперед. Тогда наше дело будет абсолютно непобедимо, и никакие силы в мире нас не победят». «Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудящимся крестьянством и начать двигаться вперед и неизмеримо, бесконечно медленнее, чем

---

[1] Ленин, XVI, стр. 146.
[2] Его же, XVIII, стр. 326.

мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем. Это первый основной политический урок новой экономической политики» [1].

3. Новое социалистическое наступление

Еще в начале 1922 г. Ленин объявил отступление законченным. «Отступление кончилось, дело теперь в перегруппировке сил» [2]. Начинается и идет быстрыми шагами восстановление хозяйства на базе нэпа. Но за это время происходили крупные события отрицательного характера на международном фронте. С одной стороны, диктатура буржуазии принимает нагло открытую форму в фашизме, голой силе подавления революции трудящихся. Он побеждает в Италии, Испании, Болгарии, Польше открыто: но мы имеем очень близкую к нему форму в Англии, Франции. А всякие социал-демократические коалиции с буржуазией против коммунизма мало чем отличаются по методам от фашизма, открыто отвергающего парламентаризм или превращающего его в насмешку. В то же время крупные поражения борющегося пролетариата: в Италии, Германии (1923 г.) Болгарии, Англии (разбита генеральная забастовка). Пред СССР открыто встает вопрос о возможности строительства социализма в $^1/_6$ всего мира, но в одной стране. Одновременно колебания среди коммунистов, уклоны направо и налево, дискуссии и фракции. Пролетариат СССР в союзе с трудящимся крестьянством (не только беднотою, но и середняком) под гегемонией пролетариата, руководимого ВКП(б), не взирая ни на какие экономические блокады и ведя беспощадную борьбу против всяких внутрипартийных уклонов, шагает смело вперед по пути индустриализации и социализации страны. На XIV Съезде партия провозглашает наступление на базе нэпа по пути к социализму. На XV Създе она поднимает знамя социализации и сельского хозяйства по пути гигантских совхозов и массовых колхозов. Результаты экономического процесса строительства социализма поразительны. XVI Съезд представляет собою политику развернутого наступления по всему фронту.

Еще 13 ноября 1922 г. Ленин говорит о большом успехе следующими словами: «Мы начали накапливать средства, необходимые для того, чтобы поставить «тяжелую индустрю» на ноги. Для начала, в этом году мы накопили еще очень мало, немногим больше двадцати миллионов золотых рублей. Но во

[1] Ленин, XVIII, 2, стр. 29.
[2] Его же, XVIII, 2, стр. 37.
[3] Его же, XVIII, II, стр. 89.

всяком случае эта сумма имеется...»[3]. А взгляните на нынешние цифры капитальных вложений в миллионах золотых рублей:

на 1925/26 г.	на 1926/27 г.	на 1927/28 г.	на 1928/29 г.	на 1930 г.	на 1931 г.
811	1 010	1 330	1 650	20 567	29 675

Такому базису безусловно более соответствует надстройка государства пролетариата, чем при самом основании Советской власти. Теория Ленина наглядно подтверждена фактами.

Таким образом XV и XVI Съезды партии означают не только «новый этап», но и величайший «перелом» по пути к социализму как в городе, так и в деревне. А программа, принятая VI Конгрессом Коминтерна, лишь закрепляет в своих положениях то, что уже «завоевано и записано»» в одной стране, — в СССР.

Тов. Сталин определяет три основные стороны диктатуры следующими словами[1]:

1. Использование власти пролетариата для подавления эксплоататоров, для обороны страны, для упрочения связей с пролетариями других стран, для развития и победы революции во всех странах.

2. Использование власти пролетариата для окончательного отрыва трудящихся и эксплоатируемых масс от буржуазии для упрочения союза пролетариата с этими массами, для вовлечения этих масс в дело социалистического строительства, для государственного руководства этими массами со стороны пролетариата.

3. Использование власти пролетариата для организации социализма, для уничтожения классов, для перехода в общество без классов, в общество без государства.

Пролетарская диктатура есть соединение всех этих трех сторон».

Программа Коминтерна как «высшее критическое обобщение всего исторического опыта международного революционного движения пролетариата» в сжатом виде «записывает», то, что «завоевано» в жизни в СССР. Из этой практики она делает свои выводы для будущего. По ее определению: «Советская демократия есть демократия пролетариата, демократия трудящихся масс, демократия против эксплоататоров».

Такова руководящая нить для конкретного изложения нашей конституции и нашего государственного строя.

Программа Коминтерна дает определение характера Советского классового государства, конкретно «пролетарской диктатуры в СССР» как гегемона всего мирового революционного движения».

---

[1] Сталин, Об оппозиции, стр. 248.

II. ФОРМЫ ГОСУДАРСТВА И ФОРМЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА

А. КЛАССОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСПОДСТВА ИМУЩИХ

При нашем взгляде на государство, как на классовую организацию господства, вопрос о ф о р м е буржуазного государства и о форме его правления теряет свое прежнее значение. Ибо, какова бы ни была форма, ее содержание одно—г о с п о д с т в о к л а с с а. Маркс писал в своей «Критике Готской программы»: «Современное государство» меняется с каждою государственной границей... «Современное государство» есть следовательно фикция». Мы также уже читали выше слова Ленина, что «капитализм и империализм, как показывают факты, развиваются п р и в с я к и х п о л и т и ч е с к и х ф о р м а х, п о д ч и н я я с е б е в с е х и х». Поэтому, выдвигая новое определение государства, мы должны пересмотреть и прежние классификации форм государства. Надо сказать, что в области классификации наука государственного права ушла лишь немногим дальше древнего мира, хотя содержание этих форм, как мы уже видели, коренным образом изменилось. Еще греческий философ Аристотель делил государства на монархии или тирании, на аристократии или олигархии и на политии или демократии. При этом делении он руководствовался или целью, определяющею деятельность власти, или различным составом правительства. Деление Аристотеля развил дальше Полибий (во II в. до нашего летосчисления), внеся в развитие этих форм известного рода закономерность движения. По его теории, на ходу развития всякая монархия превращается в тиранию; тирания падает, и ее заменяет аристократия, которая, перейдя в олигархию, вызывает общее недовольство, снова ниспровергается и заменяется демократией. А так как, по мнению Полибия, всякая демократия превращается в охлократию—правительство черни, толпы, то и это правительство ниспровергается и заменяется вновь монархиею и т. д. Вроде сказки про белого бычка! Поэтому, Полибий рекомендует с м е ш а н н ы й в и д государства, как он это видит в Риме, где консул представляет монархическое начало (ср. ныне президента республики), сенат—аристократию, а народное собрание—демократию. Этою бедною по содержанию классификацией наука и политика обходились вплоть до настоящего времени, заимствуя лишь из Рима новое название «р е с п у б л и к а», как противопоставление монархии, т. е. как бы все остальное, только «н е м о н а р х и я». В Риме слово «республика» первоначально обозначало государство вообще, но в противопоста-

влении возникшей позже ее империи она получила свое нынешнее значение—немонархии.

Буржуазная наука сознает, что это деление случайно, и что его содержание меняется по времени: на классификацию древнего мира, средневековую, новую и новейшего времени. Для нее в действительности речь идет лишь о взаимоотношениях государства и личности, и только. Еще Кант начал различать форму властвования (Form der Beherrschung) и форму правления (Form der Regierung) и совершенно правильно отметил, что республика вовсе не то же самое, что демократия. Но лишь у Л. Ф. Штейна (т. е. с 1840-х годов) мы встречаем новый момент при определении, а вслед затем и классификации государств. Штейн правильно указывает на то, что в республике народ, которому там присваивается верховенство власти, не представляет собою простой совокупности равных и свободных людей. Республика представляет собою в абстракции идеальную форму государства, но в практическом осуществлении она приводит к тому же порабощению личности капиталом. Ибо так как народ делится на богатых и бедных, зависящих от богатых, то народное верховенство превращается на деле во власть имущих над неимущими.

Л. Ф. Штейн из всего этого делает вывод соглашательский, предлагая примирение классов [1], особенно указывая на средний класс, мелкую буржуазию, как на примирительный элемент. Мы напротив должны притти к тому заключению, что политическое равенство людей остается пустым звуком, пока не обеспечено экономическое их равенство, т. е. пока не уничтожены классовые противоречия, и что поэтому государства вообще, а в особенности республики, надо делить прежде всего на республики буржуазные и республики рабочие, трудовые.

Таким образом можно сказать, что деление государств на аристократии или олигархии и демократии устарело. Такое деление не имеет никакой ценности, ни теоретической, ни практической. Мы говорим серьезно еще о демократии, и то с оговорками— «буржуазная» или «чистая» демократия, рабочая или советская демократия, но это уже не относится к классификации форм государства или правления.

Мы имеем по *классовому* характеру: государство первобытное, государство феодальное, абсолютизм, государство буржуазное, иногда смешанное феодально-буржуазное и наконец советское или пролетарское. И *во всех* этих государствах, *за исключением последнего*, форма может быть либо монархическая, либо республиканская.

Монархия от республики отличается тем, что во главе ее находится монарх, по общему правилу наследственный или по крайней мере пожизненный, обязательно *юридически* безот-

[1] «С середины нашего столетия... выступает сознание противоположности классов и становится ясным, что конечный пункт всякого внутреннего управления должен заключаться в вопросе: что же должно и что может сделать по отношению к этому движению классовое государство?».

ветственный. «Возглавление» это может быть как фактическое, так и просто иллюзорное, воображаемое, но оно придает всему строю известный характер даже в том случае, когда монархия называется ограниченною или конституционною. Она в свое время являлась единственною формою того чистого абсолютизма, когда государство, по словам Ф. Энгельса, временно становилось выше классов вследствие равновесия власти двух борющихся между собою классов. Но буржуазная республика по существу так близко подходит к монархии, особенно если, как в Норвегии, король— выборный, что Кант был прав, когда он ввел, хотя и в другом смысле, новые понятия: республиканской монархии и деспотической демократии.

В республике[1] в правительственных учреждениях исчезает всякое наследственное или пожизненное начало, и она представляется чистым типом государства буржуазного господства. В высшей степени интересен в «18 брюмера» Маркса разбор парламентарной республики как единственной формы государства, в котором враждебные фракции буржуазии могут объединиться для установления господства всего класса, так сказать единого буржуазного фронта. Но Маркс там же показывает, как буржуазия в своей классовой борьбе против пролетариата сама охотно соглашается освободиться от своего политического господства, его забот и опасностей, предоставляя таковое любому авантюристу[2].

Мы, коммунисты, с полной определенностью вернулись к взгляду Маркса и Энгельса, что вместе с отменою классов и классовых противоречий отменяется всякая форма государства вообще как монархия, так и республика.

Типы буржуазного государства на деле чрезвычайно друг к другу приближаются. Американская республика, еще Марксом выдвинутая рядом с английскими колониями, как тип действительно

---

[1] Мы берем для примера составленную проф. Коркуновым из теорий разных ученых формулу различия монархии и республики: «Монархию можно определить как государственное устройство, при котором функция представлять государство как целое осуществляется как собственное право безответственным лицом; республику — тем, что функция это осуществляется по поручению народа».

Энгельс был иного мнения о роли монарха, когда он писал: «Власть короля в Англии сводится к нулю... Но чем незначительнее сделался монархический элемент в действительности, тем более значения он приобрел для англичанина. Нигде, как известно, неправящая личность не обожаема более чем в Англии... Но этот противный культ короля как такового, обоготворение лишенного всякого содержания понятия — даже не понятия, но пустого слова «король» — является завершением монархии» (Энгельс, Положение Англии, 1884 г., стр. 283). Что сказал бы Энгельс, если бы дожил до рабочего первого министра Макдональда в средневековом придворном костюме на приеме у этого короля. А недавно тот же Макдональд публично молился за выздоровление короля!

[2] Эти слова являются пророческими для поведения буржуазии и всей демократии в настоящее время; в Италии они с восторгом сдают власть фашисту Муссолини, а в Германии в президенты республики избирают всенародным голосованием монархиста Гинденбурга, в Финляндии — открытого фашиста Свинхувуда!

демократического государства в отличие от бюрократической Европы, превратилась в самое откровенное орудие капиталистического, а ныне империалистического насилия. Она стала государством не просто кулачного, но, если можно так выразиться, «пулеметного» права, где для подавления рабочего класса не только выставляются особые пулеметные отряды добровольцев и официальной армии, но строятся в промышленных центрах целые форты, готовятся против рабочих танки, газовые атаки, воздушные нападения и т. д. А «республиканская или демократическая монархия» в Англии мало отстает от Америки, не говоря уже о «самой демократической республике»—Германии, где ужасы Носке, Северингов и тому подобных с.-д. светил вполне выдерживали сравнение с Галифе или Кавеньяками французской «монархической» республики и где ныне президентом республики избран верноподданный генерал Вильгельма Гинденбург!

Для современного конституционного или представительного государства, или так называемой буржуазной демократии, выставляют, как основной признак, участие народного элемента в правительстве. Для нас, стоящих на точке зрения классового характера государства и ее власти, этого признака не достаточно, и он даже неприемлем, как неправильный. Если мы сравниваем абсолютизм или до него феодально-вассальное государство с современною демократиею, то мы говорим, что все эти формы государства были формами классового господства. Но в то время как в первом случае участие класса в господстве было лишь фактическим или неорганизованным, оно ныне является конституционным, т. е. организованным.

Таким образом основным признаком для деления государств служила организованность или неорганизованность участия класса в господстве и степень этой организованности. В абсолютизме—там, где он еще не завоевал себе известной независимости вследствие «равновесия классов», или в тех случаях, когда он балансирует между классами, как например в царской России,—государство было тем же орудием классового господства, но господствующие классы участвовали в нем лишь фактически. Парламент, это—организованное участие класса во власти, а республика—чистый вид организации классового господства без примеси монархической традиции.

Но эта, т. е. парламентарная форма была лишь скрытою формою диктатуры буржуазии, о которой Ленин говорит, как о «диктатуре буржуазии, прикрытою парламентскими формами». Она переживала разные ступени и при империализме стала орудием финансового капитала, властвующего как над главою правительства (например кабинета министров), так и над парламентом. Период пролетарских революций приносит открытую, непосредственную форму диктатуры буржуазии, фашизм. В начале характерную сторону его видели во враждебности к парламенту и парламентаризму (в Италии), но по мере распространения фашизма, он подчиняет себе и парламент, действует и

через него, а основная его задача: борьба против коммунизма, в особенности против СССР.

Великая российская революция выдвинула новый тип государства—Советское государство, как развернутую форму диктатуры пролетариата. Это новый, пролетарский тип республики, тип организованного господства рабочего класса, государства переходного времени к коммунизму.

Б. КЛАССОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НЕИМУЩИХ ИЛИ СОВЕТСКАЯ ФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

В настоящее время нет в мире слов, более популярных, с одной, и более ненавистных, с другой стороны, чем слова «советы», «советский строй», «советская организация». Для рабочего класса всего мира в этих словах целая бездна чаяний и надежд; для буржуазии это—грядущий кошмар, коммунизм. Это было «триумфальное шествие идеи советов по всему миру» (Ленин). После неожиданной для Европы победы пролетариата в России мысль о советской форме революции приняла в головах западно-европейского пролетариата несколько искаженную, местами иллюзорную форму. Пролетарскую революцию стали понимать в несколько утопическом виде. Когда например в Германии, в Австрии и т. д. вспыхнула революция 1918 г., то она во всех этих странах прошла в советской форме, но никакого социализма эти советы не принесли. Советы умерли естественною смертью, как в Германии или как в Австрии, служили лучшею опорою для буржуазии и ныне отменены самим с.-д. вождем Ф. Адлером, как отжившие свой век. Ибо вожди рабочего класса в этих советах в первую голову были озабочены скорейшим отказом от завоеванной ими власти, отречением от достигнутого советского строя с тем, чтобы вернуться к старой, казалось бы даже и для буржуазии уже изжитой форме государства—парламентаризму. Нашлись даже люди, серьезно мечтавшие или чаще всего с предательскою целью заговаривавшие о своеобразном примирении советов с парламентаризмом («Verankerung»—закрепление их в Веймарской конституции). Настолько решительна была «победа советской идеи».

Как трудящееся человечество дошло до новой формы государства одних трудящихся?

Весьма интересно ныне изучить формы революционных правительств, в которых деятельное участие принимали трудящиеся массы. Солдатские комитеты («комиссары» или «агитаторы») английской революции 1647 и сл. годов; «секции» рабочих кварталов Парижа Великой да и всех последующих французских революций вплоть до Коммуны 1871 г., так называемое «охвостье» парламента после удаления правого крыла в 1648 г. в Англии, Французский конвент 1793 г., освободившийся от контрреволюционеров и в течение 8 месяцев проведший самые крупные завоевания революции (безвозмездную отмену помещичьей собственности, конституцию республики 1793 г. и т. д.), освободившаяся от бур-

жуазии Парижская коммуна 1871 г.,—все это интереснейшие моменты для изучения революционной власти трудящихся.

Коммуна объявила себя впервые рабочим правительством всей Франции. Маркс и Энгельс расшифровали значение Коммуны: «То была диктатура пролетариата». А между тем Коммуна сделалась прообразом диктатуры пролетариата помимо своей воли. Стихийные события разъединили и раздвоили созданную «великою», буржуазною революциею нацию как единство. В Парижской коммуне 1871 г. власть попала в руки пролетариата в конце концов совершенно неожиданно для него и случайно.

Вместо того чтобы использовать аппарат своей фактической власти, центральный комитет национальной гвардии революционных секций после известного колебания устроил демократические выборы, в которых не участвовала не только та часть буржуазии, которая ушла в Версаль, но и часть, находящаяся на месте, в Париже. Участвовавшая же в выборах буржуазия или не явилась вовсе в заседание или ушла из собрания. Пролетариат остался один с одною только примыкающею к нему мелкою буржуазиею. Он волею-неволею должен был взять на себя всю власть, и он в этой роли провел громадные политические преобразования, известные под именем диктатуры пролетариата, так блестяще изложенные в «Гражданской войне» Маркса и так ярко оцененные в капитальном труде т. Ленина «Государство и революция». Но до настоящих, крупных экономических преобразований Коммуна не дожила, если не считать конфискации церковных имуществ и имущества Тьера и реквизиции промышленных заведений сбежавших промышленников. По отношению же к крестьянам она ограничилась хотя и блестящим, но запоздалым воззванием, подписанным вдобавок не Коммуною, а именем парижских рабочих. Это малоизвестное воззвание «Крестьянам» очень эффектно заканчивается словами: «Помогите нам победить и, что бы ни случилось, хорошо помните наши слова, ибо революции будут продолжаться в мире, пока не исполнятся наши слова. А эти слова гласят: «Землю—крестьянам! (дословно—землеробам). Орудия труда—рабочим! Работу—всем! «Парижские рабочие».

Так проблема пополнения рабочих депутатов депутатами крестьянскими несознательно была выдвинута еще в 1871 г. Она разрешена на деле и сознательно в 1917 г. для России, а на II Съезде Коммунистического интернационала и вслед затем в программе Коминтерна 1928 г.—для всего мира...

«Совершенно несомненно,—писал Ленин в июне 1905 г.,—что Энгельс, называя Коммуну диктатурой пролетариата, имел в виду лишь участие, и притом идейно-руководящее участие представителей пролетариата в революционном правительстве Парижа» [1].

Но «в Парижской коммуне новый тип (рабочего государства) просуществовал несколько недель в одном городе... Коммуны не

[1] Ленин, VI, стр. 281.

понимали те, кто ее творил, ибо они творили при помощи чутья гениально проснувшихся масс, но ни одна фракция французских социалистов не сознавала, что она делает. Мы находимся в других условиях благодаря тому, что мы стоим на плечах Парижской коммуны». «В наших советах еще масса грубого, недоделанного, но что в них важно, что исторически ценно, что представляет шаг вперед во всемирном развитии социализма, это то, что здесь создан новый тип государства... Несмотря на всю эту грубость, недисциплинированность, что есть в советах, что является отражением мелко-крестьянского характера нашей страны, несмотря на все это, народными массами новый тип государства создан. Он применяется не неделями, а месяцами, не в одном городе, а в громадной стране»[1].

Ленин очень высоко ценил это «величайшее историческое изобретение»: «советский тип государства нами завоеван, это есть шаг вперед всего человечества»[2].

Теперь «Советская власть окончательно упрочилась в России. Власть, создавшая неслыханный в истории тип государственного самоуправления, являющаяся продолжением Парижской коммуны и создавшая подлинный демократизм для трудовых масс, с неслыханною силою отметая эксплоататоров, угнетателей пролетариата, является наиболее совершенным видом государственной революционной организации»[3].

И в чем заключается основное его отличие от буржуазной демократии? «Советский строй есть максимум демократизма для рабочих и крестьян и в то же время он означает разрыв с буржуазным демократизмом и возникновение нового, всемирно-исторического типа демократии: именно пролетарского демократизма, или диктатуры пролетариата»[4].

Но Ленин предупреждает от чрезмерного увлечения и этою формою государства. И оно остается лишь временным, хотя и необходимым явлением, пока еще будут существовать классы, хотя бы только два класса трудящихся, пролетариат и крестьянство. Для него ныне «лучшая политика—поменьше политики». «Ясно, однако, что не может быть и речи об определении момента будущего «отмирания» (государства), тем более, что оно представляет из себя заведомо процесс длительный»[5].

При этих условиях длительности Ленин видит две опасности. Во-первых, в стремлениях сближения советского строя с буржуазною демократией. Так например «сменовеховцы» из буржуазии рассуждают: «Большевики придут к обычному буржуазному государству, и мы (сменовеховцы) должны их поддерживать; история идет разными путями». И эти слова—действительно классовая правда, указывающая на ту опасность, которая

[1] Ленин, XV, стр. 153.
[2] Его же, XVIII, 2, стр. 54.
[3] Его же, XV, стр. 174.
[4] Его же, XVIII, 1, стр. 366.
[5] Его же, XIV, 2, стр. 367.

пред нами стоит [1]. Этот «правый уклон» не только играл, но и ныне играет значительную роль.

Второе предупреждение его относится к вере в **вечность** Советской власти: «Сейчас, проходя ваш зал, я встретил плакат с надписью: «Царству рабочих и крестьян не будет конца». И когда я прочитал этот странный плакат, который, правда, висел не на обычном месте, а стоял в углу,—может быть кто-нибудь догадался, что плакат неудачен, и отодвинул его,—когда я прочитал этот странный плакат, я подумал: а ведь вот относительно каких азбучных и основных вещей существуют у нас недоразумения и неправильное понимание. В самом деле, ежели бы царству рабочих и крестьян не было конца, то это означало бы, что никогда не будет социализма, ибо социализм означает уничтожение классов, а пока остаются рабочие и крестьяне, до тех пор остаются разные классы, и следовательно не может быть полного социализма» [2].

Но во время первых бурных побед коллективизации у многих «закружилась голова» и они стали мечтать о **немедленном отмирании** государства и его власти (например сельсоветов). Это был период **левых** перегибов.

Не надо представлять себе, что этот последний период существования государства есть мирная идиллия. **Нет**, «это есть отчаянная, бешеная, если не последняя, то близкая к тому, борьба не на живот, а на смерть между капитализмом и коммунизмом» [3]. И она требует **сильного**, а не **отмирающего** государства.

В. ФЕДЕРАЦИИ, ИЛИ СОЮЗЫ ГОСУДАРСТВ, И СОЮЗНЫЕ ГОСУДАРСТВА

Вопрос об объединениях государств является вопросом, сравнительно новым в буржуазной науке государственного права. И не удивительно, что и по этому вопросу «не имеется общепринятой теории союзного государства и даже нет господствующего взгляда» (проф. Жилин). Но как раз на нем мы должны остановиться, ибо это в значительной степени вопрос международного права, имеющий чисто практическое значение и для Советской России в ее сношениях с буржуазными государствами.

СССР имеет в своем составе 7 союзных и несколько десятков автономных республик и автономных областей (мы их рассмотрим подробнее ниже), и условия связи последних с РСФСР весьма различны. К ним не применимы терминология и теория буржуазной науки государственного права. Проф. Корф в своей работе об «автономных колониях Великобритании» (1914 г.) тщетно пытался найти удовлетворительное юридическое решение относительно этих, не менее сложных отношений чисто буржуазного мира.

Мне кажется, основная ошибка буржуазных ученых в данном

---

[1] **Ленин**, XVIII, 2, стр. 41.
[2] **Его же**, XVIII, 1, стр. 173.
[3] **Его же**, XVIII, 2, стр. 42.

случае в том и заключалась, что они искали решения теории объединения государств только в юриспруденции, в праве, с прибавлением туда еще разве немного политики. А между тем политика как буржуазная наука совсем еще не существует и рассматривается в известной мере как «искусство». А право применительно к междугосударственным отношениям пока в значительной степени относится к области фикций или, как говорят, к социологии. Но есть точка зрения, при помощи которой мы можем внести некоторый свет в сущность и характер этих отношений: это экономическая политика.

Я уже сказал, что первоначальные взаимоотношения людей сводились к отношениям общины к общине, рода к роду и т. д., и что на этой ступени развития эти отношения имели характер как бы отношений «международных». Эти отношения соответствовали тогдашнему состоянию экономического развития. Следующим характерным типом междугосударственных отношений или длительных объединений было более или менее тесное сближение феодальных ячеек, волостных государств, сначала между собою, а затем, или же сразу, под верховною властью высшего феодала (сюзерена) вроде вассальского государства или государства государств. Наконец мы имеем пред собой целый ряд образовавшихся в буржуазном мире объединений государств: альянсов, антант, союзов государств и союзных государств.

Буржуазный ученый, даже наиболее современный, берет эти различные виды государственных объединений всех исторических и даже доисторических эпох и ищет в них общих признаков, пытается свести их всех к единой абстрактной формуле [1], совершенно так же, как мы это видим на примере социологов относительно абстрактного понятия общества вообще. Такая работа бесплодна и ничего дать не может, кроме более или менее удачных, остроумных, даже блестящих формул без всякого реального содержания.

Если мы могли рассматривать государство с точки зрения класса, классового интереса и классового господства, то к взаимоотношениям государств, пока классовая борьба не приняла определенно международного характера, эта мерка не подходит.

Мы конечно не должны забывать, что в основе образования класса лежит хозяйство — положение в производстве, распределение элементов производства, вытекающая отсюда возможность присваивать дань (неоплаченный труд). Следовательно экономика сама должна указать и путь для верной оценки и классификации взаимоотношений государств.

Это правда, но не вся правда. Экономический элемент в образовании государств и объединений государств, а равно и форма объединений имеют громадное значение. Он раз-

[1] См. например определение Г. Еллинека: «Под государственным объединением в широком значении этого слова следует понимать всякое, основанное на правовом титуле, длящееся отношение между двумя или несколькими государствами» («Общее учение о государстве», стр. 506).

деляет все человечество на классы и образовывает солидарность интересов, не связывающих себя границами государств. Но в государственных взаимоотношениях существенную роль играет еще и другой, разъединяющий элемент: национальные различия. Но и одного подчеркивания национального момента мало; надо к нему подходить диалектически, а не вне и времени и пространстве, конкретно, а не чисто обстрактно. В этом отношении почти в одинаковой степени, хотя и в различной плоскости, ошибались как буржуазные ученые, так и социалисты и даже такие видные марксисты, как Роза Люксембург. Резкое исключение представляет собою лишь один Ленин. Две тенденции: экономический, а значит и классовый, централизм и национальный децентрализм являются тем реальным противоречием, которое тут подлежит разрешению.

Нация является исторически сложившимся социальным единством людей, основанным на общности языка, территории, экономических, культурных и прочих исторических особенностей, причем объединяющим по отношению к данной и разъединяющим по отношению ко всем остальным нациям моментом надо признать главным образом язык. Класс, напротив, как мы уже видели, является расслоением нации по экономическому признаку, а именно—по распределению средств производства с тенденциею к объединению своих членов, невзирая на различие языков, за пределы нации и государства, в международном общении, основанном на сознании общего классового интереса. Национальный интерес объединяет, так сказать, вертикально, по территории, классовый—горизонтально, независимо от данной территории. Таков же процесс, только наоборот,—разъединения.

Национальные противоречия приводят к национальным войнам; классовые противоречия—к классовой борьбе и гражданской войне. Ни тех, ни других противоречий и войн буржуазное общество устранить не в состоянии, почему вера в длительное мирное сотрудничество наций или классов в буржуазном обществе является результатом наивных иллюзий или злостного обмана.

Мы уже видели, что образование понятия нации в нынешнем смысле слова есть дело буржуазной революции. До того национального единства не было; даже языка единого не было, ибо господствующие классы обыкновенно пользовались иным языком, чем угнетенные массы (ср. духовенство—латынь или древнеславянский язык; дворянство—французский и т. д.). У простолюдина были наречия (волостные, областные), а не было единого, литературного языка, как связи культурной, ибо не было и самой культуры. Буржуазная революция выдвинула лозунг национального объединения, и мы знаем, что моменты нации и отечества, начиная с начала XIX в., играли в Европе громадную, преобладающую роль.

«Когда буржуазия боролась за свободу вместе с народом, вместе с трудящимися, она отстаивала полную свободу и полное равноправие наций. Передовые страны, Швейцария, Бельгия, Нор-

вегия и др., дают нам образец того, как мирно уживаются вместе или мирно отделяются друг от друга свободные нации при действительном демократическом строе»[1].

«Для первой эпохи (капитализма) типично пробуждение национальных движений, вовлечение в них крестьянства, как наиболее многочисленного и наиболее «тяжелого на подъем» слоя населения, в связи с борьбою за политическую свободу вообще и за права национальностей в частности»[2].

Это движение естественно приняло определенную идеологическую форму: форму национализма.

В чем заключается национализм вообще? В том, что члены одной нации подчеркивают свое национальное единство и свои национальные особенности по отношению к другой нации или к другим нациям. На деле он проявляется внутри нации в затушевывании классовых противоречий и классовой борьбы в целях или под предлогом национальной борьбы против другой нации или других наций. Так например царская Россия натравливала все классы господствующей национальности против своих национальных меньшинств; во время войны воюющие нации всякими способами призывали все свои классы к вражде против неприятеля и т. д. А во взаимоотношениях национальных государств оно ведет к империализму, к стремлениям к аннексии, к превращению в колонии, денационализации прочих наций.

В вопросе о формах государств и их объединений эти различные тенденции играют различную роль, смотря по ступени, периоду развития. Объединение, стремление к единству и единому национальному государству, имело прогрессивный характер в период освободительных войн и движений. Оно приняло совсем иной характер с наступлением периода империализма.

«Принцип национальности исторически неизбежен в буржуазном обществе, и, считаясь с этим обществом, марксист вполне признает историческую законность национальных движений... Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих... требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения. Самые глубокие экономические факторы толкают к этому, а для всей Западной Европы—более того: для всего цивилизованного мира—типичным, нормальным для капиталистического периода является поэтому национальное государство»[3].

«Империалистическая эпоха превратила все великие державы в угнетателей ряда наций»[4].

Для буржуазных ученых по государственному праву национального вопроса не существует. И самое характерное, что так называемая школа нормативистов (Кельсен

[1] Ленин, XIX, стр. 28.
[2] Там же, стр. 102—103.
[3] Там же, XIX, стр. 52 и 98.
[4] Там же, стр. 216.

и др.) по своему происхождению и характеру доведенная австрийская, всякие такие соображения, как национальность, экономика и т. д., объявляет «метаюридическими», т. е. лежащими вне сферы права, а значит и государства. Это—политика птицы-страуса.

Соответственно этому, социал-демократ Бауер, с своей стороны, и свою знаменитую теорию разрешения национального вопроса ставил вне государственных соображений, по крайней мере экстерриториально. В результате—шовинизм в социал-демократии и все государственное объединение наций Австрии распалось.

Ленин, напротив, еще до войны определенно выступил за национальное самоопределение, как права государственного отделения угнетенных наций и за свободный союз национальных самоопределившихся государственных единиц. Но Ленин всегда мыслил диалектически: для него «федерация является переходной формою к полному единству трудящихся наций»[1].

Значит два основных момента решают форму всякого объединения государств: экономический и национальный. Первый из них централизующий, второй—центробежный, децентрализующий. Я уже сказал, что буржуазия не в состоянии разрешать этого вопроса: ее федерации, напротив, либо первый шаг к полному порабощению, либо шаг к полному отделению.

После всего сказанного вполне понятно, что буржуазные юридические учения о государственных объединениях и их формах теоретически представляют мало ценности.

Но мы для практических целей должны, хотя бы вкратце, ознакомиться и с буржуазною теорией о союзах государств и союзных государствах, ибо при заключении любого мирного или иного соглашения с буржуазным государством мы должны говорить на понятном для них языке и дать практический и реальный ответ о характере нашей Республики и ее составных частей с точки зрения буржуазной. Является ли наша федерация союзом государств или союзным государством, это—вопрос, имеющий значение чисто практическое и для нас.

Теоретически объединение современных государств должно объясняться главным образом из экономических условий. Если мы например знаем, что феодальное государство характеризуется данью в самом широком смысле слова, то то же самое мы можем сказать и про объединения вассальных государств. Дань—это основа «государства государств» в начале его существования. Если же буржуазное государство характеризуют капиталистическая прибыль и ее охрана, то ясно, что и объединения государств этой эпохи должны иметь тот же отпечаток, т. е. стремление ко все более широким, централизованным объединениям.

Империализм как последняя стадия капитализма харак-

---

[1] Ленин, XVII, стр. 213.

теризуется стремлением к вовлечению в сферу своего влияния, а в конце концов, и к полному завоеванию всего или по крайней мере части всего мира. Эта цель осуществляется в союзном колониальном государстве в виде фиктивной самостоятельности на словах, а порабощения—на деле. Такова цель империалистически-финансового капитала и его государства. Остатки дворянско-феодального строя, напротив, тянут назад к союзу самостоятельных государств. Так в Германии ход развития государственной власти по направлению от дворянско-юнкерского к чисто буржуазно-капиталистическому режиму и наоборот заставил еще до войны такие научные светила государственного права, как Еллинека и Лабанда, коренным образом менять свой научный взгляд на государственную сущность Германского союза.

Но нигде, как в вопросах права и государства, не играют такой роли пережитки, традиции, наконец привходящие элементы, смысл которых для нас не всегда ясен. А прежде всего вопрос национальный. Наша теория занимается всеми этими моментами, буржуазные юристы их игнорируют, как «иррелевантные»—безразличные для права.

Возьмем для освещения буржуазной теории объединений государств такой авторитет, как проф. Еллинек, им и ограничиваясь. Еллинек группирует все государственные объединения, какие только известны в истории и современности, в группы. Он оставляет в стороне всякие временные, договорные соглашения, как альянсы и т. д., и подробнее останавливается на разных длительных объединениях государственно-правового характера. Он различает:

1. Основанную на международно-правовых отношениях зависимость одного государства от другого (протекторат-покровительство).

2. Государство сюзеренное и вассальное, остаток феодального государственного строя (государство государств).

3. Монархические соединения государств:

а) личную унию—непреднамеренное или случайное единство монарха,—это Еллинек считает мнимым объединением;

б) реальную унию—преднамеренный, т. е. основанный на соглашении, длительный союз двух или нескольких государств, имеющих общего монарха. После распадения австро-венгерской унии эта форма принадлежит истории.

4. Союз государств—Конфедерацию и

5. Союзное государство.

В сущности только развитием между этими последними формами объединения занимаются как Еллинек, так и все прочие ученые, останавливающиеся на вопросе об объединениях современных государств.

Союз государств, по определению Еллинека, постоянное, основанное на соглашении соединение двух или нескольких независимых государств с целью внешней защиты союзников и охраны внутреннего порядка между союзными государствами. Тут нет единой суверенной власти, а суверенитет при-

надлежит каждому отдельному государству союза. В действительности такого объединения государств сейчас не существует.

Союзное государство,—«это государство, в котором единая центральная суверенная государственная власть распределяет функции своего властвования таким образом, что она сама осуществляет непосредственно лишь известную часть их, а остальную часть как в отношении установления норм, их определяющих, так и в отношении проведения в жизнь этих норм передает в самостоятельное, бесконтрольное заведывание несуверенным государствам—членам союза, создаваемым союзной конституцией и обязанным действовать с соблюдением пределов, установленных этой конституцией». Три основных начала служат признаком союзного государства по этому определению Еллинека: 1) суверенная центральная власть; 2) непосредственное подчинение всего населения этой власти в известных, определенных конституцией, пределах и 3) существование союзных государств—членов союза. Безразлична форма союзного государства, распределение задач между союзом и членами и даже сама союзная власть, например вопрос об участии в ней отдельных союзных государств. Это участие может быть равное или неравное, его может и вовсе не быть. Основою союзного государства является конституция как закон, а то, что оно возникло на основании договора, не имеет значения для его юридической оценки.

«Как во время революции, когда прежняя власть уничтожается,—говорит Еллинек,—новое государственное устройство вырабатывается особым временным правительством или учредительным собранием, так и в образовании союзного государства эту роль играет выработанная союзная конституция, а не предыдущие ей акты. Это—акт народный, национальный: народ чувствует себя единым и стремится к созданию единой политической формы жизни».

Для всякого ясно, что Еллинек тут дает определение германского союза. Оттуда взяты: равное и неравное участие в союзном правительстве, отсутствие суверенитета у составных частей союза и т. п.

Для всякого, далее, ясно, что германская республика (империя)[1], как централизованное капиталистическое государство, безусловно имеет суверенную государственную власть. Значит перед нами унитарное, единое государство. Но как этот факт соединить с фактом существования отдельных государств со своими «государями», а ныне призидентами, парламентами и т. д.? С одной стороны, рейхстаг, выбираемый на основании прямого избирательного права всем населением республики, а рядом—союзный совет как федеративная власть, только с весьма неравным представительством. Проф. Лабанд так и заявляет, что «в Германии союзный строй построен из двух этажей». И на типе этого ненормального государства переходного типа хотели строить

[1] Германия не называется республикою, а сохранила прежнее обозначени «Reich», которое прежде переводилось словом «империя».

общечеловеческую теорию, что является явным абсурдом, ибо, если конституция, а не договор определяет соотношения государств, если союзное законодательство само определяет, что подлежит ведению союзного правительства (так называемая Kompetenz-Kompetenz—право определить свою компетенцию, подведомственность), то чем отличается союзное государство от обыкновенного государства? Чем союзное государство отличается от других союзов вообще? Встречаются ученые, отрицающие вообще это различие. Другие доказывают, что в одном случае права членов союза—это собственные права, тогда как в провинции, самоуправлении—эта власть только делегирована центром, т. е. право чужое. Сам Еллинек должен признать, что положение привилегированных провинций похоже на положение небольшого государства. Но, вполне резонно спрашивает Корф (в цит. выше работе): «Можно ли утверждать, что Аппенцель-иннер Роден (кантон в Швейцарии) или какая-нибудь Оклагама (Сев. Америка)—государства, а Канада и Австралия (и, прибавим, ныне Ирландия, Южная Африка, вскоре и Индия и т. д.),—провинции? Градации между провинциею и самостоятельным государством в наши дни имеют десятки ступеней».

Остается признать, что при буржуазном строе всякие союзы являются только переходною стадиею к единому государству, или, наоборот, к полному «отделению», т. е. самостоятельному государству (ср. английские так называемые доминионы, как-то: Австралию, Канаду, Ирландию и т. д.), и что приближение к этому состоянию—вопрос лишь количества, а не качества. А что определяет приближение к этой цели или удаление от нее (например отделение)? Экономическая политика. Если мы видели, что государство является гранью для той системы общественных отношений, которую мы называем правом, то эти общественнные отношения, расширение или сужение их системы, определяют и судьбу подобного рода сближения, и самый характер государственных объединений. Но мы же знаем, что для класса угнетателей, например, капиталистов, решающую роль в экономике играет интерес прибыли, эксплоатации, что и на прочие нации они смотрят лишь с этой точки зрения, почему в капиталистическом обществе и нации делятся на «угнетающие и угнетенные», т. е. господствующий класс угнетающей нации сверх своей отечественной прибыли получает еще того или иного рода дань с угнетенной нации. Поэтому всякие разговоры о «самоопределении»—ложь и лицемерие. Конституция СССР в своей декларации так и поясняет: «Попытки капиталистического мира... разрешить вопрос о национальности путем совмещения свободного развития народов с системою эксплоатации человека человеком оказались бесплодными». «Там—национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и войны».

С победою пролетариата условия сожительства народов, взаимоотношений государств меняются. Конечно не в духе того

наивного или лицемерного «марксизма», который сразу объявляет национальный вопрос несуществующим [1].

Вполне естественно, что и мы, рассматривая вопрос о федерации, исходим из того фактического материала, какой представляет нам наша (российская) действительность. Наследство от старого режима ничего, кроме вражды к централизованной «русской» власти со стороны миллионов «инородцев», не представляло. Как известно, эту политику продолжали и временные правительства Милюкова, Керенского и др. Только Ленин выступил со своею программою права на самоопределение и протеста против всяких аннексий. Уже III Съезд советов утвердил резолюцию о федерации: «Российская советская республика утверждается на основе добровольного союза России как федерация советских республик этих народов». Декларация определенно подтвердила право самоопределения как право на отделение. На Ленина и большевиков посыпались упреки в том, что они разбили «великую империю». А между тем, «только благодаря политике Ленина мог создаться в 1922—1923 гг. Союз социалистических советских республик как действительная форма «мирного сотрудничества народов». «Здесь, в лагере социализма—взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов».

Декларация о СССР 1923 г. откровенно поясняет, в чем основа этого союза: во-первых, в невозможности при раздельном существовании республик построить социалистическое хозяйство и, во-вторых, в необходимости совместной и строго согласованной организации внешней обороны и вообще единства внешних отношений. Соответственно этому создается и центральное правительство, суверенное во внешних отношениях и в народном хозяйстве с оставлением в остальном суверенитета за союзными частями. Более тесным является единство союзных республик по отношению к составным частям СССР, например автономными республиками. Сам Союз называет себя «Союзом республик», а в то же время поясняет, что он представляет собою «союзное государство». Как-будто авторы нарочно хотели подразнить буржуазных ученых с их формально правовыми теориями. Но мы не связаны буржуазною фразеологиею и смело, самостоятельно строим свой союз.

Особенно смущает буржуазных ученых еще одна статья конституции нашего Союза и текст декларации о том, что членам Союза предоставляется свободное право выхода из Союза.

Когда-то и буржуазные ученые (например Еллинек) высказы-

---

[1] Характерны например пышные слова известного социал-предателя Криспина на Лейпцигском съезде независимых социал-демократов в конце 1921 г. «Капитализм разделил (?) людей на нации и нации на классы. Народы отделены друг от друга политическими границами, соответствующими капиталистической идеологии национализма... Мы не знаем немецкого отечества, наше отечество — весь земной шар («Die Erde» и только!), пролетариат (пролетариат — отечество?)». А тот же Криспин ныне, через 10 лет, является в лагере социал-демократов патриотом германской буржуазной республики.

вали предположение, что в союзе государств, каковым они в свое время признавали Германию, отдельные части могут и разорвать союз. Но эти сомнения германских ученых Бисмарк в своих мемуарах осмеивает следующими ироническими словами: «Положение, что никто не может принять на себя обязательства свыше сил, не может быть отменено никаким договором, точно так же нельзя установить договором ту меру серьезности (Ernst) и умения, с которой договор будет исполнен, как только собственный интерес исполняющего перестанет соответствовать писанному тексту и его прежнему толкованию». Значит для буржуазии вопрос не в праве, а в силе. В капиталистическом обществе в основе каждого союза лежит классовая сила, и только в пролетарском союзе может существовать единство по добровольному самоопределению трудящихся масс.

Но менее всего как раз в пролетарском союзе право на самоопределение, т. е. отделение, совпадает с пропагандою отделения. Ленин это определение формулировал словами:

«Вопрос о праве наций на самоопределение... непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. Этот последний вопрос (революционная) с.-д. партия должна решить в каждом отдельном случае самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм» [1].

Социалистический союз национальных государств есть единственный способ разрешить, изжить национальный вопрос.

Пролетарский принцип заключается в централизации, и Ленин выражает это по отношению к истинно-пролетарской партии словами:

«Это отнюдь не означает, что РКП должна, в свою очередь, сорганизоваться на основе федерации самостоятельных коммунистических партий... Необходимо существование единой централизованной коммунистической партии с единым ЦК». «Партии, принадлежащие к Коммунистическому интернационалу, должны быть построены по принципу демократического централизма», а программа Коминтерна (1928 г.) окончательно закрепила за Коминтерном значение единой мировой, международной коммунистической партии.

Напротив крестьянство пока представляет децентрализующий элемент. Так называемые культурные задачи по союзной конституции остаются целиком на разрешение автономных и союзных национальных республик. В этом факте отражаются особые и исключительные условия переходного периода советской власти: двухклассовое общество пролетариата и крестьянства.

В то время как в пролетариате классовый интерес играет роль централизующую, выходящую даже за пределы государственных границ, крестьянство играло децентрали-

---

[1] Ленин, XIX, стр. 37.

зующую роль, в нем до сплошной коллективизации даже в СССР не было экономически централистических тенденций. Вот почему для него борьба за культуру одновременно означает борьбу за развитие языка и вообще национальных культурных особенностей (см. подробнее ниже). Лишь превращение и крестьянина в работника, т. е. уничтожение классовых различий между классами рабочих и крестьян, совпадет с изжитием взаимной национальной отчужденности между нациями, ибо тогда разовьется единый интерес трудовой солидарности вместо прежнего классового интереса.

Не забудем слов Ленина, сказанных еще в 1920 г.:

«Признавая федерацию переходной формой к полному единству, необходимо стремиться к более и более тесному федеративному строю, имея в виду, во-первых, невозможность отстоять существование советских республик, окруженных несравненно более могущественными в военном отношении империалистскими державами всего мира, без теснейшего союза советских республик; во-вторых, необходимость тесного экономического союза советских республик, без чего неосуществимо восстановление разрушенных империализмом производительных сил и обеспечение благосостояния трудящихся; в-третьих, тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме» [1].

А по отношению к буржуазным государствам наши слова и определения будут иметь значение не в зависимости от той или иной теории, а от фактической нашей силы.

То было признаком слабости советской власти, когда отдельные государства, например, Украина, должны были против своего желания выступать как суверенные государства, или когда Англия признавала Мурманск, Архангельск или Баку «независимыми государствами», имеющими «суверенное» право продать себя в рабство. Напротив, то было безусловным признаком мощи, когда РСФСР послала единую делегацию от всей федерации (включая и Украину и так далее) в Геную, а вслед за тем, невзирая на неудачу переговоров, получала одно признание «de jure» за другим, а ныне объявляется всеми буржуазными государствами самым опасным и сильным врагом, вождем революции. Им ныне название СССР понятно без всяких комментариев.

---

[1] Ленин, XIX, стр. 238.

III. КОНСТИТУЦИИ И ДЕКЛАРАЦИИ

А. БУРЖУАЗНАЯ И СОВЕТСКАЯ КОНСТИТУЦИИ

«Я начинаю свою лекцию вопросом: что такое конституция? Каждый человек в нынешние времена с утра до вечера говорит о конституции. Во всех газетах, во всех ресторанах, во всех гостиных без передышки говорят о конституции. И все-таки, если я серьезно поставлю вопрос: «что такое конституция?», то я боюсь, что из числа произносящих это слово лишь немногие будут в состоянии дать удовлетворительный ответ».

Эти слова Ф. Лассаля относятся к очень отдаленному прошлому, к 1862 г. С тех пор прошло немало революций и возникло много конституций, но вопрос для буржуазной науки [1] остается все еще нерешенным. Как известно, Лассаль ответил, что действительная конституция — это реальное соотношение сил в государстве, и противопоставил эту неписанную конституцию конституциям писанным.

Мы уже видели, как буржуазная революция умов от господствующего между людьми взаимоотношения договора товарообмена пришла к идее политического равенства и к мысли об основном общественном договоре; как от соответствующего договорному обороту (commerce) права-закона она дошла до мысли об основном законе, законе законов—конституции. Но в чем суть этой конституции, этот вопрос для них яснее не стал, ибо если так называемый «общественный договор» не реальный договор, а является одним лишь воображением, то чем от него отличается основной закон и в чем он заключается? Почему вообще мог возникнуть разговор о писанной и неписанной конституциях? И в чем разница между основными законами царского режима и конституцией, за произношение одного названия которой люди когда-то, в царские времена, попадали в ссылку и заточение?

Что в вопросе о конституции именно ее письменная форма указывала на нее как на результат борьбы, это сознают и буржуазные ученые. Так проф. Еллинек по этому поводу писал: «Идея писанной конституции основана на возникающем только в дуалистических государствах представлении о письменном закреплении прав одной стороны другой; она является

---

[1] Практики в лице фашистов (Муссолини и др.) давно уже «плюнули» на свои конституции.

своего рода мирным договором, которому предшествовала продолжительная борьба. Правда, эти исторические условия возникновения письменных конституций в настоящее время уже не сознаются в каждом отдельном случае». Но Еллинек и его коллеги видят тут только «борьбу между монархом и народом», они не замечают борьбы классовой. Ведь противоречие это остается и там, где нет монарха, т. е. в республике. Они беспомощно останавливаются пред антагонизмом писанной и неписанной или реальной конституции и либо отрицают таковое противоречие, либо усматривают в нем лишь случайное явление, в то время как это противоречие является самым характерным явлением всего буржуазного общества.

Ввиду этого наиболее добросовестные представители буржуазной науки ограничиваются простым кратким изложением содержания конституций по создавшемуся трафарету. Так проф. Градовский, знаменитость 80-х годов прошлого столетия, пишет: «В демократии конституционной отличительным признаком являются способ и форма осуществления принадлежащих народу верховных прав», а в конституционной монархии—«те условия, в которых действует государственная власть (народное представительство совместно с монархом), определяют существо конституционализма». А дальше он уже основное отличие усматривает в самоограничении государственной власти, что очень плохо вяжется с описанною им же реальною борьбою, закончившеюся принудительным договором, т. е. конституциею, установившею роль того и другого класса в государственной власти.

Оригинальное, не лишенное основания определение конституции дал президент САСШ Тафт в послании своем 1911 г.: «Это совокупность политических гарантий против численного большинства нации».

Англия считается первоисточником для нового типа буржуазной демократии, которая путем рецепции перешла в остальную Европу. В Англии нет вовсе конституции, и известны слова Пальмерстона в ответ ссылающимся на английскую конституцию: «Я готов дать хорошую награду тому, кто принесет мне экземпляр английской конституции». Но это не спасает и Англии от того же лицемерия. Так англичане (например Блекстон—комментатор конституции 1765 г.) охотно ссылаются на сильную власть, которая, как в Англии, должна быть концентрирована в личности короля. А ему отвечает Дайси («Основы государственного права», 1907 г.): в этой характеристике «есть только один недостаток: все, что в ней говорится, прямо противоположно истине. Исполнительная власть в Англии находится в действительности в руках учреждения, называемого кабинетом, а лицо, держащее эту власть, это—первый министр».

Тот же комментатор Блекстон говорит о всемогуществе, о деспотической власти парламента, а прочтите, что пишет про этот старый парламент. Ф. Энгельс в 1844 г. («Schriften der Frühzeit», стр. 285 и сл.): «В действительности нижняя палата делает законы и управляет страною через министров, составляющих лишь

ее комиссию..., но старая нижняя палата была не что иное, как закрытая, независимая от народа средневековая корпорация, которая... сама, в 1794 г., в лице своего комитета, отрицала, что она является представительным собранием и Англия—представительным государством». Энгельс там же описывает, как лорды назначали представителей от деревни в парламент или подкупом получали представительство от городов.

Но если и здесь, в стрне неписанной конституции, существует такое разноречие между воображаемой и реальной конституциями, то писанная конституция в прочих буржуазных государствах—это клочок бумаги и ничего больше. И как бы ни изменялась реальная конституция, писанная конституция там остается неизменною.

«Божьею ли милостью» (монарх) или «волею народа» (республика), или вместе то и другое (конституционная монархия)— властвует господствующий класс над эксплоатируемыми массами.

Лассаль был плохим учеником Маркса, хотя ему нельзя отказать в революционной смелости мысли. Он не усвоил себе от Маркса, о каких реальных силах он говорит, иначе он должен был бы сказать: «о реальном соотношении сил общественных классов». С этой поправкой получается и для конституции вполне реальный смысл.

Если мы определили государство вообще как классовую организацию общества или организацию власти господствующего класса, то государство конституционное является особою, высоко развитою организациею господствующего класса. Так например в феодальном строе класс (или сословие) дворян господствовал фактически, реально, но он не имел никакой конституции, и даже в революционные времена Англии Кромвелю при всем его горячем желании так и не удалось провести писанной конституции. Король исполнял желания господствующего сословия или господствующих сословий, под видом которых тогда скрывались классы имущих, но еще не было конституции. Что это означает? Это означает, что участие класса в господстве было слабо организованным. Конституция появляется там, где это участие в господстве того или иного класса сознательно-организованно, или так как об организации в собственном смысле слова можно говорить только при организованности сознательной, то конституция есть выражение способа и формы организованного участия господствующего класса в господстве, т. е. в государственной власти. Мы тогда поймем, почему, хотя и при самодержавии царя в России или при абсолютизме в Западной Европе, участвовали в господстве монарха имущие классы,—там не было конституции. Это участие не имело еще организованной формы. Конституция как результат классовой борьбы — это форма организации участия господствующего класса во власти. А высший тип развития такой организации в буржуазном обществе —это парламентарная республика, организация чистого господства буржуазии,—«чистая демократия».

Исторически дело обыкновенно происходило так, что писанные конституции возникали вследствие уступок царя или короля перед революционным народом. Но прошли революции,—цари и короли одну уступку за другой брали назад, не изменяя писаного основного закона. Или ставшая у власти буржуазия—бессознательно или сознательно-лицемерно—обнародовывала в пышных словах конституцию, обеспечивающую всем гражданам свободу, равенство и братство, но тут же на деле всякими ограничениями отменяла все свободы, отнюдь не изменяя самого текста конституции. И наоборот бывало нередко, что тот или иной класс в действительности имел гораздо больше влияния на дела государственные, чем это было изложено в конституции.

Итак суть конституции заключается в том, что она не только определяет организацию и характер государственной власти и соответственно тому и вольности граждан в данном государстве; она накладывает свою печать и на весь государственный строй, на все прочие законы вообще [1]. В ней излагаются форма правления данной страной (монархия или республика) и характер классового господства (буржуазная или мелкобуржуазная демократия, аристократия или наконец диктатура пролетариата), но только в том случае, если конституция все это отображает верно. В буржуазной конституции этого, как мы видели, принципиально нет.

Незыблемость конституции, как основного закона, «закона, поставленного над всеми факторами власти... в области законодательства, суда и управления» (Градовский),—это догма буржуазного политического мира. «Существенный правовой признак конституционнных законов заключается исключительно в их квалифицированных формах законной силы» (Лабанд). Выражаясь более современно,—в незыблемости завоеваний (буржуазной, разумеется) революции. Поэтому запрещается пересмотр конституции [2] или обставляется особыми затруднениями (особое учредительное собрание, $^3/_4$ или $^2/_3$ голосов, неоднократное голосование, в Швейцарии—даже референдум). «Тщетная предосторожность», ибо в Италии, Болгарии, Польше и т. д. господствует фашизм при прежней же демократической конституции! И напрасно возводятся письменные укрепления против всемирной революции. Надо сказать, что сама буржуазная наука, да и практика постепенно отходят от строгого принципа незыблемости и приравнивают пересмотр «основного закона» пересмотру законов вообще. Даже умеренный буржуазный ученый Еллинек о таких политических гарантиях говорит: «Против потока мировой истории нельзя создать прочных плотин; он снесет бесследно такое создание рук человеческих.

---

[1] См. определение конституции у т. Гурвича («Энциклопедия права, II, стр. 503): «Конституция — основной закон, согласно которому должна организоваться государственная власть и должны определяться порядок и форма участия населения в законодательстве и управлении».

[2] По дополнению к конституции III Республики от 14 августа 1884 г., во Франции вопрос об отмене республиканской формы правления не может быть вовсе предметом предложений о пересмотре.

Политические гарантии—в реальном соотношении сил организованных государственных факторов» (стр. 583). Но что же здесь разумеется под «организованными факторами»? Те же король и народ (т. е. парламент), а не класс.

До сих пор нигде в буржуазном мире не достигнута, по силе революционности, Французская конституция 1793 г., единственный недостаток которой заключался в том, что она никогда не была приведена в исполнение ввиду победы контрреволюции. И эта Конституция с воодушевлением революционного подъема была составлена в шесть дней, ее автор—член пятичленной комиссии Эро де Сешель (Herault de Sechelles), а принята в Конвенте в 13 дней (с 11 по 24 июня 1793 г.)[1]. Это был лозунг демократии, искренно проведенный в жизнь. Она конечно не была свободна от излюбленной тогда революционной фразеологии. Она конечно оставалась верною буржуазной революции, но без всякого лицемерия. И когда она писала в ст. 120: «Он, т. е. французский, народ, дает убежище иностранцам, изгнанным из своего отечества ради дела свободы; он отказывает в этом тиранам»,—то это не было только красивым жестом. Конституция 1793 г. голосовалась Конвентом во Франции, окруженной со всех сторон неприятелем.

Когда для Франции наступил серьезный час внешних угроз, автор этой конституции в заседании 10 августа 1793 г. с полным правом мог произнести горячие слова: «Год тому назад наша территория была занята чужестранцами; мы объявили республику и оказались победителями. Теперь, когда мы устанавливаем конституцию во Франции, Европа нападает на нас со всех сторон. Поклянемся защищать Конституцию до самой смерти. Республика бессмертна». Всем известно, что момент принятия Советской конституции в России представлял много общего с тогдашнею Францией. Но первая буржуазная республика во Франции погибла, Российская же советская республика существует и здравствует.

Все остальные писанные конституции оказались более прочными и незыблемыми, чем Французская. Но эта прочность и незыблемость достигались за счет их реальности. И слова Маркса: «Прусская конституция осталась только клочком бумаги» относятся и ко всем прочим.

И русская буржуазия достигла своей конституции, невзирая на свою трусость, ибо ни одна буржуазия в мире не сделала так мало для своей победы, как она. Она и тут использовала «неоплаченный» революционный «труд» трудящихся как в 1905 г., так и в 1917 г. Ибо она мечтала о конституции, но только не о революции. «О дайте, дайте мне свободу», иначе—«они» (рабочие) поднимут восстание!

---

[1] Эта быстрота и решительность в осуществлении назревших задач революции характеризуют Конвент лишь после удаления жирондистов. В начале на решительные шаги Конвент побудила лишь «улица». Так в первом заседании (21 сентября 1792 г.) Конвент декретирует лишь отмену королевской власти. В вечернем заседании Конвент узнает, что народ на улице кричал: «да здравствует республика», и лишь на другой день, 22 сентября, Конвент декретирует первый год французской республики.

6*

Много говорилось о чрезвычайно быстром ходе российской буржуазной революции в 1917 г. Мы, напротив, отмечаем чрезвычайно медленный и длительный ход буржуазной революции в России, если считать начало ее хотя бы со времени восстания декабристов (1825 г.). Но победа буржуазии была не особенно долговечна, и до настоящей буржуазной Конституции она и не дожила. Булыгинскую думу, на которой мирилась буржуазия, «разогнала» революция 1905 г. до ее осуществления. Манифест 17 октября 1905 г. «даровал» лишь обещания конституции, отмечая вкратце ее принципы: «Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великою и тяжкою скорбью преисполняют сердце наше... Повелеваем надлежащим властям принять меры... Мы... признали необходимым объединить деятельность высшего правительства. На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли:

1. Даровать «населению основы гражданской свободы на началах действительной» неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу привлечь теперь же к участию в Думе, по мере возможности, соответственно краткости остающегося до созыва Думы срока, все классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начал общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

3. Установить, как незыблемое право, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью поставленных от нас властей»... Подпись: Николай II[1].

Таковы были обещания. Но «основные законы» и «органические законы» 1906 г. не ввели конституционного строя, и Готский альманах (официозный международный придворный календарь) и впредь характеризовал государственный строй России лишь как «конституционный строй с самодержавным царем во главе». Этот взгляд вскоре усвоил и сам оправившийся от страха царь, разогнал I Думу и совершил «мирный» переворот.

Февральская революция 1917 г. сразу сделала Россию фактически самым свободным демократическим государством, но Вре-

---

[1] Обращая внимание на одновременное распоряжение о «принятии мер», мы все-таки должны сказать, что сам царь и его советники повидимому в этот момент считали «ограниченность монарха» делом окончательно решенным. Просматривая дневник Николая II, мы под 17 октября 1905 г. читаем: «Завтракали с Николашею. Сидели, разговаривали, ожидали приезда Витте. Подписал Манифест в 5 ч. После такого тяжелого дня голова сделалась тяжелою и мысли стали путаться. Господи, помоги, спаси и умири Россию». 18 октября: «Сегодня состояние духа улучшилось, так как решение уже состоялось и пережито. Утро было солнечное и радостное, хорошее предзнаменование ..»

Зато годом позже — 17 октября 1906 г. — мы читаем: «Годовщина дня крушения и мучительных часов прошлого года. Слава богу, что оно уже пережито. День стоял отличный, солнечный...»

менное правительство, получившее свою власть от Петербургского совета, начало со лжи, и все его существование было — одна сплошная ложь. Если судить по одному официальному Собранию узаконений, то получается следующая картина: 2 марта 1917 г. в 15 час. в гор. Пскове царь Николай подписал документ, в котором он объявил: «признали Мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и т. д. на путь победы, благоденствия и славы». А одним днем позже такой же «добровольный» отказ подписал и Михаил в том, что «он принял твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего... чрез... Учредительное собрание». «Посему... прошу всех граждан... подчиниться Временному правительству, по почину государственной думы возникшему и облеченному всею полнотою власти (кем?) впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа».

4 августа Временное правительство (уже 3-го состава!) опубликовало постановление, изменяющее (только) текст ст. 100 Уголовного уложения, что «виновный в насильственном посягательстве на изменение существующего государственного строя в России... или на смещение органов верховной в государстве власти и т. д. наказывается каторгою без срока или срочною». Но каков был тогда наш государственный строй? Монархический? В таком случае сам Керенский и Зарудный, подподписавшие этот акт, не совсем без вины были в «отречении» т. е. «смещении», монарха. И только в «Известиях Петербургского исполнительного комитета» от 3/IX 1917 г. (а отнюдь не в Собрании узаконений) мы читаем, в виду мятежа Корнилова, что Временное правительство, «считая нужным положить предел неопределенности государственного строя... объявляет, что государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский, и провозглашает Российскую республику». А только в октябре 1917 г. (Собрание узаконений, ст. 1846) была объявлена распущенною Государственная дума николаевского самодержавного режима[1]. Так пишется первая и последняя Российская «буржуазная» конституция официально.

В действительности в Петербурге с вечера 27 или вернее с утра 28 февраля существовали две власти: Временный комитет членов Государственной думы номинально, а фактическая

---

[1] Не лишено интереса, что «республиканец» Керенский и 3-го и в следующие дни марта подписывался: «Член Государственной думы, министр юстиции, гражданин Керенский». Значит, звание члена царской думы — на первом месте! (Цитирую его приказы из «Русских ведомостей», от 3-го, 5-го и следующих дней).

власть—петроградские советы рабочих и солдатских депутатов—пока отдельно. Но первые два дня эти советы «бездействовали», ибо управлял Исполнительный комитет, составившийся на случайном собрании зачатков совета вечером 27 февраля и упорно не переизбиравшийся. 1 марта «самоуправно» ворвались в комнату № 41 Таврического дворца, где заседал Совет рабочих депутатов, солдаты и требовали объединенного заседания. В результате этого довольно бурного заседания появилось постановление о дополнении Исполкома солдатскими представителями, о выборе в ночь на 2 марта представителей от всего гарнизона Петрограда и об издании приказа № 1, своего рода декларации «человека с ружьем» (слово Ленина), т. е. солдата. Без этих фактов при тогдашнем составе Исполкома он покончил бы соглашательски на «ограниченной монархии», как первой ступени буржуазной конституции, но эти решительные факты спасли революционную Россию и в результате получилась «Конституция» писанная буквально на клочке бумаги рукою члена Петроградского исполнительного комитета Стеклова, по соглашению с представителями буржуазии, в два приема за время с 12 часов ночи 1 марта до 3 часов дня 2 марта 1917 г. Оригинал этого «клочка бумаги» так и остался в частных руках. В газетах он изложен в следующих словах:

«В своей настоящей деятельности Временное правительство (кабинет) будет руководствоваться следующими основаниями:

1. Нужна немедленная полная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористических покушений, восстаний, аграрных выступлений и т. д.

2. Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политической свободы на военнослужащих в пределах, допускаемых военными и техническими условиями.

3. Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

4. Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

5. Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

6. Выборы в органы местного самоуправления на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

7. Неразоружение и невывод из Петрограда военных частей, принимавших участие в революционном движении.

8. При сохранении старой военной дисциплины в строю и при несении военной службы устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам».

Россия в этот момент, при нахождении власти в руках вооруженного народа, была самым демократическим государством в мире. Но как определить ее строй? Даже кадетский журнал «Право» от 30 марта 1917 г. спрашивает: «Республика или монархия»? Он делает вывод, что—республика, так как она есть

не монархия. Но Милюков имел свое «личное мнение» и твердо держался мысли о существовании монархии и о необходимости регентства. И ему уступили примиренческие члены Исполкома, чтобы не предрешать дел Учредительного собрания.

Вдобавок этот документ был снабжен предисловием Временного комитета Государственной думы: «Временный комитет членов Государственной думы при содействии (!) и при сочувствии (!!) столичных войск и населения достиг в настоящее время такой степени успеха над темными силами (это пишет Родзянко!) старого режима, который позволяет ему приступить к более прочному (!) устройству власти. Для этой цели Временный комитет Государственной думы назначает министрами первого общественного кабинета следующих лиц, доверие к которым страны обеспечено и в прошлой общественной и политической деятельности». Председателем «Совета» был назначен «князь Львов, который не считал даже нужным откинуть словечко «князь». И когда Милюков в своей первой министерской речи ссылается на Львова, как на «главу русского земства», и из публики раздался возглас «цензового» (вернее, черносотенного!), то Милюков спокойно возразил: «Вы говорите: цензовая общественность. Да, но общественность организованная (!), которая потом даст возможность (?) организоваться и другим слоям русской общественности».

Но все-таки без скрепы Петроградского Исполкома эта бумажка была «простым клочком бумаги». Чтобы получить эту скрепу, потребовалось немало усилий и хитрости.

Я дам несколько штрихов для характеристики этого исторического заседания. В комнате 41 с 8 ч. утра 2 марта заседала солдатская секция в 200—300 человек. После 12 часов туда же собралось еще столько же членов рабочего Совета, а в комнате было достаточно места лишь для одной из этих двух составных частей, да и то с трудом. Потребовали перевода собрания в зал заседаний Таврического дворца, но «хозяин» Думы (Родзянко) не разрешил туда перейти, так как там на хорах, мол, находятся арестованные министры. Эта обстановка необходима была для «проведения» — в температуре настоящей русской бани — во что бы то ни стало этой конституции. Я не могу касаться произнесенной (стоя на столе) речи скомороха Керенского, «республиканца», каким он тогда объявил себя. Все-таки Конституция едва ли прошла бы гладко, если бы не дипломатия председателя Чхеидзе о поддержке этого правительства—«постольку, поскольку».

Таков был интересный случай рождения буржуазной конституции как соглашения между держащим власть вооруженным трудовым народом и хитрыми буржуазными дельцами[1] октябрист-

[1] Характерно в этом отношении то, что уже 10 марта 1917 г. Временное правительство успело опубликовать «облегчение» образования акционерных обществ в России, тогда как «выработка» даже безобразного «Положения о местном самоуправлении» потребовала более трех месяцев.

ского и кадетского толка. А честные маклера этого соглашения почти 8 месяцев старались окончательно передать власть буржуазии, пока их всех вместе не опрокинула Октябрьская революция...

28 октября (ст. ст.) было опубликовано постановление II Всероссийского съезда советов Р. К. и С. депутатов об образовании Рабоче-крестьянского правительства (Собрание узаконенной Р. и кр. прав., № 1, ст. 1): «Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом народных комиссаров. Заведывание отдельными отраслями поручается комиссиям, состав которых должен обеспечить проведение в жизнь провозглашенной Съездом программы, в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих. Правительственная власть принадлежит коллегии председателей этих комиссий, т. е. Совету народных комиссаров. Контроль над деятельностью народных комиссаров и право смещения их принадлежит Всероссийскому съезду советов Р. К. и С. депутатов и его ЦИК (идет перечень состава Сов. нар. ком.)». В том же номере (ст. 9) опубликована телеграмма Совнаркома «всем губ. и уездным сов. раб., солд. и крест. депутатов—о переходе власти к советам»: «Вся власть отныне принадлежит советам. Комиссары Временного правительства отстраняются. Председатели советов сносятся непосредственно с Революционным правительством».

Такова была в немногих словах первая реальная советская конституция после 27 октября 1917 г.

III Съезд советов в январе 1918 г. принял лишь краткую резолюцию о федерации:

«1. Р. С. Р. утверждается на основе добровольного союза народов России, как федерация советских республик этих народов.

2. Высшим органом власти в пределах федерации является Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, созываемый не реже, чем через 3 месяца.

3. Всероссийский съезд советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов избирает Всероссийский центральный исполнительный комитет. В период между съездами верховным органом является Всероссийский ЦИК.

4. Правительство федерации, Совет народных комиссаров, избирается и смещается в целом и частях Всероссийским съездом советов или Всероссийским центральным исполнительным комитетом.

5. Способ участия в федеральном правительстве советских республик и отдельных областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, равно как и разграничение сферы деятельности федеральных и областных учреждений Российской республики определяются немедленно по образовании областных советских республик Всероссийским и центральным исполкомом (ЦИК) этих республик.

6. Все местные дела решаются исключительно местными советами, и за высшими советами признается право регулирования отношений между низшими советами и решения между ними разногласий. Центральная советская власть обязана следить за соблюдением основ федерации и представлять Российскую федерацию советов в ее целом. На центральную власть возлагается также проведение мероприятий, осуществимых лишь в общегосударственном масштабе, причем однако не должно быть нарушения права отдельных вступивших в федерацию областей.

Разработка этих основных положений конституции Российской федеративной республики поручается ЦИК советов для внесения на следующий съезд советов.

Тов. Сталин в своем докладе указал, что это лишь общие руководящие положения для комиссии по составлению конституции, после чего резолюция была принята Съездом всеми против 21 голоса при 3 воздержавшихся.

IV съезд был экстренно созван лишь для ратификации Брестского мира, почему лишь V съезд мог приступить к окончательному обсуждению конституции. В комиссии, избранной ВЦИК для выработки проекта, задача была не легка, потому что она не имела перед собою никакого исторического образца[1].

Как известно, во время V съезда вспыхнуло неудавшееся восстание (путч) левых эсеров. После подавления восстания съезд 10 июля 1918 г. одобрил проект конституции, присоединив к ней утвержденную еще III съездом «Декларацию прав трудящегося и эксплоатируемого народа». Эта декларация и конституция вместе объявлены были «единым основным законом РСФСР», который «должен быть выставлен во всех советских учреждениях на видном месте».

Сверх того «V Всероссийский съезд советов поручает Нар. ком. просвещения ввести во всех без изъятия школах и учебных заведениях Российской республики изучение основных положений конституции, а равно и их разъяснений и истолкований».

Отличительной чертой этой Конституции является ее простота. Это целиком то, что, пользуясь меткими словами Владимира Ильича, было «завоевано и записано». Но как раз в этом и заключается ее сильная сторона, ибо здесь впервые целиком совпадают писанная и неписанная, т. е. реальная конституция. Без всякой лжи и без малейшего лицемерия Советская конституция не претендует на «незыблемость» отдельных ее частей. Это первый акт конституции пролетарского государства. Отдельные ее части могут быть изменены как Всероссийским съездом, так и ВЦИК в общем порядке. Конституция переходного времени или периода гражданской войны.

Как Ленин поясняет Советскую конституцию? «Мы записываем то, что уже завоевано, мы заносим на бумагу то, что уже было прочно в сознании масс», ибо «прочно только то в революции, что

[1] Я здесь опускаю описание работы комиссии, ибо имеется интересная и подробная работа т. Гурвича, История Советской конституции, М. 1923 г.

завоевано массами пролетариата; записывать стоит только то, что действительно прочно завоевано»[1]. Советская конституция не началась по какому-нибудь «плану», не составлялась в кабинетах, не навязывалась трудящимся юристами из буржуазии. Нет, эта конституция вырастала из хода развития классовой борьбы, по мере созревания классовых противоречий»[2]. «Если Советская конституция может быть предложена, так потому, что вы ее создали, вы во всех концах страны испытали, а мы через полгода после Октябрьской революции, почти через год после I Всероссийского съезда советов, могли ее написать»[3].

Какое громадное значение Ленин придавал исторической записи завоеваний Октябрьской революции, мы видим из его слов от 28 июля 1918 г. «С момента утверждения конституции и проведения ее в жизнь начнется в государственном нашем строительстве более легкий период». И в самом деле, эта конституция не только положила основу первому длительному государству пролетарского типа,—она послужила историческим агитационным средством для трудящихся всего мира. Когда всякие сношения народов Запада с коммунистической заразой были прерваны, официальный документ все-таки проникал в Германию и в другие страны.

Конституция РСФСР 10 июля 1918 г. была целиком принята образовавшимися впоследствии «союзными республиками» с небольшими лишь изменениями и перестановками.

Но этим Советская конституция еще не получила полного завершения. Остались рядом с РСФСР союзные республики, хотя и имевшие фактическую связь с РСФСР (участие в Всероссийском съезде советов и ВЦИК)), но эти отношения не были оформлены. Право на национальное самоопределение в смысле отделения, в результате свержения угнетательского режима, осуществлялось реально, что выразилось в известной отчужденности означенных республик от РСФСР. Надо было, оставаясь на почве права самоопределения, серьезно подумать о новом *сближении*. Это настоятельно диктовали внешние условия.

Первые основные положения союза для всех возникших впоследствии федеративных республик выражены в постановлении ВЦИК от 1 июня 1919 г. То было время натиска на Советскую республику буржуазии в лице вооруженных сил Антанты. Украинский ЦИК в резолюции, принятой на заседании 18 мая 1919 г., постановил о необходимости тесного объединения всех Советских республик. К этой резолюции присоединились Латвия, Литва, Белоруссия, и соглашение было утверждено в заседании ВЦИК от 1 июня 1919 г. До сих пор между советскими республиками не было договоров: тесное единение их предполагалось само собой, т. е. без особых договоров.

«Отпор попытке международного империализма вновь вверг-

---

[1] *Ленин*, XVI, стр. 55.
[2] *Его же*, XV, стр. 509.
[3] *Там же*, XV, стр. 373.

нуть в рабство десятки или миллионы русских, украинских, латышских, литовских, белорусских и крымских рабочих и крестьян требует от них тесного объединения боевых сил, централизации и руководства в тяжелой борьбе на жизнь и смерть. Военный союз всех упомянутых советских социалистических республик должен быть первым ответом на наступление общих врагов. Поэтому, стоя вполне на почве признания независимости, свободы и самоопределения трудящихся масс... (ВЦИК) признает необходимым провести тесное объединение: 1) военной организации и военного командования; 2) советов нар. хозяйства; 3) ж-д. управления и хозяйства; 4) финансов и 5) комиссаров труда советских социалистических республик с тем, чтобы руководство по отдельным отраслям народной жизни было сосредоточено в руках единой коллегии». Эта же резолюция предусматривает образование особой комиссии для выработки конкретных норм объединения. Как известно, дальнейшие события прервали эту работу, и лишь 15 февраля 1920 г. мы читаем новое постановление ВЦИК «об образовании новой комиссии по разработке вопросов федеративного устройства, исходя из своеобразной культуры, истории и группировки классов у разных малых национальностей в РСФСР».

Необходимость сближения в единый союз, это стремление Ленина, в осуществлении которого он уже не мог принимать деятельного участия, им было высказано еще в 1919 г.: «Мы должны сказать другим нациям, что мы до конца интернационалисты и стремимся к добровольному союзу рабочих и крестьян всех наций...». «Характернейшая черта III Интернационала сразу проявила себя тем, что новое третье «Международное общество рабочих» стало уже теперь совпадать в известной мере с Союзом советских социалистических республик»[1].

А в 1921 г. он горячо приветствовал образование Закавказской федерации, как первый шаг к реальному общему союзу: «Горячо приветствуя советские республики Кавказа, я позволю себе выразить надежду, что их тесный союз создаст образец национального мира, невиданного при буржуазии и невозможного при буржуазном строе»[2].

30 декабря 1922 г. на I Объединенном съезде делегаты рабочих и крестьянских советов четырех социалистических советских республик, а именно: 1) РСФСР, 2) УССР (Украинской социал. советской республики), 3) БССР (Белорусской соц. сов. республики) и 4) ЗСФСР (Закавказской соц. фед. сов. республики, состоящей из трех республик: Азербайджана, Армении и Грузии), утвердили союзный договор об образовании единого Союзного государства—СССР (т. е. Союза советских социалистических республик). Этот союз является более тесным объединением прежних договорных союзных республик, из которых две: РСФСР и ЗСФСР сами представляют собою федеративные

1 Ленин, XVI, стр. 138 и 182.
2 Его же, XVIII, 1, стр. 200.

объединения. По постановлению II сессии ЦИК 2-го созыва (1921 г), в Союз, как полноправные союзные республики, входят образовавшиеся из Бухары, Хорезма и Туркестана—путем национального размежевания—Узбекская и Туркестанская ССР. В 1930 г. к ним присоединяется на правах союзной республики бывший до тех пор автономною республикою Таджикистан. Новое объединение представляет собою не простой союз республик, а союзную республику с единым правительством во главе и с единым представительством во внешних сношениях.

На основании этого договора II сессия Центрального исполнительного комитета Союза 6 июля 1923 г. приняла Союзную конституцию, состоящую из декларации и договора. Конституция эта была утверждена II Съездом советов Союза 31 января 1924 г.

«Союзное государство—Союз советских социалистических республик». Эти слова союзного договора от 30 декабря 1922 г. открывают новую эпоху жизни не только Советской России.

Союзное государство и союз государств—это, по теории буржуазных ученых, два совершенно различных типа объединений государств; здесь мы читаем, что новый «Союз республик» является как-раз «союзным государством», т. е. союзною республикою. Но это еще не все. «Союзные республики» построены по национальному принципу, за исключением двух составных частей (РСФСР и ЗСФСР), составляющих уже в свою очередь федерацию национальных республик. Союз таким образом является социалистическим объединением национальных государств трудящихся. Национальный вопрос впервые получает социалистическое разрешение. В разрешении национального вопроса и заключается основной смысл нового Союза, а то обстоятельство, что здесь идет речь о союзе государств трудящихся, придает всему Союзу его особый, советский характер.

Каково соотношение договора от 30 декабря 1922 г. и конституции 6 июля 1923 г., утвержденной на II Союзном съезде советов? С утверждением конституции договор теряет значение, и его заменяет конституция. Ныне изменение основных начал конституции зависит не от нового договора, но от постановления Съезда советов Союза.

Каково соотношение конституций СССР от 6 июля 1923 г. и конституции РСФСР от 10 июля 1918 г. и прочих союзных республик?

Союз советских социалистических Республик является объединением РСФСР с шестью равноправными с нею советскими социалистическими республиками: Украинской, Белорусской, Узбекской, Туркменской, Таджикской и Закавказской социалистическими федеративными советскими республиками (последняя состоит из Азербайджана, Армении и Грузии). Эти союзные республики приняли, как мы уже видели, и для себя особые конституции, в основных чертах совершенно сходные с конституцией РСФСР. Союзный договор от 30 декабря 1922 г. и Союзная

конституция, принятая на основании этого договора 6 июля 1923 г., не повторяют основных начал отдельных конституций, а излагают лишь основы Союза. Таким образом конституции СССР и РСФСР одна другую дополняют и, вместе взятые, составляют единое неразрывное целое, единую Советскую конституцию.

Потребовались в построении Советской власти и ее функций значительные изменения в технической (так сказать) части конституций союзных республик, но существо остается без изменений. Изменения в конституцию РСФСР внесены на III сессии ВЦИК (11-го созыва) и на XII Всероссийском съезде советов 1925 г. Измененный текст конституции РСФСР впредь будет называться конституцией 1925 г. После 1925 г. были внесены еще незначительные изменения. Но ожидания наших противников, что отступления к нэпу принесут и отступления политические, не оправдались. Конституция 1925 г. отбрасывает декларацию 1917—1918 гг. как историю, уточняет отношения к трудовому крестьянству, но побежденным классам эксплоататоров она политических уступок не дает.

И впредь писанная и неписанная Советская конституция остается единой: «То, что завоевано, и записано». По принятой VI Конгрессом Коммунистического интернационала программе, Советская конституция кладется в основу будущей мировой диктатуры пролетариата.

Б ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА-ГРАЖДАНИНА И ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ТРУДЯЩЕГОСЯ НАРОДА

В Парижском «Музее революции» хранится экземпляр «Декларации прав человека и гражданина» в переплете из человеческой кожи. Эта дикая идея очень метко однако характеризует самую суть этой декларации, в пышных словах человеколюбия объявляющей частную собственность буржуазного, т. е. эксплоататорского («сдирающего шкуру с рабочего человека»), капиталистического общества священною природою человека-гражданина.

Декларация эта в редакции революционного Конвента нисколько не изменяет этого своего основного характера. И Конвент стоял на страже частной собственности с неменьшим усердием, чем Национальное собрание. Недаром он издал декрет, угрожающий смертной казнью за одну пропаганду раздела земли.

Когда составлялась Конституция РСФСР, то и у нас возник вопрос о декларации. Был даже набросан проект. Но перед нами была уже «Декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа», составленная т. Лениным как ультиматум для Учредительного собрания, последним отвергнутая, но принятая ВЦИК 16 января 1918 г. и затем II Всероссийским съездом советов, рядом с декретом о временной конституции. V съезд советов постановил присоединить этот исторический акт к Советской конституции, которые оба вместе «составляют единый основной закон РСФСР».

Эта декларация, составлявшая первый раздел Советской конституции 1918 г., является историческим актом, имевшим вполне конкретные ближайшие, а не вечные, абстрактные цели. В ней имеется кое-что повторяющееся и во втором разделе конституции, из нее кое-что уже устарело и потеряло реальное значение, но вместе с тем она является отнюдь не устарелым актом и поныне, когда она из конституции исключена. Основная мысль ее представляется прямою противоположностью декларации Великой французской революции.

После объявления, что Россия является Республикою советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в которой вся власть в центре и на местах принадлежит этим советам, причем Российская советская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерации советских национальных республик, наша декларация поясняет, что она ставит своей основной задачей уничтожение всякой эксплоатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплоататоров и установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах. Не является ли это повторением, только иными словами, той же свободы и того же равенства, которые провозглашают декларации 1789 и 1793 гг.? Ведь французский социалист-ревизионист Габриэль Девиль в 1902 г. (в Туре) так и заявил: «наши принципы являются действительным осуществлением прав человека... Я обязуюсь всю нашу теорию вывести из прав человека». Да и у нас нашлись комментаторы конституции, объявляющие, что и наша декларация «провозглашает свободу, равенство и братство».

Уже Ленин им ответил весьма определенно: «Наша пролетарская и крестьянская Советская конституция отбрасывает лицемерие формального равенства прочь. Когда буржуазные республики свергали троны, тогда не разбирались в формальном равенстве монархистов с республиканцами. Когда речь идет о свержении буржуазии, только предатели или идиоты могут добиваться формального равенства прав буржуазии»[1].

Основная мысль декларации Великой французской революции заключалась в обеспечении права частной собственности и неотчуждаемости ее без справедливого выкупа. Таким образом даже чисто-буржуазное требование безвозмездной национализации земли было отвергнуто не только английскою революциею 1649 г. (предложение левеллеров) и североамериканскою революциею (предложено по примеру левеллеров некоторыми штатами), но и французским Конвентом.

Советский строй ставит себе задачею ликвидацию института частной собственности по отношению к средствам производства вообще, ибо иначе немыслимо уничтожение эксплоатации. Декларация 1793 г. так и провозглашает право собственности «правом, принадлежащим каждому гражданину, по

[1] Ленин, XV, стр. 373.

своему усмотрению пользоваться и располагать своим имуществом, своим доходом и плодами своего труда и своей промышленности».

«Декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа» такой свободы не признает. Напротив, ее цель—упразднение права частной собственности на средства производства. Во имя этой цели она «декларирует»:

1. Социализацию земли, т. е. отмену частной собственности на землю, объявление всего земельного фонда общенародным достоянием и передачу его трудящимся без всякого выкупа, на правах уравнительного землепользования.

2. Национализацию всех лесов, недр и вод общественного значения, а равно и всего живого и мертвого инвентаря.

3. Как первый шаг к полному переходу фабрик, рудников, железных дорог и прочих средств производства и транспорта в собственность Советской рабоче-крестьянской республики, подтверждается закон о рабочем контроле и о Высшем совете народного хозяйства в целях обеспечения власти трудящихся над эксплоататорами.

4. Аннулирование займов, заключенных правительством царя, помещиков и буржуазии как первый удар международному финансовому капиталу.

5. Подтверждение декрета о переходе всех банков в собственность рабоче-крестьянского государства как одно из условий освобождения трудящихся масс из-под ига капитала.

Эти требования декларации только подготовляют почву, очищают путь для отмены права частной собственности на средства производства.

Национализация земли это, как мы знаем, чисто буржуазное требование против остатков феодализма, которое буржуазия сама только боялась выставлять. А против буржуазии декларация пока выставляет только контроль рабоче-крестьянского правительства, с одной стороны, и освобождение трудящихся из-под зависимости от частных банков, т. е. финансового капитала, с другой. Поэтому наша «новая экономическая политика» отнюдь не противоречит нашей Советской конституции 1918 г., которая в своей декларации в высшей степени предусмотрительно видит свою ближайшую задачу лишь в расчищении пути к коммунизму.

Ввиду того, что XII Съезд советов декларацию исключил из конституции, и она стала лишь историческим актом, я ее в подробностях не излагаю, но даю ей лишь вкратце историческую оценку.

Между тем как до сих пор все революции оканчивались вооружением имущих классов и разоружением трудящихся, Советская конституция декретирует вооружение трудящихся «путем образования социалистической Красной армии рабочих и крестьян» и полное разоружение имущих классов. В то время как декларация прав Великой французской революции ставит на самое видное место «безопасность и обеспе-

чение буржуазного права собственности», наша декларация—«вооружение трудящихся» и «разоружение имущих классов» мотивирует интересами «обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплоататоров», буржуазии.

Мне кажется, все это достаточно характеризует прямую противоположность деклараций буржуазной и пролетарской революций. Первая объявляет всеобщую свободу и равенство на словах. Но свободу для кого, от кого и от чего? Равенство с кем и в чем? Равенство голодного с сытым, эксплоатируемого с эксплоататором? (Ленин). Ибо тут же она разрушает реальную свободу громадного большинства народа, вводя неограниченную частную собственность как естественное священное право. Вторая, наоборот, объявляет войну этой собственности в ее частно-капиталистической форме и в этом видит путь к освобождению человечества.

По форме, казалось бы, декларации Великой французской и Октябрьской русской революции несравнимы; по существу каждая из них весьма определенно характеризует свои задачи, и если их цель и задачи и прямо противоположны, то потому, что каждая из них выражает программу другого класса с противоположными классовыми интересами и в другую историческую эпоху.

С принятием Союзной конституции от 6 июля 1923 г. у нас появилась и вторая декларация: об образовании Союза советских социалистических республик.

Национальный вопрос оказался более живучим, чем предполагали. Только Ленин оказался дальновиднейшим политиком и в этом вопросе. Лишь подходя к разрешению национального вопроса с методом революционной диалектики, мы можем выйти из лабиринта кажущихся неразрешимыми противоречий буржуазного строя и в видимых случайностях хода революции уловить ее закономерность. Почему в самом деле коммунистическая партия, выступающая в своем уставе против федерализма в партии, в государственном устройстве взяла на себя инициативу в осуществлении федераций национальностей?

Я беру для примера нашу Украину в разные моменты революции. Она знала разные периоды: самостийность при «гетмане» Скоропадском (буржуазия в союзе с крестьянским кулачеством), первый советский строй, строго централистический (городской пролетариат без крестьянства или с небольшими группами сельской бедноты); мелкобуржуазную стихийность всяких Петлюр (городская мелкая буржуазия в союзе с сельским середняком, при благосклонном участии, вернее на деле—при гегемонии буржуазии и кулачества). А «военный и экономический союз пролетариата с крестьянством»—бедняком и середняком—эта формула Ленина для периода отступления к нэпу привела и к новой форме государственного союза, а именно к СССР. Наш союз с крестьянством при этом пре-

вращается в новую форму союза,—союза культурного—для решения предсказанной Лениным ближайшей задачи: культурной революции.

В самом деле, в то время как культурная борьба городского пролетариата в общем и целом интернациональна, порою даже противонациональна (легкая денационализация городского пролетариата), так как в нем классовый интерес берет верх над всеми остальными интересами, особенно в острые моменты классовой борьбы внутри нации,—крестьянство является основным очагом национального движения. Здесь не место останавливаться на причинах этого явления, которое считается установленным и признанным фактом. Всякий культурный подъем здесь идет по национальной линии, чему содействуют и деревенская неподвижность, и отсутствие тенденции к интернационализму (например незнание языков, кроме своего родного наречия). Всякая попытка денационализации приводит лишь к одичанию, глухой ненависти. Культурный подъем возможен лишь с общим национальным возрождением, иногда правильнее сказать, с рождением национальной культуры. Но в последнем случае такой момент может быть чрезвычайно интенсивен, он действительно может принять форму культурной революции. Когда Ленин провозглашал в 1922—1923 гг. предстоящую и возможную только благодаря существованию Советской власти борьбу за недостающие предпосылки социализма, в том числе и «культурную революцию», он вместе с тем провозгласил и новую форму союза пролетариата с крестьянством, культурный союз. Так возник самым естественным образом и Союз ССР, социалистический союз национальных государств трудящихся города и деревни.

Но это только одна, т. е. историческая, сторона нового Союза, подчеркивающая прошлое. У него есть и другая сторона, направленная целиком на будущее. Если для буржуазного теоретика «национальность есть в основе исторический момент», основывающийся на прошлом, то интернационализм направлен целиком на будущее. Союз ССР безусловно является зачатком или прообразом будущего Союза ССР всего мира...

Эту задачу и провозглашает декларация Союзной конституции. Она противопоставляет национальному угнетению и империализму мирное сожительство и братское сотрудничество народов на почве реального права на самоопределение:

«Со времени образования советских республик государства мира раскололись на два лагеря: лагерь капитализма и лагерь социализма.

Там, в лагере капитализма,—национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и войны.

Здесь, в лагере социализма,—взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов.

Попытка капиталистического мира на протяжении десятков лет разрешить вопрос о национальности путем совмещения свободного развития народов с системой эксплоатации человека человеком оказалась бесплодной. Наоборот, клубок национальных противоречий все более запутывается, угрожая самому существованию капитализма. Буржуазия оказалась бессильной наладить сотрудничество народов.

Только в лагере Советов, только в условиях диктатуры пролетариата, сплотившей вокруг себя большинство населения, оказалось возможным уничтожить в корне национальный гнет, создать обстановку взаимного доверия и заложить основы братского сотрудничества народов.

Только благодаря этим обстоятельствам удалось советским республикам отбить нападение империалистов всего мира, внутренних и внешних; только благодаря этим обстоятельствам удалось им спешно ликвидировать гражданскую войну, обеспечить свое существование и приступить к мирному хозяйственному строительству.

Но годы войны не прошли бесследно. Разоренные поля, остановившиеся заводы, разрушенные производственные силы и истощенные хозяйственные ресурсы, оставшиеся в наследство от войны, делают недостаточными усилия отдельных республик по хозяйственному строительству. Восстановление народного хозяйства оказалось невозможным при раздельном существовании республик.

С другой стороны, неустойчивость международного положения и опасность новых нападений делают неизбежным создание единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения.

Наконец само строение советской власти, интернациональной по своей классовой природе, толкает трудящиеся массы советских республик на путь объединения в одну социалистическую семью.

Все эти обстоятельства повелительно требуют объединения советских республик в одно союзное государство, способное обеспечить и внешнюю безопасность, и внутренние хозяйственные преуспеяния, и свободу национального развития народов.

Воля народов советских республик, собравшихся недавно на съезды своих советов и единодушно принявших решение об образовании «Союза советских социалистических республик», служит надежной порукой в том, что Союз этот является добровольным объединением равноправных народов, что за каждой республикой обеспечено право свободного выхода из Союза, что доступ в Союз открыт всем социалистическим Советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, что новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 г. основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в мировую социалистическую советскую республику».

Декларация 1923 г. является, как мы видели, результатом более чем пятилетней борьбы за советский строй. То, что в одном (непринятом) из проектов конституции 1918 г. было формулировано словами «по мере установления в других странах социалистической советской власти РСФСР входит с ними в единый Союз социалистических федеративных советских республик», тогда было признано преждевременным, теперь стало реальным лозунгом нового Союза.

В чем заключается сила нового Союза? В том, что этот Союз является результатом свободного договора, и за каждою из союзных республик сохраняется право свободного выхода из Союза. Гражданин каждой союзной республики может с гордостью провозглашать: «Я — гражданин всего социалистического Союза ССР», не теряя однако своего прежнего национального гражданства.

Но можно ли сказать, что тут «история уже внесла поправку в концепцию Энгельса», в его взгляд на федерализм и централизм? Я полагаю, что такая мысль грешит против революционной диалектики. Не забудем слов Ленина от 14 июня 1920 г.:

«Федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций. Федерация уже на практике обнаружила свою целесообразность как в отношениях РСФСР к другим советским республикам (Венгерской, Финской, Латвийской в прошлом, Азербайджанской, Украинской в настоящем), так и внутри РСФСР, по отношению к национальностям, не имевшим раньше ни государственного существования, ни автономии (например Башкирская, Татарская автономные республики в РСФСР, созданные в 1919 и 1920 гг.)... Признавая федерацию переходной формой к полному единству, необходимо стремиться к более и более тесному федеративному строю, имея в виду, во-первых, невозможность отстоять существование советских республик, окруженных несравненно более могущественными в военном отношении империалистскими державами всего мира, без теснейшего союза советских республик; во-вторых, необходимость тесного экономического союза советских республик, без чего неосуществимо восстановление сил и обеспечение благосостояния трудящихся; в-третьих, тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме»[1].

Для нас, привыкших мыслить диалектически, тут нет противоречия. Декларация от 30 декабря 1922 г. — 6 июля 1923 г. остается величайшим историческим событием в жизни народов. Когда-то теоретики международного права окрестили XIX в. веком национального вопроса и предсказывали для XX в. руководящий лозунг «права», конечно буржуазного права, для ре-

[1] **Ленин**, XIX, стр. 238.

шения и национального вопроса. Революция доказала, что единственное решение национального вопроса—в социализме и коммунизме.

На XII Всероссийском съезде советов (май 1925 г.) был утвержден измененный текст конституции РСФСР под названием Конституции 1925 г. Самое крупное изменение заключается в том, что декларация 1917/18 г. из нее исключена. Но ст. 1 этой конституции начинается словами: «Настоящая конституция РСФСР исходит из основных положений декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа, принятой III Всероссийским съездом советов, и основных начал конституции РСФСР, принятой V Всероссийксим съездом советов». А ст. 15 целиком взята из декларации: «Вся земля, леса, недра, воды, а равно фабрики и заводы, железнодорожный, водный и воздушный транспорт и средства связи составляют собственность рабоче-крестьянского государства».

Ныне эти права уже закреплены в особых законах союзных республик, и конституция их только торжественно подтверждает как принцип, который рабоче-крестьянская власть не намерена колебать. Пройден новый этап, и конституция 1925 г. на этот раз вместо декларации закрепляет то, что по ней уже реально завоевано, не отменяя ни текста, ни смысла декларации в целом, напротив, исходя из основных ее положений.

IV. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНСТИТУЦИЙ РСФСР И СССР

А. БУРЖУАЗНАЯ ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ ПРОЛЕТАРСКАЯ ДИКТАТУРА

(СТ. 1 КОНСТИТУЦИИ РСФСР)

Мы уже видели, что, в то время как Маркс и вслед за ним Ленин на переходное время от социализма к коммунизму провозглашают диктатуру пролетариата, социал-демократ Каутский путем полного извращения марксизма вместо диктатуры пролетариата рекомендует коалиционное правительство с буржуазией (т. е. с классом капиталистов), т. е. буржуазную демократию. Ленин чрезвычайно убедительно ставит, в ответ на всякие примиренческие теории «перерастания» чистой демократии в социализм, «вползания» из капитализма в коммунизм, ребром проблему: «исторического перелома от буржуазной к пролетарской демократии». Революция или без революции? Завоевание политической власти новым классом, свержение буржуазии или сделка, соглашение классов? Поэтому Ленин, следуя Марксу и Энгельсу,—за диктатуру пролетариата. Наша конституция 10 июля 1918 г. и вслед за нею и конституция 1925 г. остались верны Марксу и Ленину, как видно из 1-й (прежде 9-й) ст. следующего содержания: «Настоящая конституция... имеет своей задачей гарантировать диктатуру пролетариата в целях подавления буржуазии, уничтожения эксплоатации человека человеком и построения коммунизма (в конституции 1918 г.—социализма), при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти».

Что же по существу означает слово диктатура пролетариата? Во-первых, «это политическое господство (класса) пролетариата, т. е. власть, не разделяемая ни с кем, опирающаяся непосредственно на вооруженную силу масс»[1]. Во-вторых, «революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами»[2].

А что мы понимаем под «демократиею» вообще? Это—понятие абстрактное. Под «чистою демократиею» понимают форму правления, при которой власть в государстве (в противоположность неограниченной монархии или правительству привилегированного круга лиц—аристократии) принадлежит формально народу, осу-

---

[1] Ленин, XIV, 2, стр. 316.
[2] Его же, XV, стр. 451.

ществляющему свою власть отчасти непосредственно, отчасти через представительные органы, избираемые в том или ином виде большинством народа. Но такой «демократии вообще» на деле не существует, а под названием «чистой» или «формальной» демократии понимают не что иное, как буржуазную демократию, т. е. парламентарное или «конституционное» государство. В противопоставлении диктатуре пролетариата это является на деле «диктатурой буржуазии».

Каутский, типичнейший теоретик социал-предателей, переходную ступень к социалистическому обществу видит именно в такой демократии, причем он сначала строил эту «демократию вообще» именно абстрактно, вне времени и пространства. Его определение демократии гласило: «Политическое общежитие, основанное на равном для всех без различия расы, национальности, исповедания и пола праве». Потом он заменил эту абстракцию конкретным примером с.-д.—Грузией[1], куда он путешествовал в 1921 г. на счет спекулянта Бармаша, а ныне—современной Германией: «Конституция «Рейха» (империи), как она вышла из революции, несмотря на свои недостатки дает достаточно возможностей социалистическому пролетариату мирным путем завоевать политическую власть». На деле более, чем когда-либо и где-либо, в Германии республика прикрывает диктатуру буржуазии при поддержке и только благодаря поддержке социал-демократиии громадного аппарата профсоюзов под руководством социал-демократов. Это даже республика без республиканцев, ибо во главе ее стоит президент-монархист генерал Гинденбург; а на улицах открыто выступает грядущий фашизм, причем Каутский и партия с.-д. превращаются в социал-фашистов.

По теории буржуазная демократия является правительством большинства. Что значит в идее решение большинством? Это означает: 51% голосов и предполагает мирное, «добросовестное» подчинение остальных. Ленин противопоставляет этой идее реальную силу большинства, т. е. пролетариата. Это по существу означает решение «всех»—вопреки колеблющимся «и кроме эксплоататоров». А колеблющихся надо завоевать после победы. Поэтому Ленин утопии победы чрез «мирное голосование» противопоставляет лозунг: сначала «решить», а потом мирно голоснуть.

Но демократия буржуазии на деле ничего общего не имеет с такой идиллией мирного голосования. Ленин же по поводу буржуазной демократии писал:

«Демократия не тождественна с подчинением меньшинства большинству. Демократия есть признающее подчинение меньшин-

[1] Для характеристики его «дифирамба» Грузии я приведу только небольшую выписку из этого «труда». «На них (т. е. меньшевиках Грузии) лежала задача создать условия, привлекающие капитал, т. е. обещающие им прибыль» и «дающие ему необходимые гарантии, что он не будет в один прекрасный день экспроприирован». Другими словами, «необходимые гарантии» — от революции.

ства большинству государство, т. е. организация для систематического насилия одного класса над другим, одной части населения над другой»[1].

Это есть «формальное равенство при сохранении буржуазного ига капитала, наемного рабства».

Я уже сказал, что демократия буржуазии, по словам Ленина, является диктатурою буржуазии, прикрытою парламентскими формами. Но эти формы постепенно теряют значение, т. е. либо просто игнорируются, либо использовываются в интересах диктатуры.

Задолго до фашизма, еще в 1904 г., известный демократ Острогорский передавал следующие слова видного члена английского правительства: «Конституция претерпела серьезное изменение. Правление через парламент перестало существовать; оно уступило место правлению через кабинет; совершилось даже новое изменение, теперь мы имеем правление через первого министра в кабинете»[2]. Значит там даже личная диктатура главы класса капиталистов. Прошло еще 25 лет, и мы второй раз имеем в Англии даже рабочего «первого» министра—Макдональда. Он бессилен против реакционного бюрократического классового аппарата буржуазии и диктатуры финансового капитала.

Теперь не интересно останавливаться на попытках социал-демократов, например Каутского, доказать, что Маркс, а равно и Энгельс под словом диктатура якобы имели в виду «чистую» демократию на основе всеобщего избирательного права. Теперь эти цитаты из Маркса и Энгельса в доказательство того, что они имели в виду именно диктаторскую власть, так известны, что их нечего и повторять[3]. Здесь в этом отношении я хотел бы привести только одну мало использованную цитату, разъясняющую, что Энгельс различал в точности: диктатуру личную, диктатуру небольшой группы революционеров (Бланки) и диктатуру целого класса (Маркс и Энгельс).

Энгельс в своей статье «О программе коммунистов-бланкистов» («Volksstaat», 1874, № 73) пишет: «Из того, что Бланки всякую революцию представлял себе в виде переворота, совершенного небольшой группой революционеров, у него естественно вытекало признание необходимости диктатуры в случае удачи, диктатуры разумеется не всего революционного класса, пролетариата, а небольшой группы революционеров, которые совершили переворот и которые сами заранее уже объединились под диктаторской властью одного или нескольких лиц» (в русском переводе, стр. 48). Значит Энгельс отчетливо противопоставляет диктатуру революционного класса понятию дик-

---

[1] Ленин, XIV, 2, стр. 364.

[2] М. Острогорский, Конституционная эволюция Англии, Петроград 1916 г., стр. 152.

[3] Их необходимо прочесть в блестящем полемическом труде Ленина, Пролетарская революция и ренегат Каутский, написанном им во время выздоровления от покушения на него в 1918 г.

татуры небольшой группы революционеров, тем более отдельных лиц.

А ныне в опубликованной переписке Энгельса с Бернштейном мы в письме Энгельса от 1 января 1884 г. читаем: «Речь идет (в предисловии к «Коммунистическому манифесту») просто об указании, что победивший пролетариат сперва должен преобразовать старую бюрократическую административную, централизованную государственную власть, прежде чем он сможет ее использовать для своих целей... Что в «Гражданской войне» бессознательные тенденции Коммуны приписаны ей, как более или менее сознательные планы, вполне оправдывалось при данных обстоятельствах, было даже необходимо. Русские совершенно правильно вставили это место из «Гражданской войны» в свой перевод Манифеста».

Теперь, на 14-й год советской диктатуры, эти споры кажутся праздными. Как в Коммуне пролетариат имел за собою большинство населения Парижа, так и в России большевики в Октябре 1917 г. в обеих «столицах».

Здесь я приведу только поразительно яркие в этом отношении цифры выборов 1917 г:

ВЫБОРЫ 1917 г.

	в городскую думу		в Учредит. собрание
Петроград	27 мая	24 августа	
Большевики	21,4%	33,3%	45 %
Социал-революционеры и социал-демократы	56,0%	44,0%	18,6%
Буржуазные партии	22,6%	22,7%	33,4%
Москва			
Большевики	11,7%	48,1%	50,0%
Социал-революционеры и социал-демократы	71,2%	20,2%	17,1%
Буржуазные партии	17,1%	31,7%	32,7%

Ленин убедительно доказал, что государственная власть только в руках пролетариата может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата «колеблющихся» непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и у мелко-буржуазных партий. Всеобщее избирательное право является показателем зрелости понимания своих задач разными классами. Но самое решение этих задач дается не голосованием, а всеми формами классовой борьбы, вплоть до гражданской войны. Ибо «сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения» («Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата»).

Теперь признается бесспорною истиною необходимость для революции завоевания большинства трудящихся масс, но не формального большинства. А было время, когда Маркс писал Эн-

гельсу («Письма», т. III, стр. 116): «Я объясняю коротко и ясно: наше назначение представителями пролетарской партии мы получили не от кого другого, как только от себя самих. Но этот мандат утверждает та неслыханная и общая вражда, которую все фракции и партии старого мира направляют против нас». В момент революции такого представительства уже не достаточно. «Тут надо считать не до тысяч, как в сущности считает пропагандист..., тут надо считать миллионами и десятками миллионов»[1].

«Социалистическую революцию нельзя совершить без рабочего класса; ее нельзя совершить, если в рабочем классе не накоплено столько сил, чтобы руководить десятками миллионов забитых капитализмом, измученных, неграмотных и распыленных деревенских людей. А руководить ими могут только передовые рабочие»[2].

Значит не только руководствуясь словами наших учителей Маркса и Энгельса, мы построили диктатуру пролетариата. Этому учит нас и история: «История нас учит, что еще никогда угнетенный класс не получал и не мог получить власти без предшествовавшего периода диктатуры, т. е. без завоевания политической власти и насильственного прекращения самого отчаянного, дикого, не отступающего ни пред каким преступлением сопротивления, которое всегда оказывают эксплоататоры. Сама буржуазия, власть которой теперь защищается социалистами, высказывающимися против «диктатуры вообще» и душою и телом стоящими за «демократию вообще», получила свою власть в цивилизованных странах благодаря целому ряду восстаний, гражданских войн, насильственному свержению королевской власти, феодальных рабовладельцев и подавлению попыток реставрации[3].

Но говорят нам, эти (буржуазные) революции нуждались в насилии, ибо это все были революции меньшинства. Это не совсем так, ибо и буржуазия, только опираясь на миллионы не своего класса, благодаря именно их борьбе, победила, а лишь вслед затем она превратила государство в господство своего меньшинства.

Энгельс писал 27 августа 1883 г. в письме к Бернштейну: «Большая ошибка немцев заключается в том, что они представляют себе революцию как нечто такое, что может быть закончено за ночь. На самом деле она представляет длящийся многие годы процесс развития масс с ускоренным темпом развития». А на этот длительный период революции диктатура пролетариата имеет целый ряд задач: во-первых, подавление класса эксплоататоров (помещиков и капиталистов); во-вторых, продолжение революции, т. е. классовой борьбы вплоть до уничтожения самих классов; в-третьих, обеспечение

[1] Ленин, XVIII, стр. 180.
[2] Его же, XVI, стр. 82.
[3] Его же, XVI, стр. 37.

за классом трудящихся условий для выполнения недостающих предпосылок социализма.

Все эти задачи и способ их выполнения нами рассмотрены уже выше (см. «Учение ленинизма»). Если Парижская коммуна была лишь кратковременною вспышкою и ограничилась лишь в сущности одним Парижем, то советскую власть можно назвать развернутую формою диктатуры пролетариата, существующею не неделями, а уже годами, не в одном городе, а в стране, занимающей $^1/_6$ всего земного шара. «Советская или пролетарская демократия родилась в России. По сравнению с Парижской коммуной был сделан второй всемирно-исторический шаг. Пролетарско-крестьянская советская республика оказалась первой в мире устойчивой социалистической республикой. Она не может умереть как новый тип государства»[1].

После этого конечно было бы праздным занятием спорить о необходимости диктатуры.

Но, будучи диктатурою пролетариата, советская власть одновременно является и более совершенною формою демократии. «От капиталистической демократии,—неизбежно узкой, тайком отталкивающей бедноту, а потому насквозь лицемерной и лживой,—развитие вперед не идет просто, прямо и гладко, «ко все большей и большей демократии», как представляют дело либеральные профессора и мелкобуржуазные оппортунисты. Нет. Развитие вперед, т. е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата—иначе итти не может, ибо сломить сопротивление эксплоататоров-капиталистов больше некому и иным путем нельзя. А диктатура пролетариата, т. е. организация авангарда угнетенных в господствующий класс для подавления угнетателей, не может дать просто только расширение демократии. Вместе с громадным расширением демократизма, впервые становящегося демократизмом для бедных, демократизмом для народа, а не демократизмом для богатеньких, диктатура пролетариата дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплоататорам, капиталистам». «Энгельс прекрасно выразил это в письме к Бебелю, сказав..., что «пролетариат нуждается в государстве не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда можно будет говорить о свободе,—не будет государства». Демократия для гигантского большинства народа и подавление силой, т. е. исключение из демократии эксплоататоров, угнетателей народа,—вот каково видоизменение демократии при переходе от капитализма к коммунизму»[2].

Если же рассмотреть и пролетарское государство переходного времени и буржуазную демократию, как диктатуру, то Ленин видит их сходство и различие в следующем:

«Диктатура пролетариата подобна диктатуре других классов в том отношении, что она, как и всякая другая диктатура, вызвана

[1] Ленин, XVI, стр. 185.
[2] Его же, XIV. 2, стр. 369.

необходимостью подавить силою сопротивление того класса, который теряет свою политическую власть. Основное отличие между диктатурой пролетариата и диктатурою других классов—диктатурой крупных землевладельцев в средние века, диктатурой буржуазии во всех цивилизованных капиталистических странах—состоит в том, что диктатура крупных землевладельцев и буржуазии представляла собою насильственное подавление сопротивления большинства населения, а именно — трудящихся масс, между тем как в противоположность этому диктатура пролетариата есть насильственное подавление сопротивления эксплоататоров, т. е. явного меньшинства населения—крупных помещиков и капиталистов»[1].

Демократизм пролетарской диктатуры особенно ярко проявляется в том, что советская власть, созданная самими революционными массами, представляет собой способ привлечь к управлению государством именно массы. Не кабинетный ум, а сама революция создала советы, и ее теоретик Ленин лишь возвел в теорию эту революционную практику 1905 и 1917 гг., а первая диктатура пролетариата—Парижская коммуна 1871 г.—возникла бессознательно, даже против воли самого пролетариата.

Но, став у власти, пролетариат вокруг своей диктатуры объединяет все трудящиеся массы.

«Диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.) или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма. Это—особого вида союз, складывающийся в особой обстановке, именно—в обстановке бешеной гражданской войны, это союз твердых сторонников социализма с колеблющимися его союзниками, иногда с «нейтральными» (тогда из соглашения о борьбе союз становится соглашением о нейтралитете), союз между неодинаковыми экономически, политически, социально, духовно классами»[2].

А кто группируется вокруг диктатуры буржуазии? Энгельс в своем письме к А. Бебелю 2 декабря 1884 г. писал пророческие слова: «Во всяком случае в день кризиса и на следующий день нашим единственным противником является группирующаяся вокруг чистой демократии реакция». Мы на деле видели это в России (вокруг кадетов все: от монархистов до социал-демократов). Проходя разные ступени развития, конечно и пролетарская диктатура меняет свой характер. Она в свой союз вовлекает сначала одно беднейшее, но затем и крестьянство вообще, понимая под ним конечно

[1] Ленин, XVI, стр. 43.
[2] Его же, XVI, стр. 241.

середняка. Политических прав она не расширяет за пределы трудящихся, но отношение к ее прочим слоям зависит от данного момента.

В то время, как буржуазная демократия исходит из неосуществимого предположения, что все люди могут сделаться имущими, рабочая демократия оперирует с вполне возможною и естественною картиною будущего, что все люди станут трудящимися работниками.

Эта демократия будет рабочею и никогда не вернется к отжившему парламентаризму и буржуазному строю, но сохранит свой советский характер, постепенно отмирая. До тех пор и особенно в настоящий момент вопрос ставится резко и отчетливо: либо диктатура буржуазии, т. е. буржуазная «демократия», и вслед за нею открытый фашизм, либо диктатура пролетариата и путь к социализму и коммунизму.

Б. РСФСР и СССР

(ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНСТИТУЦИЙ РСФСР И СССР)

«РСФСР». Это оригинальное сочетание пяти букв приобрело мировой вес и мировую известность. И оно имеет свою историю, а не вымышлено в кабинете. Если вы обратите внимание на декларацию прав трудящегося и эксплоатируемого народа 1917 г., то там название нашего государства гласит еще: РСР—Российская советская республика, хотя в этой декларации и говорится уже о ее федеративном характере. В первоначальном проекте конституции название гласило: «РФСР»—Российская федеративная советская республика. Но еще при обсуждении, если не ошибаюсь, проекта декрета о флаге Российской республики («Собрание узаконений 1918 г., № 31, ст. 415) была внесена поправка: прибавить слово «социалистическая», ибо принципиально вполне допустима мысль, что Советская республика (например крестьянские советы) еще не социалистична.

Эта поправка была принята, и так вполне естественно получилось это как будто бы нарочно созданное сочетание букв: РСФСР, которое одинаково читается как с одной, так и с другой стороны и которое означает: Российская социалистическая федеративная советская республика. X Съезд советов сделал шаг дальше. Вместо существовавших до сих пор федеративных отношений между РСФСР, с одной, и Украиною, Закавказскою федерациею и Белоруссиею, с другой стороны, X Съезд и вслед затем I Союзный съезд (30 декабря 1922 г.) постановили: на основании общего договора образовать единую союзную республику (см. отдел II, п. В) СССР, т. е. Союз социалистических советских республик, в которую лишь как составная часть входит РСФСР.

Слово «Российская» имело, с одной стороны, чисто историческое, а с другой стороны, международное значение: оно означало прежде всего преемственность власти и территории после царской России. Поэтому вначале РСФСР обнимала всю территорию прежней «Российской империи». Ныне из названия Союза ССР слово «Российская» выпало, и РСФСР является лишь одною из союзных республик, в состав которой входят и нерусские автономные республики и области.

«Российская республика есть социалистическое государство рабочих и крестьян, строящееся на основе федерации национальных республик» (ст. 2). Эта статья заменяет прежнюю ст. 10 Конституции, в которой говорилось точнее о «социалистическом обществе».

«Слово «социалистическое» должно было подчеркнуть содержание нового «сообщества». Если в 1848 г. рабочие Парижа стихийно провозгласили социальную республику, не зная сами, что они собственно вкладывают в содержание этого названия, то в России это действие было вполне сознательно, ибо власть была в руках пролетариата, и он смело шагает через все препятствия к социализму.

«Ни один коммунист,—говорит Ленин, — не отрицал кажется и того, что выражение «Социалистическая советская республика» означает решимость советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономических порядков социалистическими»[1]. А в другом месте Ленин поясняет: «Социалистический характер демократизма советского,— т. е. пролетарского,—в его конкретном, данном применении состоит, во-первых, в том, что избирателями являются трудящиеся и эксплоатируемые массы, буржуазия исключается, во-вторых,—в том, что всякие бюрократические формальности и ограничения выборов отпадают, массы сами определяют порядок и сроки выборов при полной свободе отзыва выбранных, в-третьих, что создается наилучшая массовая организация авангарда трудящихся, крупно-промышленного пролетариата, позволяющая ему руководить наиболее широкими массами эксплоатируемых, втягивать их в самостоятельную политическую, жизнь, воспитывать их политически на их собственном опыте, что таким образом впервые делается приступ к тому, чтобы действительно поголовно население училось управлять и начинало управлять»[2]. «Я не делаю иллюзий насчет того, что мы начали лишь период переходный к социализму, что мы до социализма еще не дошли. Но вы поступите правильно, если скажете, что наше госу-

---

[1] Ленин, XV, стр. 243.
[2] Его же, XV, стр. 205.

дарство есть Социалистическая республика советов. Вы поступите так же правильно, как те, кто называет многие буржуазные республики Запада демократическими, хотя всем и каждому известно, что нет ни одной из самых демократических республик, которая была бы демократической вполне... Так и мы теперь... Мы далеки от того, чтобы закончить даже переходный период от капитализма к социализму»[1].

Не лишне здесь сопоставить с нашей Республикой другую «Социалистическую республику»—Германию, где в ноябре 1918 г. также было принято это название, но ее вожди никогда и не думали итти по пути к социализму. Она просуществовала четыре месяца—с 9 ноября 1918 г. до весны 1919 г., когда Германия без всякого переворота, окончательно по Веймарской конституции (11 августа 1919 г.), превратилась в демократическую республику, ныне с монархистом генералом Гинденбургом, как президентом, во главе.

Ф

Мы уже видели, что РСФСР есть федеративное государство. Мы также видели, как коммунисты смотрят на федеративное устройство вообще. Нам придется еще подробнее изложить устройство образовавшихся в составе РСФСР автономных республик и областей.

С

Советскою РСФСР является в отличие от парламентарной республики буржуазной демократии. Мы этот вопрос уже рассмотрели подробнее выше. Здесь ограничимся лишь несколькими словами по поводу прочих примеров советских государств.

Как известно, и германская революция пошла по пути советов, и первое революционное правительство в Германии в 1918 г. получило власть от советов. Но это правительство не только не вело себя как советское, но напротив представляло собой лишь злую комедию над этим названием. Оно считало себя лишь приказчиком буржуазии и, оставив на месте всех до последнего чиновников, ограничилось приставлением к ним по два комиссара к каждому для скрепы всяких грехов буржуазии. Оно само созвало Учредительное собрание и, разумеется, после такого поведения, не получив большинства в нем, сдало власть буржуазии, ограничиваясь подачками в виде теплых и почетных мест в новом «демократическом» строе.

Республики Венгерская, а затем и Баварская, возникшие в виде кратковременного эпизода, объявили себя советскими и социалистическими, но погибли после недолгой борьбы ввиду своей изолированности и предательства социалистов Германии и Австрии.

[1] Ленин, XV, стр. 81, 82.

Ленин, ожидая успехов революции на Востоке, полагал, что и «крестьяне, находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле... Идея советской организации проста и может быть применена не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям»[1].

Эти слова оправдались например во время Кантонского восстания (в Китае) в 1928 г., а равно в местах, охваченных революцией ныне.

Р

РСФСР—Республика, ибо хотя название «республика» в буржуазном смысле и приобрело достаточно дурную славу, оно все-таки подчеркивает категорическое отрицание всякого единоличия государственной власти и кроме того оно является общим названием для государства вообще. В 1917 г. оно имело и прямо историческое значение. Ведь был момент, когда даже Петроградский исполнительный комитет первого созыва заколебался в своем закрытом заседании, не итти ли на уступки пред конституционною монархиею, и из этого колебания нерешительные элементы были вырваны лишь благодаря знаменитому солдатскому «Приказу № 1». А руководящая тогда партия всей буржуазии, кадетская, лишь через два месяца, на своем третьем съезде, приняла лозунг республики, а по «соглашению» об отречении Николая—самый вопрос о форме государства должен был быть решен Учредительным собранием. Лишь благодаря беспрестанной агитации большевиков правительство 3 сентября 1917 г. объявило Россию республикою.

Но если даже революция 1848 г. не удовлетворилась просто республикою, а потребовала республики *социальной*, то и большевики не могли остановиться на одной республике: они противопоставляют парламентарной республике *свою Советскую республику*, как особого рода государство класса трудящихся.

«Российская советская республика» учреждена на основе «федерации национальных республик» (ст. 2 конституции).

СССР

После сказанного выше нам нет надобности давать подробный разбор и этих букв. Остается остановиться на первой букве «С». Оно означает «*Союз*». Теоретически может быть вернее было бы назвать новый союз «Социалистическою советскою союзною республикою». Но не в названии дело. По существу она является *союзным государством*, в котором центральная «суверенная власть» принадлежит Союзному съезду советов и Центральному исполнительному комитету Союза, причем в основу объединения положены «принципы добровольности и равноправия

[1] Ленин, XVII, стр. 276.

республик с сохранением за каждою из них права свободного выхода из Союза республик» и «полное обеспечение интересов национального развития народов договаривающихся республик». Подробности договора мы изложим ниже.

Ныне всего семь советских социалистических республик (в том числе две федерации) объединяются в этом «Союзе советских социалистических республик». Но «доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем»... «по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую социалистическую советскую республику» (декларация 31 января 1924 г.). Герб Союза уже ныне «состоит из серпа и молота на земном шаре».

В. «ХАРТИИ (ГРАМОТЫ) ВОЛЬНОСТЕЙ»

(«ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ» КОНСТИТУЦИИ РСФСР, СТ. СТ. 4—14)

> «Ни один человек не борется против свободы вообще; он борется, самое большое, только против свободы других. Всякий вид свободы всегда существовал в первый раз в виде исключительного права, привилегии, второй раз как всеобщее право».
>
> (Маркс, Nachlass, I, 224)

Продолжая изложение Советской конституции и противопоставляя ее на каждом шагу конституциям буржуазных государств, мы для общих положений конституции РСФСР находим соответствующий акт в так называемых «Хартиях вольностей» буржуазных конституций. И в феодальном обществе существовали такие свободы, но не в виде общего права, а в виде привилегий отдельного или отдельных сословий. Средневековый барон и человеком признавал лишь барона или вообще члена привилегированного сословия. «Равноправие» ограничивалось еще более узким кругом, чем его сословие. Потребовалась долгая революционная борьба, чтобы добиться объявления всех людей «человеками» и на всех их формально распространить личные «свободы», права человека и гражданина. Но и эти вольности буржуазии сначала приобретались городами как привилегии (см. дальше).

В буржуазной литературе имеется много работ по изучению вопроса о возникновении этих свобод. Более или менее крупные ученые, например Еллинек в Германии, доказывали, что идею свободы в политическую жизнь внесла церковь и особенно церковная революция, «реформация». На деле вся первоначальная борьба за свободу действительно имела как бы церковный характер. Ведь то был период, когда господствовали власть христианской церкви и христианское церковное мировоззрение. Но кто или что на деле внесло туда «идею равенства»? Это сделал товарообмен, подвергающий, по мере того как он делается всеобщим, все своей разлагающей критике денежной равно-

ценности. Договор товарообмена, все шире охватывая все взаимоотношения людей, не останавливается и пред вратами церкви, ибо церковь была крупнейшим феодалом. Первые революционеры в Англии были сектанты, протестанты против тогдашнего религиозного мировоззрения. Экономически принадлежа к разным средним слоям, эти сектанты свою революционную борьбу начали на церковном фронте. Но и они эту свою борьбу за свободы начали путем договора, т. е. купли-продажи: они ее покупали. Роберт Броун[1], основатель реформистской церкви, предшественник индепендентов, вел борьбу не только против иерархии англиканской церкви, он вел борьбу против духовенства вообще,—во имя полной самостоятельности отдельных церковных общин, их отделения от официальной церкви и решения всех внутренних и внешних дел в них простым большинством голосов. Но он объявил эту свободу общины или общества верующих, основываясь на «договоре с богом». Так революционизирующий все отношения договор впервые получает в некотором роде форму «основного договора», того «Contrat social» или общественного договора, на котором и в дальнейшем буржуазная революционная теория основывает власть политической демократии. Но Броун предъявляет это свое предложение к принятию («акцепту»), утверждению раньше богу, чем королю. Его преемники, индепенденты, составляли основное ядро политической революции 1640-х годов. Наиболее радикальные слои революции, левеллеры, в своих требованиях шли уже гораздо дальше, не останавливаясь даже пред священной земельной собственностью. Однако и они свои требования заявляли не во имя какого-то естественного права, а во имя «договора с парламентом». Когда они стали захватывать пустующие земли для обработки, они сделали это во имя своей победы над королем, ибо они заявили, что «купили эту землю своими деньгами (налогами) и кровью».

Значит, на совершенно неверном пути находятся те буржуазные ученые, которые подобно Г. Еллинеку и его последователям в «Хартии вольностей» видят непосредственное влияние церкви и ее идеологии. Те примеры, которые приводятся из английской истории времен до революции и самой революции, доказывают как раз противоположное: первые проявления классовой борьбы в средние века принимали, как и впрочем вся общественная жизнь, форму церковных споров, часто совершенно непонятных без их экономически-политической подкладки. Такие лозунги, как равенство, неприкосновенность личности и т. д., являются прямыми последствиями, даже простым отражением в законе отношений товарообмена, свободы найма и т. п. последствий денежного хозяйства, а все революции, за исключением лишь пролетарских революций XIX—XX вв., ищут форм для воплощения своих идей в прошлом, т. е. в церкви или в древнем Риме.

[1] Роберт Броун (1549—1630) перенес тяжелые преследования и умер в тюрьме На смертном одре он заявил, что он сидел в заключении всего 32 раза. Он жил долго в эмиграции в Нидерландах и в колонии Зеландии.

Если мы для права вообще или вернее для гражданско-правовых отношений людей наиболее наглядные примеры и прообразы нашли в старом Риме, то для изучения истории политических прав *классическою страною является Англия*. Те же следы «крови» и, прибавим, денег, которые Иеринг обнаруживает на каждом институте римского частного права, в Англии мы можем найти на любом институте публичного права. Если мы берем любого серьезного историка английского публичного права, то мы видим, что *все политические права*, которыми так долго славилась Великобритания, являются *результатом «драк», гражданских войн или же сделок* купли-продажи, а то и просто обмана. Так например борьба за «Великую хартию» длилась 80 лет (с 1199 по 1276 г.) и для ее завоевания конечно недостаточно было вынужденной первым восстанием уступки короля Иоанна Безземельного. «Смуты» 1199 г. привели к «предоставлению» Лондону «его вольностей». Про 17 хартий, «пожалованных» королем 16 другим городам, мы знаем, что они были попросту *куплены за деньги*. «Великая хартия», в отличие от этих городских хартий, была *мирным договором*, заключенным между двумя воюющими сторонами» (Градовский). Но эти вольности были не общими правами, а *только привилегиями* для свободных людей[1], и потребовалась продолжавшаяся столетиями борьба для достижения того общего демократизма, которым Англия славилась до войны и от которого не осталось ни следа с наступлением периода пролетарских революций. Мы видели в введении «о праве», как человек-гражданин превратился в равноправного субъекта права «в товарообороте», как это *«юридическое»*, правовое понимание всех отношений проникло и в понимание государства. А когда юристы взяли в свои руки объяснения сущности государства и его институтов с этой стороны, то получилось не мало странных формул.

Так весьма характерен спор в юридической литературе относительно юридического характера «прав гражданина». Одни юристы утверждают, что это—«права субъективные», т. е. права, принадлежащие гражданину, как лицу, субъекту, известная свобода его произволу. Это отголосок *идеи естественного права* о прирожденных правах человека и гражданина, перенесенной в положительное право. Такое объяснение вполне соответствует первому, революционному периоду власти буржуазии, восходящего класса капиталистов и находит выход из противоречий классового господства, в противоречии, имманентном (внутреннем) лицемерии их конституций. Другая, более *«современная»* (*по времени*) *школа* оспаривает этот самостоятельный характер политических прав и заявляет, что эти права в буржуазном обществе являются лишь рефлексом, отражением

[1] Проф. Стебс говорит: «С одной стороны (в Англии), все люди были свободны кроме рабов, с другой—все были несвободны, за исключением freemen, собственников земли, никому не обязанных» (ср. *Градовский*, Государственное право важнейших европейских государств).

интереса государственного (т. е. классового). Если например на лестнице дома квартиранты первых этажей выстлали ковры, то жильцы третьего и дальнейших этажей также пользуются ими, но это не является их субъективным естественным правом, а лишь рефлексом прав собственников этих ковров, ибо они, в случае удаления ковров их владельцами, никаких споров или претензий заявлять не могут. Так же (!), говорят эти юристы, если государство (прибавим от себя: классовое буржуазное государство) признало своевременным и полезным издать известные законы о «льготах» или свободах граждан, то оно делает это лишь в своих (читай: господствующего класса) интересах, а прочие граждане этими правами пользуются лишь как рефлексом, отражением, а следовательно никакого самостоятельного права протеста против их нарушений и отмены не имеют.

Но не взирая на ту или иную мотивировку, почти все буржуазные конституции в одинаковой мере объявляют эти права и свободы граждан **формально всеобщими, абсолютными и неприкосновенными**, что вызывает остроумную и едкую критику со стороны К. Маркса в его «18 Брюмера» (стр. 19—20). По поводу конституции французской буржуазной республики 1848 г. он пишет: «Неизбежный генеральный штаб вольностей 1848 г. (личная свобода, свобода печати, слова, союзов, собраний, обучения, совести и т. д.) получил конституционную форму, делающую их неуязвимыми. А именно: каждая из этих свобод объявляется **безусловным** правом французского гражданина (citoyen), но с неизбежным примечанием сбоку, что она **безгранична постольку, поскольку** «она **не** ограничивается равными правами других» или особыми «законами», долженствующими осуществить эту гармонию. Например: «Граждане имеют право объединиться в союзы, мирно и без вооружения собираться, подавать петиции и выражать свои мнения путем печати или каким бы то ни было иным способом. Пользование этими правами не имеет никаких иных границ, как только равные права других лиц и публичную безопасность» (глава II французской конституции 1848 г., § 8).—«Обучение свободно. Но свободою обучения должны пользоваться под условием, выраженным в законе, и под верховным наблюдением государства» (там же, § 9).—«Жилище каждого гражданина неприкосновенно, за исключением форм, установленных законом» (глава 1, § 3), и т. д. Итак конституция постоянно указывает на будущие органические законы, которые должны привести в действие означенные примечания и **урегулировать** эти неограниченные свободы **так, чтобы они не приходили в столкновение** ни между собою, ни с общественною безопасностью. А впоследствии эти органические законы издавались «друзьями порядка», и все эти свободы были урегулированы так, что **буржуазия**, пользуясь ими, **никогда не приходила в столкновение** с равными правами других классов. Там же, где «другим» эти права были совсем запрещены или где разрешено пользование ими лишь под условиями, из

которых каждое представляло настоящую ловушку, это всегда делалось только в интересах «общественной безопасности», т. е. безопасности буржуазии, как это именно предписывает конституция. Поэтому впоследствии на конституцию с полным правом ссылаются обе стороны,—как друзья порядка, отменившие все эти свободы, так и демократы, которые их домогались. Каждый параграф конституции содержит в себе свой собственный антитезис, свою собственную нижнюю и верхнюю палату, а именно: в общей фразе—свободу, в примечании же—отмену свободы. До тех пор, пока уважалось название свободы и ставились препятствия лишь ее действительному осуществлению, конечно законным путем, конституционное существование свобод оставалось неуязвленным, нетронутым, как бы ни было убито их существование вообще».

Я привел эту длинную характеристику, потому что она в одинаковой мере относится не только к старой французской, но к любой новой и новейшей конституции, из которых каждая содержит, говоря словами профессора Г. Еллинека, «целый каталог таковых свобод»[1].

Но это далеко не все: как политическое равенство оказалось одною фикциею, обманом, прикрывающим экономическое неравенство, так все эти отдельные политические свободы оказались одною иллюзиею без соответствующей экономической гарантии. Такое положение неизбежно в буржуазном обществе, которое не желает и не может желать дать этих свобод угнетенным классам, но оно также мало хочет и может об этом заявить откровенно. Советская конституция не боится откровенности. Но она впервые (из всех бывших и существующих конституций) подчеркивает необходимость обеспечить для трудящихся всякие свободы не только на словах, но и на деле.

[1] Чтобы не составилось ложное представление о нынешних, вполне демократических конституциях, мы процитируем одну из новейших конституций — конституцию германской демократической республики: «Все германские граждане равны перед законом» (ст. 109). «Свобода личности неприкосновенна, ограничение или лишение личной свободы мерами публичной власти допускаются только на основании закона» (ст. 114). «Жилище каждого германского гражданина есть его свободное убежище (?) и неприкосновенно. Исключения допускаются только на основании законов» (ст. 115). «Тайна переписки и т. д. неприкосновенна». Исключения — на основании... закона (ст. 117) и т. д., и т. д. «Законное принуждение допустимо только для осуществления прав, коим угрожает опасность, или ради высших требований общественного блага». «Свобода торговли, промысла, договоров — в пределах законов». — Все эти пышные слова можно было заменить просто соответствующими законами, как-то: об исключительном суде, далее против коммунистов и рабочих вообще и т. д. Было бы менее «демократично», но куда честнее. И представьте себе портрет короля спекулянтов покойного Стиннеса с подписью ст. 153 конституции. «Собственность обязывает. Пользование ею должно быть (?) в то же время служением общему благу» (читай, прибыли!). Конституция перечисляет даже нравственные обязанности: «Каждый гражданин нравственно обязан, без ущерба для своей личной свободы, так применять свои умственные и физические силы, как того требует общее благо» (ст. 163), а во главе этой республики президент-монархист ген. Гинденбург, — уполномоченный по своему усмотрению приостанавливать все эти свободы!

«Наша пролетарская и крестьянская Советская конституция отбрасывает прочь лицемерие формального равенства»[1]. После победы пролетариата «центр тяжести передвигается от формального признания свобод (как было при буржуазном парламентаризме) к фактическому обеспечению пользования свободами со стороны трудящихся, свергающих эксплоататоров, например от признания свободы собраний к передаче всех лучших зал и помещений рабочим, от признания свободы слова к передаче всех лучших типографий в руки рабочих и так далее»[2].

С этой точки зрения нам приходится рассмотреть религиозную свободу, свободу слова и печати, собраний, союзов, свободу и доступ к приобретению знаний, равноправие трудящихся иностранцев и право убежища и равноправие национальностей. Туда же относится «право на труд»—в форме трудовой повинности и почетное право защищать с оружием в руках революцию и красное отечество. Каждый из этих вопросов требует для верной их оценки кратких пояснений и сопоставлений с соответствующими правами и свободами буржуазных конституций.

Это весьма существенно отличает наш строй от буржуазной демократии, где так называемые «конституционные гарантии», т. е. свобода личная и имущественная на словах обещаются всем, но на деле достаточно одного росчерка пера, чтобы приостановить и на словах эти «конституционные гарантии». Мы увидим еще дальше, что в буржуазной юриспруденции имеется даже особая доктрина: теория исключительного положения, а главное, нет реальной возможности осуществлять их.

Вот как выражает эти мысли программа Коминтерна (а вместе с тем и основа программы всех компартий); «Советское государство, лишая эксплоататорские классы средств производства и монополизируя эти средства производства в руках пролетарииата как господствующего класса, прежде и раньше всего гарантирует материальные условия осуществления прав рабочего класса и трудящихся вообще, обеспечивая дома и общественные здания, типографии, средства передвижения и пр. за рабочим классом. В области общеполитических прав Советское государство, лишая этих прав врагов народа и эксплоататоров, впервые до конца уничтожает неравенство граждан, основанное при эксплоататорских системах на различии пола, религии, национальности; оно устанавливает в этой области такое равенство, которое не проведено ни в одной буржуазной стране; в то же время и здесь диктатура пролетариата неуклонно подводит материальный базис, позволяющий на деле реализовать это равенство; таковы мероприятия, раскрепощающие женщину, способствующие индустриализации бывших колоний и т. д.».

---

[1] Ленин, XV, стр. 414.
[2] Там же, стр. 161.

1. Личность (индивид) и советы

Буржуазная революция поставила своею целью политическое освобождение индивида, личности, объявив его формально равным пред законом. Она этот свой лозунг основывает на естественном праве «родившегося свободным» человека, объявляя это его право неотъемлемым. Суть этой свободы по существу заключается в невмешательстве государства в «частную жизнь» отдельного человека-гражданина. «Человек свободен, хотя бы он родился рабом» (слова поэта Шиллера). Мы уже вкратце коснулись этого раздвоения человека на гражданина и частного человека и социального значения этого раздвоения.

Пролетарская революция смотрит на политическую революцию не как на цель, но лишь как на средство для социальной революции. Советская конституция формулирует эту цель в словах «уничтожение эксплоатации человека человеком» (ст. 1). Еще в самый разгар Великой французской революции поднялись сомнения рабочего класса в чудотворных действиях политических «свободы, равенства и братства». Прошедшие с тех пор более 125 лет наглядно показали пролетарию, что суть свободы заключается в экономическом освобождении. А так как диктатура пролетариата еще не есть окончательное освобождение человека, а лишь орудие в руках пролетариата для проведения длительной переорганизации общества, уничтожения эксплоатации человека человеком, то в конституции и не были помещены пышные слова о свободе, неприкосновенности личности и т. д. «Равенство (в праве производителей) заключается лишь в том, что оно измеряется по равному мерилу (масштабу), т. е. по труду», оно следовательно является «правом неравенства, как по своему содержанию всякое право вообще»[1]. Карнер (бывш. австрийский канцлер Реннер), в своем исследовании о функциях правовых норм, право личной неприкосновенности, по буржуазным понятиям, сводит к свободе личного найма. А Ленин писал: «Пока остается частная собственность на средства производства (например земледельческие орудия и скот, если даже частная собственность на землю отменена) и свободная торговля, до тех пор остается экономическая основа капитализма. И диктатура пролетариата есть единственное средство победоносной борьбы с этой основой, единственный путь к уничтожению классов (без которого о действительной свободе для человеческой личности,—а не для собственника,—о действительном равенстве, в социально-политическом отношении, человека и человека,—а не лицемерном равенстве собственника и неимущего, сытого и голодного, эксплоататора и эксплоатируемого,—не может быть и речи)[2].

Но при точке зрения коммунистов на роль советов как средства восстановления единства раздвоенной в бур-

[1] К. Маркс, Критика Готской программы.
[2] Ленин, XVII, стр. 381.

жуазном обществе личности не поглощается ли личность целиком советами? Отнюдь нет! Напротив, цель коммунизма—окончательное освобождение человека, освобождение не только экономическое, но и политическое. Ибо вместе с завершением, «осуществлением коммунизма, при котором не будет деления на классы», отмирает и государство, исчезает и государственная власть и наступает реально, в действительности, та свобода, о которой утопически мечтают всякие анархические политические течения[1]. Лишь советский строй через период гражданской войны и переходную стадию ведет к окончательному освобождению. Это все еще общество, в котором праву соответствует обязанность, где право часто еще сводится к повинности, ибо только окончательное искоренение деления человечества на классы отменит рознь между правом и обязанностью, т. е. упразднит и право как средство классового господства. Но мы и в этой переходной стадии стремимся к возможным гарантиям личности, в первую очередь,— трудящихся, вводя революционную законность, только не в лицемерном понимании, как Временное правительство 1917 г. и его соглашательские элементы говорили о «революционном порядке», а вполне реальную, революционную законность.

С этой точки зрения необходимо рассмотреть все статьи общей части Советской конституции.

2. «Свобода совести»

«В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» (ст. 4 в редакции 1929 г.). Первая часть этой статьи лишь повторяет прежнюю программу РСДРП(б) и поэтому считалась нами проведенною в силу факта победы революции под лозунгами этой партии. Более спорна тогда была вторая ее часть. Первоначальный текст как декрета об отделении церкви от государства, так и конструкции гласит несколько иначе. Ведь в Эрфуртской программе германской социал-демократии мы имели, даже по отношению к членам партии, известную формулу, что религия есть «частное дело» каждого. И это «частное дело» угрожало пролезть и в декрет об отделении церкви от государства. Но в Совете народных комиссаров, по предложению Ленина, в декрет были внесены в ст. 1 слова нашей программы: «церковь отделяется от государства», а в ст. 4: «школа отделяется от церкви».

[1] Интересно отметить, что уже и мелкобуржуазная Гора Конвента стала сознавать голословность абстрактной личности, и ст. ст. 21 и 22 Декларации 1793 г. редактированы словами: «Государственная помощь есть священный долг. Общество обязано поддерживать своих несчастных граждан, доставляя им труд или обеспечивая средства существования тем, кто не может трудиться. Образование есть потребность всех. Общество должно содействовать всею своею властью успехам общего разума и сделать образование доступным для всех». Но без указания средств к проведению этих мер, без завоевания диктатуры пролетариата они остаются благими, но голословными пожеланиями.

Но в первоначальном проекте этого параграфа нашей конституции в особенности отсутствовало требование антирелигиозной пропаганды. Но, как известно, еще в «Критике Готской программы» германской социал-демократии Маркс пишет: «Рабочая партия должна выразить свое убеждение, что буржуазная свобода совести есть не более как терпимость ко всем родам религиозной свободы совести, рабочая же партия должна стремиться освободить совесть от всяких религиозных призраков». Первоначально в статью конституции вошла и свобода религиозной пропаганды. В 1929 г. эта пропаганда была исключена как пережиток.

В либеральных «Русских ведомостях» весною 1918 г. по поводу этого декрета была интересная заметка известного либерала Арсеньева[1]. Этот либерал, который прежде безусловно принадлежал к неверующим слоям интеллигенции, здесь оплакивает судьбу попов после декрета от отделении церкви от государства—во имя их либерального и лойяльного отношения к революции («духовенство легко могло стать заащитником (?) и сотрудником (!) демократии»!). Это между прочим, прямо опровергается фактами, ибо на колокольнях ленинградских церквей в феврале 1917 г. нашли пулеметы против народа. А в дальнейшем мы почти всю буржуазную ителлигенцию видим в числе усердных богомольцев и участников крестных ходов в целях контрреволюции.

Как известно религия, т. е. церковь, была прежде тесно связана с государством и его властью. Эта связь была или чисто органическая, или параллельная, вроде некоторого двоевластия, или наконец побежденная церковь переходила в роль «служанки» государства[2]. Во всех этих случаях вера, религия были мощным орудием в руках государства для властвования над угнетенными массами, ибо «религия — это опиум для народа» (Маркс). Если уже реформация означала некоторое освобождение граждан от старого режима церкви, то представители светской науки, как и предшественники Великой французской революции, вели войну на жизнь и на смерть против самой церкви. Они, борясь за просвещение, объявили войну христианской религии. Но французская революция не пошла дальше «свободы совести» и своей католической «веры для народа» не трогала. И даже, на время официально декретируя отмену христианской религии, она в то же время ввела еще более торжественный культ Разума, как «Верховного существа». В декларациях и конституциях оставалась та же свобода совести, как свобода вероисповедания, не больше. А об отношениях прав че-

---

[1] В номере «Русских ведомостей» от 7 февраля 1918 г. мы читаем статью такого же либерала Белоусова, заканчивающуюся словами: «Пожелаем же церкви успеха в доброй ее брани», т. е. против декрета об отделении церкви от государства.

[2] Еще Адам Смит писал: «В стране, где существует только одна господствующая религия... суверен никогда не может считать себя вне опасности, если он не имеет средств приобрести значительное влияние на большинство тех, которые преподают эту религию.

ловека и гражданина к религии К. Маркс писал еще в молодости: «Непримиримость религии с правами человека так мало содержится в понятии прав человека, что право человека быть религиозным, как ему угодно, исполнять свободно обряды своей религии, напротив, положительно причислено к правам человека. Привилегия веры таким образом объявлена общим правом человека»[1].

Мы знаем, как воинственно церковь, особенно в Англии, выступает против СССР. А в Италии в борьбе против мирового коммунизма фашизм Муссолини примирился с папою.

Здесь необходимо коснуться еще вопроса, лишь косвенно затрагивающего конституцию. Это вопрос о том, как объяснить кажущееся противоречие между конституциею и партийною программою ВКП(б). Наша Конституция имеет в виду всех граждан и ограничивается по отношению к ним свободою религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды. Коммунистическая партия не удовлетворилась прежнею программою «об отделении церкви от государства» и «о неограниченной свободе совести». Программа коммунистической партии требует от всех своих членов определенной борьбы против религиозности, «организуя самую широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду», «заботливо избегая всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма». Такая осторожность однако относится лишь к стоящим вне партии лицам; по отношению к членам партии, коммунистам, действует правило, что служение коммунизму «несоединимо с принадлежностью к церкви».

Одним из наших первых важнейших декретов, как я уже сказал, был декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви от 23 января 1918 г. («Собрание узаконений», 1918 г. № 18, ст. 263). Само по себе отделение церкви от государства есть требование буржуазное, и оно проведено в жизнь не только в Америке, но и во Франции. Те же «Русские ведомости» зло высмеивали наш декрет, проведенный в один вечер, тогда как во Франции этот закон обсуждался целых 12 лет! Великая французская революция католической церкви не трогала. Но и повод к изданию этого закона во Франции не имел ничего общего с борьбою против религии,—это был чисто политический спор против светской власти папы. А сейчас идет вопрос о его отмене и возврате церкви ее имущества. В Америке закон на словах более решителен: он не дает церкви права юридического лица, но он не преследует за фиктивное владение церковью имуществом на имя частного лица, и по сметам отпускает богатые средства на религию. В то же время ведется бешеная борьба против антирелигиозных течений во имя равноправия всех религий и против антирелигиозной науки (даже дарвинизма).

Наш декрет преследовал не только политическую цель, но имел в виду и духовное раскрепощение масс. Поэтому церковь

[1] К. Маркс, Nachlass, I, стр. 392,

отделяется от государства, каждый гражданин может исповедывать любую религию или не исповедывать никакой. Отменяются всякие ограничения, связанные с исповеданием той или иной религии. Ни в каких документах не должна обозначаться принадлежность к той или иной религии. Действия государственных или иных публично-правовых общественных установлений не сопровождаются никакими религиозными обрядами или церемониями, религиозная клятва или присяга отменяется и заменяется торжественным обещанием. Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданскою властью. Свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку оно не нарушает общественного порядка и не сопровождается посягательством на права граждан Советской республики. И никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей. Изъятия из этого, с заменою другою обязанностью, допускаются лишь по решению суда.

Школа отделяется от церкви; преподавание религиозных вероучений во всех государственных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается, но граждане могут обучаться религии частным образом. Никакие церковные общества не имеют права владеть собственностью и не имеют прав юридических лиц; церкви и предметы, предназначенные для богослужебных целей, объявленные народным достоянием, сдаются в бесплатное пользование религиозных обществ.

Но из этого декрета не вытекает, чтобы опасность религиозного дурмана окончательно миновала. Особенно в последнее время, когда вся борьба концентрируется на хозяйственном фронте, замечалось оживление и религиозно-политический пропаганды как объединенных с кулаками попов, так и разных сектантов. Правда, у нас имеется в Москве особый «союз безбожников СССР»[1], он имеет 114 тыс. членов, свое издательство и свои журналы: «Безбожник у станка» (тираж 70 тыс.), «Антирелигиозник» на русском, журнал на татарском и литературу на разных языках, но этого всего недостаточно на необъятный Союз ССР. Партия стала требовать большего оживления этого движения.

Близкую связь с вопросом о свободе вероисповедания имеет вопрос о воинской повинности сектантов, отвергающих по религиозным соображениям отбывание воинской повинности. Прежний режим таких лиц ссылал на поселение и заключал в тюрьму или доводил их (например духоборов) до эмиграции. Советская власть подобных мер конечно применять не могла, но в то же время она должна была иметь гарантии, что такое заявление о своих «религиозных предубеждениях» против воинской повинности не скрывает просто нежелание защищать социалистическое отечество. Поэтому во всех декретах советская власть

---

[1] Подробнее смотри ст. «Антирелигиозная пропаганда» в «Большой советской энциклопедии» (III, с. 60 и сл.).

остается верна своему принципу и ищет только способов предупредить неискренние уклонения от исполнения своего долга.

И Маркс, как известно, не удовлетворялся требованием отделения церкви от государства. «Основою антирелигиозной критики служит то положение, что человек делает религию, а не религия человека».

«Как разрешается всякое противоречие вообще?» Тем, что оно делается невозможным. И как делается невозможным религиозное противоречие? Тем, что отменяется религия... тогда эти противоречия между собою находятся в противоречиях не религиозных (сверхъестественных), а в критических, научных, т. е. человеческих. Тогда наука объединяет эти противоречия, ибо в науке все противоречия разрешаются научным путем»[1]. «Наука— вот сила, побеждающая веру».

3. Доступ к знанию

«В целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию РСФСР ставит своей задачей предоставить им полное, всестороннее и бесплатное образование» (ст. 8 Конституции).

«Только тогда, когда наука и рабочие—эти два противоположных полюса общества—объединятся, они в своих железных объятиях сломят все препятствия, не дающие дороги культуре»[2].

Если я сопоставил в первую очередь действительную свободу совести с дейтвсительно свободным доступом к знанию, то такое сопоставление особого пояснения не требует. Вся предыдущая глава является красноречивым доказательством этого тезиса. Но остается рассмотреть вопрос с точки зрения развития буржуазного общества и с точки зрения классовой борьбы.

Много говорилось о культуре и знании как следствии буржуазной демократии, и частица правды в этих словах имелась. Но только очень ограниченная правда. Если начальное народное образование, попросту говоря—грамотность, для части рабочего населения, так называемого квалифицированного рабочего, показалось полезным и с точки зрения капиталиста, то грамотность вообще кажется ему лишнею для всей остальной массы рабочих, не говоря уже о крестьянстве. Но, главное, все народное образование приурочено в буржуазном обществе к одной цели: к укреплению господства буржуазии. А самый ход развития промышленности и капитализма имеет прямую тенденцию к разъединению, к раздвоению науки и труда.

Я ссылаюсь лишь на т. I «Капитала» Маркса (стр. 352), где он показывает, как развитие разделения труда «разъединяет науку и рабочего» и «отдает науку в рабство капитализму».

Эта двойственная роль науки в буржуазном обществе, как рабыни и одновременно поработительницы, накладывает

[1] К. Маркс, Nachlass, I, стр. 401.
[2] Ф. Лассаль, Наука и рабочие.

свою печать и на тот общественный слой, который с большим или меньшим правом зачисляется в жрецы науки. Этот слой в силу такого хода развития занимает свой пост на стороне капитала. Он не чувствует своего собственного гнета, который прикрывают всякие подачки капитала.

Но и наука сама в целом в буржуазном обществе находится на противоположном полюсе по отношению к рабочему, и образованный рабочий в буржуазном обществе всегда является «белым вороном». В этих случаях он сам тонет в рядах прочей «интеллигенции» и становится типичным мелким буржуа. Только ниспровержение господства капитала открывает свободный доступ рабочему к науке и науке к рабочему. Формула «бесплатное полное и всестороннее образование для трудящихся» составляет тот лозунг, который выдвигается Советскою конституциею. Но это был пока только лозунг. Предстояла еще гигантская борьба, чтобы провести в жизнь этот лозунг как лозунг длительной работы. Бойкот, стачка, саботаж, в лучшем случае равнодушие со стороны большинства интеллигенции, разруха, голод, вообще недостаток материальных средств,—таковы были главные противники в борьбе на этом фронте.

Мы объявили лозунг: «долой неграмотность к 10-летней годовщине советской власти». Этот лозунг остался тогда невыполненным. Но если в 1926 г. по РСФСР для населения от 10 л. и выше процент грамотных составлял уже 52,8, то в 1930 г. он достиг цифры 63, а в 1931 г.—75. В 1928/29 г. начальной школой было охвачено 6 млн. детей, на 1931 г. 11 млн. В 1931 году обязательное первоначальное обучение стало реальным фактом. Недаром Ленин говорил: «неграмотный человек стоял вне политики».

Мы подошли к интереснейшим моментам развития культурной революции: 1) к наглядному доказательству самоокупаемости народного образования при власти пролетариата. Без невиданного роста народного просвещения нельзя строить неслыханными темпами индустриализацию вообще, вести социалистическое строительство в особенности. На 1931 г. в сводный финплан СССР входят почти 4 млрд. (3943 млн.) руб. капитальных вложений на просвещение вместо 2½ млрд. (точнее 2662 млн. в 1929/30 г.)[1]. 2) К невиданной в мире просветительной роли армии (см. дальше о РККА). Красная армия рука об руку с комсомолом составляет основное ядро ударничества в социализации сельского хозяйства. Всего этого конечно не имела в виду статья конституции, но ныне этот факт налицо.

---

[1] По РСФСР процент рабочих среди учащихся вузов был в 1924 г. 15, в 1927 г. уже 25,3, а в 1929 г. — 29 и в 1930 г. — 50, крестьян 22,6 в 1924 г. и 26% в 1927 г. В 1929 г. во всех высших учебных заведениях и техникумах РСФСР было уже 250 тыс., и эта цифра показалась большой, а в 1931 г. эта цифра составляла 600 тыс.

4. Свобода печати

«В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы выражения своих мнений РСФСР уничтожает зависимость печати от капитала и предоставляет в руки рабочего класса и крестьянства все технические и материальные средства к изданию газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати и обеспечивает их свободное распространение по всей стране» (ст. 5 Конституции).

По поводу этой статьи нас, коммунистов, упрекают в том, что мы упразднили свободу печати. Но свободу для кого? От кого, от чего и в чем? Исключительную свободу буржуазии, привилегию контрреволюции на свободу печати. Нашей конституции противопоставляют демократическую свободу—для буржуазии. Как известно, печать является одним из наиболее сильных средств поддержки и защиты буржуазной классовой диктатуры. Та умственная зависимость от буржуазии, на которой в значительной степени зиждется вся власть класса имущих, поддерживается, в первую очередь, церковью, школою и печатью как средствами убеждения. Мы уже видели, как нам пришлось освободить трудящихся от влияния церкви, и мы уже рассмотрели процесс раскрепощения народного образования. Нам необходимо проделать то же самое и по отношению к печати. Лживость и лицемерие печати буржуазии и ее подголосков особенно ярко проявляются в моменты подъема пролетарской революции.

Но даже при ясно выраженной букве свободы печати на деле ее в буржуазном обществе для неимущих классов нет и не может быть. Печать в буржуазном обществе—предприятия капиталистические, особенно газетное дело. Газета требует больших материальных средств. Когда например французская социалистическая партия еще задолго до войны, при Жоресе, вздумала учредить свою собственную и независимую (ныне коммунистическую) газету, «L'Humanité», то она достигла этого лишь при помощи пособия в несколько десятков тысяч марок от германской с.-д. партии. Газета в буржуазном обществе сама обыкновенно не оплачивается, она существует на плату за объявления и на другие явные или скрытые субсидии буржуазии, обычно финансового капитала. Для них читатели не важны как доход, а важны лишь как объект одурманивания.

Когда в России разыгралась Февральская революция, то печать у такой сильной партии, какою были большевики, существовала лишь с большим трудом, ибо у нее не было своей типографии и недоставало бумаги. Тяжелыми жертвами пролетариат создал свою типографию в Ленинграде, а в один прекрасный день в нее ворвались контрреволюционные юнкера, испортили машины и бумагу, и большевики остались на несколько дней без газеты. Еще хуже дело было в Германии. После ноябрьской революции 1918 г. группа К. Либкнехта и независимцы по нашему примеру захватили две типографии: официозной газеты «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» и «Lokal Anzeiger», собственность личного при-

ятеля имп. Вильгельма—Шерля. Революционное правительство однако их оттуда удалило, и группа Спартака после победы революции десять дней оставалась без типографии, а стало быть и без газеты.

Свободы печати нет у того слоя населения, у которого нет материальных и технических средств для печатания. Наша конституция исходила не только из того соображения, что этих средств тогда в РСФСР нехватало, но и откровенно из того обстоятельства, что имущим классам предоставить это право на время гражданской войны невозможно. А в результате громадный рост печати. По докладу т. Луначарского на юбилейной сессии ЦИК, уже в 1922 г. мы превзошли тираж газет самых выгодных довоенных годов. Тогда выпускали 2 500 тыс. экземпляров, а в 1926 г. уже 6 млн., в 1927 г.—8 млн. В 1910 г. у нас было 3½ млн. оттисков учебников по технике, в 1926 г.—35 млн. или в 10 раз больше и т. д.

В 1913 г. книг было выпущено 550 млн. листов-оттисков, в 1931 г.—3750 млн. И это все для рабочих и крестьян. Но в то же время мы страдаем книжным голодом, несмотря на то, что в 1931 г. производство бумаги составит 14 млрд. пудов (в 1929 г.—8½ млрд.)

5. Свобода собраний

«В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы собраний РСФСР, признавая право граждан Советской республики свободно устраивать собрания, митинги, шествия и т. п., предоставляет в распоряжение рабочего класса и крестьянства все пригодные для устройства народных собраний помещения» (ст. 6 Конституции).

Мы уже видели, что буржуазная демократия в своих конституциях обещает свободу собрания всем, но в пределах особых законов. Наша конституция таких ограничительных законов не знает. Так например, буржуазия в своем страхе пред собраниями рабочих масс, как принято говорить,—«пред улицею», идет так далеко, что запрещает всякие собрания на известном расстоянии от места заседания парламента (например рейхстага в Германии, в царское время—Государственной думы и т. д.).

Но это неразрешение или запрещение—только одна и не самая важная сторона. Чтобы собраться, необходимо помещение. Буржуазия для своих собраний всегда находила помещение. Даже при царе буржуазия устраивала свободно банкеты. А рабочие? Даже в странах с наибольшими «гарантиями» помещения для их собраний нигде не обеспечены. Помещения являются собственностью капиталистов, которые их вольны сдавать или не сдавать. В Германии например эти помещения заключаются в сдаваемых внаем ресторанных залах—с обязательным распитием пива. Да и при этих условиях количество помещений для рабочих собраний весьма ограничено.

Советская республика в этом отношении старается реально

обеспечить свободу собраний, и нигде в мире не происходит столько собраний трудящихся, как в СССР, где с коллективизацией сельского хозяйства в политическую жизнь вовлекается сотня миллионов.

6. Свобода обществ и союзов

«В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы союзов РСФСР, сломив экономическую и политическую власть имущих классов и этим устранив все препятствия, которые до сих пор мешали в буржуазном обществе рабочим и крестьянам пользоваться свободой организации и действия, оказывает рабочим и крестьянам содействие для их объединения и организации (ст. 7 Конституции).

А во время французской революции? Законы 2/III и 14/VI 1791 г. запретили всякие коалиции, т. е. союзы, и в учредительном собрании докладчик Шапелье прямо заявил: «Такие союзы не могут иметь никаких общих интересов». Честный либеральный буржуа, проф. Гамбаров, писал: «Они (эти французские законы) были направлены против стачек рабочих и охраняли свободу предпринимателей против свободы рабочих». Основатель классической политической экономии Адам Смит определенно высказался «против свободы союзов (ассоциаций), как противоречащих индивидуальной свободе» и т. д.

Мы видим, что при постепенном расширении свободы союзов трудящихся в буржуазном государстве она нигде не всеобща, и особенно по отношению к деревне, не говоря уже о фактической несвободе трудящихся при неограниченной свободе капиталистов. Советская власть как власть трудящихся, напротив, в этих союзах рабочих видит свою главную опору. «С переходом политической власти в руки пролетариата профессиональным союзам приходится выступать все более и более в роли строителей нового общества, организация которого должна заменить прежний эксплоататорский класс, все старые традиции и предрассудки старой науки»[1]. Поэтому советская власть не только провозглашает реальную свободу, т. е. обязанность Советского государства поддерживать на деле всякими способами эту организацию рабочего класса в самом широком смысле—и на этот счет нечего повторять сказанное в предыдущих главах,—но и привлекает всякого рода союзы трудящихся к прямому участию в государственной власти и особенно в социалистическом строительстве. На этом явлении необходимо несколько остановиться теоретически.

Мы знаем, что и в буржуазном обществе государственная власть известные функции своей власти предоставляет частным союзам, но или фактически (финансовый капитал например в лице банков фактически руководит этою властью) или же на основании договора. То или иное буржуазное общество за особую мзду

[1] Ленин, XVI, стр. 17.

(за участие в государственной доле капиталистической прибыли) иногда даже принимает на себя те или иные функции публичного характера, не выходя из пределов сферы гражданского права [1].

«С одной стороны, поголовно охватывая, включая в ряды организации индустриальных рабочих, профсоюзы являются организацией правящего, господствующего, правительствующего класса, того класса, который осуществляет диктатуру, того класса, который осуществляет государственное принуждение. Но это не есть организация государственная, это не есть организация принуждения, это есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйничанья, школа коммунизма. Это совсем не обычного типа школа, ибо мы имеем дело не с преподавателями и учениками, а мы имеем дело с некоторым чрезвычайно своеобразным сочетанием того, что осталось от капитализма, и что не могло не остаться, и того, что выдвигают из своей среды революционно-передовые отряды, так сказать, революционный авангард пролетариата [2].

Положение профсоюзов становится совершенно исключительным, чем-то средним, связующим между партиею, государственной властью и массами трудящихся. «Профсоюзы, по месту их в системе диктатуры пролетариата, стоят, если можно так выразиться, между партией и государственной властью. При переходе к социализму неизбежна диктатура пролетариата, но поголовной организацией промышленных рабочих эта диктатура не осуществляется». «Партия, так сказать, вбирает в себя авангард пролетариата, и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата. Не имея такого фундамента, как профсоюзы, нельзя осуществлять диктатуру, нельзя выполнить государственные функции. Осуществлять же их приходится через ряд особых учреждений опять-таки нового какого-то типа, именно через советский аппарат». «Профсоюзы создают связь авангарда с массами, профсоюзы повседневной работой убеждают массы, массы того класса, который один только в состоянии перевести нас от капитализма к коммунизму. Это—с одной стороны. С другой стороны профсоюзы—«резервуар» государственной власти. Вот что такое профсоюзы в период, переходный от капитализма к коммунизму» [3].

При нэпе союзы являются одновременно и органами власти и органами классовой борьбы в прежнем смысле (например, стачки и стачечные фонды—против капиталистических предприятий) и наконец, словами Ленина, школою коммунизма [4].

---

[1] Пока буржуазное государство еще не окрепло, оно передавало и прямо политические функции в колониях частным акционерным обществам, но одновременно предоставляя им свободу хищения.

[2] Ленин, XVIII, 1, стр. 8.

[3] Там же.

[4] Тому соответствует рост количества организованных в профсоюзах: к III Всероссийской конференции число организованных в союзы рабочих составляло 1 475 420 чел., объединенных в 967 отдельных союзах; к I Съезду (январь 1918 г.) число организованных рабочих выросло уже до 2 638 812 чел.; ко II Съезду (январь 1919 г.) до 3 422 тыс. чел.; к III Съезду (март 1920 г.) до 4 337 тыс. чел.

Кодекс законов о труде, на этот раз не декларация, но суровая для класса капиталистов действительность, признает профсоюзы официальными представителями рабочего класса по отношению к производству. Профсоюзы сами себя регистрируют и т. д., они защищают не только класс в целом, но и отдельных членов союза. Таких широких прав профсоюзы могут достигнуть только при власти пролетариата.

Обратимся к другому виду союзов, к кооперации. Советская власть всячески на деле поощряет организацию в кооперативные товарищества, предоставляя им почти равные преимущества с госпредприятиями, но при этом кооперативы по своей конструкции остаются свободными обществами. «Посмотрите, как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса, и раз политическая власть эксплоататоров свергнута и раз все средства производства (кроме тех, которые рабочее государство добровольно отдает на время и условно эксплоататорам в концессию) находятся в руках рабочего класса. Теперь мы в праве сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен с ростом социализма»[1].

Когда писалось наскоро ст. 16 (ныне 7) Конституции, слова: «всяческое содействие, материальное и иное, для объединения и организации их» (т. е. трудящихся)—понимались не так широко, т. е. такое широкое понимание не сознавалось. Еще не было опыта, из которого можно было исходить, и формулировка получилась несколько абстрактной. Жизнь ее оправдала и влила и вливает в нее все новое, богатое содержание.

7. Буржуазное право на труд и пролетарская трудовая повинность

«РСФСР признает труд обязанностью всех граждан Республики (и провозглашает лозунг: «не трудящийся, да не ест»); так гласила прежняя ст. 17 Конституции. Ныне в ст. 9 последние слова («и провозглашает» и т. д. ввиду перехода к нэпу отброшены. Но Ленин им придавал большое значение: «Кто не работает, тот да не ест»,—это понятно всякому трудящемуся. С этим согласны все рабочие, все беднейшие и даже средние крестьяне, все, кто видал в жизни нужду, все, кто жил когда-либо своим заработком. Девять десятых населения России согласны с этой истиной. В этой простой, простейшей и очевиднейшей истине—основа социализма, неискоренимый источник его силы, неистребимый залог его окончательной победы»[2].

к IV Съезду (май 1921 г.) до 8 485 тыс. чел.; к V Съезду (сентябрь 1922 г.) — 4 546 097 чел. (вследствие утраты кустарями права быть членами профсоюзов); к VI Съезду (ноябрь 1924 г.) — 6 430 500 чел. и к VII Съезду (декабрь 1926 г.) — 9 278 400 чел. В 1927 году число членов различных профессиональных союзов превышало уже 10 млн., а в декабре 1928 г. председатель ВЦСПС на съезде профсоюзов мог уже выступить от имени 11 млн. организованных.

[1] Ленин, XVIII, 2, стр. 144.

[2] Его же, XV, стр. 296.

Как известно, в революции 1848 г. рабочие Франции выдвинули в иных условиях иной лозунг: «право на труд». Мы уже видели, что суть буржуазной свободы, как результат Великой французской революции, заключается в обеспечении политической свободы гражданина тем, что на него возложены известные обязанности и соответственно тому ему предоставлены известные права. Он экономически «свободен»: он «по своему усмотрению» может располагать своим трудом и своими доходами. Что это означает? Это означает, что эта область—частное дело каждого: имеет ли он работу, ест ли он или голодает и с голоду умирает, это—его «частное дело». Так же, как его частным делом является то обстоятельство, что он является тунеядцем, т. е. объедается на счет чужого труда.

Когда у нас писалась эта статья Конституции, пред нами стояла задача: подчеркнуть, что тогда, как в буржуазном обществе трудовая повинность на деле существует всюду для рабочего, она отсутствует для богачей и тунеядцев. Вот против кого и чего направлена эта статья. Прочтите только идиллию, описываемую Каутским из эпохи капитализма: «У капиталиста имеется более легкая возможность подбора своих рабочих сил и более сильный рычаг, ибо бич голода действеннее кожаного хлыста... стремление вводить «сберегающие труд» машины становится тем сильнее, чем более возрастает сила пролетариата». В действительности еще Маркс доказал, что машины для капиталистов важны лишь в том случае, если они приносят сбережение оплаченной рабочей силы, увеличивая притом резервную армию безработных. Но, как я уже сказал, этот вопрос не имеет прямого отношения к нашей конституции.

В 1848 г. во Франции рабочие ухватились за утопический лозунг «право на труд», как единственное средство от голода. Но капиталистическое общество этого лозунга удовлетворить не может, ибо ему органически необходимы армии безработных.

8. Буржуазная оборона и защита социалистического отечества

«В целях всемерной охраны завоеваний Великой рабоче-крестьянской революции РСФСР признает обязанностью всех граждан Республики защиту социалистического отечества и устанавливает всеобщую воинскую повинность. Почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся; на нетрудовые же элементы возлагается отправление иных военных обязанностей» (ст. 10 Конституции).

Не противоречит ли первая часть этой статьи словам «Коммунистического манифеста»: «У рабочих нет отечества, и то, чего у них нет, у них и отнять нельзя». Таково одно возражение.

А другие возражают против второй части статьи ссылкою на слова Маркса о Парижской коммуне: «Первым декретом Ком-

муны было искоренение постоянного войска и его замена вооруженным народом (национальною гвардиею)...».

Остановимся здесь только вкратце на вопросе о «вооруженном народе» (национальной гвардии). «Во Франции,—писал Энгельс,—после каждой революции рабочие бывали вооружены; поэтому, для буржуа, находившихся у государственного кормила, первою заповедью было разоружение рабочих». Вся суть Красной армии заключается в ее цели и классовой организации, а не в отречении от всякой действительной вооруженной силы. Маркс критиковал Коммуну как-раз за ее нерешительность в военном смысле, упрекал ее например в том, что она не напала немедленно на Версаль, пока контрреволюция еще не сорганизовалась, и т. д. А «генерал от революции» Энгельс еще более резко характеризовал ее военную слабость. Советская Россия также начала с добровольной Красной гвардии, но, имея дело с высоко развитыми силами мирового милитаризма, она вынуждена была создать рабоче-крестьянскую Красную армию. И это как раз один из ценнейших опытов, внесенных Россиею во всемирную революцию. Ни одна другая пролетарская революция без таковой обойтись не может.

Я уже указал выше на буржуазный характер понятия «отечества—территории» государства. Вопрос об отечестве в этой плоскости принял очень острую форму в 1914 г., когда социал-демократия всего мира почти без исключения стала на точку зрения обороны общего с буржуазиею отечества. Фразу «Коммунистического манифеста» стали оспаривать, но Маркс в обращении Генерального совета I Интернационала к тредъ-юнионам в 1868 г. повторно писал: «Основой общественного строя должно быть братство трудящихся, свободных от мелкой национальной зависти. Труд не имеет отечества». Вначале и II Интернационал проводил принцип отказа правительствам в военных кредитах и в резолюциях Штутгартского (1907), Копенгагенского (1910) и Базельского (1912) международных конгрессов твердил о превращении войны в революцию. Но за всеми этими резолюциями давно поднимал голову оппортунизм: в Германии давно существовало мнение (например Носке), что изречение Маркса как бы устарело и что рабочий уже в буржуазном государстве имеет отечество.

Революция выдвинула определенно иной лозунг. Уже умеренный манифест Циммервальда гласил: «Капиталисты всех стран утверждают, что война служит защите отечества...—они лгут». Известно, что в дальнейшем слово «пораженец» сделалось кличкою для революционера, а «оборонец»—для контрреволюционера. Не противоречием ли является то, что мы вдруг заговорили о защите отечества? Нет. После победы Октябрьской революции Ленин открыто заявил, что теперь рабочий имеет свое отечество, РСФСР, ныне СССР, которое он должен защищать, ибо он одновременно с тем защищает и революцию. Так мы должны понимать слова «Коммунистического ма-

нифеста», что пролетариат до победы над капитализмом не имеет отечества. И только.

Пока победивший пролетариат имеет дело с империалистическим противником, он должен защищаться теми же средствами, и было бы смешно и нелепо против пулемета выступать с косою и топором. Но состав армии трудящихся, ее командный состав, а вследствие того и внутренний строй, изменились до неузнаваемости. Количество превратилось в новое качество.

В таких условиях конечно разница большая между трудящимися и их классовыми противниками. Война СССР всегда будет классовою, гражданскою войною, и поэтому нельзя в войсках признавать равноправие всех классов. Бывают моменты и условия, когда спецы или иные лица другого класса по националистическим или иным соображениям честно участвуют в войне на стороне пролетариата. Их нам приходилось использовать, но это исключения.Чтобы из принадлежности к другому классу не создавать привилегии свободы от воинской повинности, установили правило, что на нетрудовые элементы возлагается отправление иных военных обязанностей. О прочих исключениях, в связи например с религиозными убеждениями, мы уже говорили выше.

Национальное равноправие.

«Признавая право всех наций на самоопределение вплоть до отделения, Российская социалистическая федеративная советская республика, исходя из твердо выраженной воли трудящихся отдельных национальностей, населяющих Российскую социалистическую федеративную советскую республику, к оформлению своего государственного бытия в составе Российской социалистической федеративной советской республики, объединяется с этими национальностями путем образования в составе Российской социалистической федеративной советской республики национальных автономных советских социалистических республик и областей.

Исходя из равенства прав граждан, независимо от их расовой и национальной принадлежности, Российская социалистическая федеративная советская республика объявляет совершенно несовместимым с основными законами Республики какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия, а равно установление или допущение каких бы то ни было (прямых или косвенных) преимуществ для отдельных национальностей и признает за всеми гражданами Российской социалистической федеративной советской республики право и обеспечивает им полную возможность свободного пользования родным языком на съездах, в суде, школе, управлении и общественной жизни» (ст. 13 конституции 1929 г.)[1].

---

[1] Чтобы убедиться, что означает на деле равноправие языков стоит взглянуть на следующие цифры о деятельности Центрального издательства в Москве по выпуску литературы на 63 языках:

Мы уже видели, что нация и национальный вопрос являются «завоеванием» буржуазной революции. Мы видели также, что национализм в первое время играл прогрессивную роль в освободительных войнах и в культурно-освободительном движении. Но с выступлением на сцену рабочего класса национализм превращается в средство сознательного затушевывания классовых противоречий и классовой борьбы.

Нация, как единство классов, в этих случаях выдвигалась против обострения классовой борьбы, хотя бы в виде пресловутого «Сотрудничества классов», «Социального мира» («Burgfrieden». «Union sacrée» 1914 г.) во время мировой войны. Социал-демократия прежней Австрии, представлявшей особенные затруднения, как государство многонациональное, пыталась составить национальную программу для социал-демократов с целью решить национальный вопрос еще в буржуазном обществе путем образования особых национально-культурных объединений. В результате произошел лишь раскол партии Австрии по национальной линии. Коммунисты-большевики под руководством Ленина сразу стали на точку зрения Маркса, что лишь «по мере исчезновения классовой вражды в самих нациях исчезнет и ненависть между различными нациями», другими словами, что лишь победа пролетариата приведет к разрешению национального вопроса.

Как многие другие вопросы, так и национальный вопрос меняет свой характер с победою пролетариата, но только Ленин сразу определил ошибочность взгляда, что вместе с победою пролетариата исчезнет и национальный вопрос. Нет, только постановка вопроса совершенно новая.

Новую эпоху по национальному вопросу для России открывает резолюция летнего совещания ЦК РСДРП 1913 г., в которой, как результат многолетней литературной борьбы Ленина, были изложены элементы истинно-социалистической программы по национальному вопросу, поскольку вообще «возможен национальный мир в капиталистическом обществе». Равноправие языков, обеспечение преподавания на всех местных языках, отсутствие обязательного государственного языка, включение в Конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства, широкая автономия и вполне демократическое местное самоуправление,

Годы	Количество названий	Печатные листы	Количество экземпляров	Количество листов-оттисков
1923	31	121	97 300	389 325
1924	89	397	301 000	1 612 250
1925	335	1 419	1 299 000	6 173 475
1926	567	2 296	2 796 200	11 235 875
1927	633	3 008	2 665 700	15 172 805
1928	683	3 515	3 147 600	19 374 022
1929	699	3 199	3 922 300	24 256 378
Итого за 7 л.	3 036	13 957	14 229 100	78 214 130

слияние рабочих всех национальностей в единых пролетарских организациях, право на самоопределение, т. е. на отделение и образование самостоятельного государства угнетенных национальностей—таковы эти принципы, которые впоследствии сыграли столь важную роль в российской и всемирной революции.

После Февральской революции в России у власти стало «истинно-шовинистическое» Временное правительство, и национально-либеральная буржуазия в национальном вопросе не нашла оппозиции даже среди с.-д. и с.-р. министров. Шовинистическое отношение Временного правительства к вопросу о самоопределении Финляндии, Украины (кадеты, в лице Струве и других, отрицали даже существование особой украинской национальности) и так далее может служить постыдным памятником на могиле этой коалиционной «революционной» власти.

Еще до войны в известной полемике Ленина с меньшевиками, бундовцами и с Розою Люксембург вопрос о самоопределении, в чисто-буржуазном смысле государственной самостоятельности, был подробно рассмотрен. Но в этом споре речь шла больше всего о том, как должен понимать самоопределение марксист. Роза Люксембург в этом вопросе стояла за «автономию» и возражала против понимания этого слова в смысле государственного отделения. В ответ ей Ленин прежде всего гроцитировал слова Маркса и Энгельса.

В письме Энгельса к Каутскому (12 сентября 1882 г.) мы читаем: «По моему мнению, собственно колонии, т. е. земли, занятые европейским населением,—Канада, Капская колония, Австралия,—все станут самостоятельными... Индия может быть сделает революцию, даже вероятно, и так как освободившийся пролетариат не может вести колониальных войн, то с этим фактом придется мириться, причем разумеется не обойдется и без всяческой разрухи. Но подобные вещи неотделимы от всякой революции. Одно несомненно: победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая тем своей собственной победы»...

А относительно Ирландии мы читаем в письмах Маркса к Энгельсу (в письме от 2/XI 1867 г.): «Я прежде считал отделение Ирландии от Англии невозможным. Я ныне считаю его неизбежным, хотя после этого может быть образуется федерация»; в письме от 30/XI 1867 г.: «Спрашивается, что нам советовать английским рабочим. По моему мнению, они должны выдвинуть лозунг—«разрыв союза» с Англиею... Опыт должен показать впоследствии, сможет ли продолжаться личная уния между этими двумя государствами. Я наполовину уверен, что да, если это будет сделано во-время. Ирландцам нужно: 1) собственное правительство и независимость от Англии, 2) аграрная революция, 3) таможенные пошлины против Англии». И наконец от 10 декабря 1869 г.: «Это прямой и абсолютный интерес английского рабочего класса освободиться от нынешней связи с Ирландиею. Английский рабочий класс никогда ничего не достигнет, пока он не развяжется с Ирландиею»...

Все, что здесь сказано об Ирландии, ныне исполнилось буквально: почти полная независимость Ирландии (в качестве «доминиона») и аграрная революция—только путем выкупа. Через день после соглашения об Ирландской республике—в Ирландии генеральная забастовка железнодорожников и еще других рабочих. А через год умеренная английская рабочая партия на выборах в парламент выступает самостоятельно от буржуазных партий, и революционная ситуация в Англии все более и более развивается вплоть до генеральной стачки 1926 г.! Надо ли еще напоминать, что Маркс отстаивал и самостоятельность Польши, ныне также сполна осуществленную. Но польские социал-демократы слепо продолжали свою веру в автономию, и Роза Люксембург даже после Октября 1917 г. еще критиковала большевиков за их лозунг самоопределения. Это лучшее доказательство, как трудно побороть старым с.-д. предрассудки даже в вопросах, по которым они прямо противоречат словам Маркса и Энгельса.

После победы пролетариата вопрос стал в порядок дня и на деле. Советская власть не поколебалась в своей декларации признать и буржуазное самоопределение Финляндии, Украины и так далее, подчеркивая тут же, что она в принципе стоит за пролетарское, т. е. советское самоопределение. Она образовала новое ведомство—Народный комиссариат по делам национальностей. В декларации Совета народных комиссаров о «правах народов России» от 2 декабря 1917 г., исходя из необходимости открытой и честной политики, ведущей к полному взаимному доверию народов России» на основах доверия, были провозглашены следующие начала:

1) равенство и суверенность народов России;

2) право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства;

3) отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений;

4) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

В силу этой декларации (см. «Собрание узаконений» 1917 г., № 80, ст. 835) вышел декрет о школах национальных меньшинств, разрешающий всюду, где не менее 25 учеников известной национальности, открыть школы на своем родном языке, и так далее.

Крупнейший шаг вперед делает программа РКП, принятая на VIII Съезде (1919 г.). Она, ставя «во главу политику сближения пролетариев и полупролетариев разных национальностей для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии», провозглашает, что «в целях преодоления недоверия со стороны трудящихся масс угнетенных стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны, необходимо уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций, признание за колониями и равноправными нациями права на государственное отделение», подчеркивая, что «со стороны пролетариата тех наций, которые являлись

нациями угнетающими, необходима особая предосторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств у трудящихся масс наций угнетенных и неполноправных».

Одновременно выставляется, как одна из переходных форм по пути к полному единству—федеративное объединение государств, организованных по советскому типу. В вопросе же о том, кто является носителем воли нации к отделению, программа руководствуется «степенью исторического развития данной нации (на пути ли она от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской и пролетарской демократии)».

К национальному вопросу пришлось вернуться X Съезду (1921 г.), чтобы подробнее определить задачи РКП в России, где из 140 млн. населения 65 млн. не великороссы и где разница между ступенями развития разных национальностей крайне велика. Резолюция, требуя искренних забот о поднятии уровня культуры и развития языка каждой национальности, одновременно предупреждает как от течения, преуменьшающего его национальные особенности, так и от буржуазно-демократического течения лже-коммунистических элементов.

Надо признать, что националистические иллюзии, это—известного рода дурман для народа, против которого надо бороться решительно, но умело. Поэтому коммунистическая партия для своей пролетарской организации требует единства, другими словами—и здесь отвергает объявление вопроса «частным делом».

На основании этих принципов в России образовалось более 30 отдельных федеративных или автономных частей, о конструкции которых нам еще придется поговорить. На этой почве ныне образовалось союзное государство «Союз ССР». Большинство этих национальных республик уже отпраздновали свои десятилетние годовщины.

Осталось эту практику по национальному и близко связанному с ним колониальному вопросам решить в мировом масштабе. Этим вопросом занялся II Съезд Коммунистического интернационала, и к принципам, принятым РКП и провозглашенным РСФСР, была прибавлена еще особая «обязанность пролетариата держав, имеющих колонии, выражающаяся в готовности терять эти колонии и в решимости со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, итти на величайшие жертвы ради свержения международного капитала». Признавая, что на первых порах революция в колониях и вообще отсталых странах не будет коммунистической, коммунистическая партия не должна сливаться с буржуазной демократиею, а сохранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме и, поддерживая буржуазную революцию, вести свою самостоятельную пропаганду коммунистических идей. Цель ее—«стать во главе революции с самого ее начала и в качестве авангарда вывести революционные массы на верный путь». Только такая диалектическая постановка национального вопроса может преодолеть этот сильнейший из предрассудков буржуазного мира, а не всякого рода примирен-

ческое пустословие. Как мы видим, ныне ст. 13 Конституции еще более резко подчеркивает все эти моменты, как «осуществление на деле». Все эти начала ныне вошли и в программу Коммунистического интернационала.

Так Ленин последовательно проводил социалистический принцип, которому всегда был верен Маркс: «не может быть свободен народ, угнетающий другие народы».

10. Равноправие женщины

В отдел свобод в Конституции не внесено действительное равноправие женщины. Оно вытекает однако из отдела об избирательном праве и из сочинений Ленина.

Старый мир даже там, где он провозглашал равноправие женщины, оставил в действительности неравенство. Основною ее формою было семейное рабство; только в рабочей среде это положение было смягчено, но лишь постольку, поскольку мужья и жены находились наравне в наемном рабстве. Рабство женщины в семье вытекало из семьи как основной ячейки частной собственности, вошедшей в таком виде и в структуру государства классов угнетателей. Маркс и Энгельс говорят о семье, как о первичной форме рабства. «Первоначальная форма... собственности имеется уже в семье, где жена и дети являются рабами мужчины. Рабство, разумеется еще очень грубое и скрытое, в семье представляет собой первую собственность... возможность распоряжаться чужой рабочей силой». («Немецкая идеология».)

Надо отдать справедливость: Великая французская революция повела решительное наступление на все устои старого мира, разрушая все старые связи, в том числе—хотя и менее решительно—семью феодально-крепостнического периода. Она в тяжелой борьбе за первые четыре года (1789—1793 гг.) произвела переворот в семейном праве. За этот период была отменена разрешительная система брака, введен брак по одному взаимному соглашению, с обязательной гражданской вместо церковной регистрацией; была введена свобода развода по одностороннему желанию, и было отменено почти полностью различие детей законных и незаконных (если они признаны отцом). Это не распространялось однако на «незаконнорожденных», не признаных отцом или происходящих от прелюбодеяния и кровосмешения; одновременно положение женщины было ухудшено пресловутым запретом «отыскивания отцовства» (не признанного самим отцом). Таким образом даже революционный мелкобуржуазный Конвент остановился на полпути в деле раскрепощения семьи, причем главным препятствием, через которое он не мог перешагнуть, явились интересы частной собственности.

Начиная с 1794 г., контрреволюция смела все завоевания революции для женщины: и свободу брака, и свободу развода, и уравнение незаконнорожденных, и прибавила еще введенное революцией ухудшение положения женщины сох-

ранением введенного революцией запрета отыскивания отцовства. В такой старой форме брак был закреплен в Кодексе Наполеона.

Иное дело в Октябрьской революции.

«Большевистская, советская революция подрезывает корни угнетения и неравенства женщин так глубоко, как не дерзала подрезать их ни одна партия и ни одна революция в мире. От неравенства женщин с мужчиной по закону у нас, в Советской России, не осталось и следа. Особенно гнусное, подлое, лицемерное неравенство в брачном и семейном праве, неравенство в отношении к ребенку уничтожено советской властью полностью.

Это—первый только шаг к освобождению женщины. Но ни одна из буржуазных хотя бы и наиболее демократических республик не осмелилась сделать и этого первого шага. Не осмелилась из страха перед «священной частной собственностью».

«Второй и главный шаг—отмена частной собственности на землю, фабрики, заводы. Этим и только этим открывается дорога для полного и действительного освобождения женщины, освобождения ее от «домашнего рабства» путем перехода от мелкого одиночного домашнего хозяйства к крупному, обобществленному»[1].

Формальное освобождение женщины по закону открыло путь для борьбы с дикостью уцелевших нравов, особенно на Востоке. С какою быстротою растет количество женщин в составе органов власти в союзных республиках, показывают следующие цифры. Членами сельсоветов в 1929 г. было 18,5% женщин (в 1926 г.—9,9%); в 1931 г. уже—20,5%, председательниц сельсоветов—7,2%. В горсоветах в 1929 г. 24,6%, в 1931 г.—20,3%, в районных исполкомах—19,4%; краевых (РСФСР)—14,0%; Союзном совете ЦИКа Союза—16,4%, Совете национальностей также—16,4. На Съездах союза эти цифры выросли следующим образом: на II Съезде только 2,9%, на III Съезде—6,0, на IV Съезде—7,7 на V Съезде—15,4.

Учреждения по дошкольному воспитанию детей охватывают в 1930 г. всего 4 800 тыс. детей, из них детские сады и очаги—620 тыс., детск. площадки, комнаты и т. д.—4 202 тыс. (в 1929 г.—лишь 581 тыс.). В колхозах вырастают ясли, а социалистические города внесут новое освобождение от «домашнего рабства» в виде общих столовых, прачечных и т. д.

Так осуществляется действительное равенство женщины.

11. Положение иностранцев

Мы читаем иногда громкие слова разных социалистов, уже отрицающие государственные границы, как чисто-капиталистическую идеологию. На деле эти границы существуют, а равно и вопрос о правах иностранцев. Интересно начать с небольшого факта. Был случай, что два советских государства присту-

[1] Ленин, XVIII, ч. I, стр. 99—100.

пили к заключению договора: это были РСФСР и Советская Финляндия (существовавшая в 1918 г.). И когда дошло до пунктов о правах иностранцев, граждан договаривающихся стран, возникли существенные трения как раз со стороны коммунистов более развитой капиталистической страны—Финляндии. Не будем останавливаться на вопросе о границах. Так как решение этого вопроса зависело целиком от уступчивости России, то эти уступки были сделаны. Не так легко было сговориться относительно взаимных прав граждан, ибо тут играли роль прошлое и боязнь уполномоченных Советской Финляндии пред «общественным» мнением буржуазии. Финляндия не соглашалась на особое расширение прав русских граждан. Тогда в заседании Совета народных комиссаров было предложено внести в договор по отношению к финляндским гражданам нашу формулировку и предоставить финнам внести относительно российских граждан свою формулировку. К этому предложению сразу присоединился Ленин, и она была принята. Финские товарищи свое отношение к русским гражданам формулировали довольно-таки неопределенно.

Когда обсуждался в комиссии проект Конституции, наша формулировка из этого мирного договора была внесена в Конституцию как общее правило, и так получилась нынешняя 2-я часть ст. 11: «РСФСР, исходя из солидарности трудящихся всех наций, предоставляет все политические права иностранцам, проживающим на территории РСФСР для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу, а равно не пользующемуся чужим трудом крестьянству, на основе постановлений верховных органов СССР». Последняя часть этой статьи является лишь повторением того, что у нас уже существовало в виде особого декрета о приобретении прав гражданства («Собрание узаконений» от 5 апреля 1918 г., № 31, ст. 405).

Но ныне эта ст. 11 получила еще введение, относящееся к правам граждан прочих союзных республик.

«РСФСР предоставляет все права, устанавливаемые Конституциею и законодательством Республики для граждан РСФСР, также и всем пребывающим на территории РСФСР гражданам других союзных советских республик».

Еще одна статья (12) Конституции имеет отношение к иностранцам: «РСФСР предоставляет право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованию за революционно-освободительную деятельность». И эта статья взята из существовавшего тогда уже декрета от 28 марта 1918 г. о праве убежища («Собрание узаконений», 1918 г., № 14, ст. 519), причем в случае предъявления тем или иным правительством требования о выдаче таких лиц требования переходят на рассмотрение Наркоминдела, который передает дело в суд для квалификации преступления: носит ли оно политический характер или характер общеуголовного деяния.

Ни одна из существовавших до сих пор конституций не могла

так далеко итти по отношению к иностранцам вообще. Только Конституция 1793 г. во Франции с полным правом могла провозгласить: «Французский народ—друг и единственный союзник свободных народов. Он не вмешивается в правительство других наций, он не потерпит, чтобы другие нации вмешивались в его правительство». Но и эта Конституция понимала свободу, как свободу и безопасность права частной собственности. А преемники авторов этих идей, нынешняя французская буржуазия, организовали интервенцию (вмешательство) против правительства Советской России как-раз «во имя восстановления свободы труда и права частной собственности», поясняя это тут же словами: т. е. «пока в России предпринимателям не будет обеспечено право фактически руководить своими рабочими и служащими и не будут установлены гарантии независимого суда». Независимого от рабочих и крестьян России, а зависимого от Французской республики в лице его консулов, т. е. в виде так называемой капитуляции («Правда», 1922 г., № 35). А сейчас она находится во главе предполагаемой новой интервенции.

12. Исключения

Должен сознаться, что я с некоторым смущением написал заказ в библиотеку на «труд» В. Гессена: «Исключительное положение», 1908 г., 410 (!) страниц. «Теория исключительного положения», «догматическая его конструкция»,—вот так наука. Я до тех пор думал, что такие научные книги могут появляться в перенасыщенной «специальною» литературою Германии, но не в России. Правда, Щедрин пером «знатного иностранца» Шенапана дает описание единственной в прежней России науки: «Гром победы раздавайся», но то было все-таки сообщение сатирика. А в буржуазной науке действительно есть целая научная доктрина об «исключительном положении», и она начинается с того, что «теория различает две формы исключительного положения: военное (осадное) положение и фиктивное военное положение». И вот это фиктивное или малое осадное положение и есть то реальное, что ввела буржуазная демократия и что ныне так облегчает ей путь к открытой диктатуре—фашизму.

Карл Маркс в своем «18 брюмера» пишет: «Предки знатных республиканцев свой символ, триколору, заставили путешествовать по всей Европе... Современники с своей стороны тоже сделали изобретение, которое само нашло путь через весь материк, но все с новой любовью возвращалось во Францию, пока оно ныне не приобрело права гражданства в половине ее департаментов—это осадное положение, главное изобретение, периодически применявшееся при каждом политическом кризисе в течение всей французской революции». Это таким образом весьма «реальное положение» есть то же самое, которое «теория различает как фиктивное военное положение». Карл Маркс по поводу его в Германии даже писал: «вся наша Конституция, это—осадное положение».

Суть науки исключительного положения в том, что при нем «приостанавливается действие законов», даже или именно «основных законов». Обосновывает его буржуазная наука теорией крайней необходимости, а с точки зрения политики, raison d'être, т. е. просто фактом, достаточным основанием его существования.

Во всех рассуждениях ни словом не упоминается об интересах класса, применяющего в своей борьбе эту фикцию военного положения. Во всяком случае каждый раз, когда во время «рабочих беспорядков», «смут» и так далее вы читаете в газетах известие о том, что тот или иной король или президент (особенно часто бывший «рабочий» президент в Германии) приостановил «конституционные гарантии», то вы конечно не имеете дела с гражданской войной, а имеете пред собою лишь «фиктивное осадное положение», однако с вполне реальными арестами, расстрелами и т. п.

По Конституции «самой демократической», бывшей даже социалистической, республики Германии, президент приносит присягу пред рейхстагом, между прочим, в том, что обязывается «блюсти Конституцию и законы государства». А вслед за тем ст. 48 ему предоставляет право: «Если в Германской республике серьезно нарушена общественная безопасность и порядок... отменять, полностью или частично, основные права, установленные в статьях (идет перечень статей) сей Конституции». Перспективы весьма широкие!

Таковы фикция и действительность буржуазной демократии. Нам в конституции гражданской войны не надо было строить особой теории исключительного положения, ибо гражданская война это и есть крайний предел исключительного положения. И мы все-таки в своей конституции для трудящихся пытались установить то, что мы называем революционною законностью (см. дальше). Одно исключение мы были вынуждены сделать и здесь, и притом вполне искренно и откровенно. Это—в статье 23, гласящей: «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, РСФСР лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которыми они пользуются в ущерб интересам социалистической революции».

V. ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Мы уже говорили о трех признаках всякого государства: территории, населении и государственной власти. Нам на двух первых признаках приходится вкратце остановиться и по отношению к Советскому государству, не уклоняясь от основной задачи изложения и усвоения форм советской власти.

А. ТЕРРИТОРИЯ

Всякое историческое государство получает в наследство от прежнего режима известную территорию. Мы видели, как буржуазная революция изменила свое отношение к территории вообще, превращая ее впервые в священное, неприкосновенное буржуазное отечество, которое—под страхом строжайшей репрессии за измену—обязаны своею жизнью защищать и эксплоатируемые трудящиеся массы и угнетенные нации. Мы видели, что и пролетариат после победы, вместо болтовни о немедленном уничтожении государственных границ, перенял территорию государства и понятие отечества, но отечества социалистического, т. е. пролетариата в союзе с крестьянством, значит, всех трудящихся, и почетное право их защищать это социалистическое отечество с оружием в руках. Но он внес немедленно поправку в это понятие отечества: право угнетенных наций на самоопределение или отделение, т. е. отказ пролетарского государства от «насильственного удержания угнетаемых наций в границах данного государства» (Ленин) в зависимости от того, образуется ли в этих новых национальных государствах буржуазное или пролетарское правительство, эти новые государства отделяются (Финляндия, Польша, прибалтийские государства) или входят в Союз ССР, как единое отечество трудящихся всех объединившихся наций. Правда, и между этими союзными государствами существуют еще границы, изменение которых зависит от согласия Союза, но это уже в целях мирного «национального размежевания»; оборона едина и гражданство едино.

Но в смысле деления территории история, как нигде, играет громадную роль. Ныне, когда жизнь государства определяется, в первую голову, экономикою, историческое деление территории имеет много неудобств, но деление это связано с существующими экономическими центрами, железными дорогами и пр. сооружениями, которые не так-то легко переносить. В этом отношении новые страны, как например, Америка или Австралия, имели громадное преимущество.

В России мы имели деление государства на губернии, уезды, волости и села. Известно, что последнее деление является остатком феодального строя, когда волость и село были связаны с вотчиной и ее помещиком. Некоторые уездные города превосходили во всех отношениях губернские центры. Средства сообщения прежде создавались по чисто случайным, иногда стратегическим, иногда просто личным соображениям.

С другой стороны, уничтожены были существовавшие когда-то автономные объединения: княжества, провинции и так далее, причем весьма существенную роль прежде играли тенденции обрусения.

Такая основательная революция, как Октябрьская, конечно должна была проделать коренную ломку и в этом делении государства. Первая тенденция заключалась в образовании больших областных объединений. Но в Конституции 10 июля 1918 г. мы уже читаем довольно ограничительное толкование допустимости областных объединений: «Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединяться в автономные областные союзы».

Начало 1919 г. является периодом образования на территории бывшей Российской империи самостоятельных государств советского типа: Украина, Белоруссия, Литва, Эстония, Латвия, Туркестан, и 1 июня 1919 г. («Собрание узаконений», 1919 г., № 21, ст. 264) опубликован декрет ВЦИК о стратегическом и экономическом союзе этих государств, за исключением Финляндии[1] и Польши, окончательно отделившихся.

1920 и 1921 гг. являются периодом образования, по национальному признаку, из состава дореволюционной России новых национальных республик, автономных областей, коммун и т. д., о которых нам еще придется говорить особо.

Решения X Съезда Советов РСФСР и I Союзного съезда об образовании единого союзного государства—Союза социалистических советских республик—являются завершением этого движения в сторону разумной централизации.

Параллельно идет, в связи с новыми течениями экономической жизни, новое объединение по линии комбинирования хозяйственных единиц в противоположность прежней чрезмерной централизации ведомственной, т. е. экономическое районирование страны, не нарушая деления территории по национальному принципу. Так были образованы области, как экономически несколько замкнутые единицы, границы которых определяются природными и экономическими производственными особенностями в целях планомерного разделения труда на основах общегосударственного плана.

С проведением в жизнь экономического районирования отменяется деление территории на губернии, уезды и волости, также новое деление на округа (менее губернии) отменено и остается

[1] Не надо однако забывать, что самостоятельная Финляндия сначала была советской.

деление на область (край), район и село. По всей РСФСР образованы следующие края и области (всего 14): Дальневосточный край (центр Хабаровск), Восточно-сибирский край (Иркутск), Западно-сибирский край (Новосибирск), Уральская область (Свердловск), Средневолжская область (Самара), Нижневолжский край (Саратов), Северо-кавказский край (Ростов), Центрально-черноземная область (Воронеж), Нижегородский край (Нижний), Иваново-промышленная область (Иваново-вознесенск), Центрально-промышленная область (Москва), Западная область (Смоленск), Ленинградская область (Ленинград), Северная область (Архангельск). Автономные области и часть автономных республик входят в областные организации, сохраняя свою автономию.

Каковы итоги административно-территориального деления, об этом дают нам представление следующие данные. До революции в границах нынешней РСФСР было 476 уездов и 10 606 волостей; к 1922 г. это количество уездов возросло до 601, а число волостей до 12 363. С момента начала районирования количество уездов и волостей начинает уменьшаться. На 1 сентября 1928 г. при наличии 1 550 районов оставалось 169 уездов и 1 598 волостей. Теперь при полной ликвидации уездов и волостей мы имеем по РСФСР только 2 005 районов.

Соответственно этому территориальному делению Советской России построена и конструкция местных советов. Конституция в дополнительной редакции 1931 г. уже вводит это деление.

Б. НАСЕЛЕНИЕ

а. Нация и класс

Мы видели, какие изменения внесла буржуазная революция в понятие населения государства, упразднив прежнее его деление на сословия, распылив всю прежнюю «организацию» (феодальную) на индивидов—лиц и объединив их в единство—нации. Мы также видели, как буржуазия во имя этого национального единства государства выступала против борьбы классов под лозунгом «национального» сотрудничества или мира против угнетенных наций путем их денационализации (обрусения, онемечения и т. д.) во имя единой (господствующей) нации. Мы наконец видели то, что даже при самом лучшем желании уничтожить классовую и национальную вражду в буржуазном обществе эта задача неразрешима.

Февральская буржуазная революция фактически захватила всю полноту власти, но она не упразднила ни сословий, ни даже самого царя, а отчасти вследствие этого так и не успела овладеть всею властью реально, ибо рядом существовало двоевластие в лице потенциальной (возможной) диктатуры пролетариата и крестьянства в форме рабочих, солдатских и крестьянских советов. Лишь Октябрь довел до конца буржуазную революцию, уничтожив и царя, и деление нации на сословия, и экономическую основу привилегированных сословий,

Но Октябрь положил основу и для уничтожения понятия господствующей или угнетающей нации. Октябрь выполнил первый пункт программы Ленина: «Социал-демократия должна выдвигать, как основное, существеннейшее и неизбежное при империализме деление наций на угнетающие и угнетаемые». «Пролетариат угнетающих наций... не может бороться против насильственного удержания угнетаемых наций в границах данного государства, а это и значит бороться за право самоопределения... С другой стороны, социалисты угнетаемых наций должны в особенности отстаивать и проводить в жизнь полное и безусловное, в том числе организационное, единство угнетенной нации с рабочими угнетаемой нации»[1]. Произошел большой сдвиг в делении народов прежней России.

б. Сословия

Октябрьская революция застала Россию разделенною на сословия; различие от дореволюционного Запада заключалось лишь в том, что в России, кроме привилегированных: духовенства, дворянства и почетного гражданства, существовали особые непривилегированные (податные или «подлые») сословия: крестьянство и мещанство.

О делении населения мы в Конституции находим лишь очень немного слов. В то время, как прежде существовало деление по сословиям, ныне осталось лишь деление классовое. В чем разница между сословием и классом? В основу как того, так и другого деления легли первоначально экономические признаки, положение их в общественном производстве, в распределении средств производства. Но в то время, как сословие было зафиксировано, закреплено государственною властью, как деление юридическое, правовое, и притом наследственное, класс представляет собою категорию чисто общественно-экономическую, подвижную[2].

Сословие, даже потеряв свою экономическую основу, продолжало существовать юридически: дворянин, потеряв имение, продолжал быть членом благородного сословия, и лишь занятия, не соответствующие его благородному состоянию, в первую очередь трудовые, лишали его и звания: в Испании поступление в услужение, во Франции известные ремесленные и прочие трудовые занятия, как и в царской России присуждение к принудительным работам, т. е. к каторге или в исправительное арестантское отделение, лишали дворянина всех прав его состояния. Маркс в своей «Нищете философии» пишет: «условием освобождения третьего сословия было уничтожение всех сословий» (в Великой французской революции). В Конституции первого Времен-

---

[1] Ленин, XIX, стр. 178.

[2] Буржуазный профессор Вернер Зомбарт определяет «сословие как органически включенный в государство союз», а «класс как союз, введенный в государственный организм лишь механически».

ного правительства (буржуазного) 3 п. гласил: «отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений», но сами сословия у нас остались и под конституционной декларацией красовалась чисто «сословная» подпись: Князь Львов.

Октябрьская революция сразу уничтожила экономическую основу сословий, отменяя остаток феодализма—земельную собственность. А один из первых декретов («Собрание узаконений», № 3, ст. 31) и юридически отменил «все существовавшие доныне в России сословия и сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины». «Одновременно уничтожаются всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), титулы (княжеские, графские и пр.) и наименование гражданских чинов (тайные, статские и пр. советники) и устанавливается одно общее для всего населения России наименование—граждан Российской республики».

в. Классы

С этого времени остается лишь фактическое общественно-экономическое деление на классы (имущих и неимущих) и экономические категории: рабочий, крестьянин и т. д., причем слово «крестьянин» теряет свое прежнее значение сословной принадлежности, если фактически в укладе его хозяйства и семейной жизни остались пережитки (в дворе, общине).

Но разве Октябрьская революция не означала полного упразднения и классов? Является ли крестьянство после отмены сословий вообще классом? На второй вопрос Ленин отвечает: «Крестьяне—особый класс. Как труженики, они враги капиталистической эксплоатации, но в то же время они собственники. Крестьянин столетиями воспитывался на том, что хлеб его, и что он волен его продавать. Это мое право, думает крестьянин, ибо это мой труд, мои пот и кровь. Переделать его психологию быстро нельзя, это долгий и трудный процесс борьбы»[1].

А по поводу первого вопроса он говорит:

«Все еще осталось разделение на рабочих и крестьян. Значит задача борьбы пролетариата еще не закончена тем, что мы свергли царя, прогнали помещиков и капиталистов, а в этом и состоит задача того порядка, который мы называем диктатурой пролетариата. Классовая борьба продолжается, она только изменила свои формы. Это классовая борьба пролетариата за то, чтобы не могли вернуться старые эксплоататоры, чтобы соединилась раздробленная масса темного крестьянства в один союз»[2].

В действительности расслоение населения, особенно с переходом к «новой экономической политике», значительно сложнее, ибо и буржуазия, особенно в лице кулака в деревне (см. ниже)

---

[1] Ленин, XVI, стр. 215.
[2] Там же, стр. 332.

осталась, а крестьянство уже не существует как единая категория. Остановимся на всех группах под ряд:

1. Рабочий класс—пролетариат. Мы под этим словом обыкновенно понимаем наемного рабочего, не имеющего вообще своих средств производства. Он у нас в городе поголовно организован в профсоюзы. Под более широким названием «трудящийся» мы к нему отчасти приравниваем и кустаря или ремесленника, работающего со своею семьею на своих средствах производства, а также неорганизованного еще батрака, да и «беднейшее крестьянство», или полупролетариат, отчасти работающего и по найму.

2. Крестьянство. По поводу расслоения крестьянства Ленин писал: «Нет ни одного декрета (закона), ни одного постановления советской власти, в котором бы не проводилось разницы между тремя главными группами крестьян. Первая группа—беднота (пролетарии и полупролетарии, как принято говорить в экономической науке). Таких очень много. Когда была власть помещиков и капиталистов, весь гнет их падал больше всего на бедноту. Вторая группа—кулаки, т. е. богатые крестьяне, которые угнетают чужой труд, либо нанимая работников, либо давая деньги в рост и тому подобное. Эта группа тянет руку помещиков и капиталистов, врагов советской власти. Третья группа—крестьяне-середняки. Это не враги советской власти. Они могут быть друзьями ее, мы этого добиваемся и этого добьемся. Все учителя социализма всегда признавали, что рабочие должны будут свергнуть помещиков и капиталистов, чтобы осуществить социализм, но со средними крестьянами возможно соглашение и необходимо соглашение»...[1]

Беднейшее крестьянство и крестьянскую бедноту я уже отнес к п. 1. Ленин отношение к нему еще в 1919 г. определил как теснейший союз с пролетариатом: «Политика рабоче-крестьянского правительства и коммунистической партии должна вестись и впредь в духе соглашения пролетариата и беднейшего крестьянства со средним крестьянством»[2]. Это и было проведено в ст. 9. Конституции 10 июля 1918 г. словами: «диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства». Ныне эта статья изменена, и говорится в означенном здесь смысле о «диктатуре пролетариата». Что касается «кулака», то его в первую очередь характеризуют использование наемного труда, т. е. «присвоение чужой прибавочной стоимости», и аренда; затем, торговля и ростовщичество.

Кулак вел бешеную классовую борьбу (террор против соввласти и сельской бедноты). 1930 г. принес лозунг ликвидации кулака как класса в районах сплошной коллективизации (раску-

[1] Ленин, XVI, стр. 29.
[2] Там же, стр. 161.

лачивание). Но бешеная борьба с его стороны еще не прекратилась.

Остается самая многочисленная группа—среднее крестьянство, которое мы и обозначаем словами середняка или просто крестьянина. Ленин его характеризует экономически: 1) «Нет сомнения, что этот мелкий крестьянский класс (мы называем средним такой, который не продает своей рабочей силы), этот крестьянин в России во всяком случае есть главный экономический класс, который является основой мирового разнообразия политических течений и буржуазной демократии» [1]. 2) «Партия должна во что бы то ни стало добиться полной ясности и твердого сознания всеми советскими работниками деревни той, вполне установленной научным социализмом истины, что среднее крестьянство не принадлежит к эксплоататорам, ибо не извлекает прибыли из чужого труда» [2].

Эта его двойственность как трудящегося и собственника определяла его колебания; в нем сидят две души; он попадал то в пролетарии, то в буржуазию; он попадал под влияние либо буржуазии, либо пролетариата, а, как показывает история и мировой опыт, собственной самостоятельной политики он вести не в состоянии.

«Союз рабочих и крестьян нужен нам не для сохранения крестьянства как класса, а для его преобразования, переделки в направлении, соответствующем интересам победы социалистического строительства; политика советского правительства по укреплению этого союза рассчитана не на закрепление классов, а на уничтожение классов, на ускорение темпа уничтожения классов» [3].

В двуклассовом обществе, какое в первый раз в истории представляет наш Советский союз, рабочему приходится вести своеобразную борьбу классов, которую Ленин называет «сотрудничеством обоих классов»: средства борьбы—мирные, главным образом пример и переубеждение, при условии экономической смычки города и деревни. Она чрезвычайно длительна. А цель этой борьбы? «Уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделав всех работниками» [4].

Только в этом смысле слово «крестьянин» имеет еще право на существование. Гигантское движение к совхозам, в особенности колхозам, вносит коренной перелом в эту среду. Путь движения к социализму найден и для крестьянина-труженика.

3. Класс капиталистов, или в более широком смысле буржуазия. Буржуазиею мы называем общественный класс, слой населения, существующий не своим, а чужим трудом,

---

1 Ленин, XV, стр. 569.
2 Его же, XVI, стр. 159.
3 Сталин, 1927 г. «Вопросы ленинизма», стр. 297.
4 Ленин, XVI, стр. 351.

Подробнее см. «Ленинизм в вопросах и ответах», III. П. Стучка, Ленинизм и крестьянство М., из-во «Прометей», 1925 г.

живущий на доходы, получаемые от промышленных, торговых и кредитных операций, включая туда и все элементы, так или иначе живущие на эти же доходы в качестве прислужников или прихвостней буржуазии. Общество, в котором решающее слово принадлежит буржуазии, характеризуется тем, что в нем преобладает капиталистическое производство, т. е. производство при посредстве наемного труда. Поскольку мы промышленные заведения подвергли национализации, постольку мы уничтожили буржуазию. Но часть ее спасла свои богатства в эмиграции; они имеют сильных друзей в мировой буржуазии; они отчасти остались здесь в роли совслужащих («совбуров») и вообще выплывают вновь, причем к ним присоединялись новые слои из рядов богатого крестьянства (п. 2). Тут продолжается и все нарождается новая классовая борьба.

4. Класс землевладельцев ликвидирован навсегда с конфискациею помещичьих земель и с отменою частной собственности на землю. Политически и они еще существуют за границею в эмиграции, где они выбрали себе даже своего «царя». Общесоюзный декрет от 20 марта 1925 г. лишил всех бывших помещиков из дворян и их семейства прав на землепользование и проживание их в ранее принадлежавших им хозяйствах с правом наделения землею в губерниях, где они не имели владений, на правах переселенцев. Исключения допускались только по особым заслугам перед революцией и по особым постановлениям ЦИК Республики. Срок выполнения декрета уже истек. К этой борьбе надо причислить и экспроприацию крупных родовых феодалов, баев, например в Казакстане—в 1928 г.

г. Гражданство

По отношению к Советскому государству население состоит из граждан, а не подданных. «Каждое лицо, находящееся на территории Союза ССР, признается гражданином Союза, поскольку не будет им доказано, что он является иностранным гражданином». Одновременно он состоит и гражданином одной из союзных республик.

В основу принимается гражданство отдельной союзной республики, которое автоматически тем самым и превращается в гражданство Союза. Основанием принадлежности к гражданам союзной республики служит:

1. Рождение. Признаются гражданами союзной республики (и Союза): а) лица, оба родителя которых являются гражданами СССР, где бы эти лица ни родились; б) если лишь один из родителей к моменту рождения является гражданином СССР, при условии, что один из родителей проживал в тот момент в России. Но если к моменту рождения оба родителя находились вне пределов Союза и лишь один из родителей принадлежит к гражданству Союза, то гражданство родившегося за границею зависит от соглашения родителей; ему однако с достижением совер-

шеннолетия предоставляется облегченный способ приобрести гражданство Союза.

2. Принятие в гражданство иностранцев, причем трудовой элемент пользуется упрощенным способом принятия.

Брак сам по себе не изменяет гражданства, но дает право облегченного перехода в гражданство Союза.

Гражданство теряется: а) при выезде за границу и невозвращении по требованию соответствующих органов власти; б) по приговору суда; в) при оптировании (добровольным выбором) иностранного гражданства, на основании договоров об отделении части государства; г) при выходе из гражданства Союза по постановлению ЦИК Союза или союзной республики.

Восстановление утраченного гражданства зависит от ЦИК Союза или союзной республики в порядке принятия вновь в гражданство.

В. ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

О советской власти, т. е. о диктатуре пролетариата, с теоретической точки зрения мы уже подробно говорили выше (ленинизм, диктатура и т. д.). Мы можем прямо перейти к ее практическому изложению.

Под организациею советской власти мы, во-первых, понимаем схему построения этой власти, начиная от низшей ячейки до верховной власти советов. Во-вторых, туда относятся и советские выборы, как способ наполнения этой схемы классовым ее содержанием. Было бы может быть даже логичнее сперва рассмотреть, кто и как выбирает, а вслед затем, куда и по каким нормам выбирают. Я остаюсь при первом порядке изложения.

а. Схема (лестница) советской власти

(Ст. ст. 49—63 конституции РСФСР)

Рассматривая организацию советской власти, мы исходим от низшей ее ячейки—сельского и городского советов. Сила советского строя в том и заключается, что в нем частицы власти тесно связаны и спаяны между собою снизу доверху. Наша Конституция выдвигает принцип тесного и постоянного контакта, живой связи центра с местами, не допускающей никакого застоя в кровообращении государственного «организма». Она придает особое значение тому, как бы побольше заинтересовать самые «низы» в участии во власти. Советская Конституция вводит перевыборы на каждом очередном съезде, свободное право отзыва своего выборного и возможно широкое участие во власти самих масс.

Она вводит и принцип свободного досрочного отзыва избранного своими избирателями. «В том и значение переворота, что он в первый раз отбросил старый аппарат буржуаз-

ного чиновничества, буржуазной системы управления, создав такие условия, когда рабочие и крестьяне берутся сами за дело»[1].

Советы—низшая ячейка

Советы депутатов образуются:

1) в городах по нормам, определенным в Положении о горсоветах, см. дальше «Горсоветы»;

2) в селениях (деревнях, селах, станицах, местечках, городах с населением менее 1 тыс. человек, аулах, хуторах и пр.)—по расчету 1 депутат на каждые сто человек населения, но в числе не менее 3 и не более 50 депутатов на каждый сельский совет. Изменение нормы представительства разрешается ВЦИК.

Как в городе, так и в сельском поселении советы избирают из своей среды исполнительный орган для текущей работы на основаниях, устанавливаемых ВЦИК или его Президиумом.

Съезды и их исполкомы

Кроме сельских и городских советов, других советов нет. Высшие советские органы называются съездами и их исполкомами. В порядке постепенности съезды располагаются следующим образом:

1. Все советы, находящиеся на территории одного района, избирают районный съезд по расчету 1 делегат на 300 жителей, но не свыше 150 делегатов.

2. Советы городов, городских поселений, фабрик и заводов внегородских поселений (по 1 делегату на 5 тыс. избирателей) и районные съезды (по 1 делегату на 25 тыс. жителей) на территории области или края избирают краевые или областные съезды.

Избирательные нормы ВЦИК вправе в исключительных случаях для отдельных местностей изменить в зависимости от местных условий.

Разница между советами и съездами заключается в том, что депутаты советов избираются на определенный срок, в течение которого они собираются на заседания, сессии; делегаты же съезда избираются только на каждый съезд, т. е. на одну сессию и, расходясь, теряют свое звание, оставляя лишь избранный ими исполком. Ни те, ни другие депутаты и делегаты не вправе передавать кому-либо свои полномочия.

Кроме очередных съездов, допускаются и внеочередные, созываемые по предложению выше стоящих съездов или их исполкомов, или соответственным исполнительным органом

---

[1] Ленин, XV, стр. 372.

советской власти как по собственному почину, так и по требованию советов не менее 1/3 всего населения территории.

Рассмотрим в отдельности каждый из этих съездов.

1) Районный съезд советов

Районный съезд созывается в сроки, определяемые вышестоящими органами, его исполкомом. Он составляется из представителей всех советов на территории района, за исключением городов, не подчиненных рику.

Районный съезд избирает свой райисполком (рик) на 1 год в количестве не более 45 человек; он имеет свой президиум.

2) Краевой (областной) съезд советов

Краевые (областные) съезды составляются из представителей городских советов и районных съездов: а) от съезда по расчету 1 делегат на 25 тыс. жителей, б) от городов по 1 делегату на 5 тыс. избирателей.

Краевой (областной) съезд выбирает свой исполком, нормы выборов определяет особое Положение ВЦИК. Область, как организация новая, представляет собою известные особенности, ибо охватывает и находящиеся на ее территории автономные национальные единицы, не нарушая их автономии.

3) Съезд советов федеративных частей республики

Съезды советов автономных национальных республик и областей избираются в общем по нормам областных съездов. Они избирают свои местные ЦИК или областные исполкомы и посылают своих представителей на Всероссийский съезд. Особенности их будут рассмотрены особо.

4) Всероссийский съезд советов

Всероссийский съезд советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов составляется из представителей:

1. Городских советов, по расчету 1 делегат на 25 тыс. избирателей.

2. Представителей республиканских съездов советов АССР и областных съездов автономных областей, по расчету 1 делегат на 125 тыс. человек населения, причем в случае, если съезд советов не предшествует Всероссийскому съезду советов, делегаты посылаются непосредственно районными съездами советов.

Всероссийский съезд созывается не реже одного раза в 2 года. Чрезвычайный съезд созывает ВЦИК по собственному почину или по требованию советов местностей, насчитывающих не менее 1/3 части всего населения республики.

Всероссийский съезд советов избирает Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет в количестве, определяемом самим съездом. ВЦИК имеет свой президиум.

5) Союзный съезд советов

На основании договора четыре социалистические советские республики: РСФСР, Украинская ССР, Закавказская федерация ССР и Белорусская ССР образовали СССР. К ним в 1925 г. присоединились еще две союзных республики: Туркменская и Узбекская ССР (прежде Бухара, Хива и Туркестан), а в 1930 г.— седьмая союзная республика Таджикистан.

Во главе этого Союза стоит Союзный съезд советов, избираемый по тем же нормам и на том же основании, как и Всероссийский съезд (см. п. 4).

Союзный съезд избирает ЦИК Союза, состоящий из двух равноправных советов: Союзного совета и Совета национальностей, о которых речь будет дальше.

6. Советские выборы

(конституция, ст. ст. 68—75).

1. Избирательное право

Буржуазное и советское избирательное право. Маркс приводит слова политика периода северо-американской революции Гамильтона по поводу отмены в некоторых Северо-американских штатах избирательного ценза: «Толпа одержала победу над собственностью и богатством». В самом деле, не отменена ли частная собственность, если неимущий сделался законодателем для имущего? Ведь ценз, это—последняя политическая форма признания частной собственности[1]. Но Маркс там же показывает, что эта отмена ценза означает лишь перенесение частной собственности из области политики в частную жизнь, так как объявляет ее неприкосновенной для государства, т. е. он находит, что это напротив означает именно ее укрепление так же, как например отмена различий по рождению, сословию, образованию и профессии в смысле политического ценза отнюдь не означает отмены фактических различий по профессии, образованию, сословию, рождению.

Но кроме того, несмотря на формальную отмену имущественного ценза, явно и скрыто всюду оставалось фактическое неравенство избирательного права. А фактическое неравенство людей даже там, где избирательное право формально равно, всегда даст при буржуазной демократии большинство, т. е. власть, незначительному меньшинству имущих.

Ленин неоднократно пояснял это явление, почему большинство голосует за меньшинство господствующего класса. Тут играет роль

[1] Маркс, Nachlass, I, 407.

и прямая экономическая зависимость, культурный уровень и зависимость от буржуазной культуры (печать, церковь и т. д.), наконец и прямой подкуп. Затем чрезвычайно широк круг колеблющихся (средних мелкобуржуазных масс), которых можно отвоевать только после свержения власти буржуазии.

В действительности всюду в буржуазном обществе в той или иной форме еще существует известный имущественный ценз, ибо ценз частной собственности является тем показателем, который вообще определяет удельный вес гражданина в буржуазном обществе. Этому имущественному цензу буржуазного государства советский строй противопоставил безимущественный ценз, ценз труда». Английская буржуазия ругала своих рабочих «poors» (бедными, нищими). Германия то же самое сделала по отношению к крестьянам, называя их «Armen» (бедняками). В советском строе самое бесспорное избирательное право принадлежит именно трудящейся бедноте, а имущество представляет собою обстоятельство прямо порочащее, если оно служит средством эксплоатации. Если буржуазные конституции весьма часто физическую работу, производительный труд ставят избирателю в минус и напротив признают иногда многократные (плюральные) голоса за лицами с большими доходами, то Советская конституция, наоборот, условием избирательного права ставит производительный труд и лишает этого права того, кто живет на непроизводительный, нетрудовой доход. Потерявшего имущественный ценз, т. е. обонкротившегося буржуа, демократия лишает права голоса; избиратель, потерявший трудовой ценз, т. е. потерявший трудоспособность, не теряет своего избирательного права в советском строе. В буржуазном строе лишают права голоса того, кто по бедности получает пособие; у нас ему отводится почетное место. Наконец буржуа лишает права голоса самую живую часть общества—молодежь, а также обыкновенно и солдат; у нас красноармейцы в избирательных списках занимают видное место.

Избиратели. По нашей Конституции избирательное право не делится на активное (право избирать) и пассивное (право быть избранным). Правом избирать и быть избранным в советы пользуются независимо от пола, вероисповедания, расы, национальности, оседлости и т. п. следующие граждане РСФСР, которым ко дню выборов исполнилось 18 лет:

а) все добывающие средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом, а также лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда (напр. жена или даже чужое лицо, ухаживающее за детьми работницы, занятой производительным трудом, и т. п.);

б) красноармейцы и краснофлотцы рабоче-крестьянских Красных армии и флота;

в) граждане, входящие в категории, перечисленные в пунктах «а» и «б» настоящей статьи, потерявшие в какой-нибудь мере трудоспособность.

Иностранцы, принадлежащие к рабочему классу и к не пользующемуся чужим трудом крестьянству и, живущие в пределах Республики для трудовых занятий, получают избирательные права, даже не вступив в число граждан Республики.

«Лишенцы». Не избирают и не могут быть избранными, хотя бы они входили в одну из вышеперечисленных категорий:

а) прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;

б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имуществ и т. п.;

в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;

г) духовные служители религиозных культов всех вероисповеданий и толков, для которых это занятие является профессией, и монахи;

д) служащие и агенты бывшей полиции, отдельного корпуса жандармов и охранных отделений, а равно руководившие деятельностью полиции, деятельностью карательных органов и члены царствовавшего в России дома;

е) лица, признанные в установленном порядке душевно-больными или умалишенными;

ж) лица, осужденные за преступления с поражением в политических правах на срок, установленный судебным приговором.

Ограничимся пока для общих рассуждений этим голым текстом Конституции, ибо к его разъяснению мы еще вернемся. Мы видим, что текст Конституции проводит строго классовое деление населения на избирателей и лишенных избирательных прав («лишенцев»). Из того обстоятельства, что это является классовым делением, вытекает, что лишаются избирательных прав и лица, принадлежащие в прошлом к этим категориям лиц, пока они не восстановлены в этих правах установленным порядком, и что равным образом этих прав лишаются и иждивенцы членов имущественных классов, если они не порвали с ними связь и не имеют источником своего существования самостоятельный общественно-полезный труд. Из того, что наша Конституция является Конституцией революционной диктатуры, объясняется особое значение статьи о «лишенцах».

Принципиальные возражения против нашего избирательного права.

1. Неопределенность понятия «трудящийся».

Как бы предвидя будущие возражения, Конституция прибавила еще примерный перечень: «рабочие и служащие всех видов и категорий, занятых в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и пр., крестьяне и казаки-земледельцы, не пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли». Распространение избирательного права на широкие массы крестьян, кустарей, ремесленников, конечно не противоречит этому пояснению, которое ныне сделалось лишним, особенно ввиду точного перечня исключений, и поэтому в новую редакцию Консти-

туции не включено. По существу, у нас устранена от выборов буржуазия, как классовый враг пролетариата, и это является единственным исключением и единственным ограничением всеобщности избирательного права, если не считать бесспорное исключение по слабоумию и т. д. и срочное ограничение в правах (см. 154-а) опороченных по суду. Избирателями являются все, кроме эксплоататоров.

2. Лишение избирательных прав буржуазии. Указывают на несправедливость по отношению к меньшинству, т. е. имущему классу, живущему не на свой труд, а на нетрудовой доход! Если бы такую критику выдвинули буржуазные классы, то они повторяли бы лишь то, что делали и делают рабочие всюду в буржуазном обществе по отношению к избирательному праву. В буржуазном обществе рабочий класс требовал для себя таких же прав, какими пользуется буржуазия, но он и не думал проверять, все ли имущие элементы действительно обеспечены равными правами. Ныне с.-д., называющие себя «представителями рабочего класса» борются в первую голову в интересах меньшинства, т. е. буржуазии! При революционном понимании класса и классовой борьбы мы хорошо понимаем вынужденную уступчивость класса угнетателей в буржуазном государстве перед эксплоатируемым классом; он не имеет возможности стремиться к полному уничтожению эксплоатируемого класса, ибо вместе с ним погиб бы сам. Он должен иногда итти на уступки перед громадным большинством населения. Наоборот, эксплоатируемый класс может и должен бороться за беспощадную ликвидацию класса угнетателей. Вот где кроется тайна, почему рабочий класс может требовать от буржуазии, находящейся у власти, уступок, каких он никогда и не обязывается и не думает, сам ставши у власти, предоставлять буржуазии, как ничтожному по количеству, но сильному в мировом масштабе и посему еще влиятельному классу.

Мы в буржуазном строе требуем для пролетариата общих и равных прав, но получаем их не по доброй воле буржуазии, а только под давлением силы пролетариата. Мы в советском строе обеспечиваем права рабочего класса, вообще трудящихся, и только! Путь к избирательному праву в буржуазном обществе недоступен для неимущего (если он зависит от имущественного ценза), и еще Маркс сказал: «На чем основывается частичная, только политическая революция? На том, что часть буржуазного общества достигает общего господства... Но этот класс освобождает общество лишь в том предположении, что все общество находится в положении этого класса, т. е. имеет деньги и образование или по своему усмотрению может таковые приобрести». Это предположение, что каждый рабочий может стать имущим в буржуазном обществе,—не что иное, как несбыточная иллюзия.

В советском строе, наоборот, переход к трудовому цензу, т. е. к производительному или общеполезному труду, вполне сво-

боден и действительно по желанию каждого фактически может быть выполнен. Лишая избирательных прав лиц, живущих на нетрудовой доход, мы можем сослаться на истину, открытую еще великим «материалистом» XV столетия Макиавелли, что «истинно свободное государство невозможно в странах, где находится много граждан, живущих не своим трудом но от своих нетрудовых доходов».

Лишается ли буржуазия навсегда избирательных прав? Этот вопрос решен при пересмотре Конституции 1918 года. Ответ простой и ясный: диктатура остается, даже не предполагается изменить Конституцию в пользу капиталистов и спекулянтов. Уступки только в пользу трудящихся: крестьян, кустарей, ремесленников!

3. Наши выборы не всеобщие. Абсолютно всеобщего избирательного права нигде не существует, а имеются всюду те или иные ограничения в отношении:

а) возраста. Избирательный возраст в буржуазном обществе весьма различен. Часто он определяется в 25 лет, иногда для права быть избранным—в 45 и 50 лет, нигде не моложе 21 года. У нас этот возраст установлен в 18 лет как для активного, так и для пассивного права;

б) пола. Женщины во многих государствах не пользуются вообще избирательным правом; где они им пользуются, они получили его недавно, часто со значительными ограничениями. У нас—без различия пола;

в) расы. Бывают демократии, где существуют расовые ограничения (против евреев, негров, китайцев, японцев и т. д. и т. д.). У нас—без всякого различия расы;

г) национальности. К национальности относится то же, что сказано о расе;

д) исповедания. Существовали органичения для нехристиан. У нас—вопрос об исповедании вообще отпадает;

е) оседлости. Оседлость (т. е. безотлучное проживание на месте, имение квартиры и т. п.), более или менее продолжительная, является обязательным условием буржуазного избирательного права и лишает избирательного права особенно большие группы рабочего класса, меняющие жительство. У нас это право независимо от оседлости. Мы исключаем буржуазию и только ее!

Итак, наши выборы,—хотя и не всеобщие, но количественно гораздо более общие, чем в буржуазной демократии. Это вытекает уже из нашей тенденции привлечь к управлению государством всех трудящихся поголовно. Здесь я приведу лишь несколько цифр: за 10 лет (1918—1927 гг.) было собрано в советы всего 9 545 000 чел., на съезды советов 3 994 000, в исполкомы 699 000 чел. Где еще могут быть такие колоссальные цифры участия? А количество лишенных избирательных прав в 1927 г. было: в горсоветы из 1 000 чел.—33; в сельсоветы из 1 000 чел.—78[1].

---

[1] См. диаграммы у т. Л. М. Кагановича «Партия и советы», 1928 г.

4. Наша система выборов. Критике подвергается система нашего избирательного права, так как выборы, мол, производятся путем многостепенного, а не прямого голосования, причем ссылаются на то, что коммунисты сами боролись за прямые, равные и тайные выборы.

Вообще избирательная система советская и буржуазная—вещи несравнимые: в буржуазном обществе все делается для сохранения власти буржуазии, в рабочем государстве—наоборот, для укрепления власти пролетариата против буржуазии. У нас выборы как бы многостепенные, а не прямые, кроме низшей ячейки; но они у нас производятся по организациям труда (фабрикам, заводам, союзам, советам, съездам). Эта система несравнима с буржуазною системой. Ведь в самой буржуазной литературе давно уже господствует недовольство нынешнею парламентскою системою и поднимаются голоса в пользу представительства отдельных объединений интересов. До сих пор история знала представительство интереса лишь по группам: либо материальным (напр. сословным, либо духовным (напр. церковь, университет), либо совместной жизни (т. е. общины). Советы являются организациею новою, трудовою и классовою, притом организациею классового господства пролетариата.

Буржуазная наука выставляет два критерия для пригодности того или иного порядка выборов:

«а) связь с избирателями и

б) создание системы, по которой важнейшие интересы страны имели бы защиту и выражение в палате».

Можно ли говорить о связи депутата с избирателями в условиях буржуазного парламентаризма, где нет ни обязательного мандата избирателей, ни права отзыва депутата, да и не может существовать это право при пропорциональной системе выборов или вообще при системе списков, а не отдельных кандидатур. Там отзыв возможен только от имени партии. В советах существует право отзыва. Выборы и советы прямые. Выборы на съезд производит не особое собрание выборщиков, но совет или текущий съезд советов. И это как раз гарантирует верное представительство важнейших интересов, но интересов исключительно трудовых.

5. Открытое или тайное голосование? Конституция сама этого вопроса не предрешает, но Инструкция вводит открытое голосование. Это делается сознательно. Мы уже говорили, что советские выборы—выборы коллективные, т. е. происходят в коллективах, и из этого вытекает коллективный характер мандата, отчета, отзыва депутата. При тайном голосовании не могло бы осуществляться право контроля и отзыва, ибо «неизвестен» избиратель. Буржуазия имеет средства держать неимущих в страхе и зависимости и при тайном голосовании, расшифрование которого составляет особое искусство буржуазных руководителей выборами.

2. Практика наших выборов

Разница между практикою выборов в буржуазном государстве и при советской власти громадна. В буржуазном строе только на так называемой избирательной кампании концентрируется все участие в политической жизни населения, его масс (поскольку они допускаются к участию в выборах). Один раз в 3, 4 или даже 5 лет назначаются выборы. Все партии объявляют своих кандидатов, выпускают свои избирательные платформы. Кандидаты выступают со своими общими и специальными обещаниями, причем ни партии, ни их кандидаты и не думают о серьезном проведении в жизнь своих обещаний. Выборы прошли, избиратели возвращаются домой и в течение следующих 3—5 лет не имеют ни малейшего права вмешательства в работу своего кандидата или влияния на его деятельность. Избранный депутат по отношению к избирателям неприкосновенен. Они, в лучшем случае, могут выносить какие-либо пожелания, но их депутат не обязан пред ними к отчетности; обязательный мандат депутатов незаконен; никто раньше срока «полномочия» его отзывать не может. Правда, в С. Америке это право отзыва (recall) для выборных судей и должностных лиц существует, но только на бумаге, как остаток демократизма прошлого. Все это в буржуазном государстве вытекает из принципиального деления всего «общества» на «управляющих и управляемых».

В ином виде представляется сама принципиальная сторона практики выборов в Советском государстве. «Бороться с бюрократизмом до конца, до полной победы можно лишь тогда, когда все население будет участвовать в управлении» [1]. Как это достигается у нас? Тем, что: 1) привлекаются к выборам как активно, так и пассивно (в виде избираемых), по возможности, все трудящиеся поголовно; 2) избирательное право, как активное, так и пассивное, действительно осуществляется всеми избирателями; 3) связь между избирателями и избранными не прерывается, но сохраняется беспрерывно путем обязательных мандатов, докладов и отчетов и 4) избиратели имеют право отзыва избранных.

Выборы—вовлечение масс в управление. Еще программа РКП(б) 1919 г. провозгласила следующий лозунг партии:

«Ведя самую решительную борьбу с бюрократизмом, РКП(б) отстаивает для полного преодоления этого зла следующие меры:

1. Обязательное привлечение каждого члена совета к выполнению определенной работы по управлению государством.

2. Последовательную смену этих работ с тем, чтобы они постепенно охватывали все отрасли управления.

3. Постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством.

Полное и всестороннее проведение всех этих мер, представляя собой дальнейший шаг по пути, на который вступила Парижская Коммуна, и упрощение функций управления при повышении

---

[1] Ленин, XVI, 127.

культурного уровня трудящихся ведут к уничтожению государственной власти».

Одновременно необходимо помнить, что диктатура пролетариата является лишь продолжением классовой борьбы, которая особенно в деревне в последнее время усилилась. Из этого последнего обстоятельства вытекает, что мы особенное внимание обращаем на тщательное ведение списков лишенных избирательных прав, внося туда беспощадно всех классовых врагов, но и тщательно устраняя все ошибки при лишении прав.

Побольше избирателей! Основная наша задача заключается, с одной стороны, в еще более энергичном вовлечении в советы широких трудящихся масс, а с другой—в дальнейшем охранении советов от проникновения в них эксплоататорских элементов. Не должен быть допущен к выборам ни один из тех, кто лишается избирательных прав. С другой стороны, не должен быть лишен избирательных прав никто, кто под действие закона о лишении избирательных прав не подходит.

По Инструкции от 20 октября 1930 г. не могут быть лишены избирательных прав, если они не лишены этих прав по другим причинам, следующие лица: а) крестьяне-земледельцы и скотоводы, применяющие или применявшие в своем хозяйстве наемный труд одного постоянного рабочего при особых обстоятельствах, как-то болезнь, мобилизация, призыв в рабоче-крестьянскую Красную армию, избрание на общественную должность, требующую отрыва от хозяйства и т. п. на все время данного состояния хозяйства; б) земледельцы, нанимающие или нанимавшие сезонную рабочую силу во время страдной поры для уборки хлеба, технических культур и трав в размерах, устанавливаемых специальными постановлениями ЦИК Союза ССР и Президиума ВЦИК; в) крестьяне-земледельцы, уходящие на сезонные работы и применяющие или применявшие в своем хозяйстве в период своего ухода на сезонные работы наемный труд не свыше одного работника, а также члены семей этих крестьян; г) рабочие и члены семей рабочих фабрик и заводов, не порвавшие связи с сельским хозяйством, применяющие или применявшие в своем хозяйстве наемный труд не свыше одного постоянного рабочего; д) крестьяне-земледельцы, скотоводы и рыбаки, сбывающие продукты своего труда на рынок; е) владельцы жилых строений, доход которых от этих строений не превышает необлагаемого подоходным налогом минимума; ж) владельцы разнородных предприятий (маслобойка, крупорушка, шерстобитка, мельница об одном поставе и т. п.) без механических двигателей, не применяющие наемного труда, при условии, если они не закабаляют окружающего населения путем сдачи работ на дом и не сдают указанных предприятий в аренду; з) кустари и ремесленники, ведущие трудовое хозяйство без применения наемной силы, а также пользующиеся или пользовавшиеся трудом 2 учеников или в силу условий производства—наемным трудом одного взрослого рабочего, даже если они продают на рынок изделия исключительно своего производства; и) прив-

леченные в свое время в ряды белых армий путем мобилизации рабочие, трудовые крестьяне и казаки, служащие, кустари и ремесленники; к) те из бывших офицеров и чиновников белых армий, которые впоследствии состояли в рядах рабоче-крестьянской Красной армии и принимали активное участие в вооруженной защите советской власти, а также те, которые в настоящее время находятся на действительной военной службе в рабоче-крестьянской Красной армии; причем под активным участием в вооруженной защите советской власти следует понимать всякое выполнение во время гражданской войны военных заданий в частях и управлениях рабоче-крестьянской Красной армии как на фронте, так и в тылу; л) лица, живущие на доходы от выигрышей и на проценты по государственным займам, на доходы от сбережений, находящихся в государственных трудовых сберегательных кассах; получение из-за границы гражданами Союза ССР в установленном порядке денежных сумм и ценностей (пенсий, наследств, алиментов, страхового вознаграждения и т. п. само по себе не служит основанием для лишения этих лиц избирательных прав; м) инвалиды труда и войны, в силу особых причин занимающихся мелкой торговлей, облагаемые промысловым налогом по ст. 5 расписания предприятий и промыслов, облагаемых по твердым ставкам (приложение 1-е к Положению о промысловом налоге с частных предприятий и промыслов), а также лица, временно занимавшиеся такой же мелкой торговлей вследствие безработицы или временной инвалидности; н) лица, получающие за свой труд процентное вознаграждение от государственных и кооперативных организаций, а также акционерных обществ с преобладающим участием государственного или кооперативного капитала. К лишенцам не относятся и члены семьи лиц, лишенных избирательных прав по классовой линии, если они материально не зависят от последних. Это относится и к лицам свободной профессии, занимающимся общественно-полезным трудом, если они не эксплоатируют чужого труда с целью прибыли (врачи, инженеры, художники, артисты и т. д.), и особенно к учителям.

Расширение категории лишенцев

Мы были бы односторонними, даже слепыми политиками, если бы во время подъема классовой борьбы, особенно в деревне, не обращали достаточного внимания на лишенных изибирательных прав. Ст. 14 Инструкции о них гласит:

«При составлении и проверке списков, как избирателей, так и лиц, лишенных изибирательных прав, избирательные комиссии должны иметь в виду, что Конституция РСФСР лишает отдельных лиц и отдельные группы населения избирательных прав, а именно:

а) лиц, прибегавших или прибегающих в настоящее время к наемному труду, с целью извлечения прибыли;

б) лиц, живших или живущих в настоящее время на нетрудовые доходы, а также занимавшихся или занимающихся ныне торговлей;

в) прочих лиц, относящихся по своему классовму положению к моменту выборов или по своей прошлой деятельности к категории лишенных избирательных прав соласно ст. 59 Конституции РСФСР.

Работа тут требует очень внимательного подхода. Я здесь не буду давать исчерпывающие пояснения, а лишь некоторый примерный обзор.

При рассмотрении вопроса о том, лишено ли данное лицо избирательного права, как прибегавшее к наемному труду, комиссии не ограничиваются его классовым положением к моменту выборов, но и в течение предыдущих 5 лет. Оставившие эти занятия за 5 лет до выборов могут быть восстановлены, доказав свою лойяльность к советской власти. Заявление о восстановлении в избирательных правах они подают в местный совет, который представляет его в вышестоящую избиркомиссию со своим отзывом.

Я приведу примерно по Инструкции основания для лишения избирательных прав:

а) земледельцы, скотоводы, кустари и ремесленники, применяющие наемный труд, сезонный или постоянный, в таком объеме который расширяет их хозяйство за пределы трудового, причем основным признаком трудового хозяйства в данном случае является обязательное участие в повседневной работе в хозяйстве наличных трудоспособных его членов и подсобный характер наемного труда, имеющие наряду с земледельческим и скотоводческим хозяйством промысловые и промышленные заведения и предприятия (мельницу, крупорушку и т. п.) с механическими двигателями или ведущиеся с применением постоянного или сезонного наемного труда;

б) лица систематически сдающие внаем имеющиеся у них сложные сельскохозяйственные машины с механическими двигателями, владельцы крупных рыболовных судов, сдающие их в аренду, или лица, закабаляющие окружающее население путем предоставления в пользование рабочего скота, сельскохозяйственных машин и пр., или занимающиеся снабжением населения кредитом (товарным или денежным) на кабальных условиях (ростовщики);

в) лица, арендующие земли на условиях, признанных районной налоговой комиссией кабальными для сдатчиков, с целью торговой и промышленной эксплоатации садов, виноградников и т. д.;

г) лица, систематически сдающие в наем отдельные постройки, оборудованные под предприятие или жилье, при условии, если их хозяйство по размеру дохода от этой сдачи внаем построек относится к категории хозяйств, облагаемых единым сельскохозяйственным налогом в индивидуальном порядке;

д) владельцы и арендаторы предприятий промышленного типа, эксплоатирующие население путем сдачи тех или иных работ на дом или путем сдачи этого предприятия в аренду или субаренду;

е) частные торговцы, перекупщики и коммерческие посредни-

ки, арендаторы и владельцы предприятий фабрично-заводского типа;

ж) бывшие офицеры и чиновники белых армий, а также руководители контрреволюционных банд.

з) все служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также все лица, прямо или косвенно руководящие действиями полиции, жандармерии и карательных органов как при царском строе, так равно и при белых контрреволюционных правительствах.

К лишенцам относятся и члены семейств, если они находятся в материальной зависимости от лишенцев и не имеют источником своего существования самостоятельный общественно-полезный труд.

Ввиду того, что лишение избирательных прав влечет за собою целый ряд ограничений прочих прав, сельские и городские советы ведут постоянные списки лиц, лишенных этих прав. Этот учет производится: 1) путем сообщения сведений о всех осужденных судом, 2) о пользующихся наемным трудом в целях извлечения прибыли, а также лицах, живущих на нетрудовой доход по сведениям финорганов о подоходном и промысловом налоге, о страховых взносах и т. д., 3) о торговцах на основании выбранных патентов, договоров об арнде торговых помещений и т. д. Но советы вносят в списки и все прочие, проверенные ими сведения.

Для проведения самых выборов образовывается целая «лестница избирательных комиссий», начиная от Центральной избирательной комиссии при ВЦИК (циках и прочих союзных республик) до местных сельских или городских комиссий.

Их состав: 1. Центральная избирательная комиссия состоит из назначенных Президиумом ЦИК персонально членов.

2. Низшие или местные, т. е. городские и сельские, избирательные комиссии состоят:

а) городские (во всех городах и рабочих поселках) из лиц, из которых председатель утверждается исполкомом, кроме него входят два представителя от горсовета и по 1 от профсоюзов Красной армии ВЛКСМ и работниц и 3 рабочих от станка;

б) сельские из 7 членов, а именно—председателя, назначаемого районным исполкомом, двух представителей сельсовета, по 1 представителю от профсоюза, ВЛКСМ, делегатского собрания крестьянок и местных крестьянских организаций, колхозников, батраков, рабочих и т. д.

Эти местные «советские комиссии являются, так сказать, оперативными по проведению выборов. На Центральной комиссии лежит общее руководство проведения избирательной кампании, инструктирования всех нижестоящих комиссий, а равно рассмотрений жалоб на них.

«По лестнице» от места к центру каждому исполкому (край-обл-, рай) соответствуют свои избирательные комиссии в автономных республиках и областях из 11 чел., в районах из 11—15 чел.

В высших комиссиях усиливается общественный элемент. По краям присоединяются представители национальных меньшинств и представители горсоветов. На этих средних (по лестнице) комиссиях лежат обязанности наблюдения за законностью и своевременностью выборов и, чтобы не было давления администрации, руководство нижестоящими комиссиями, представление об их роспуске, требование от них отчетов и рассмотрение жалоб на них, посылка своих представителей в нижестоящие комиссии и представление о неутверждении выборов и т. п.

Избирательные собрания. Выборы членов совета происходят на избирательных собраниях по сельским участкам, в городах по производственным или профессиональным единицам (предприятиям, учреждениям, профсоюзам). В избирательном собрании могут присутствовать лишь лица, пользующиеся избирательным правом. Они вызываются повестками. Избирательное собрание имеет право избирать свой президиум. Порядок голосования по спискам или отдельным кандидатурам решается самим избирательным собранием. Списки или отдельные кандидаты должны быть заявлены до избирательного заседания; комиссия или их уполномоченные не в праве выставлять своих кандидатов. Выборы происходят открытым голосованием. Избранными считаются получившие абсолютное большинство голосов, т. е. не менее 50% всех явившихся (например при 100 явившихся 51 голос). Кроме депутатов, избираются кандидаты в количестве одной трети депутатов.

В городах граждане, не входящие в предприятия и не организованные в профсоюзы, как-то кустари, извозчики, хозяйки и т. д., собираются на территориальные избирательные собрания.

О ходе избирательного собрания составляется протокол за подписью президиума собрания. Все заявления и жалобы подаются в семидневный срок с момента окончания выборов в письменной форме в соответствующую избирательную комиссию, руководящую выборами, которая их в 3 дня представляет в вышестоящую комиссию.

Проверка выборов. Выборы отменяются как в случаях жалоб на незаконные действия руководящих выборами, так и в случае недостаточного участия в выборах (менее 40% всех избирателей). Это нововведение означало начало новой эпохи для сельских выборов. Выборы частично отменяются самой комиссией, а об отмене выборов в целом комиссия представляет в исполком, выбравший комиссию.

Выборы на съезды происходят в советах и на съездах. Поверку правильности полномочий того или иного делегата производит сам съезд, в который данное лицо получило мандат. Проверку мандатов производит съезд сам, для чего весь материал по производству выборов направляется туда. Для проверки мандатов съезд избирает мандатную комиссию, которая о результатах проверки докладывает съезду. Съезд решает вопрос об утверждении или неутвержде-

нии спорных мандатов. В случае неутверждения того или иного мандата съезд заменяет его кандидатом или назначает новые выборы.

В случае неправильности выборов в целом вопрос об отмене выборов разрешается высшим по порядку органом советской власти (исполкомом), причем неправильными выборы признаются в том случае, если выборы более половины делегатов признаны неправильными. Последнею инстанциею по кассации советских выборов является ВЦИК.

Так рисуют Конституция и изданная в силу ее Инструкция порядок советских выборов. Надо признать, что практика еще далека от полного его осуществления, и особенно в деревне. Ленин нашу задачу в этом отношении обрисовал словами: «Бороться с бюрократизмом до конца, до полной победы можно лишь тогда, когда все население будет участвовать в управлении. В большинстве республик это было не только невозможно, но и противозаконно. Самые лучшие буржуазные республики, как бы демократичны они ни были, имеют тысячи законодательных помех, которые препятствуют участию трудящихся в управлении. Этих помех у нас не осталось, но до сих пор мы не достигли того, чтобы трудящиеся массы могли участвовать в управлении. Кроме закона, есть культурный уровень, который никакому закону не подчинишь. Благодаря этому низкому культурному уровню советы, будучи по своей программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления для трудящихся, через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы. Здесь перед нами задача, которую нельзя решить иначе, как длительным воспитанием[1].

---

[1] Ленин, XVI, стр. 127, 128.

VI. ПОСТРОЕНИЕ (КОНСТРУКЦИЯ) ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

А. БУРЖУАЗНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ [1]

Одним из символов веры буржуазной демократии, несмотря на то, что от нее на словах открещиваются даже многие буржуазные ученые, все еще служит теория разделения властей, как основной гарантии политической свободы. Можно даже сказать, что чем более от нее отказывается теория, и чем более теория демократии, как мы видели, расходится с практикой, тем чаще на нее на словах ссылаются особенно социал-предатели и социал-фашисты для обмана легковерных масс. Этой теорией все еще пользуются для затушевывания классового и для пояснения «надклассового» характера буржуазного государства, а между тем эта теория сама являлась не чем иным, как именно *теорией классовой борьбы*. Если отбросить Аристотеля древней Греции, который в разделении властей на совещательную, исполнительную и судебную видел лишь просто деление функций государства, т. е. техническое разделение труда, то теорию деления властей первым выдвинул Джон Локк, деливший власть на законодательную, принадлежащую парламенту, и на исполнительную и союзную или федеративную (право внешних сношений), принадлежащую королю. Джон Локк был идеологом английской *буржуазной* революции, и он свою теорию разделения властей выдвинул в целях оправдания парламента, в его споре с королем, т. е. по существу в целях обострения борьбы классов во имя естественного права человека.

Теория разделения властей Монтескье (на законодательную, исполнительную и судебную), на которую главным образом опираются все демократы и прогрессисты, коренным образом отличается от теории Локка. Она, прежде всего, *теория контрреволюционная*, реакционная. Известно, что Монтескье был противником революции бедноты, он стоял за богатых. Он и теорию разделения властей выдвинул в целях спасения хотя бы частицы королевской власти. И он ссылался на практику английского парламента не только в защиту не революции, а контрреволюции. Он не строит теории мирного развития; он, напротив, исходит от «всеобщей» как внутренней, так и внешней «войны людей», ибо, по его теории, «соединение людей в общество и порождает

---

[1] См. ст. *Челяпова* в «Энциклопедии государства и права», III, стр. 632 и сл.

войну». Напугав своего читателя этою общею войною, Монтескье и объясняет, что важен не вопрос о том, в чьих руках власть, всех ли, некоторых или одного, но в том, как она организована и обставлена. Говоря о политической свободе, Монтескье имеет в виду безопасность (sûreté) гражданина и находит что существенною гарантиею ее служит только разделение властей на взаимно независимые: исполнительную, законодательную и судебную власти.

Отстаивая исполнительную власть, как самостоятельную власть, Монтескье защищал частицу классового господства класса землевладельцев-дворян во главе с королем против грядущего класса буржуазии, требующего для себя организованного участия во всей власти, т. е. конституции и ограничения монархии. Мы, таким образом, видим, что Джон Локк пользовался в защиту буржуазной революции в Англии теориею разделения властей так же, как Монтескье—в защиту короля и класса дворянства против буржуазии, вслед за ними социал-демократы из нее создали средство примирения всех классов.

В действительности государственная власть—за исключением лишь кратковременных переходных моментов двоевластия—всегда едина, нераздельна, если рассмотреть ее как господство класса. В Англии было время единовластия короля (с дворянством или без него) и было время «полноты власти парламента» («omnipotentia parliamenti»); это последнее тогда означало диктатуру дворянства, «лордства», как результат его победы над королем. В дальнейшем мы видим борьбу классов уже внутри парламента между дворянством и буржуазиею, но и тогда решающие моменты разыгрываются вне парламента: английская революция, чартистское, движение и т. д. Значит, вместо равновесия раздельных властей в Англии всегда переобладала над всеми одна лишь власть. А даже современные буржуазные демократы, например проф. Макс Вебер, откровенно признают, что в современном государстве действительное господство, конечно, не проявляется ни в парламентских дебатах, ни в посланиях монарха, а в действительном осуществлении правления (Handhabung der Verwaltung), т. е., говоря словами англ. проф. Дайси, в Англии вся власть находится в руках кабинета министров, или, вернее, его председателя.

Единая власть осуществляет всю власть в целом, как власть классовую. Это означает единый классовый состав исполнителей этих властей: как законодательной, так и исполнительной и судебной.

а. Монарх (царь, император, король, князь и т. п.) или суррогат его—президент республики

Первая форма классового господства—монархия. Не противоречие ли это? Нет, мы уже видели, что означала эта первоначальная монархия, если не считать древних монархий, то—союз вассальных государств (волостных или более крупных раз-

меров). Если мы читаем (например у Градовского) описание английской монархии прошлого, то мы узнаем, что рядом с королем и его двором были десятки и даже сотни баронов, которые жили в пышных и укрепленных замках, где каждый барон имел не только свою фантазию, но и свой двор, своих должностных лиц и служилых людей. Эта новая лестница монархов составляет единый класс. Мы уже видели, что аппетиты верховного «сюзерена» возрастают за счет «вассалов», что приводит к борьбе,—и в результате в Англии привело к сильному парламенту. Король теряет значение, сводится к нулю—его власть переходит к назначенному от парламента кабинету. Всемогущество парламента! Еще Энгельс (в 1844 г.) писал про Англию: «Власть короля на деле сводится к нулю, и если еще нужны доказательства для такой бесспорной истины, то одного того факта достаточно, что уже более 100 лет, как прекратилась всякая борьба против короля, и даже радикально-демократические элементы (например чартисты) находят лучшее употребление для своего времени, чем подобную борьбу... Но чем незначительнее монархический элемент стал в действительности, тем он значительнее стал для англичанина... Слово король—это суть государства, как слово бог означает сущность религии, хотя оба слова ровно ничего не значат».

В таких же пределах, от всемогущества до полного ничтожества, колеблется власть монарха в прочих государствах. Он прежний хозяин, даже воображаемый собственник «всей земли», «вотчины», помазанник и заместитель бога, сохранил всюду звучные титулы и громкие права: представлять государство, объявлять войну и заключать мир, назначать все чиновничество, главное командование войсками и т. д., и все это безответственно! Значит, суверенная власть все еще в руках монарха! А где нет монарха, т. е. в республике, там стараются создать суррогат (подделку) монарха в лице президента республики (во Франции, Германии, Америке и т. д.) с теми же «прерогативами», т. е. преимущественными правами.

Но еще Антон Менгер писал: «Правильнее всего признать, что государь является сувереном лишь в том случае, если соотношение сил в государстве таково, что он, в случае нужды, может с успехом произвести государственный переворот (coup d'état); народ же является суверенным, если он в силах произвести успешную революцию». А другой буржуазный писатель [1] пишет еще более современно: «Уже сегодня король, может быть, бессознательно царствует не милостью божиею, но только милостью капитала. Но вскоре все содержание государства улетучится, и не останется ничего, кроме дикой (brutale) исполнительной власти на службе действительной, т. е. денежной (внутренней и иностранной) плутократии».

В конституционном государстве «король царствует, но не управляет». Он давно уже вместо дани со всего государства

---

[1] Theodor Duimchen, Monarchie oder Mamonarchie, 1908 г.

получает лишь определенный «выкуп», «жалованье» (Civilliste) на себя, семью и на двор. Он считается главою исполнительной власти; формально призывает к власти и увольняет министров или кабинеты министров, а на деле управляет государством «от его имени» кабинет министров и председатель кабинета министров, который, как ответственное лицо[1], подписывает даже «тронную речь», произнесенную королем. Король сам и не говорит, а читает или разрешает прочесть ее. Для чего он существует? И еще больше может интересовать нас вопрос: для чего нужно было после смены короля изобрести суррогат его? Когда третья Республика во Франции ввела звание президента на 7 лет, безответственного, с правами главнокомандующего, с правами роспуска парламента и назначения чиновников, т. е. всемогущей главы исполнительной власти, то один из деятелей третьей Республики выразился: «Национальное собрание третьей Республики считало с самого начала, что без исполнительной власти, сжатой в кулак и способной на энергичные действия, не обойтись». Всем известно, что монархические фракции таким путем рассчитывали восстановить монархию. То же самое ныне в Германии. Последняя имеет даже возможность делать сопоставление президентства с.-д. рабочего (Эберта) и монархиста (Гинденбурга), а потом уже пошли Муссолини, Пилсудский и т. д. и т. п. В чем разница? Управляет на деле класс капиталистов, вернее, финансовый капитал.

б. Парламент и «парламентское» правительство

Парламенту, по Монтескье, была предназначена исключительно законодательная власть. Но, во-первых, законы, вырабатываются главным образом министерствами, а парламент лишь принимает (с поправками или без таковых) или отвергает их; а суть парламентаризма отнюдь не заключается в одном законодательстве. Там, где парламенту отведена лишь законодательная роль, нет парламентского режима, а есть лишь конституционный режим, т. е. исполнительную власть назначает монарх, и она более или менее независима от парламента. В лучшем случае парламенту принадлежит там право возбуждать судебное преследование против правительства. А судьи кто? Судей назначает глава исполнительной власти. И, наконец, лишь одна часть законодательной власти—право утверждения или неутверждения бюджета—может оказать известное давление на правительство, надо сказать откровенно, сейчас весьма слабое. Но в законодательной власти с парламентом делятся на деле еще и кабинет министров и судебные места.

Где существует так называемый «парламентский» режим, там министерство в действительности назначается и увольняется

---

[1] Как понимается эта ответственность в революционное время, показывают учащающиеся убийства первых министров взамен цареубийства. «Король никогда не умирает». «Король убит (или умер), да здравствует король!»

(путем выражения недоверия) парламентским большинством, т. е. при партийном режиме—партиею или коалициею партий господствующего класса. Члены парламента независимы, пользуются иммунитетом, т. е. предание их суду зависит от (простого или увеличенного, так называемого квалифицированного) большинства парламента, получают обыкновенно диэты, т. е. содержание в виде суточных или в виде твердого жалованья, причем оклады эти бывают весьма солидные[1]. Все это в связи с ролью посредников и ходатаев, которую они охотно принимают на себя, чтобы обеспечить свои перевыборы, превращает их в ненавистных для трудящихся дельцов, к которым весьма подходит известная оценка Маркса. Их независимость (отозвать их нет возможности до срока) и так называемый парламентский кретинизм, т. е. «болезнь, лишающая их всякого понимания внепарламентской действительности», давно превратили их в глазах широких масс в пустых болтунов и продажных дельцов.

Парламент постепенно теряет всякое реальное значение, и так как ко всему сказанному еще присоединяется прямой подкуп со стороны финансового и прочего капитала, то вся власть переходит к исполнительной власти или, вернее,—к составляющим ее партиям.

Но бывали и моменты революционные, когда в стенах парламента отражалась внепарламентская борьба за власть между классами или группами одного класса. Таковы были эпохи борьбы между двумя палатами парламента, верхнею, или «господскою» (в Англии—палатою лордов), и нижнею, где представлены разные группы буржуазии. Но с появлением на сцену пролетариата борьба между двумя палатами, как представительницами лишь двух фракций одной и той же буржуазии, и всякие иные серьезные разногласия прекращаются, и верхняя палата приобретает ореол сдерживающего начала против «крайних» элементов.

Такова действительность буржуазной демократии, где она еще не вытеснена окончательно открытою диктатурою буржуазии—фашизмом.

в. «Независимый» суд

Третьею, независимою властью в программе демократов показан «независимый суд». По английской или американской теории в парламентском или правовом государстве независимому суду принадлежит даже решающая роль. Это означает в действительности суд, назначаемый буржуазиею, т. е. ее правительством, из рядов ее же класса, не исключая и классового состава, так называемого «народного» элемента,—присяжных заседателей, которым, впрочем, политических дел, по общему правилу, не до-

---

[1] В истории Англии мы, напротив, читаем в актах XIII и XIV ст. ст. о том, что «община выговаривает себе условие, чтобы посылаемый депутат не съедал более полубочонка сельдей в месяц, а некоторые общины по бедности совсем отказались посылать своих депутатов» (см. Градовского).

верют. А с.-д. в этом суде даже видят социалистический суд.

Маркс еще в своих первых работах высказал мысль, повторенную им неоднократно впоследствии, о смешных словах про беспартийный независимый суд: «Какая глупая, нереальная иллюзия вообще беспартийный суд, если законодатель сам партийный. К чему беспристрастное судебное решение, если закон сам пристрастен?».

Так исчезает фикция разделения властей, как гарантия какой бы то ни было свободы. И даже трезвый буржуазный демократ, как например цитированный мною выше проф. Макс Вебер, прямо заявляет, что нынешние парламенты изжили себя: «Парламент должен быть не болтающим, а работающим парламентом, т. е. парламентом, контролирующим управление в беспрестанном сотрудничестве с ним». А «в управлении будущее принадлежит бюрократии». Но жизнь делает другой вывод и заменяет парламентаризм фашизмом.

Б. ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ

Буржуазному действительному или мнимому разделению властей мы открыто противопоставили единую власть советов. Наш лозунг «вся власть советам» осуществлен в форме мощной диктатуры пролетариата. Простая по своему первоначальному построению, вся власть советов превращается в государство, в котором миллионы трудящихся сами собою управляют.

Я ограничусь здесь кратким изложением построения верховной власти, перенося описание аппарата этой власти и его функций к отделу, о государственном управлении, т. е. к государственной власти в ее движении. Если я организацию советской власти дал, исходя от низшей ячейки, то этот аппарат в движении можно верно схватить лишь с командных высот центральной власти.

Во главе—диктатура пролетариата под гегемонией своей партии, верховная власть Союза—верховная власть союзных республик. Такова основная схема всей власти советов.

а Пролетарская партия ВКП(б) и ее отношение к диктатуре правительства

«Партийность есть результат и политическое выражение высоко развитых классовых противоположностей». «Строгая партийность—спутник и результат высоко развитой классовой борьбы» (Ленин). О политических партиях в нынешнем смысле слова не было и не могло быть речи, пока участие классов в правительстве не было организованным, т. е. в государствах доконституционных, добуржуазных. Настоящее буржуазное государство, напротив, немыслимо без партий. Но в то время, как партия на деле (и официально) играет решающую роль, особенно в

парламентских государствах, как Англия (ср. роль вождей партии—как спикера в парламенте или председателя кабинета министров, в Соединенных штатах Северной Америки на выборах, а равно и в самом парламенте в лице «фракций»), о них ни в конституции, ни в законе не упоминается ни одним словом. Партийные правительства буржуазии считают даже оскорблением, если их называют партийными.

Слово «партия» происходит от латинского слова «pars (множ. число partes) [1]—часть. Что такое политическая партия по существу?

Партия ныне означает политическую, классовую организацию для политической борьбы, т. е. для борьбы за политическую власть (завоевание, «взятие» ее или ее удержание) или для организации такой власти. Из этого вытекает стихийное собрание двухпартийной системы (в Англии, Америке) соответственно борьбе двух имущих классов или двух фракций буржуазии за руководящую роль во власти, капиталистов и землевладельцев.

Там обе партии представляют собою официальные органы власти: настоящей и потенциальной, будущей власти (оппозиции); этому соответствует и схема: партия—власть государства; программа партии—закон новой власти [2]. Буржуазия не только не признает открыто, но прямо отрицает классовый характер партии, для нее партия является объединением идеи или интереса не классового, но национального, внеклассового, скорее надклассового. Ее лозунг—сотрудничество классов, однако под скрытою или открытою гегемониею, руководством буржуазии или господствующей группы буржуазии. И в этом отношении за буржуазиею идет предательская, примиренческая социал-демократия, даже в тех случаях, когда она на словах признает классовую борьбу и на словах называет себя даже единственною представительницею рабочего класса, хотя она во всех странах, и особенно в стране наиболее пышного расцвета ее в Германии, давно уже перестала быть единственною представительницею рабочего класса и давно уже перестала быть и по составу организациею одного рабочего класса, постепенно все более и более превращаясь в организацию наполовину или целиком мелкобуржуазную.

Каутский, который еще в 1906 г. в статье «Классовые интересы» писал: «В действительности трем большим классам общества соответствуют также три больших партии, выступающие в политике современных государств: либералы, консерваторы и социалисты», в своей «Демократии и диктатуре» доказывает азбучную истину, что партия не всегда совпадает с классом, т. е., что класс может быть разделен на разные партии и что в партию входят и члены других классов. Он ломится в открытую дверь,

[1] Это слово указывает на то, что партии представлялись в известной мере как бы сторонами (partes) в судебной тяжбе.

[2] См. сборник «Революция права», М. 1925 г., стр. 35.

ибо на привлечении в свою партию членов и других, а именно — угнетенных классов, основывается вся сила угнетательского меньшинства, а после слияния, или, по крайней мере, сближения двух классов угнетателей—землевладельцев и капиталистов — двухпартийная система буржуазных государств совсем потеряла свое прежнее значение и выражает лишь разные оттенки группировки одного и того же класса угнетателей. Но по существу остаются в силе слова, так как человека никто не оценивает по тому, что он сам говорит о себе, но по его делам, так и партии можно верно оценить лишь по их классовому или групповому составу и по классовому интересу этого состава.

Партийный характер государственной буржуазной власти, как уже указано, основывается на так называемой двухпартийной системе: партия (или коалиция партий) правительственная и партия (или группировка партий) оппозиционная. Это деление когда-то имело реальный смысл двух борющихся между собою угнетательских классов—землевладельцев и капиталистов, впоследствии, говоря словами Маркса, двух фракций одного и того же класса капиталистов. Ныне это осталось лишь одною традициею, ловко приспособленною к обману масс путем разных красивых лозунгов, которых никто и не думает выполнять. На деле лишь в Англии и С. Америке существует реальная двухпартийная система (консерваторов—«тори» и либералов—«вигов» в Англии, республиканцев и демократов в С. Америке). Во всех прочих государствах существуют более или менее многочисленные политические группы, которым для выполнения этой схемы, т. е. для составления правительства или сплоченной оппозиции, приходится временно образовывать коалиции, т. е. временные объединения. Во время войны, когда политический обман достиг высшей степени развития, выдумали так называемые «большие национальные коалиции» с участием всех партий, в том числе и социал-демократии, которая до тех пор принципиально была против участия в таких буржуазных правительственных комбинациях. В эпоху всемирной революции, когда вся буржуазия на деле сливается в единую реакционную массу, она группируется, смотря по стадии революции, вокруг «чистой демократии»: в Англии сначала вокруг либералов во главе с Ллойд-Джорджем, бывшим радикалом, потом даже вокруг коалиции либералов с рабочей партией, чтобы перейти затем к открытой реакции, или в России вокруг «кадетов» («к-д.»—конституционных демократов), которые, будучи сообразительнее, сами сразу превратились в ярых реакционеров, или вокруг откровенной реакции, например в Италии—вокруг националистов-фашистов и т. д. Промелькнула еще новая мысль образования так называемой «третьей партии», радикальной, из средних слоев, с пацифистской программой, т. е. проповедующей на словах эру всеобщего мира. Социал-демократия свободно вошла и в эту группировку в качестве главного ядра, но окрепшая буржуазия чрезвычайно быстро отказывается от этой мысли в пользу реакции, зная, что социал-демократия все равно настолько себя скомпрометировала, что вынуждена послушно поддерживать лю-

бое буржуазное правительство либо за подачки, либо из страха за свое личное благополучие.

Каким путем в буржуазном государстве осуществляется партийность правительства? Во-первых, на выборах. Вместо личных кандидатур выставляются кандидатуры партийные, т. е. партия выставляет одобренные ею списки членов партии и лиц, давших прямое обязательство или подающих надежду, что они будут проводить линию или директиву партии. При пропорциональной системе выборов по количеству голосов соразмеряется количество прошедших кандидатов. Конечно, тут играют громадную роль и крупные, видные фамилии кандидатов и т. д., но в общем дело сводится к назначению партией, соответственно поданному количеству голосов, лиц, избранных в парламент на ту или иную должность. Правда, в последнее время раздаются голоса против этой системы, почему вводятся поправки к ним в виде передвижных кандидатур, т. е. права избирателя изменить очередь кандидатов внутри списка (избиратель может переставить например последнего кандидата вместо первого и т. п.) или даже заменить часть кандидатов одного списка кандидатами другого списка, но этот протест отдельных лиц против желания руководителей партии обыкновенно служит лишь признаком мало развитой политической жизни, т. е. классовой борьбы данной страны.

Во-вторых, партия оказывает воздействие в порядке дисциплины на своих членов, занимающих то или иное место как при голосовании, так и в правительственных мероприятиях (в министерстве, суде и т. д.). И это тем легче, что классовое сознание буржуазных классов все еще выше пролетарского. К этому прибавляется торговля должностями, особенно в коалициях партий.

Что касается пролетарских партий, то они являлись на Западе в общем подражанием буржуазным образцам. Лишь в Росссии революционные партии предшествовали легальным, пролетарские—буржуазным, что вполне соответствовало и ее роли в буржуазной революции и чем объясняются ее успехи во время революции и после ее победы. Ленин определяет истинную рабочую партию словами: «В эпоху капитализма, когда рабочие массы подвергаются беспрерывной эксплоатации и не могут развивать своих человеческих способностей, наиболее характерным для рабочих политических партий является именно то, что они могут охватывать лишь меньшинство своего класса. Политическая партия может объединить лишь меньшинство класса так же, как действительно сознательные рабочие во всяком капиталистическом обществе составляют лишь меньшинство всех рабочих. Поэтому мы вынуждены признать, что лишь это сознательное меньшинство может руководить широкими рабочими массами и вести их за собою. Что представляет собой организованное меньшинство? Если это меньшинство действительно сознательно, если оно умеет вести

за собой массы, если оно способно ответить на каждый вопрос, становящийся в порядок дня, тогда оно в сущности является партией»[1].

От всех прочих партий сознательная пролетарская партия отличается своим сплоченным классовым составом, объединенным классовым интересом, исключающим всякое внешнее влияние, и своею чистоплотностью в политике, тогда как партии буржуазные и социал-демократические характеризует их повальная коррупция (продажность, услужливость и т. д.).

В общем и пролетарская партия пользуется теми же техническими приемами, какие к нам перешли от развитой буржуазной государственности. Но сама жизнь вносит туда и свои изменения, сначала чисто количественные, превращающиеся, однако, вскоре в качественные. Коммунистическая партия, правда, в момент революции, т. е. до ее победы, всегда была и будет лишь меньшинством не только всего народа, но и рабочего класса. Так, в конце апреля 1917 г., в коммунистической партии России было 80 000 членов, из них наверное не более 25 000 старых. А ко дню Октябрьской революции и сейчас после нее безусловно за нею стояло громадное большинство не только рабочего класса, но и вообще трудящихся. После ухода левых эсеров (и до их вступления) рабоче-крестьянское правительство было и есть партийное правительство коммунистов. Какова роль партии при таких условиях? Партия становится официальной властью, не скрывая того. Но она является партиею в смысле «Коммунистического манифеста»: «Коммунисты являются в практическом отношении, наиболее радикальною, всегда движущеюся вперед частью рабочих партий всего мира». Ленин так и заявляет откровенно: «Когда нас упрекают в диктатуре одной партии... мы говорим: Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем... Эта партия слилась с рабочим классом, и она одна только могла его вести на глубокое и коренное изменение старого общества»[2].

Но, прибавляет Ленин в другом месте[3], «в народной массе мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою масс, и вся машина развалится»[4].

Как на деле осуществляется коммунистами пар-

---

[1] Ленин, XVII, стр. 270.
[2] Его же, XVI, стр. 296.
[3] Его же, XVIII, 2, стр. 55.
[4] Тов. Сталин характеризует партию ленинизма, т. е. ВКП(б), следующими тезисами:

1. Партия — передовой отряд рабочего класса.
2. Партия — организованный отряд рабочего класса.
3. Партия — как высшая форма организации пролетариата.
4. Партия — орудие диктатуры пролетариата.
5. Партия как единство его воли.

(«Вопросы ленинизма», стр. 88 и след.).

тийность правительства? Так же выставлением своих кандидатов, тем же влиянием в порядке дисциплины на членов своей партии. Но она свои силы черпает из трудящихся масс, учитывая интересы громадного большинства. У Ленина мы читаем:

«Нам нужна такая партия, которая находилась бы постоянно в действительной связи с массами и которая умела бы этими массами руководить». «Признание главенствующей роли партии должно быть у нас в виду»... «Мы должны знать и помнить, что вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу, чтобы связанные с пролетариатом коммунистические элементы могли пропитать этот пролетариат своим духом, освободить его от того буржуазного обмана, который мы так долго стараемся изжить... Для нас принципиально не может быть сомнения в том, что должно быть главенство «коммунистической партии» [1].

В своей работе «Детская болезнь левизны» в 1920 г. Ленин подробно изложил, как понимается у нас смысл партийного правительства; в этой схеме он впоследствии прибавил лишь предложения объдиннееия в единый аппарат советской РКИ и партийной ЦКК. Он писал: «Соотношение вождей—партии—класса—масс, а вместе с тем отношение диктатуры пролетариата и его партии к профсоюзам представляется у нас теперь конкретно в следующем виде. Диктатуру осуществляет организованный в советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков...

«Партией, собирающей ежегодные съезды... руководит выбранный на съезде Центральный комитет... причем текущую работу в Москве приходится вести еще более узким коллегиям, именно, так называемым «Оргбюро» (организационному бюро) и «Политбюро» (политическому бюро)... Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний ЦК партии.

«Партия непосредственно опирается в своей работе на профессиональные союзы... Фактически все руководящие учреждения громадного большинства союзов, и, в первую голову, конечно, общепрофессионального всероссийского центра или бюро (ВЦСПС—Всероссийский центральный совет профессиональных союзов), состоят из коммунистов и проводят все директивы партии. Получается, в общем и целом, формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий пролетарский аппарат, посредством которого партия связана тесно с классом и массой и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется диктатура класса. Управлять страной и осуще-

[1] Ленин, XVIII, 2, стр. 181.

ствлять диктатуру без тесной связи с профсоюзами, без горячей поддержки их, без самоотверженнейшей работы их не только в хозяйственном, но и в военном строительстве мы, разумеется, не смогли бы не только в течение двух лет, но и двух месяцев...

«Связь с «массами» через профсоюзы мы признаем недостаточной. Практика создала у нас, в ходе революции, и мы стараемся всецело поддержать, развить, расширить такое учреждение, как беспартийные рабочие и крестьянские конференции, чтобы следить за настроением масс, сближаться с ними, отвечать на их запросы, выдвигать из них лучших работников на государственные должности и т. д...

«Затем, разумеется, вся работа партии идет через советы, которые объединяют трудящиеся массы без различия профессии... Таков общий механизм пролетарской государственной власти, рассмотренный «сверху», с точки зрения практики осуществления диктатуры[1].

Ленин сам определяет эту систему весьма образно, как «сложную систему нескольких зубчатых колес и не простой системы, ибо нельзя осуществлять диктатуру без нескольких приводов от авангарда к массе передового класса от него к массе трудящихся».

На деле рядом с партийными товарищами в государственной власти, значит, участвуют и «беспартийные» члены класса трудящихся, которые поддерживают коммунистов или идут с ними вместе, т. е., группируясь вокруг них, становятся сами под их руководство, превращаются как бы в часть партии. Только с этой точки зрения становится понятным то живое участие, которое принимали, например, в процессе чистки коммунистической партии беспартийные. Этой схемы, конечно, не имел перед собою сознательно ЦК партии, объявляя правила чистки партии, но на деле выдвинулся и этот новый признак роли коммунистической партии в пролетарской революции, как нечто в высшей степени характерное и немыслимое в буржуазной партийной жизни. И только в сопоставлении с буржуазными порядками выясняется и истинное значение этих фактов.

Таким образом рабоче-крестьянское правительство является правительством партийным—коммунистическим, но в то же время непартийным—классовым. Партия остается частною организациею, но в то же время становится официальным органом. Коммунистическая партия делает по существу то же самое, что и всякая правительственная партия, но условия ее власти и соцстроительства придают этому действию совершенно иное освещение и иной смысл.

Никогда не следует упускать из виду гибкого революционно-диалектического подхода Ленина к роли партии вообще. Уже в то время когда она только еще борется за власть, она для Ленина является на деле потенциальною (возможно и, в более или

[1] Ленин, XVII, стр. 138—140.

менее отдаленном будущем, вероятною) властью. Статьи ее программы, если это серьезная и искренняя партия, это—будущие декреты ее правительства, которые она, став у власти, проводит в жизнь и исполнение. Ее роль по отношению к власти меняется в зависимости от ступени, на какой находится сама революция. Из чисто политической организации она превращается в руководителя экономической и культурной жизни. Так, у нас наступает уже время, про которое Ленин мог сказать: «Лучшая политика—поменьше политики». Но в то же время «политика—это сконцентрированная экономика». И вот партии приходится учиться заведывать хозяйством, вести торговлю, освоить науку и технику и т. д. и вести все это не хуже, а лучше, чем это делали капиталисты. Это самая трудная задача, диктуемая моментом.

К этой задаче я и приурочил изложение устройства нашей советской власти.

б. Верховная власть Союза советских социалистических республик

Компетенция (круг ведения)

Основное нововведение по конституции Союза заключается в создании новой, союзной верховной власти. Союзное государство (федерация) тем и отличается от союза государств (конфедерации), что оно имеет единую верховную (суверенную) власть. Но оригинальность нашего союзного советского государства, как мы уже видели, заключается в том, что эта новая власть «безгранична» только совместно с союзными республиками, ибо «суверенитет отдельных союзных республик» сохраняется и ограничен лишь в пределах, указанных в Конституции, и лишь по предметам, отнесенным к компетенции Союза. Вне этих пределов каждая союзная республика осуществляет свою государственную власть самостоятельно, и именно Союз призван охранять эти суверенные права отдельных союзных республик (ст. 3-я). Одновременно особо подчеркивается, что: 1) за каждой из союзных республик сохраняется право самоопределения, т. е. свободного выхода из Союза (ст. 4-я); 2) теорритория союзных республик не может быть изменяема без согласия каждой из них; 3) для изменения, ограничения или отмены права свободного выхода из Союза вообще требуется согласие всех республик, входящих в Союз. Значит, в этих случаях недостаточно одного большинства Съезда советов Союза, которому вообще одному принадлежит право утверждения и изменения основных начал Конституции. Таким образом съезд советов Союза связан только в вопросе о праве на самоопределение (выход из Союза) и изменение территории; в первом случае необходимо согласие всех союзных республик (т. е. новый договор), во втором—согласие заинтересованной республики.

По первоначальному договору всякое расширение компетенции Союза, т. е. предметов его ведения, требовало нового договора. По Конституции Съезду принадлежит «компетенция определять свою компетенцию» (круг ведения), т. е. «Союз в целом определяет пределы власти Союза».

Верховными органами власти Союза признаются Съезды советов Союза, а в период между Съездами—Центральный исполнительный комитет Союза (ЦИКС), состоящий из Союзного совета и Совета национальностей.

Компетенция Союза определяется в общем уже в декларации целями внешних сношений, внешней обороны и централизации хозяйственной.

В настоящее время по ст. 2-й Конституции к компетенции верховной власти Союза отнесено:

а) вытекающее из суверенитета внешнее представительство Союза в международных сношениях, ведение всех дипломатических сношений, заключение политических и иных договоров с иными государствами, ратификация международных договоров, объявление войны и заключение мира, равно и изменение внешних границ Союза.

Значит, по отношению к внешнему миру, к прочим государствам, Союз является единым; всякий сепаратизм, само собою разумеется, исключен: единое представительство, единый мир, единая война, единая внешняя граница, единое социалистическое отечество, общесоюзный Наркоминдел.

б) заключение договора о приеме в состав Союза новых республик, урегулирование вопроса об изменении границ между союзными республиками и разрешение спорных вопросов, возникающих между союзными республиками, а равно и отмена нарушающих настоящую Конституцию постановлений Съезда советов и ЦИК союзных республик.

Это все функции единого ЦИК и единого правительства.

в) далее,—единая внешняя оборона: организация и руководство вооруженными силами Союза. Единые Красная армия и Красный флот и общесоюзный Наркомвоенмор и Реввоенсовет;

г) единое руководство транспортным (общесоюзный Наркомпуть) и почтово-телеграфным делом (общесоюзный Наркомпочтель);

д) на втором плане стоит внешняя торговля, у нас в виде монополии: руководство внешней торговлей (общесоюзный Наркомвнешторг).

Затем идет единство финансов, куда относится:

е) утверждение единого финансового плана и единого государственного бюджета Союза, в состав которого входят и бюджеты союзных республик, установление общесоюзных налогов и доходов, а также отчислений от них и надбавок к ним на образование бюджетов союзных республик и разрешение дополнительных налогов и сборов на эту же цель;

ж) установление единой денежной и кредитной системы, заключение внешних и внутренних займов Союза и разрешение внешних и внутренних займов союзных республик.

Отсюда вытекает объединенный Наркомфин.

Единство народного хозяйства требует:

з) установления основ и общего плана всего народного хозяйства Союза, определения отраслей промышленности и отдельных предприятий, имеющих общесоюзное значение, заключения концессионных договоров как общесоюзных, так и от имени отдельных республик, а равно установления общих начал пользования недрами, лесами и водами по всей территории СССР;

и) установления системы снабжения и внутренней торговли и системы мер и весов;

к) установления основных законов о труде.

Отсюда выеткают: объединенные ВСНХ. Наркомснаб и Наркомтруд.

Затем идет установление общих норм и мероприятий по целому ряду вопросов, в общем отнесенных к местным делам союзных республик, а именно:

л) установление общих начал землеустройства и землепользования, общесоюзное законодательство о межреспубликанских переселениях и установление переселенческого фонда;

м) установление основ судоустройства и судопроизводства, а также гражданского и уголовного законодательства Союза и основное законодательство о правах иностранцев по отношению к союзному гражданству;

н) установление общих мер в области народного просвещения и охраны народного здравия;

о) организаци общесоюзной статистики (ныне в составе Госплана);

п) право амнистии, относящейся ко всей территории Союза.

Этот перечень предметов, отнесенных к кругу ведения Союза, весьма широк, но уже на второй год существования Союза проявилась некоторая тенденция к расширению его, особенно в области общесоюзного законодательства. Самою трудною задачею во всех государствах всегда являлось правильное, т. е. рациональное распределение и разграничение предметов централизации и децентрализации. Наш союз в этом отношении, конечно, не составляет исключения. Только характер его, как Союза трудящихся, вносит в этот вопрос коренные изменения. В 1925 году союзные республики внесли в свои конституции изменения их компетенции согласно Конституции Союза.

Верховные органы власти Союза

Первым является вопрос: каковы верховные органы власти Союза? На этот вопрос ответ можно было бы получить чисто теоретически. По советской системе всегда верхов-

ным органом является Съезд советов, на этот раз—Съезд советов Союза; на время отсутствия Съезда—ЦИК Союза и его Президиум и, как высший орган управления, Совнарком Так вопрос и решается Конституцией. Но тут-то и появилась та новая. особенность: включение в верховную власть национального момента. Тогда как «суверенный Съезд советов» остается единым, ЦИК Союза состоит из двух советов: Союзного совета и Совета национальностей.

Вторая особенность заключается в образовании двойного Совнаркома. В столице Союза, т. е. по Конституции в Москве, работают рядом два Президиума ЦИК, два Совнаркома.

1. Съезд советов Союза[1]

Съезд советов в общем и целом является объединением съездов советов отдельных союзных республик, поскольку избирательное право и нормы представительства в Союзе и республике (как например в РСФСР) одинаковы, а именно: Съезд составляется из представителей городских советов и советов городских поселений, по расчету один депутат на 25 тысяч избирателей и представителей Съездов советов, по расчету один депутат на 125 тысяч жителей. Делегаты на Съезд советов Союза советских социалистических республик избираются:

«а) непосредственно на съездах советов союзных республик, не имеющих краевого и областного деления; б) на краевых и областных съездах советов в союзных республиках, имеющих краевое и областное деление; в) на съездах советов советских социалистических республик Азербайджана, Грузии и Армении и на съездах советов автономных республик и областей как входящих, так и не входящих в состав краевых и областных объединений».

Съезд собирается регулярно один раз в 2 года на сессию, и депутаты, разъезжаясь, теряют свое звание делегата.

Съезд является верховным органом власти Союза, выше которого иной власти в Советском государстве нет, ибо референдума, общенародного голосования, как противоречащего советской системе, Конституция не знает. Но по отношению к самому Союзу у Съезда нет того «всемогущества», каким до союзного договора обладал Съезд советов РСФСР; он непосредственно может отменить только постановления центральных органов союзных республик, да и то только, если они нарушают Конституцию Союза.

На время отсутствия Съезда и до последующего Съезда избирается ЦИК Союза, состоящий, как мы уже видели, из двух Советов: а) союзного и б) национальностей.

Я уже сказал, что Съезд созывается один раз в 2 года, но при

---

[1] Всего до сих пор было шесть съездов советов союза: I (Учредительный) съезд в декабре 1923 г., *II* (Второй) съезд в январе 1924 г., III (Третий) съезд в мае 1925 г., IV (Четвертый) съезд в апреле 1927 г., V (Пятый) съезд в мае 1929 г., VI (Шестой) съезд в марте 1931 г.

чрезвычайных обстоятельствах, препятствующих созыву в срок Съезда Союза, ЦИКу Союза предоставляется право отсрочки созыва. С другой стороны, чрезвычайные Съезды созываются ЦИКом Союза по его собственному решению, по требованию Союзного совета или Совета национальностей, или же по требованию двух союзных республик.

2. Центральный исполнительный комитет (ЦИК) Союза

Цики по отдельным республикам имеют уже свою историю. ЦИК союза является новым учреждением и состоит из Союзного совета и Совета национальностей. Это нововведение вызвало много толков и недоумений, ибо в нем видели подражание буржуазной двухпалатной системе. Но это сходство чисто внешнее:

а) Союзный совет состоит из представителей союзных республик пропорционально населению каждой из них. Их всех избирает Съезд Союза;

б) Совет национальностей образуется из представителей союзных и автономных советских социалистических республик, по 5 представителей от каждой, и из представителей (по 1 представителю) автономных областей РСФСР и прочих союзных республик. Он в целом утверждается тем же Съездом Советов Союза.

Значит, оба Совета, какого бы различного происхождения они ни были, свои полномочия получают от единого источника—Съезда Союза, перед которым они оба и ответственны.

В своей работе они равноправны. Они, под общим названием ЦИК Союза, издают кодексы, декреты, постановления и распоряжения, объединяют работу по законодательству и управлению Союза и определяют круг деятельности Президиума ЦИК и Совнаркома Союза. Все декреты, постановления и распоряжения ЦИК Союза обязательны к исполнению по всей территории Союза. Так как ЦИК Союза собирается лишь на сессии, то в период между сессиями высшим законодательным, исполнительным и распорядительным органом власти Союза является Президиум ЦИКа. Но все декреты и постановления, определяющие общие нормы политической и экономической жизни Союза, а также вносящие коренные изменения в существующую практику государственных органов Союза ССР, обязательно должны восходить на рассмотрение и утверждение самого ЦИКа Союза.

Итак, ЦИК Союза—это Совет союзный и Совет национальностей, вместе взятые; заседают они хотя и одновременно, но отдельно, и также отдельно обсуждают и решают все вопросы. По особому постановлению, как это ввела практика, они могут выслушивать доклады совместно и даже прения вести совместно. Но голосуют они всегда отдельно.

Каждый из них имеет свой президиум. Они созываются одновременно на сессии, не менее трех раз в два года, и одновременно разъезжаются по домам. Они рассматривают все декреты, кодексы и постановления, поступающие к ним от Президиума ЦИК и Совнаркома Союза, наркоматов Союза, циков союзных республик, а также возникающие по собственной их инициативе. Законопроекты получают силу закона лишь при условии принятия их как Союзным советом, так и Советом национальностей и публикуются от имени ЦИКа Союза ССР. В случае разногласия между обоими Советами вопрос передается в создаваемую ими согласительную комиссию, а при недостижении соглашения в согласительной комиссии вопрос передается на рассмотрение совместного заседания Союзного совета и Совета национальностей. Но если и тут, при отдельном голосовании, не будет большинства в том или другом Совете, вопрос, по требованию одного из них, может быть передан на разрешение очередного или чрезвычайного Съезда советов Союза.

ЦИК Союза избирает особые комиссии для рассмотрения вопросов текущего законодательства и управления, а равно особую бюджетную комиссию.

Чрезвычайная сессия ЦИКа может быть созвана по постановлению Президиума ЦИКа Союза, по требованию президиума Союзного совета или президиума Совета национальностей, а также по требованию одной из союзных республик.

Центральный исполнительный комитет (т. е. оба совета, вместе взятые) имеет право приостанавливать или отменять декреты, постановления и распоряжения Президиума ЦИКа Союза, а также съездов советов и циков союзных республик и других органов власти на территории Союза. Поскольку это является текущей работой, постольку это последнее право чаще всего осуществляет Президиум ЦИКа Союза, но вопрос о приостановлении постановлений съездов советов союзных республик Президиум обязательно вносит на рассмотрение и утверждение самого ЦИКа Союза.

Союзный совет и Совет национальностей для подготовки их сессий и руководства работой последних выбирают каждый свой президиум, в составе 9 членов каждый, которые целиком входят в Президиум ЦИКа Союза.

В период между сессиями ЦИКа Союза высшим органом власти является Президиум ЦИКа, образуемый ЦИКом в составе 27 членов, в том числе 18 человек от двух президиумов— Союзного совета и Совета национальностей. Выборы остальных 9 членов Президиума происходят на совместном заседании Союзного совета и Совета национальностей, причем каждый совет голосует в отдельности. Тем же путем выбираются ЦИКом Союза из состава ео Президиума председатели ЦИКа Союза, по количеству союзных республик, которые свои обязанности исполняют по очереди. В настоящее время их 7.

3. Президиум ЦИКа Союза

На время между сессиями ЦИКа высшим законодательным, исполнительным и распорядительным органом власти Союза является его Президиум. Президиум в этом качестве действует как единый орган и не делится на отдельные президиумы Советов союзного и национальностей, которые как таковые имеют лишь подготовительные функции для своих советов. Президиум ЦИКС одновременно наблюдает за проведением в жизнь конституции Союза и за исполнением всех постановлений Съезда Советов и ЦИКа Союза всеми органами власти.

Я уже изложил, каковы функции Президиума ЦИКа, как заменяющего ЦИК органа. Но на нем лежит еще громадная техническая работа по взаимоотношениям между Союзом и союзными республиками и между отдельными республиками. Он приостанавливает и отменяет постановления СНК и отдельных наркоматов Союза, а также циков и совнаркомов союзных республик, разрешает вопросы о взаимоотношениях между СНК Союза и наркоматами Союза, с одной стороны, и циками союзных республик и их президиумами, с другой.

На первый взгляд отношения особенно сложны в Москве, где рядом, отчасти совпадающие по составу, находятся ЦИК Союза и ВЦИК. ВЦИК ныне, уступив часть власти ЦИКу Союза, существует просто на правах ЦИКа одной союзной республики, РСФСР, сохраняя одновременно свое верховенство по отношению к цикам автономных республик РСФСР.

Совет народных комиссаров (СНК) Союза

Исполнительным и распорядительным органом ЦИКа Союза является СНК Союза. Это—учреждение новое, ибо СНК Союза в значительной степени отличается от СНК РСФСР (историю последнего см. ниже). С одной стороны, его состав меньше, но, с другой стороны, его территория шире, ибо он охватывает всю территорию Союза.

СНК Союза состоит из председателей Совнаркома Союза, его заместителей (число их зависит от ЦИКС) и тринадцати наркомов, а именно семи общесоюзных: председатель Госплана, НК по иностранным делам, по военным и морским делам, по внешней торговле, путей сообщения, водного транспорта и почт и телеграфов, и шести объединенных: Рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин или РКИ), председателя Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), земледелия, труда, финансов и снабжения. Кроме этих членов, имеющих решающий голос, в СНК Союза участвует с совещательным голосом председатель ОГПУ (Объединенного государственного политического управления).

Совнарком Союза на первый взгляд как будто только исполнительная власть, но,—поясняет Конституция,—в пределах, предоставленных ему ЦИКом Союза, он издает и дек-

реты, обязательные к исполнению на всей территории Союза. Проекты декретов и постановлений поступают на рассмотрение СНК Союза как от отдельных наркомов Союза, так и от циков союзных республик и их президиумов.

Одного перечня наркоматов достаточно, чтобы убедиться, насколько преобладающею должна быть роль этого центрального правительства.

Это, однако, не означает чрезмерной централизации, так как децентрализация в интересах местной инициативы на почве союзного устройства твердо поставлена, равно как и свободное развитие местных национальных культурных задач.

Для действительности заседания Совнаркома необходимо наличие не менее половины всех членов Совнаркома с решающим голосом. Вопросы вносят: председатель и члены Совета; Совет труда и обороны (СТО) или его председатель, цики союзных республик, а равно и их президиумы и совнаркомы и, наконец, имеющие право совещательного голоса, какими являются представители союзных республик, члены ЦИКС, председатели ГПУ, а равно и председатели совнаркомов союзных республик и, по особому постановлению Совнаркома, другие лица.

Совнарком в настоящее время имеет три весьма важных постоянных комиссии:

а) СТО (Совет труда и обороны),

б) Госплан (Государственная плановая комиссия) и

в) Комиссия исполнения.

Об их составе и функциях будет речь дальше. Функции прежней подготовительной комиссии СНК Союза (малый Совнарком) переданы в Управление делами СНК.

5. Народные комиссариаты

Народные комиссариаты, по положению, проводят в жизнь постаневления Съезда Советов, ЦИКа, его Президиума, Совнаркома и Совета труда и обороны. При нынешней конституции ЦИКа из двух Советов для ЦИКа Союза теряется прежнее представление о наркоматах как об отделах ЦИКа, что их значительно приближает к типу особого управления. На них возложены функции: по своему ведомству, общего руководства и надзора, разработка проектов декретов и постановлений, издания в пределах компетенции обязательных постановлений, инструкций и т. д., разработка проекта смет и штатов и разрешение жалоб на действия подведомственных учреждений и лиц. О порядке приостановления исполнения их постановлений мы уже говорили (см ЦИК).

Каждый наркомат состоит из народного комиссара, единоличной и находящейся при нем коллегии, состоящей из заместителей наркома и членов коллегии, назначаемых Совнаркомом. Народный комиссар вправе единолично решать все вопросы, доводя свое решение до сведения коллегии. Коллегия или ее члены могут обжаловать эти действия в Совнарком, не останавливая их исполнения.

У нас в Совнаркоме Союза, как мы уже видели, два вида наркоматов:

а) Общесоюзные наркоматы ведают порученной им отраслью государственного управления на всей территории Союза. Они при союзных республиках имеют своих уполномоченных, непосредственно им подчиненных, которые участвуют и в совнаркомах союзных республик с совещательным голосом, причем от местного ЦИКа или совнаркома зависит предоставить им и решающий голос. Эти уполномоченные выдвигаются либо наркомом, либо ЦИКом союзной республики и утверждаются Совнаркомом Союза, причем местный ЦИК имеет право заявить отвод. Наркомат свои мероприятия проводит, по общему правилу, через своих уполномоченных, но вправе распоряжаться и непосредственно, обязательно одновременно доводя до сведения уполномоченного.

В случае получения распоряжения, противоречащего законам Союза или союзной республики, уполномоченный об этом сообщает наркому Союза, а равно и совнаркому союзной республики. Уполномоченные отчитываются в своей деятельности как перед своим наркоматом, так и перед совнаркомом союзной республики;

б) объединенные наркоматы, как показывает уже их название, имеют иной характер: союзному наркомату данного названия соответствуют одноименные наркоматы союзных республик. Наркомов союзных республик назначают и отзывают цики союзных республик, но они, подчиненные местным цикам и совнаркомам, осуществляют директивы и задания соответственного наркомата Союза, которого поэтому и называют директивным наркоматом и которому принадлежит и право приостановить и отменить распоряжения местного наркома по мотивам противоречия их общесоюзному закону и директивам наркома, с доведением до сведения местного совнаркома. Это право не относится к случаю, когда местный нарком исполняет прямое распоряжение местного совнаркома. Тогда союзному наркому принадлежит лишь право протеста в Совнарком Союза. Объединенные наркомы Союза своего местного аппарата не имеют и действуют через одноименных наркомов отдельных республик.

Для объединенных наркоматов (их особое название «одноименных наркомов») союзных республик, таким образом, получается двойная подчиненность: наркому Союза и совнаркому союзной республики. Они одновременно—представители центральной власти и местная власть. Свои директивы объединенные комиссары должны направлять на имя одноименных комиссаров союзных республик, а не через их головы, т. е. не непосредственно местным учреждениям.

Отдельные комиссариаты и прочие центральные учреждения мы подробнее будем рассматривать ниже, по группам, совместно с их органами в союзных республиках, в следующем порядке:

1. Государственная плановая комиссия (Госплан).

2. РКИ или Рабкрин, орган, организующий государственный аппарат и объединенный с ЦКК партии.

3. Наркоминдел и его представительства, орган сношения с остальными государствами.

4. СТО и объединяемые им хозяйственные комиссариаты.

5. Военком и Реввоенсовет с Красною армиею.

6. ОГПУ.

7. Верховный суд Союза (см. «Революционная законность»), при нем прокурор Верхсуда Союза.

в. Верховная власть РСФСР как союзной республики

Компетенция

По Конституции 1918 года Всероссийский съезд советов являлся высшею властью РСФСР. Это была верховная власть в самом истинном значении слова. Он собирался сначала 4 раза, потом один раз в год на кратковременную сессию. В период между Съездами высшею властью Республики являлся Всероссийский центральный исполнительный комитет. При таких условиях не было даже надобности особо перечислять предметы их ведомства, а если такой перечень все-таки был дан в Конституции, то по чисто практическим соображениям, чтобы местные советы раз навсегда знали, что относится к ведомству центра, т. е. что изъято из ведения мест, а ст. 50 прибавила, что «сверх перечисленных вопросов ведению Всероссийского съезда и ВЦИК подлежат все вопросы, которые они сами признают подлежащими их разрешению».

И ныне верховными органами власти или центральною властью РСФСР остаются Съезд и ВЦИК, но мы уже видели, что в отношении предметов ведения произошло коренное изменение с образованием Союза ССР, на центральные органы которого были перенесены верховная власть Союза и вместе с тем важнейшие предметы ведения, в Конституции Союза особо перечисленные, причем, однако, лишь Съезду Советов, Союза разрешено внести расширение перечня предметов ведения. Можно сказать, что все остальные верховные права за РСФСР и прочими союзными республиками остались, ибо они сохраняют суверенность, право самоопределения, т. е. даже право выхода из Союза.

Конституция 1925 г. соответственно тому изменяет прежний перечень предметов ведения верховных органов РСФСР с оговоркою, что сверх перечисленных вопросов ведению Всероссийского съезда и ВЦИК подлежат и другие вопросы в соответствии с Конституциею Союза, т. е. не изъяты этой Конституциею (ст. 18). Ныне, значит, в пределах территории РСФСР обязательную силу имеют:

а) постановления верховных органов Союза ССР по предметам, отнесенным к ведению Союза, причем, однако, решение вопроса, относится ли тот или иной предмет к компетенции Союза, окончательно решают верховные органы Союза;

б) постановления верховных органов РСФСР по всем предметам, не изъятым из ведения Конституциею Союза. На территории РСФСР, кроме постановлений Союзной власти, ВЦИК и его Президиума и Совнаркома РСФСР, никто законодательных актов общегосударственного значения издавать не вправе. Союзные верховные органы вправе отменять неконституционные, т. е. неразрешенные Конституциею Союза постановления верховных органов РСФСР, но одновременно они обязаны охранять обязательность конституционных постановлений верховных органов и вообще суверенитет РСФСР и прочих союзных республик. Порукою тому служат братство трудящихся и гегемония его классового авангарда—ВКП(б).

Впредь исключительно Всероссийскому съезду советов РСФСР принадлежит право установления, дополнения и изменения начал Конституции РСФСР и утверждение частичных изменений, внесенных туда ВЦИК, а равно и окончательное утверждение конституций автономных советских социалистических республик.

Съезду и ВЦИК принадлежат ныне в кратких словах следующие права:

а) общее руководство всей политикой и народным хозяйством РСФСР, включая и ее автономные республики;

б) установление границ и утверждение конституций этих автономных республик и разрешение споров их между собою или с другими частями РСФСР;

в) общее административное деление РСФСР, в том числе и образование краевых и областных объединений;

г) установление в соответствии с законодательством Союза плана всего народного хозяйства и отдельных отраслей на территории;

д) утверждение бюджета, как части единого государственного бюджета Союза;

е) установление, в соответствии с Конституцией и законодательством Союза, государственных и местных налогов, сборов и неналоговых доходов, а также заключение (с разрешения Союза) внешних и внутренних займов РСФСР;

ж) верховный контроль над государственными доходами и расходами Республики;

з) утверждение кодексов законодательства в соответствии с Конституцией Союза;

и) право амнистии, общей и частной, на территории Республики;

к) отмена постановлений съездов советов автономных республик и автономных областей, а также других местных съездов советов, нарушающих Конституцию или постановления верховных органов.

Я уже сказал, что перечень этот по существу лишь примерный и что, в пределах Конституции Союза, верховная власть РСФСР свободна принять к своему решению любой вопрос.

Верховные органы РСФСР

1. Всероссийский съезд советов

Центральными органами РСФСР попрежнему остаются Съезд советов и ВЦИК. Всероссийский съезд советов избирается по тем же нормам, как и Съезд советов Союза.

I Всероссийский съезд советов (июнь 1917 г.) собирался еще до перехода власти к советам; II Съезд (25 октября—7 ноября 1917 г.) объявил власть советов. В течение 1918 года было 4 съезда (III—в январе, IV—в марте, V—в июле и VI—в ноябре 1918 г.). С 1919 г. съезды собираются не чаще одного раза в год (VII—в 1919, VIII—в 1920, IX—в 1921, X—в 1922, XI—в 1923, XII—в 1925, XIII—в 1927, XIV—в 1929, XV—в 1931г.).

2. «Рабочий парламент»— ВЦИК

Система советов стихийно выработала особый вид «представительного учреждения» трудящихся; это—Всероссийский исполнительный комитет советов. Первый ВЦИК был создан еще при буржуазном строе, после Февральской революции 1917 г., когда первое Всероссийское совещание советов избрало взамен революционного «Петроградского исполкома» первый ВЦИК. Органом власти ВЦИК стал после II Съезда (в ноябре 1917 г.).

У нас первоначально роль ВЦИК как органа власти понималась в том смысле, что он состоит из небольшого числа членов (200), большею частью находящихся в центре, а именно представителей центральной власти, т. е. отделов ВЦИК или народных комиссаров и членов их коллегий и прочих ответственных товарищей, с меньшинством провинциальных представителей, из коих по одному депутату от каждой губернии предполагалось всегда налицо в центре. ВЦИК был как бы перманентен, т. е. всегда налицо. Его заседания созывались срочно, по мере надобности, а во времена, когда фронт отнимал массу ответственных людей, довольно нерегулярно.

Еще до VII Съезд авозникла мысль превратить ВЦИК в «рабочий парламент» (изречение Ленина). Первый шаг в этом направлении заключался в ведении сессионной системы. VII Съезд советов постановил: ВЦИК созывается Президиумом каждые два месяца на сессионные заседания.

Это начало получило дальнейшее развитие на IX Съезде, постановившем, что «ВЦИК созывается Президиумом ВЦИК на сессионные заседания не менее трех раз в год, причем устанавливается, что в целях подробного обсуждения вопросов сессии ВЦИК созываются на более продолжительные сроки». Сверх того, после Съезда созывается сессия ВЦИК для образования Президиума ВЦИК, Совета народных комиссаров и комиссий ВЦИК. Чрезвычайные заседания ВЦИК созываются по инициативе Президиума ВЦИК, по предложению Совета народных комиссаров или по требованию одной трети членов ВЦИК.

Но, кроме этого нововведения, коммунистическая партия выдвинула и новый организационный принцип для ВЦИК, который все более и проводится в жизнь. По этому принципу громадное большинство членов ВЦИК должно быть из рабочих от станка и крестьян от сохи, ныне вернее из колхозов.

ВЦИК является верховным органом всей власти безраздельно: и законодательной, и распорядительной, и контролирующей, в известной степени даже судебной (право отменять решения Верховного суда сохранилось, разумеется, до сих пор). Но он стал по преимуществу органом законодательным и контролирующим.

Свою исполнительную власть ВЦИК, по общему правилу, сам не осуществляет, а образует лишь народные комиссариаты, т. е., по первой Конституции РСФСР, свои отделы, и утверждает в качестве заведующих этими отделами наркомиссаров, а равно и председателя Совета народных комиссаров и его заместителей.

ВЦИК, по Конституции, принадлежит право в любое время отозвать любого из комиссаров или весь состав Совнаркома. В остальном он ограничивается направляющею и контролирующею ролью. Надо сказать, что, особенно в порядке контроля, ВЦИК сделал большие шаги вперед. Еще VIII Съезд поручил ВЦИК усилить контроль ВЦИК над работой ведомств и местных советов, в осуществление чего на сессии ВЦИК регулярно ставит отчеты наркоматов, отчеты отдельных исполкомов или циков автономных республик и т. д.

О Президиуме ВЦИК в Конституции 1918 г. не содержалось ни одного слова, и он создался, так сказать, стихийно. Получилось в некотором роде не то двоевластие, не то «двухпалатная» система из Президиума ВЦИК и Совнаркома. Возникали даже предположения, в целях уничтожения параллельной работы, объединить Президиум ВЦИК и Совнарком в одном учреждении. Это предположение было, однако, отклонено, и началась регламентация круга ведения Президиума ВЦИК.

В результате Президиум превратился в полного заместителя ВЦИК между его сессиями и вошел в таком качестве в ст. 27 Конституции 1925 г.

IX Съезд в связи с введением и усовершенствованием сессионной системы вводит организацию постоянных бюджетной, федеративной и других комиссий, которые работают под председательством одного из членов Президиума ВЦИК.

О наших «рабочих парламентариях»—членах ВЦИК—в Конституции 1925 г. говорится только в одной статье, что их в количестве, определяемом Съездом, выбирает Съезд советов. По «наказу ВЦИК» члены ВЦИК не могут быть подвергнуты аресту без согласия Президиума или председателя ВЦИК и предаются суду лишь по постановлению ВЦИК и его Президиума («иммунитет»). Члены ВЦИК не имеют права отказываться от тех или иных поручений, даваемых Президиумом. Члены ВЦИК обязаны присутствовать в заседаниях пленума или отделов и комиссий, в

которых они работают. Эти слова уже показывают, какая разница между двумя направлениями «парламентаризма»,—болтающего, т. е. буржуазного, и работающего, т. е. рабочего.

От имени ВЦИК его члены могут выступать лишь по особым мандатам от Президиума. Но члены ВЦИК имеют право от всех советских учреждений РСФСР по предъявлении своих мандатов получать все необходимые им справки, кроме секретных, данных по военному ведомству. Они пользуются совещательным голосом на всех заседаниях советских учреждений.

Они жалованья не получают, но если не состоят на службе, то получают суточные и проездные. Кроме того, получают билет на бесплатный проезд по железным дорогам и водным путям, а телеграммы, посылаемые членами ВЦИК по адресу ВЦИК, принимаются бесплатно за счет ВЦИК.

Член Президиума, сверх того, беспрепятственно пропускается во все без исключения советские учреждения РСФСР по предъявлении своего мандата, без каких бы то ни было пропусков, установленных для данного учреждения.

3. Совнарком РСФСР

(Конституция, ст. 30, 32, 33.)

По своему возникновению Совет народных комиссаров (Совнарком) является первым по времени верховным органом советской власти. Было бы явным недоразумением назвать его за первый период в целом одною лишь исполнительною властью[1]. Он был и, как мы увидим дальше, является и ныне также в известной степени законодательным органом. Но, заменяя прежние министерства, новое учреждение приняло некоторые качества прежнего совета или кабинета министров, с которым его охотно путают и сближают буржуазные писатели и ученые. Совнарком состоит из народных комиссаров, председателя Совнаркома и его заместителя с правом решающего голоса.

Когда комиссия по выработке Конституции приступила к редактированию соответствующих статей, она встретилась с большими затруднениями, как без ущерба для авторитета учреждения ввести его в схему советской власти. Прошло предложение Свердлова: «Отделы ВЦИК (народные комиссариаты)—для руководства отдельными отраслями». В новой редакции это приравнивание наркоматов к отделам ВЦИК, как мы уже видели, исключено.

«Совнаркому принадлежит общее управление делами РСФСР», «в осуществлении чего он издает декреты, распоряжения, инструкции и вообще принимает меры, необходимые для правильного и быстрого течения государственной жизни», «сообщая о всех своих постановлениях немедленно ВЦИК». Все

---

[1] Союзный договор называет Совнарком СССР только исполнительным органом.

постановления и решения Совнаркома, имеющие крупное общеполитическое значение, представляются на рассмотрение и утверждение ВЦИК, но мероприятия, требующие неотложного выполнения, могут быть осуществлены Совнаркомом непосредственно. ВЦИК и его Президиум вправе отменить и приостановить всякое постановление и решение Совнаркома.

По Конституции Союза и Совнарком РСФСР претерпел крупные изменения как по власти, так и по составу. По Конституции 1925 г. ВЦИК для общего управления РСФСР образует Совет народных комиссаров (СНК). Его состав изменился. Он состоит из председателя, его заместителей и народных комиссаров, а также из уполномоченных общесоюзных народных комиссаров, имеющих совещательный, а если это решит ВЦИК или его Президиум, и решающий голос. Как уже сказано, ему принадлежит общее управление Республикою, и на основах особого положения он издает и декреты и постановления, обязательные к исполнению на всей территории. Он ответственен перед Всероссийским съездом и ВЦИК. Всякое его постановление может быть отменено или приостановлено ВЦИК или его Президиумом, а равно и ЦИК Союза или его Президиумом.

Каковы отношения Совнаркомов Союза и РСФСР? Это в пределах предметов ведения—параллельные органы власти, друг другу непосредственно неподчиненные, хотя Совнарком Союза и признается органом «вышестоящим». Совнарком Союза вправе лишь опротестовать постановления Совнаркома РСФСР, но и последний вправе через ЦИК своей республики опротестовать незаконные постановления Совнаркома Союза. Постановления Совнаркома Союза обязательны для Совнаркома РСФСР и могут быть лишь опротестованы ВЦИК или его Президиумом в ЦИК Союза или в его Президиум, но не приостанавливая их исполнения.

При Совете народных комиссаров РСФСР состоят следующие центральные учреждения[1]:

а) Экономическое совещание (Экосо) РСФСР

До образования Союза при Совнаркоме РСФСР состоял СТО. Совет труда и обороны действовал на правах комиссии Совнаркома. Ныне СТО образован при СНК Союза, а в РСФСР осталось Экосо (об Экосо см. ниже).

б) Главное управление милиции.

[1] 4 апреля 1931 г. существовавший Малый совет был упразднен «в целях разгрузки правительства РСФСР от рассмотрения маловажных вопросов: перенесения центра тяжести работы Совета народных комиссаров и экономического совета РСФСР на разрешение важнейших вопросов народного хозяйства и государственного управления, усиления самостоятельности и ответственности в разрешении вопросов руководителей наркоматов и отраслевых хозяйственных объединений». Одновременно Совнарком постановил: Не принимать к рассмотрению Совета народных комиссаров и экономического совета РСФСР вопросы, которые могут быть разрешены руководителями народных комиссариатов или других учреждений самостоятельно или соглашением руководителей заинтересованных ведомств между собой.

в) Главное управление коммунальным хозяйством, выделенное из ликвидированного Наркомата внутренних дел, которое ныне преобразовано в особый Наркомат (Наркомхоз. см.)

4. Наркомы и их коллегии

Народные комиссариаты при их возникновении (1917 г.) назывались комиссиями Совнаркома, во главе которых стоят народные комиссары. По Конституции 1918 года они называются заведующими отделами ВЦИК, но народные комиссары являются властью единоличною.

При каждом народном комиссаре, однако, имеется под его председательством коллегия, члены которой утверждаются Совнаркомом. Народный комиссар в праве единолично принимать решения по всем вопросам, подлежащим ведению соответствующего наркомата, доводя о них до сведения коллегии. В случае несогласия коллегии с тем или иным решением народного комиссара, коллегия может, не приостанавливая исполнения, обжаловать его в Совнарком или в Президиум ВЦИК. Такое же право обжалования принадлежит отдельным членам коллегии.

Звание народного комиссара принадлежит исключительно членам Совнаркома, ведающим общими делами РСФСР, и никаким иным представителям советской власти как в центре, так и на местах, присвоено быть не может. Такое постановление потребовалось ввиду чрезвычайной популярности названия наркома, так что таковые в революционный период появились не только в областях, но даже в губерниях и волостях.

В настоящее время имеются общесоюзные народные комиссары и объединенные наркомы Союза, одноименные и местные наркомы союзных республик и народные комиссары автономных республик. Самостоятельных комиссаров Республики всего 5: юстиции, просвещения, здравохранения, социального обеспечения и ком. хозяйства. Эти комиссариаты никаких объединяющих органов в союзном центре не имеют. Кроме того каждая республика имеет 6 «одноименных» или директивных комиссаров. Высший совет народного хозяйства, земледелия, снабжения (раньше внутренней торговли), труда, финансов и рабоче-крестьянской инспекции.

Подробнее об отдельных комиссариатах речь будет ниже в отделе об аппарате государственного управления.

VII. УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВОМ

В главе о формах государства мы имели дело с различием между формами государства и формами правления или правительства. Мы там же говорили по старой схеме о правительстве, как исполнительной власти в государстве. Но мы встречаем все чаще и чаще у нас выражения: «управление государством», «порядок управления» и т. д. Так, например, президиум ВЦИК еще по постановлению VIII съезда советов имел право «издавать в порядке управления необходимые постановления от имени ВЦИК» [1]. Термин «государственное управление» окончательно ввел в общее употребление Ленин. Что же обозначает это понятие «государственное управление»? Чем оно отличается от «административного порядка»? В последнем случае слово из французского (administration), в первом случае—из германского опыта (Verwaltung); оба слова обозначают одно и то же. Эти слова практика даже смешивает; германский «суд по управлению» у нас известен под названием «административный суд». За каждым из этих слов, однако, стоит теория и история целой страны, давшие каждому из них особый смысл, по крайней мере, особый оттенок.

«В противоположность судоговорению и правотворчеству (законодательству, в широком смысле слова)—все прочие функции государства обозначаются многозначительным словом «управление» (Verwaltung), — пишет проф. Ленинг (Loening) в «Энциклопедии гос. наук». Проф. Цан в «Энциклопедии герм. госуд. и администр. права» говорит, что слово «управление государством» имеет двоякий смысл: 1) противопоставление его конституции и 2) противопоставление его законодательной и судебной функциям. В последнем смысле управление обозначает государство в действии, его деятельность, «управление его делами», его государственный аппарат.

Мы имеем перед собою здесь в буржуазной теории отголоски того разделения и неосуществимого разграничения властей Монтескье, о котором мы уже говорили.

По этой теории управление или исполнительная власть заняты приведением в исполнение законов. Но ныне сама буржуазная наука признает такое мнение заблуждением. Мы же видели, что в действительности и в странах парламентских ныне

---

[1] При фактической невозможности определить, где кончается закон и начинается административное распоряжение, это противопоставление — простая фикция из буржуазной науки и практики.

исполнительная власть является «всею властью», и что разговоры о разделении властей, имеющие в виду не одно только техническое распределение функций,—не что иное, как разговоры праздные, с целью обмана масс.

Так называемая «полнота власти» и называется правительством, а ее функции — управлением государством, т. е. осуществлением (реализациею) господства класса. Для этой цели она имеет свой аппарат, который делится технически на отрасли, ведомства, и та часть аппарата, которая не занята законодательством и судоговорением, называется аппаратом управления в узком смысле слова.

Этого понятия не было или почти-что не было в сословном государстве. Аппарат подавления масс и собирания с них дани мало похож на нынешний аппарат управления. Власть господствующего класса, тогда в форме сословия, была плохо и слабо организована. При помощи бога (церкви) как аппарата убеждения и кулака, т. е. беспощадных мер принуждения,— осуществлялся «порядок» тогдашних социальных отношений. Только в городах развились новые функции управления, которые воспринял и развил дальше абсолютизм. Еще в средние века слово «полития» («политейа»—у греков в смысле демократии или же конституции) воскресло в учреждении полиции, охватывающей, особенно в Германии, всю область управления. А вскоре этот полицейский способ управления поглотил все остальные функции государства, в форме полицейского государства, т. е государства с широко развитым вмешательством во все «частные дела». Буржуазная революция, давшая победу, полную или компромиссную, буржуазии, внесла громадные изменения в жизнь человечества: она разделила все «общество», всю совокупность людских отношений, на две области: на область публичного, государственного, и область частного права. Она разделила каждого человека на две части: гражданина государства и частное лицо, «свободное» от вмешательства государства, живущее в «сфере свободы», т. е. в «анархии» капиталистического производства и обмена. Ясно, что необходима была полная переорганизация и управления государством, соответственно цели этого государства, как орудия нового способа господства. Но,—говорит буржуазная наука,—государственная власть не только заботится о «безопасности» (знаменитой «sûreté») права собственности и прибыли имущих классов, она сама «вступает в частно-правовые имущественные отношения со своими же подданными» («mit den Beherrschten»). Все это изменяет коренным образом и осложняет понятие и вид управления государством. Вместе с пролетарской революциею должна наступить новая эра и в методах управления государством, ибо советская власть не может ограничиться лишь изменением формы государства и формы правительства.

В буржуазно-правовой порядок производства и обмена советская власть и при «нэпе» вносит коренной перелом. Вместо

«буржуазного» права общего оборота вырастает особая задача «внутреннего регулирования» советских учреждений и предприятий, производимого организованно путем закона, но с преобладанием экономической целесообразности. Эти отношения уходят из-под подчиненности общего суда и его контроля. СТО или Экосо по соображениям целесообразности отменяет или чаще изменяет решения по судебным делам между госорганами и предприятиями. Так нарождается новое, хозяйственно-административное право, которое составит прямую противоположность прежнему гражданскому праву.

А. БЮРОКРАТИЯ И БУРЖУАЗНЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ

Проф. Л. фон-Штейн, впервые в буржуазной науке серьезно поставивший вопрос о государственном управлении, исходил при этом от государства, как личности, имеющей свою волю в лице правительства. Отсюда он чисто дедуктивно, абстрактно построил свою систему управления. Эта его теория, конечно, не что иное, как теоретическое изложение вполне конкретного факта централизованного абсолютизма, с «хозяином»-правителем во главе. Но Штейн в то же время уже признает и классы, а на общество смотрит как на некоторое «состояние борьбы интересов вследствие свободного самоопределения личности». Значит, ему приходится допустить и так называемое «свободное управление», где государственная воля представляется коллективом, «народным собранием», а лишь воплощение деятельности относится к «управе», т. е. исполнительной власти.

Мы, рассматривая государство, как организацию господства класса, конечно, не можем себе представить этот класс в виде единой личности или простой совокупности личностей. Но вопрос об аппарате для осуществления этого господства и о движении этого аппарата чрезвычайно важен и для нас. Мы к этому вопросу должны подойти чисто эмпирически, на твердом основании фактических данных.

Первоначальный государственный аппарат (в целях взимания «дани» с подданных) весьма несложен. Это первобытный военный аппарат с параллельным или совместным религиозным (церковным) аппаратом, значит — аппараты «принуждения» и «убеждения» при полном или почти полном отсутствии управления. Управление было еще целиком на «местах» в руках общины, еще неразрушенной. Но уже в византийском периоде мы видим громадное чиновничество (бюрократию), особенно в церковном аппарате.

В каждый период все формы производства, а равно и формы отношений производства и господства кристаллизуются в данной среде по господствующему типу организации: в обществе рабовладельцев—по рабовладельческому, в феодальном обществе—по феодальному, в капиталистическом—по капиталистическому. Но только в тенденции, ибо как раз в государстве, как и

продукте истории, весьма важную роль играет и история, традиция. Это яснее ясного видно при столкновении феодально-абсолютистской бюрократической системы с парламентской.

Не удаляясь слишком в историю, мы берем феодальный строй. Аппарат простой. Как хозяйство, так и управление переживает свой кустарный период. Общинное управление переходит в руки феодала, дворянского сословия, в городах—к цехам, гильдиям, корпорациям. А центральная власть короля, кроме своей дружины и своего «двора», особого аппарата пока не имеет. С усилением центральной власти около монарха разрастается чиновничество. Название чиновников указывает, откуда они взяты: маршалы (marechal = заведующий конюшнями), камергеры (camerarius=постельничий), министры (=слуги) и т. д. Это «бароны» при его дворе, потерявшие свои «вотчины», но сохранившие чины и «жрать» желающие. Происходит централизация управления, и одновременно наступает разделение государственной власти на ведомства, деление, которое предшествует правовому понятию «разделения властей». Вы замечаете, что в правительстве повторяется то же самое, что в промышленности— в системе мануфактуры. Этот мануфактурный период правительства и является расцветом бюрократии.

Слово бюрократия одни производят от слова «bure» (сукно), которым покрывается стол в бюро (откуда и выражения: «под сукно» и т. д.). Другие производят его от слова «бюро» т. е. контора, канцелярия. Оно означает управление[1] чиновничества, против чиновничества, основывающегося исключительно на бумажном производстве. Оттуда вера в бумагу: «чего нет в деле, того нет на свете», «протокол, составленный согласно форме, оспориванию не подлежит» и т. д. Бумага заслоняет, вытесняет действительность. Что получается, если в бюрократическом режиме вся государственная жизнь разделяется на известное количество обособленных ведомств, которые соответственно тому разделяют и централизуют всю общественную жизнь в совокупности, причем аппарат, назначенный сверху и независимый от низов,

---

[1] Ленин, как известно, под бюрократией понимал управление государством «чрез оторванных от масс, стоящих над массами привилегированных лиц».

Очень интересные мысли для характеристики бюрократии мы находим в недавно опубликованной работе К. Маркса «Критика философии Гегеля». По Марксу «бюрократия есть осуществление государственной власти замкнутой корпорацией, вроде ордена иезуитов», «основанной на тайне внутри корпорации». «Из круга бюрократии никто выскочить не может», ибо «все знание всеобщего в ней сосредоточено в верхах, но зато знание частностей сосредоточено в низах». Так «бюрократия», как особая замкнутая корпорация в себе, видит самоцель, конечную цель государства». «Для отдельного бюрократа государственная цель превращается в его личную цель, в погоню за чинами, за деланием карьеры». «Для бюрократа мир есть лишь объект его деятельности». Если к этому прибавить еще, что «бюрократия государство понимает как формализм по своему существу», для которого «действительная наука представляется бессодержательной, действительная жизнь мертвой», «ее бытие есть канцелярское бытие», то мы имеем весьма реальную характеристику всякой бюрократии, к которой теория в дальнейшем прибавила лишь немногое.

превращается в нечто самодовлеющее? Это, конечно, не самостоятельный класс, а скорее сословие или каста, построенные по строго иерархической лестнице. Ведомственность превращает чиновника в «долевого работника» и, соответственно тому, калечит его, как и мануфактурного работника («канцелярская крыса», «человек 20-го числа» и т. д.). А своею строгой иерархической формою субординации (подчинения и начальствования) и своею специализациею аппарат превращается в большую силу. Разоряющийся класс дворян, с одной стороны, дает все более многочисленный состав чиновничества. Одновременно появляется требование на специалистов—«интеллигентов», «разночинцев».

С отчуждением монарха от «народа», т. е. от господствовавшего класса, это отчуждение проявляется в усиленной степени и в бюрократии, которая становится как бы выше «народа» и усиленно проводит ту систему балансирования между классами, благодаря которой на вид создается на время как бы бесклассовый или надклассовый абсолютизм. Одновременно происходит известное расслоение и среди самой бюрократии. Особое профессиональное образование, чинопроизводство, разница в окладах и пенсиях разделяют бюрократию резко на господствующую часть и на «канцеляристов», канцелярских «крыс» и т. п. Юридическое образование превращается в специфическое образование бюрократии; сама бюрократия проходит эру «обуржуажения», ибо, как отмечают буржуазные писатели, бюрократия легче всего приспособляется; «в правовых государствах ныне она в большей или меньшей степени примыкает к партиям» (Дживилегов). Чиновничья интеллигенция в эру пролетарской революции объявляет себя сплошь социал-демократами — меньшевиками или даже независимыми. А с.-д. создают даже особую теорию об интеллигенции, как отдельном классе.

Значит, бюрократический способ управления основывается на количественно большом чиновничестве, и главными признаками его являются:

1. Назначение в порядке иерархической лестницы подчинения и начальствования, на твердом жалованьи с повышением по службе (по чину или по классу), выслугою и пенсиею. Оно несменяемо, помимо воли назначающего его лица или органа; оно безответственно, за исключением лишь ответственности перед начальством.

2. Канцелярщина, бумажное делопроизводство, без которого ни одно дело не должно быть решено и которое вытесняет всю действительность.

3. К этому присоединяется ведомственная специализация и известное профессиональное образование. И осложнение жизни, особенно с наступлением и развитием буржуазного общества, еще способствует развитию этих тенденций и укрепляет их роль.

Пока государство необходимо, без особого аппарата не обойтись, особенно, пока не удастся уничтожить искусственные «наросты» и «надстройки» буржуазного общества. Весь вопрос, зна-

чит, для буржуазии заключается в том, как его обезвредить и приспособить к господству нового класса. Бюрократия сама щеголяет своею рутиною, а обыватель, гражданин, больше всего проклинает эту мертвую рутину, превращающуюся в пустой формализм.

Ждали искоренения зла от революции, от «народовластия», т. е. от участия народного элемента в управлении. И буржуазии показалось, что она создала такой аппарат в парламентаризме, в парламентском правительстве. Вытеснил ли парламентаризм бюрократизм? Нет! Напротив, развитие капиталистического общества развило аппарат исполнительной власти до небывалых размеров, как это изложено у К. Маркса в его «18 Брюмера». Мы уже видели выше, что исполнительная власть заменила могущество всех прочих властей (короля, парламента и т. д.). В Америке так и говорят о правительственной машине.

Великая французская революция очень бережно сохранила старую бюрократическую систему. Она ее еще расширила, окончательно упразднив феодальный суд и введя свой республиканский, бюрократический суд. Она переменила лишь личный состав чиновничества, и эту работу продолжал Наполеон I, а завершила реакция, до Бонапарта включительно. Конечно, буржуазная революция внесла кое-что новое и здесь, но система сохранилась.

Говорят, что в Англии нет бюрократизма. Но, когда в Англии происходит смена министерства [1], т. е. смена классов или групп одного класса у власти, то уходят в отставку все политические, т. е. партийные деятели, не только министры. А аппарат управления, т. е. бюрократия, остается и переживает с незначительными изменениями смену партий, групп, классов. Это мы видели особенно рельефно в случае с «первым министром» Макдональдом, в связи с подложным письмом т. Зиновьева. Почти то же самое мы наблюдаем во всех парламентских странах старого света. Это-то бюрократия фактически и управляет страною, а министры только «дают направление», «кладут штампы» и «отвечают» перед парламентом, т. е., когда недовольство достигло известных размеров, получают «выражение недоверия» и «выходят в отставку». А это «направление», конечно, соответственным образом и хотя бы в незаметном виде, изменяется бюрократиею. Если, напр., министерство в Англии желает внести законопроект, то проект этот изготовляется в особом учреждении—при министерстве финансов. Оно называется «парламентским», но оно состоит из одного советника и известного количества канцелярских служащих (клерков), которые все служат по назначению от правительства, а не от парламента.

Мы знаем, как недовольны были юнкера Германии бюрократами национально-либерального типа 40-х и 60-х годов из-за их

---

[1] «Вся история буржуазно-парламентарных, а в значительной степени и буржуазно-конституционных стран показывает, что смена министров значит очень мало, ибо реальная работа управления лежит в руках гигантской армии чиновников» (Ленин, XIV, 2, стр. 104).

хотя и крайне умеренных, но либеральных тенденций, и все-таки «либеральный тайный советник» оставался. А там, где появились «великие коалиции» всех партий военного времени или «малые коалиции» с социалистами послевоенного периода, чрезвычайно усилилась как раз бюрократия. Доходило даже до чисто «бюрократических кабинетов», и требование министерства из специалистов сделалось лозунгом целых партий.

Мелкобуржуазная демократия, в случае победы, увеличивает чиновничество до небывалых размеров, ибо она смотрит на свою победу как на средство обеспечить своих партийцев должностями. Особенно ярая борьба из-за этих мест разгорается в странах со смешанным национальным составом, где она принимает характер националистической борьбы из-за официального языка, напр., в Чехо-Словакии, Латвии, Эстонии, отчасти и Финляндии. Так, напр., в Латвии после победы латышской мелкой буржуазии чиновничество, при 1 500 000 населения, достигло 40 000 чел., в Эстонии на 1 млн. жит.—23 000 и т. д. То же самое мы видим в Германии, где с.-д.-шейдемановцы поспешили после ноября 1918 г. занять не только места ландратов и разных президентов центральных и местных, но и полицейских управлений, охранных отделений и шуцманов («городовых»). Но верхи бюрократии, как незаменимые спецы, всюду остаются и являются ныне определенными фашистами.

А Америка? И Америка не чужда бюрократизма. При тамошней «системе военной добычи» («spoil system») победившая партия своею армиею чиновников заменяет весь аппарат, всю машину. Надо сознаться, она не столько страдает рутиною, ибо не имеет собственных вековых традиций и более построена соответственно торгово-промышленным образцам управления фабрикою или трестом.

Парламентаризм не победил и не вытеснил бюрократизма. Введя известную политическую ответственность, он только смягчил его в одном месте, чтобы усугубить его в другом. И в то же время, когда буржуазия уже почти поголовно разочаровалась в парламентской «говорильне» («Schwatzhaus»), не только практики, но и теоретики как раз ищут спасения в реформе бюрократии, в «бюрократическом парламентаризме» из спецов и в фашизме.

Цитированный уже раньше проф. Макс Вебер приходит к заключению, что «во всяком современном государстве господство—как осуществление управления—находится в руках чиновничества, и в дальнейшем развитии бюрократического чиновничества, основанного на назначении, жалованьи, пенсии, повышении по службе (avancement), профессиональном образовании и разделении труда, твердо установленной подведомственности (компетенции), системе бумажного производства («aktenmässig»), иерархическом подчинении и начальствовании,—заключается определенный масштаб степени модернизации данного государства». Значит, по мнению этого буржуазного профессора, при буржуазии «бюрократии принадлежит будущее».

Б. ДЕЛОВОЙ МЕТОД УПРАВЛЕНИЯ.

Я еще в первых главах своей работы указал на то, что класс, господствующий в данную эпоху, и государство, т. е. аппарат своего господства, строит по своему же образу и подобию. Следовательно, капиталистическое государство должно было бы иметь аппарат управления более или менее делового характера. Но я также указал на то обстоятельство, что в государстве наиболее сильны традиции прошлого, исторические, если не доисторические пережитки. Здесь больше чем где бы то ни было в силе пословица: «Le mort saisit le vif»—«мертвое пленяет живое». Бюрократия прошлого одолевает новые как государственные, так и чисто общественные учреждения, как-то профсоюзные, партийные и даже коммерческие. Необходима целая революция, чтобы стереть эти старые остатки с лица земли.

И первая стадия пролетарской революции разыгрывается в атмосфере капитализма. В борьбе за роль в производстве господствующее положение, вместо класса капиталистов, завоевывает пролетариат, присваивая себе одновременно все принадлежности власти уничтоженного им окончательно класса крупных земельных собственников. Капитал целиком или отчасти превращается в государственное достояние. Управление им держит в своих руках пролетариат.

К. Маркс, уже раньше глубоко изучивший организацию труда и общественных отношений в связи с революцией и давший великолепную характеристику и критику бюрократии в «18 Брюмера» в момент самого переворота, дает нам такую же блестящую картину изменений в организации управления в первой пролетарской революции, в Парижской Коммуне, чуть ли не в самый день этого переворота, в своей «Гражданской войне».

«В особенности Коммуна доказала, что рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей» (см. предисловие к «Коммунистическому манифесту»). «Париж... вместо армии сформировал, главным образом из рабочих, национальную гвардию». «Первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом»...

«Коммуна образовалась из избранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских гласных. Они были ответственны и в любое время сменяемы. Большинство состояло, само собою разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса. Коммуна была не парламент, а рабочая организация, объединяющая в себе и исполнительную и законодательную власть». «Полиция, бывшая до сих пор орудием государственного правительства, была лишена своих политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время. То же самое чиновники всех остальных отраслей управления»,

«Разумеется, что Парижская Коммуна должна была стать примером для всех крупнейших центров Франции. Раз коммунальный строй был бы введен в Париже и второстепенных промышленных центрах, и в провинции старое централизованное правительство должно было бы уступить место самоуправлению производителей».

«Не многие, но важные функции, которые оставались бы еще за центральным правительством, постановлено было не уничтожать... но предоставлять коммунальным, т. е. строго ответственным чиновникам... Уничтожая все органы старого правительства, которыми эта старая власть пользовалась только в целях угнетения, Коммуна вырывает из рук этой власти, стремившейся стоять над народом, ее законные функции и передает таковые ответственным чиновникам общества... Теперь всеобщее право голосования должно было служить организованному в коммуны народу так же, как индивидуальное право выбора служит работодателю, когда он ищет для своего предприятия рабочих, надзирателей и бухгалтеров. И всем достаточно известно, что общество само так же хорошо умеет, как и определенные лица, найти подходящего для своего практического дела человека, а если оно ошиблось, оно сумеет это быстро исправить. Но... для Коммуны не могло быть ничего более противного, чем вместо всеобщего права выбора ввести иерархическое назначение».

...«Уничтожая обоих потребителей самых крупных средств государства—армию и чиновничество, Коммуна привела в исполнение идеал буржуазной революции — создала дешевое правительство. Уже ее существование означает отрицание монархии, бывшей, по крайней мере, в Европе тяжелым балластом и маскою для классового правительства. Коммуна, однако, не поставила себе целью ни «дешевое правительство», ни «истинную республику», которые появились сами собою».

Эта длинная выписка необходима была, чтобы вполне усвоить себе глубокий ее смысл. Кроме ответственности и отзываемости каждого служащего Коммуны, которые подчеркиваются и в нашей Конституции, и в выборности его снизу, там подчеркивается внесение чисто делового момента в управление государственными делами. Уже в выборе служащего низы должны руководствоваться теми же принципами и методами, какими руководствуется ныне работодатель индивидуально, т. е. соответствием чисто деловым, а не по родственным, товарищеским или иным побочным соображениям, быстро и, прибавим, беспощадно исправляя свою ошибку. Но если проверить этот последний момент—выборность по чисто деловым соображениям—в таких современных государствах, как Америка, то там партийное кумовство буржуазных классовых партий взяло верх над деловыми соображениями,

Но в чем же заключаются основные принципы делового управления? С одной стороны, я уже указал на то, что торгово-промышленная жизнь, наоборот, много заимствовала от государства прошлого. Всякая новая организация в буржуазном обществе прокладывает себе дорогу только путем конкуренции, борьбы за существование, как бы, говоря словами Маркса, по естественным законам природы, а отнюдь не сознательно.

Лишь недавно появилась в Америке система научной постановки организации труда (scientific menagement) в системе Тэйлора, но и то прежде всего и пока лишь в области физического труда и еще службы жел. дороги, притом исключительно в интересах усиленной эксплоатации. Правда, при президенте Тафте САСШ образовали особую комиссию для исследования способов применения этого нового научного способа «бюджетирования рабочей силы» и к государственной службе, но работы этой комиссии ничего существенного не дали.

И в процессе производства количество служащих конторы сильно возрастает по отношению к рабочим, и, напр., в той же Северной Америке оно уже в 90-х годах прошлого столетия составляло 9,2 человека на 100 занятых в предприятии лиц, значит, почти 10% (см. Кароль Райт, «Эволюция промышленности Северной Америке за 100 лет»). Отчасти это означает громадный рост производительных сил, но с другой стороны, мы читаем у Тэйлора-Рослера речь одного американского представителя ж.д. что «сбережения путем введения новых принципов в управлении и эксплоатации всех железных дорог Соединенных штатов составляли бы один миллион долларов в день». Я должен оговориться, что тут, в Америке, и вообще в капиталистическом обществе, весь вопрос идет лишь о способе расчетливого использования каждой минуты оплаченной рабочей силы, и общеизвестно, как Тэйлор, увидев, что его рабочий после фабричной работы еще может работать 2 часа в своем садике, заявил, что рабочий у него украл эти 2 часа, и что он, значит, нечестный рабочий. Это означает научный способ борьбы против рабочего и против всяких профессиональных его организаций, и эта точка зрения отпадает только с победою пролетариата.

Поэтому вся научная система Тэйлора главным образом занимается «стандартизациею» труда, т. е. получением standard'a— высшей нормы выработки, доводя ее до минимума затраты энергии, и сущность ее заключается в исследовании производительности, продуктивности (efficiency).

Нас, прежде всего, интересует сторона организационная. Являются ли способности организатора прирожденными способностями или они даются и наукою, выучкою, навыком? В капиталистическом мире, как мы уже видели, лишь конкуренция «обнаруживает этих прирожденных организаторов». Но, не решая вопроса, прирожденны ли организационные таланты или они лишь вырабатываются жизнью,—всегда надо стремиться выбрать, как Маркс показал на Коммуне, подходящих людей.

Если мы любому современному капиталисту представим список лиц, он не возьмет первых попавшихся 10 на одну и следующих 20 на другую работу, как мы в свое время назначали. Он поинтересуется их качествами, их склонностями и способностями и в лучшем случае согласится осторожно их поставить на работу для испытания, но он и легко «исправит свою ошибку». Это является единственным верным способом и для Коммуны в Париже и для всякого иного рабочего правительства. Это и есть то, что советует Ленин: «проверить людей и проверять фактическое исполнение дела—в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики»[1].

Деловой способ управления выдвигает вместо рутины систему и организацию. Правда, «есть многие, смешивающие систему и организацию с рутиною, но они не похожи друг на друга даже с внешней стороны. Система, это—урегулированное соединение или совмещение отдельных частей или предметов в единое целое, основанное на разумных началах; организация для такого соединения требует еще планомерности, тогда как рутина является застывшими ловкостью и искусством, основанными исключительно на навыке»[2].

«Понятие организации включает в себе понятия: порядок (Ordnung), разделение труда и контроль»,—пишет доцент коммерческих наук Г. Обст[3].

Порядок, это, прежде всего,—планомерность, но, во-вторых, и точное проведение и крайняя аккуратность в проведении плана (peinliche Ordnung). Всякому развитому рабочему, напр. металлисту, это понятие вполне вразумительно, его надо только перенести из области производства в область организации управления. Накопившуюся организационную энергию из производства, а равно и из рабочей и партийной организации, надо перевести, переработать в организационную энергию применительно к управлению. И этими способностями не следует пренебрегать как «буржуазным предрассудком». В том и заключается тот большой плюс для будущей революции на Западе, что там уже имеется такая накопившаяся энергия, которой у нас почти что не было.

Планомерность, чистота, аккуратность исполнения—таковы моменты, тщательно проводимые в жизнь в любом примерно поставленном торгово-промышленном управлении; разумное распределение служащих и часов их явки на службу, чтобы служащие не слонялись зря без работы. Для этого, напр., тот же Обст, вопреки нашей привычке, что «начальствующие лица» приходят позже,—сообщает, что по общему правилу, за полчаса до начала занятий, по очереди, является один из распорядителей (владелец фирмы или «прокурист») для присутствия при разборке и

[1] Ленин, XVII, 2, стр. 17.
[2] Д-р Р. Гримсгард, Организация
[3] См. Георг Обст, Das Bankgeschäft, Leipzig 1924 г.

распределении корреспонденции. Сюда относится и строгий учет всех необходимых—и только необходимых—сил с устранением всего лишнего. Значит,—назначение на должности по надобности, а не по наперед установленным по шаблону штатам. Сущность всякого бюджетирования человеческой силы сводится к удалению всего лишнего из области управления в область производства, хотя бы в категорию необученного труда «чернорабочих»[1].

Второе требование—разделение труда. Мы видели, что сами ведомства возникли по простому разделению труда, но только не научному, а весьма случайному и даже исторически нерациональному. «Сущность научного определения производительности основывается на двух мыслях: 1) на развитии и руководстве всякого рода промышленной деятельности с точки зрения разделения всех процессов на мельчайшие и простейшие элементы и 2) на определении и проведении в жизнь экономических мероприятий»[2].

Всякое разделение труда, кроме разделения процесса на элементы, требует и нового планомерного соединения, правильного расставления этих элементов. Это весьма существенное требование, но к нему следует прибавить основное правило, выдвигаемое всеми «тэйлористами» единогласно, что частая ломка недопустима, и необходимо медленное, постоянное проведение этих новшеств. В связи с разделением труда находится деление на специальности.

В-третьих,—контроль. Деловое понимание контроля заключается в хозяйственном способе его применения. «Контроль должен оплачиваться». И если контроль обходится дороже, чем предупреждаемое им зло, то контроль подлежит отмене. Его надо понимать, прежде всего, как внутренний контроль, известный фабричному производству, где само производство (машина или процесс труда) контролирует работу. Правильное течение бумаги и внутренняя проверка течения ее—таково первое требование. Например, Баллевин-Левин («Fabriksbetrieb») предлагает: для контроля действительного разрешения всей переписки—ежедневное сообщение в исходящий пункт списка всех неразрешенных еще бумаг. Вообще, в видах контроля и экономии труда регистратура должна занимать не последнее, как прежде, в правительственных учреждениях (недаром «коллежский регистратор»—низший чин), а весьма ответственное место. Мы видели, что в банковом деле Обст требует при разборке корреспонденции присутствия ответственного распорядителя. Другой (Баллевин-Левин) говорит то же самое: поступающая почта записывается и тут же определяется одним из распорядителей («прокуристов») или заведующих отдельными отделениями.

Контроль должен быть действителен, дешев и приу-

---

[1] Как известно, мы напротив ставим лозунг «лицом к технике» и для рабочих производства.

[2] Taylor-Walliches, Die Betriebslehre, 1919.

рочен к самому удобному моменту процесса работы. Еще маленький пример для характеристики разницы между деловым способом контроля и бюрократическим. По последнему, как известно, всегда требуется три (и не менее двух) подписи, причем высшая подпись обыкновенно кладется по привычке, просто потому, что предыдущая уже имеется. Между тем в банковом деле часто практикуется лишь одна подпись, например, из двух кассиров—подпись не лица, принимавшего деньги, а того, кто проверял, причем соответственность первого просто предполагается.

Остается нам еще коснуться вопроса о категориях служащих. Их делят на ответственных работников, исполнителей (секретарей, делопроизводителей и т. д., и т. д.) и низших служащих. Но это деление слишком часто проводится исключительно с точки зрения желательного оклада, а не рациональной постановки дела.

Деловой метод управления не злоупотребляет понятием ответственного работника[1]. В общем смысле слова, ответственным должен быть всякий служащий в пределах своей должности. Но если мы говорим об «ответственных работниках» в торгово-промышленном деле, то под этим понимаются не мнимые «управляющие делами», а действительные распорядители, т. е. те «немногие, но важные функции», о которых говорил выше К. Маркс,—где или требуются исключительные способности и познания и т. д. («спецы»), или же быстро соображающие директора, руководители, распорядители и т. д.

Второй разряд, это—исполнители. «Эта работа, вследствие все большего разделения труда, становится одностороннею, но все-таки было бы ошибочно посадить на эти посты неквалифицированного (unlearned) работника, хотя бы он в несколько дней и мог научиться этой работе... ибо он не должен терять из виду организации управления предприятием в целом[2]. Тут, конечно, должна быть самая сложная специализация и т. д. И эта часть, пожалуй, представляет наибольшие трудности.

Третий элемент, это—низший исполнительный аппарат, состоящий из профессиональных работников (как машинисты, конторщики и т. д.) или из необученных чернорабочих для самых простых механических функций. Здесь оценка должна быть чисто деловая и с соответствующею оплатою.

Что не следует гнаться за дешевизною рабочей силы во что бы то ни стало, это известно любому капиталисту, но зато следует

---

[1] Ленин в речи от 6/III 1922 г. высмеивает «коммунистов, мнящих себя администраторами». А крупнейший буржуазный организатор В Ратенау писал: «Я знаю многих «ответственных» организаторов, которые воображают себе, что они должны все сами делать. Я их всегда считал хорошими исполнителями, но отнюдь не организаторами». «Мы должны знать все органы и за ними постоянно наблюдать, но никогда не делать лично того, что эти органы сами могут исполнить, ибо важнейшую работою является та, которой никто иной делать не может, и таковой всегда достаточно. Требуй, чтобы каждый из твоих людей имел заместителя, а никто не име бы адъюданта».

[2] Обст, Das Bankgeschäft.

принять все меры для рационального использования этой силы и в этих видах стремиться достигнуть «механизации работы». Я здесь приведу для примера из книги Паркгорста («От директора-распорядителя до рассыльного», 1919 г.) несколько слов из «инструкции для привратников»:

«При указании ежедневных обязанностей привратника против каждого пункта проставляется в минутах время, в течение которого должны выполняться разного рода элементарные операции. Эти данные, на основании фактических наблюдений, устанавливаются с помощью секундомера и, по подведении итога для времени всех отдельных элементарных операций, итог излагается в часах и сотых долях часа и представляет нормальное время каждой операции». По этой системе распределяются поочередно все операции, а равно и необходимый отдых, время для еды, время прихода и ухода. Так достигается точное и своевременное исполнение всех возложенных обязанностей и только так предупреждается переутомление».

Комбинация всех отдельных частей процесса труда является, таким образом, одною из самых существенных задач. «Каждый служащий должен иметь вполне определенные обязанности и совершенно ясно формулированную ответственность»,— таков принцип для системы управления, рекомендуемый тем же Паркгорстом.

Эти, примерно перечисленные указания теории, в связи со словами К. Маркса о Коммуне, должны служить руководящею нитью для исправления нашей практики управления. Ныне кое-что и у нас сделано в этом отношении, но пока лишь в технической части работы. Тут предстоит еще серьезная научная работа. Говорят, что рабоче-крестьянское правительство является дешевым правительством, сравнительно хотя бы с царским, и поэтому оно вполне приемлемо для крестьян. Трудно проверить подобные расчеты, но довод этот силен. Мы видели, что, по Марксу, Коммуна оказалась дешевым правительством,—идеал, недостижимый для буржуазии. Но он там же прибавляет: «Коммуна, однако, не ставила себе целью «дешевизны государства» . . . . которая появилась сама собою». И эти слова надо себе отметить.

В. СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И БЮРОКРАТИЗМ

При советской власти борьба с бюрократизмом становится определенно классовою борьбою. Это предвидел Ф. Энгельс еще до самого начала пролетарской власти; оно стало более явным нам в моменты усиления классовой борьбы.

«Ныне мы достаточно сильны, чтобы перенести и переварить любое количество этой интеллигентной дряни (Quark), и я предвижу, что мы будем в состоянии через 8—10 лет [1] навербовать

[1] Обратите внимание здесь на срок, поставленный Ф. Энгельсом.

собственных молодых техников, медиков, юристов, учителей, а также передать крупные имения в управление от имени нации своим членам партии. В таком случае наше вступление во власть будет протекать гладко. Но если мы благодаря войне неожиданно (vorzeitig) станем у власти, то техники (у нас «спецы») будут нашими специальными противниками и будут обманывать и предавать нас, где только смогут. Нам придется применять террор (den Schrecken) и нас все-таки обманут. Это в небольших размерах (im Kleinen) всегда случалось со всеми французскими революциями. Им даже в самых обыкновенных управлениях приходилось на действительно работающие нижние аппараты насаждать старых реакционеров, и те саботировали и подрывали все (hemmten und lähmten Alles)».

Так писал Ф. Энгельс в 1891 году. Это было время наплыва в германскую с.-д. массы молодой интеллигенции. И Энгельс с небывалою дальновидностью нарисовал возможную картину первых шагов победившей пролетарской революции, дословно изображающую действительность нашего 1918 года. Всем памятны первые шаги победившей пролетарской революции. Она нашла более дюжины старых ведомств, в которых надо было или продолжать работу по-новому, или, по крайней мере, ликвидировать ее. Среди них были такие сложные аппараты, как министерство финансов и капиталистические банки. Все чиновничество, почти без исключения, объявило забастовку по команде контрреволюционной буржуазии и отчасти на средства международного финансового капитала.

Новое рабоче-крестьянское правительство было вынуждено образовать совершенно новый аппарат вместо старой бюрократии, из менее опытного материала, вследствие чего получился аппарат во многом хуже прежнего.

Может быть, эта забастовка, с одной стороны, и была счастьем для революции, ибо без нее еще в большей степени случилось бы то, что предсказал Энгельс относительно саботажа старых «спецов». Но, с другой стороны, она была громадным несчастьем, ибо для работы (хотя бы ликвидационной) пришлось пригласить новый состав чиновничества, также не из рабочих или, по крайней мере, далеко не целиком из рабочих. Этот новый состав был менее опытен и часто ниже по своим моральным качествам, чем прежний. Поэтому для той же работы потребовалось больше людей, чем прежде; а когда кончилась забастовка, то число чиновников сразу чуть ли не удвоилось. Вдобавок голод и материальная необеспеченность служащих не дали им возможности работать и превратили их массами в саботажников, мешечников, взяточников или довели честную их часть до полного истощения и упадка.

И в смысле работы результаты были крайне неудовлетворительны. Вступая в новую работу бюрократического режима, новое чиновничество не внесло и не могло внести сразу ничего нового, но, напротив, попадало под влияние старой закваски и до-

вело бюрократизм до невероятных пределов. У него не было системы и плана, но не было даже и рутины. А коренная ломка во время беспрерывного фронта сразу невозможна была не только в военном ведомстве, но и в весьма многих других. Надо сознаться, что об умелом строительстве нам приходилось говорить лишь изредка.

Как известно, Ленин выдвинул лозунг замены разбитого старого сословного-буржуазного аппарата властью советов. Возможно ли это сразу? «Об уничтожении чиновничества сразу, повсюду, до конца не может быть речи. Это — утопия. Но разбить старую чиновничью машину и тотчас же начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на-нет всякое чиновничество, это не утопия, это—опыт Коммуны, это—прямая очередная задача революционного пролетариата».

Так писал Ленин в 1917 году еще до Октября (XIV, 2, стр. 335). Но если сущность всякого государства заключается в более или менее совершенной организации классового господства, то для Советского государства, имеющего в виду переорганизацию труда и хозяйства в государственном масштабе, потребовались великие организаторские силы. Важнейшим недостатком и самым слабым местом российской революции, вполне естественно, был как раз крайне ограниченный количественно и качественно состав организаторов. II Съезд советов на скорую руку объявил «вся власть Советам», назначил Совет народных комиссаров и предписал ему провести эту программу «в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих». «Советская власть есть аппарат для того, чтобы масса начала немедленно учиться управлению государством и организации производства в общенациональном масштабе»,—писал Ленин в марте 1918 г. [1]

Вначале освободившиеся от прежнего ига массы поняли новый демократизм как массовое обсуждение и решение всех вопросов, как протест против всякой принудительности, дисциплины; в лучшем случае, как коллегиальное управление, причем коллегии должны быть по возможности многочисленны. Как оценивает Ленин эти тенденции первого периода и их естественную закономерность?

«Мы успешно решили первую задачу революции, мы видели, как трудящиеся массы выработали в себе основное условие ее успеха: объединение усилий против эксплоататоров для их свержения. Такие этапы, как октябрь 1905 г., февраль и Октябрь 1917 г., имеют всемирно-историческое значение.

«Мы успешно решили вторую задачу революции: пробудить и поднять те именно общественные «низы», которые эксплоататоры столкнули вниз и которые лишь после 25 октября 1917 г. получили всю свободу свергать их и начать

[1] Ленин, XV, стр. 154.

осматриваться и устраиваться по-своему. Митингование именно наиболее угнетенной и забитой, наименее подготовленной массы трудящихся, переход ее на сторону большевиков, проведение ею везде и повсюду своей советской организации—вот второй великий этап революции.

«Начинается третий. Надо закрепить то, что мы сами отвоевали, что мы декретировали, обсудили, наметили,—закрепить в прочные формы повседневной трудовой дисциплины. Это самая трудная, но и самая благодарная задача, ибо только решение ее даст нам социалистические порядки. Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением воле одного лица, советского руководителя во время труда.

«Мы этому еще не научились. Мы этому научимся»,—писал Ленин в апреле 1918 г.[1]

Конституция, кроме принципиального лозунга: «вся власть советам», никаких указаний для управления не дает. Только для народного комиссара она уже вносит единоличный принцип с образованием при нем коллегии, которая имеет лишь право совещания и внутреннего контроля (право жалобы, не останавливая исполнения постановления народного комиссара). Значительно труднее эта борьба была в области хозяйственного управления, где еще долго сохранялись поклонники коллегиальной системы, как более «демократической».

Таково создавшееся положение в советской бюрократии! Какой из него выход? И возможен ли вообще «мирный», т. е. не связанный с насилием, выход? Как уменьшить естественным путем перенаселение канцелярии? Опыт убеждает нас, что эта задача чрезвычайно трудна.

Еще VIII Съезд советов постановил: ускорить начатое упрощение соваппаратов в целях перевода служащих на производственный труд. Но тогда необходимо их «подготовить» к этому новому труду[2]. А когда с наступлением нэпа начались массовые увольнения, то вместе с тем появилась и безработица для весьма многих даже квалифицированных рабочих и служащих. В конце октября Президиум ВЦИК создал особую комиссию для упразднения целых учреждений и сокращения их состава. Этою центральною и ее местными комиссиями увольнялись невероятные массы людей. А результаты?

На IV сессии ВЦИК 1922 г. Ленин дал характеристику этой работы:

---

[1] Ленин, XV, стр. 220, 221.

[2] «Если ты признал человека неподходящим для его поста, то лучше отправить его на покой с сохранением оклада, чем оставить его на месте, ибо он причинит много вреда не только тебе и себе, но и бесчисленным посторонним лицам». («Тезисы для деловых людей» — Вальтера Ратенау. Собрание сочинений, т. IV.)

«Я сейчас должен кончить и коснусь еще только одного вопроса, который меня особенно интересует, и который, я думаю, должен также интересовать и всех вас, хотя формально ни на вашей повестке, ни в списке вопросов он не стоит. Это—вопрос *о нашем государственном аппарате*, старый и вечно новый вопрос.

«В 1918 г., в августе месяце, мы произвели перепись нашего аппарата в Москве. Мы получили число 231 000 государственных и советских служащих в Москве, число, обнимающее и центральных служащих и местных московских, городских. Недавно, в *октябре* 1922 г., мы произвели *эту перепись еще раз*, уверенные, что мы сократили наш раздутый аппарат, и что он должен уже, наверное, оказаться меньшим. *Он оказался в* 243 000 *чел.* Вот вам *итоги всех сокращений*. Этот пример потребует еще большего труда изучения и сопоставлений. Тогда, в 1918 г., когда мы, так сказать, в первом пылу реформы, произвели подобную перепись, мы, говоря попросту, почти ничего путного извлечь из ее итогов не могли. Не до того было. Гражданская война не оставляла нам ни малейшей свободной минуты. Теперь мы надеемся, что это будет сделано. Мы уверены, что наш аппарат, который страдает весьма многими недостатками, *который раздут гораздо больше, чем вдвое*, который очень часто *работает* не для нас, а *против нас*,— эту правду нечего бояться сказать, хотя бы и с трибуны высшего законодательного учреждения нашей Республики,—будет улучшен. Для того, чтобы его улучшить, *нужно много труда* и *уменья*»[1].

Итак, советский строй сразу не упразднил бюрократизма, ибо он вначале пытался ликвидировать бюрократизм *тем же бюрократическим способом*.

IX съезд партии (в апреле 1920 г.) в этом отношении принял определенное решение: «В целях более простой и точной организации управления производством, а также в целях экономии организаторских сил, Съезд считает необходимым приблизить управление промышленностью к *единоличию*, а именно: установить полное и безусловное единоличие в мастерских и цехах, итти к единоличию в заводоуправлениях и к сокращенным коллегиям в средних и высших звеньях административно-производственного аппарата». Но одновременно рекомендуется целый ряд мер, как привлекать к делу управления рабочие массы.

Борьба этим еще не окончилась, и многие долго еще придерживались мнения, что борьба против коллегиальности усиливает бюрократию. Это очень узкий взгляд, увлекающийся внешним видом какого-то «демократизма». *Коллегия* сама по себе вовсе не есть демократический способ управления, наоборот, *наиболее вредный бюрократизм* проявляется именно в форме *коллегиального управления*, где коллегия обсуждает

---

[1] *Ленин*, XVIII, 2, стр. 83.

чисто бумажные доклады и по ним медленно решает вопросы живой действительности.

В действительности бюрократизм мы получили в наследство от прежнего строя вместе с его учреждениями, вовсе не упразднив его, а, напротив, во многих отношениях ухудшив его. В результате получилось не управление в руках самих масс, но ужасающие цифры учреждений и численности советских служащих. Ведь существовало же у нас особое учреждение «по переименованию учреждений»! Ленин весьма определенно предупреждал против этого типа строительства. «У нас ужасно много охотников перестраивать на всяческий лад, и от этих перестроек получается такое бедствие, что я большего бедствия в своей жизни и не знал. О том, что у нас существуют недостатки в аппарате по организации масс—это я знаю превосходным образом, и на всякие десять недостатков, который любой мне из вас укажет, я сейчас же вам назову сотню добавочных. Но не в этом дело, чтобы быстрой реорганизацией его улучшить, а дело в том, что нужно это политическое преобразование переварить, чтобы получить другой—культурный-экономический уровень. Вот в чем штука. Не перестраивать, а наоборот, помочь надо тем многочисленным недостаткам, которые имеются в советском строе и во всей системе управления, помочь десяткам и миллионам людей. Нужно, чтобы вся крестьянская масса помогла нам переварить то величайшее политическое завоевание, которое мы сделали. Тут надо быть трезвым и отдавать себе отчет. Это завоевание сделано, но в плоть и кровь экономики обыденной жизни и в условия существования масс еще не вошло. Тут работа целых десятилетий, и на нее нужно потратить огромные усилия. Ее нельзя вести тем темпом, с той быстротой и в тех условиях, в которых мы вели военную работу»[1].

Г. ЗАВЕТЫ ЛЕНИНА И ИХ ИСПОЛНЕНИЕ

Ленин «завещал» нам целый ряд принципов и метод их исполнения. Нас здесь особенно интересует революционная законность и научное советское строительство. Эти два принципа, хотя и высказанные не в один день и не в одном акте, целиком охватывают наши задачи в области государства, если не считать нашей основной задачи,—социалистического строительства.

К принципу законности Ленин возвращается в последние годы, с момента отступления к нэпу, все снова и снова. Наиболее ярко его мысль высказана в опубликованном письме, писанном им во время болезни в ЦК партии по поводу централизации прокуратуры. И эти его слова повторяются (в разной форме) почти во всех его статьях последнего времени, по поводу «порядка», культуры и культурности и т. д. Но основная мысль эта в его голове зреет давно. Его взгляд на статью программы партии, как будущий декрет положительного права, его отношение к револю-

[1] Ленин, XVIII, 1, стр. 449—450.

ционному декрету и т. д. повторяют ту же мысль, лишь в другой форме, в другой обстановке.

Отстаивая в интересах единой законности централизацию прокуратуры, Ленин делает вывод: «Если мы этого элементарнейшего условия для установления единой законности во всей федерации не будем проводить во что бы то ни стало, то ни о какой охране и ни о каком создании культурности не может быть и речи».

Значит, законность и культурность взаимно обусловливаются. И, заметьте, в этом письме-телефонограмме от 20 мая 1922 г. уже указывается на ту важную роль ЦКК, которую он ей отводит годом позже в выражении «своей последней воли» по поводу советского строительства.

Что касается советского строительства, то мы уж видели, что Ленин к действительности советской власти у нас относился весьма критически: «Мы переняли старый государственный аппарат, и это было нашей бедой. Государственный аппарат очень часто работает против нас. Дело было так, что в 1917 г., после того, как мы захватили власть, государственный аппарат нас саботировал, а мы тогда очень испугались и попросили: «пожалуйста, вернитесь к нам назад». И вот они все вернулись, это было нашим несчастьем. У нас имеются теперь огромные массы служащих, но у нас нет достаточно образованных сил, чтобы действительно распоряжаться ими. На деле очень часто случается, что здесь, наверху, где мы имеем государственную власть, аппарат кое-как функционирует, но что там, внизу, где они распоряжаются, там они очень часто работают против наших мероприятий. Наверху мы имеем, я не знаю сколько, но думаю, во всяком случае, только несколько тысяч, максимум несколько десятков тысяч своих. Но внизу—сотни тысяч старых чиновников, полученных от царя и от буржуазного общества, работающих сознательно, отчасти бессознательно, против нас. Здесь в короткий срок ничего не поделаешь, это—несомненно. Придется работать в течение нескольких лет, чтобы усовершенствовать аппарат, изменить его и привлечь новые силы. Мы это делаем довольно быстрым темпом, может быть, слишком быстрым. Основаны советские школы, рабочие факультеты, несколько сотен тысяч молодых людей учатся, учатся, может быть, слишком быстро, но, во всяком случае, работа началась, и я думаю, что эта работа принесет свои плоды. Если мы будем работать не слишком торопливо, то через несколько лет у нас будет масса молодых людей, способных в корне изменить наш аппарат»[1].

Это слова Ленина на IV конгрессе Коминтерна (13/XI 1922 г.). Еще более резко по поводу старого аппарата он высказывается в своем политическом завещании, в полном смысле слова, в статьях «Как нам реорганизовать РКИ» и «Лучше меньше, да лучше». Свои мысли Ленин высказывает в плоскости необходимости сох-

[1] Ленин, XVIII 2, стр. 97.

ранить во что бы то ни стало тесный союз с крестьянством, предупредить возможный раскол между двумя оставшимися классами: «Конечно, в нашей Советской Республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т. е. буржуазия. Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен, но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола.

«Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств.

«Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии. Мы должны изгнать из него все следы излишеств, которых в нем осталось так много от царской России, от ее бюрократическо-капиталистического аппарата.

«Не будет ли это царством крестьянской ограниченности?

«Нет. Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и проч.

«В этом, и только в этом, будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую; именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.

«Вот как я связываю в своих мыслях общий план нашей работы, нашей политики, нашей тактики, нашей стратегии, с задачами реорганизованного Рабкрина»[1].

«Если крестьянин увидит, что пролетариат строит свою государственную власть так, что умеет устроить порядок, а крестьянин его требует, его хочет и в этом он прав...—то крестьянин, в конце концов, после ряда колебаний, пойдет за рабочими... Он знает, что старое общество давало ему «порядок» ценою разорения трудящихся, ценою превращения их в рабство. Он не знает, может ли пролетариат дать ему порядок... Он поверит только делу, практическому опыту». Так говорил Ленин еще в 1919 году[2].

Мы уже знаем, как ценил Ленин завоеванную пролетариатом власть. Но мало завоевать и разбить старую власть, надо уметь построить новый аппарат, новую машину власти.

---

[1] Ленин, XVIII, 2, стр. 128.
[2] Там же, XVI, стр. 222.

«Наш госаппарат, за исключением Наркомпрода, в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным изменениям. Он только слегка подкрашен сверху, а в остальных отношениях является самым типичным старым из нашего старого госаппарата».

Что мы с ним сделали до сих пор? «Мы уже пять лет суетимся над улучшением нашего госаппарата, но это именно только суетня, которая за пять лет доказала лишь свою непригодность, или даже свою бесполезность, или даже свою вредность. Как суетня, она давала нам видимость работы, на самом деле засоряя наши учреждения и наши мозги.

Надо, наконец, чтобы это стало иначе».

«И вот, чтобы поискать способ действительно обновить его, надо обратиться, мне кажется, за опытом к нашей гражданской войне»[1].

К чему же сводился этот опыт? К умелому соединению партийной и советской работы. Отбросив старые образцы, научно, при использовании исследований технически-научных, медленно, не торопясь, но серьезно построить новый образцовый, рациональный, но одновременно дешевый аппарат. Во главе этого аппарата Ленин выдвигает Рабкрин и ЦКК.

Как Ленин по-революционному выполнял заветы Маркса и Энгельса, так революционные заветы Ленина выполнять был призван Ленинский ЦК ВКП(б) и на первом месте вождь партии и ее ЦК—т. Сталин.

Только после кончины Ленина началось настоящее социалистическое строительство в одной стране—в капиталистическом окружении с внешней стороны, с колеблющимися настроениями (вплоть до левых и правых оппозиций) в своих рядах. Тов. Сталин смело ставил ставку на мощь диктатуры пролетариата и на максимальные темпы, возможные благодаря этой диктатуре. «Основная задача пролетарской революции сводится к тому, чтобы захватив власть, построить новую социалистическую экономику» (Сталин).

Соответственно этапу строительства меняется и роль и форма работы советской власти.

«Диктатура пролетариата имеет свои периоды, свои особые формы, разнообразные методы работы. В период гражданской войны особенно бьет в глаза насильственная сторона диктатуры. Но из этого вовсе не следует, что в период гражданской войны не происходит никакой строительной работы. Без строительной работы вести гражданскую войну невозможно. В период строительства социализма, наоборот, особенно бьет в глаза мирная, организаторская, культурная работа диктатуры, революционная законность и т. д. Но из этого опять-таки вовсе не следует, что насильственная сторона дик-

[1] Ленин, XVIII, 2, стр. 118.

татуры отпала или может отпасть в период строительства. Органы подавления, армия и другие организации необходимы теперь, в момент строительства, так же, как в период гражданской войны. Без наличия этих органов невозможна сколько-нибудь обеспеченная строительная работа диктатуры. Не следует забывать, что революция победила, пока что, всего лишь в одной стране» (Сталин, 1926 г.).

В то же время и в том же направлении действуют инициативные массовые действия снизу. Ленин ставил воспитание новой дисциплины одной из основных новых задач диктатуры пролетариата. Он в противопоставление палочной дисциплине выдвинул новую добровольную дисциплину. Он подряд применял различные виды борьбы за эту цель: чрез профсоюзы, чрез пример—коммунистические субботники, чрез чистку партии и т. д. К ним присоединилось выдвиженчество отдельных рабочих в управление. Великий перелом (1929/30 г.). принес и здесь нечто новое: массовую, стихийную инициативу снизу, в виде социалистического соревнования, самокритики, ударных и всяких бригад и т. д. Разрастаясь в широкий поток, охватывающий сотни тысяч и миллионы, эти группы вводят снизу новые свежие элементы, которые проникают в советы, съезды и выбираемые ими органы и аппараты. Создается вновь нечто неслыханное и невиданное в истории человечества. По докладу мандатной комиссии VI съезда советов СССР было 54,7% всех участников съезда рабочие (25,9% крестьян), а из рабочих на съезде 82,2% было ударников, а из крестьян—93,2% колхозников.

«Наступила эра «великого перелома» в революции не только СССР, но и всего мира. Как по писанному плану развернулось соц. строительство, и три съезда партии, XIV, XV и XVI означают три новых этапа. XIV съезд был по преимуществу съездом индустриализации. XV съезд был по преимуществу съездом коллективизации. Это была подготовка к общему наступлению. В отличие от пройденных этапов в период перед XVI съездом является период общего наступления по всему фронту, периодом усиленного строительства социализма и в области сельского хозяйства. XVI съезд есть съезд развернутого наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации. Вот вам в двух словах существо генеральной линии нашей партии» (Сталин).

Для всякого политика чрезвычайно важно определить правильно «текущий момент». Мы знаем, что кроме важнейшей опасности «правого уклона» (политики паники, маловерия, примиренчества) имеют место и «перегибы». Когда зимою в 1929/30 г. у весьма многих «закружились головы от успехов», эти перегибы отразились и на теории. Были вынесены теории «отмирания» государственной власти на местах, просто передавали, напр., функции сельсоветов—в экономическую организацию колхозов. Забежавшие вперед были призваны к порядку и наоборот был снова провозглашен лозунг революционной законности и была проведена по-

литика укрепления местной власти, упразднение округа и создание крепких районов. Что же это означает? Это означает шаг вперед «к вовлечению в управление всех трудящихся к этому основному требованию Ленина по отношению к пролетарскому государству»[1].

Резолюция декабрьского 1930 г. пленума ЦК—ЦКК о перевыборах советов и его выводы, более тесная увязка партии и совапарата по примеру РКИ и ЦКК означают новое приближение к этой цели:

«Перевыборы советов, вовлекающие всю массу рабочих и трудящихся крестьян в дело проверки политики и всей практической работы советской власти, являются одним из основных средств развития советского демократизма, т. е. дальнейшего усиления активности масс во всем деле социалистического строительства».

Что же это, если не выполнение того, что Ленин говорил еще в 1919 г., «Благодаря низкому культурному уровню многих трудящихся, советы, будучи по своей программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления для трудящихся, через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы. Здесь перед нами задача, которую нельзя решить иначе, как длительным воспитанием»[2]. Теперь, благодаря бурному росту индустриализации и коллективизации и одновременно вытекающему отсюда быстрому развитию культурной революции, наступает момент, чтобы конкретно ставить и эту задачу.

---

[1] П. Стучка, К XIII годовщине Октября, «СГ и РП», 1930 г., № 10.
[2] Ленин, XVI, стр. 127, 128.

VIII. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ

Ленин выдвинул, как предпосылку культурности, необходимой для перехода от нэпа к социализму, и как условие удачного советского строительства—законность.

Ленин говорит: «Советские законы очень хороши, потому что предоставляют всем возможность бороться с бюрократизмом и волокитой, возможность, которой ни в одном капиталистическом государстве не предоставляют рабочему и крестьянину. А что—пользуются этой возможностью? Почти никто! И не только крестьянин, громадный процент коммунистов не умеет пользоваться советскими законами по борьбе с волокитой, бюрократизмом или с таким истинно-русским явлением, как взяточничество. Что мешает борьбе с этим явлением? Наши законы? Наша пропаганда? Напротив! Законов написано сколько угодно! Почему же нет успеха в этой борьбе? Потому, что нельзя ее сделать одной пропагандой, а можно завершить только, если сама народная масса помогает»[1].

Законность сама по себе не что иное, как организованный способ управления государством. Этим признаком отличается вообще современное государство от былого государства периода кулачного права или еще более отсталой формации, когда управление, по общему правилу, заключалось в единичных, более или менее случайных и бессистемных мероприятиях, а закон составлял лишь исключение. Закон и законность сами по себе являются лишь формою, содержание которой зависит от того, какой класс находится у власти и чье классовое право охраняет и проводит это государство.

Но в буржуазном государстве слово «закон» вообще впервые получает значение фетиша, чего-то чудодейственного[2]. Противопоставляя произволу феодального строя и абсолютизма, основанных на божьей милости, основной закон, основанный на естественном праве, на разуме человека-гражданина и на народной воле,—буржуазия создала в законе такой же идол власти, какой существовал в произволе прежней, феодальной и абсолютистской власти.

Развитое буржуазное государство называет себя «правовым» государством. В последнее время и у нас для советской власти стали пользоваться названием правового государства (ср. т. Малицкого). Правильно ли это? Если это означало бы только закон-

---

[1] Ленин, 1921 г., XVIII, 1, стр. 382—383.
[2] См. «Введение».

ность, то спорить было бы нечего. Но основной смысл этих слов заключается в том «самоограничении», которое «возлагает на себя государственная (предполагалось—королевская) власть» в пользу народа. Законность, одинаково обязательная для всех, как для частного лица, так и для государственной власти в целом и ее отдельных органов,—таков основной лозунг теоретиков правового государства. Но мы уже видели, сколько лицемерия кроется во всяком буржуазном праве, где политическое равенство прикрывает экономическое неравенство, где за общедемократическою фразою прячется классовая сущность.

Естественно, что пролетарская революция, из всех революций впервые, имея перед собою столь развитую правовую систему, как буржуазную, или, как у нас, полубуржуазную,—должна разбить не только буржуазную классовую государственную власть, но и ее классовое право, ее законы. Ей ссылаться на законность на основе прежних законов нельзя. Когда Вольтер предлагал сжечь старые законы и писать новые, лучшие, он имел перед собою сравнительно небольшое количество законов старого строя. Пролетарская революция должна справиться с целою системою, с целыми возами законов и вкоренившеюся десятками лет в сознании масс буржуазною законностью. Эту законность она должна была разрушить. Разбивая эту старую законность, она проделала лишь необходимую революционно-разрушительную работу.

Но только злонамеренные критики-противники могли называть нас анархистами, отрицающими всякий закон и всякую законность. Как раз первые шаги победившего пролетариата заключались в издании крупнейших и ответственнейших декретов: о власти, о земле, о труде и т. д. Тогда нас обвиняли как раз наоборот—в чрезмерной вере в закон. И в самом деле, революция, проведенная с небывалой организованностью, не могла отказаться от наиболее совершенного, т. е. организованного способа действия государственной власти.

Для нас было ясно, что с Октябрьскою революциею все законы прежних правительств в принципе должны считаться отмененными. Первый декрет о суде формулировал эту мысль словами: «Суды руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революциею, не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». Наша осторожная формулировка объясняется тем, что мы знали, как твердо в памяти и сознании людей живут даже сожженные законы, но она недвусмысленно высказала определенную мысль, что все законы отменены, за исключением лишь и т. д. А когда юристы, попадавшие в нар. судьи, все-таки стали нагромождать свои решения и приговоры ссылками на статьи старого свода, то в ст. 22 декрета о суде 25 ноября 1918 г. было помещено категорическое требование: «Ссылки в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств воспрещаются». Конец старой законности!

Но новых законов, объемлющих все области, еще не было, и поэтому не могло быть еще и новой законности. Кроме того мы переживали приподнятое настроение революции, когда революционная инициатива мест и отдельных лиц как в центре, так и на местах, выражалась в разных «самочинных» неорганизованных действиях. То был период, когда острый момент гражданской войны заставил прибегать к разным чрезвычайным мероприятиям, в известной степени провозгласить чрезвычайные мероприятия целесообразности как общее правило. Условия внешнего фронта не дали ведомству юстиции фактической возможности вырабатывать всеобъемлющие кодексы остро-революционной эпохи вплоть до самого момента отступления, не говоря уже о том, что законы революции слишком быстро менялись.

Отступление стало возможным, а одновременно и необходимым, лишь с прекращением внешнего фронта. Но экономическое отступлении, при отсутствии кодексов, одновременно было бы и правовым отступлением, ибо оно фактически вновь узаконило бы часть прежней системы отношений. Буржуазия чрезмерно обрадовалась, предполагая, что отступление уже превращается в паническое безоглядное возвращение к старой законности. Мы ей, однако, противопоставили законность революционную. Мы формулировали и на письме те законы, до которых мы отступаем, но во всем, что не помещено в этих кодексах периода отступления, остаются в силе революция и ее завоевания. Толкование этих законов должно быть ограничительное, а отнюдь не распространительное. Что это означает? Это означает, что все существовавшее в правовой области до Октябрьской революции 1917 года кануло в вечность, и то, что восстановлено, является уступкою, ограниченною временем («не на всегда») и рамками закона и не подлежащею расширению без особого закона.

Вот почему мы и свою законность называем революционною. Наша законность должна проводиться строго, но со взглядом вперед, в сторону революции, а не в сторону контрреволюции.

Как у нас сейчас ставится вопрос о законности? С одной стороны, вместе с образованием Союза ССР, встал, как результат известного недоверия бывших угнетенных при царском режиме наций, вопрос законности конституционной, в защиту от чрезмерного централизма, с одной стороны, децентрализма—с другой. Был создан особый Верховный суд Союза не как судебная инстанция, а главным образом в виде блюстителя законности, только с точки зрения конституции и общесоюзного закона.

Гораздо важнее вопрос об общей законности, особенно когда он встал в связи с лозунгом: «лицом к деревне». Обеспечить многомиллионному крестьянству тот «порядок», которого, по словам Ленина, оно ждало от буржуазии, а ныне ждет от коммунистов! Это очень трудная задача, над которой придется

поработать весьма серьезно. Органы советов должны проводить то, что дано в новых декретах и постановлениях крестьянству, так, чтобы крестьянство от этого действительно получило и почувствовало улучшение. Основным условием для проведения такой законности является постановка правильного и гибкого советского аппарата.

Первым условием законности является закон сам. Как этот закон издается и как он применяется? Возникает и у нас известное распределение функций власти: на законодательство, работу судебную и прокурорскую (по надзору над законностью) и, наконец, работу по управлению (то, что прежде называлось исполнительною властью).

Самый закон по своему значению меняется. Если первые декреты были, по словам Ленина, революционными лозунгами, то—при всем революционном значении—законы (особенно первого периода) нэпа были в значительной степени «лимитами», вехами, пределами отступления; при нынешнем этапе нового наступления закон опять приобретает сугубо революционную роль, ибо мы находимся на новой, расширенной ступени развития, где подведенный грандиозный фундамент гарантирует проведение закона (напр. о раскулачивании, о промфинплане и т. д. и т. д.). С этой точки зрения и понятие революционной законности меняется в самом своем существе. За революционизирование самого закона пока идет еще не законченная борьба.

А. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Наша Конституция, как мы уже видели, отвергает теорию разделения властей—эту иллюзию буржуазной демократии. Но она вместе с тем не отрицает технического деления труда. Поэтому и она должна была определить, кто у нас, хотя бы по преимуществу, законодательствует. В первой советской Конституции на этот счет было лишь несколько строчек: «ВЦИК Советов является (ныне: в пределах, положенных Конституцией Союза) верховным законодательным, распорядительным и контролирующим органом РСФСР» (ныне ст. 24). «ВЦИК Советов рассматривает и утверждает проекты декретов и иные предложения, вносимые Советом народных комиссаров или отдельными ведомствами, а также издает собственные декреты и распоряжения».

Ведь в буржуазных конституциях, а если не в конституциях, то в особых законах, весьма подробно излагается, кто имеет право «почина», т. е. право возбуждения законопроекта; кто имеет право разрабатывать этот законопроект (правительство ли одно, или отдельные члены парламента), как и сколько раз (в трех чтениях) этот проект читается в парламенте, как он утверждается и как он подписывается и скрепляется. Это целая система «департаментов препон», чтобы не проводить скоропалительных проектов законов и не от-

менять также скоропалительно уже утвержденных законов, а вместе с тем и «благоприобретенных прав». Ибо раз издан закон, он свят и неприкосновенен, и его истолкование принадлежит уже особым разъясняющим сенатам, где относительно той или иной буквы или запятой, относительно того или иного значения слова сословие юристов спорит годами. В том и заключается их «роль в производстве».

Наш строй, как революционный, был приспособлен к быстрому проведению новых законов и к столь же быстрому их изменению, если это нужно. У нас властвует живое дело, а не мертвая буква. Но, конечно, необходим известный твердый порядок законодательства, даже во время революции гарантирующий не только внимательное его проведение, но и быстроту необходимых изменений.

Этот порядок для РСФСР постепенно выработался в следующем виде:

Всем известно, что с самого начала революции вся главная работа, не только исполнительная и административная, но и законодательная, сосредоточилась в Совнаркоме, а рядом с центром и местные исполкомы и советы издавали свои местные законы. VIII съезд советов в этом отношении внес некоторые твердые начала, приведшие наше законодательство к стройной системе.

Значит по конституции никакого ограничения законодательного почина не было, не было и лишнего формализма в «чтениях». Если проект прочитан один раз с толком, он утверждался. Окончательная разработка и, по крайней мере, проверка законопроектов принадлежали Наркомюсту, которому принадлежало и их опубликование. «Законодательные и важнейшие правительственные предложения отдельных ведомств подготовляются и редактируются в соответственном ведомстве и вносятся в отдел законодательных предположений Наркомюста не позднее как за три дня до внесения их в Совет народных комиссаров, за исключением случаев, совершенно не терпящих отлагательства, по соглашению с народным комиссаром юстиции. Для общесоюзных законов существовала особая комиссия отдела законодательных предположений, работавшая при Совете народных комиссаров. Ныне эта работа передана в управление делами СНК.

Со временем, конечно, выработался порядок прохождения законодательных проектов и деления их на акты общегосударственного значения и прочие законы и т. д. Наконец, с образованием Союза ССР, пришлось внести известный формализм, вытекающий из сущности Союза и из существования системы двух советов.

1. Законодательство общесоюзное

Мы уже видели, какие предметы отнесены к ведению Союза, и по которым могут издаваться общесоюзные законы. Съезд Советов не ограничен ничем и никакими формальностями, кроме

лишь вопроса о самоопределении (по которому требуется согласие всех союзных республик) и о границах отдельных республик. Но съезд законодательствует лишь по важнейшим делам, ограничиваясь лишь общими директивами. Большинство законов издает Президиум ЦИК Союза и отчасти Совнарком Союза, который в пределах, предоставленных ЦИК, издает декреты и обязательные постановления. Обязательные постановления издают и СТО и в известных пределах и Наркомы. Но все декреты и постановления, определяющие общие нормы политической и экономической жизни Союза и вносящие коренные изменения в существующую практику государственных органов, равно и кодексы законов, принимаются или, по крайней мере, утверждаются ЦИК Союза.

Кто имеет право инициативы, т. е. право внесения проекта общесоюзного закона? Конституция и Положение о ЦИКС право инициативы относят не только к законодательству, но и к «вопросам» вообще и предоставляют ее центральным органам Союза: Президиуму ЦИК Союза, Совнаркому Союза, Союзному совету, Совету национальностей, их президиумам и наркомам Союза, а также ЦИК союзных республик и членам ЦИК Союза. При совнаркомах состоят особые подготовительные органы: по Союзу—при управлении делами СНК; по РСФСР—так же. Кроме того и ВЦИК автономных республик и областные исполнительные комитеты автономных областей имеют это право, но лишь чрез Совет национальностей. Для прохождения законопроектов установлен общий порядок прохождения вопросов вообще. Но законопроекты, возникшие по инициативе одного из советов (союзного или национальностей), предварительно передаются в Президиум ЦИК Союза на заключение и для направления на обсуждение обоих советов.

По принятии законопроекта в обоих советах он публикуется Президиумом ЦИК Союза как общесоюзный закон. Закон вступает в силу, если в законе не определено иное, со дня получения,—в столицах ЦИК Союзной республики, в области или районе—исполкомом—собрания законов Союза, «Известий ЦИК» или «Экономической жизни», в которых закон опубликован, смотря по тому, какое из этих изданий раньше получено.

2. Законодательство РСФСР

И в законодательную работу РСФСР ныне внесен некоторый формальный элемент. Я не остановлюсь здесь на съезде советов, который, как высшая власть Республики, может издать и отменить любой закон, поскольку это его право не ограничено ныне Конституциею СССР. Но он собирается раз в два года на непродолжительное время, и его законодательная роль никакой регламентации не подчинена.

И по Конституции 1925 года (ст. 25) «ВЦИК издает кодексы, декреты и постановления в порядке собственной ини-

циативы, а равно внесенные Советом народных комиссаров». В перерыве между сессиями ЦИК его права переходят на Президиум, причем декреты и постановления, определяющие общие нормы политической и экономической жизни РСФСР и вносящие коренные изменения в существующую практику ее госорганов, а равно и бюджет, обязательно восходят на рассмотрение и утверждение ЦИК.

По общему правилу, все декреты проходят через Совнарком и там, после предварительного рассмотрения их (см. выше), утверждаются. В особенности это относится ко всем декретам и мероприятиям, не терпящим отлагательства, в том числе ко всем законодательным мероприятиям по делам военным и всем влекущим за собою обязательства для РСФСР мероприятиям по иностранным делам. Эти законы, по их утверждении Совнаркомом, обычно немедленно публикуются, но одновременно представляются в Президиум ВЦИК, который их утверждает, приостанавливает или даже отменяет, докладывая как в одном, так и в другом случае ВЦИК.

3. Законодательство автономных республик

Основные законы автономных советских социалистических республик принимаются их съездами Советов и представляются на утверждение ВЦИК, а окончательно утверждаются Всероссийским съездом советов.

Конституция 1925 г. определяет и законодательную власть каждой автономной республики. По общему правилу, на территории ее обязательны: общесоюзные законы, а равно и кодексы РСФСР с изменениями, вносимыми с разрешения ВЦИК (ст. 3 вводного закона к Земельному кодексу, ст. 9 вводного закона к Гражданскому кодексу, ст. 4 вводного закона к Уголовному кодексу и т. д.). Наконец, в области ведения самостоятельных наркоматов допускаются местные обязательные постановления, не противоречащие общереспубликанским законам.

Для автономных областей Конституция заменяется «Положением об автономной области», принимаемым ее съездом Советов и утверждаемым окончательно ВЦИК.

4. Местные обязательные постановления

Местные исполкомы законодательной власти, в собственном смысле слова, не имеют, но они издают обязательные для своей территории и нижестоящих учреждений постановления в пределах, установленных законом. Эти местные постановления публикуются за подписью председателя исполкома или его заместителя и секретаря. Отделы и учреждения свои предположения вносят в исполком или его президиум на утверждение.

Б. ПРИМЕНЕНИЕ ЗАКОНА

I. СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

«Судьи независимы и несут ответственность только перед законом». «Судьи назначаются на должность пожизненно. Они могут лишь в силу судейского решения и лишь на основании и в формах, установленных в законах, быть, вопреки их воле, временно или навсегда устраняемы от должности, переводимы на другое место или увольняемы в отставку». «Исключительные суды не допускаются. Никто не может быть изъят из ведения своего законного судьи». Я здесь для примера выписал несколько строчек из конституции «самой демократической» республики, президентом которой недавно еще состоял социал-демократ рабочий. Вы догадываетесь, что речь идет о Германии. Но не покажется ли странным, если вы в то же время прочтете о тысячах рабочих, осужденных за участие в «восстаниях» и «беспорядках» именно по приговорам исключительных судов? Стоит вам прочесть ст. 105 той же конституции, чтобы убедиться, что правило «о недопустимости исключительных судов» «не распространяется на законоположения о военных и военно-полевых судах», а президенту республики, сверх того, принадлежит право отмены всяких гарантий и т. д.

Таково общее положение всех демократий со времени возникновения теории разделения властей: независимый, несменяемый, справедливый суд! Но что означает справедливость в классовом обществе? Классовую «справедливость» и только! И лучшую критику судейской независимости дала Парижская Коммуна. Мы в «Гражданской войне» К. Маркса читаем: «Судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость... Они должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми».

Одной из самых трудных проблем пролетарской революции всюду будет вопрос о пролетарском следствии и суде.

Не потому, чтобы эта область относилась к самым важным функциям государства (об этом можно спорить), но потому, что она представляет исключительные трудности разрешения. Я уже неоднократно указывал на то, как медленно нам в 1917 г. удалось убедить своих собственных товарищей в правительстве, что необходимо провести решительную ломку суда. Колеблющиеся товарищи при этом ссылались на отсутствие новых законов. И когда я, уже после решения об отмене старого суда, предлагал делегации судебных деятелей Петербурга, состоящей из наиболее честных представителей прежней магистратуры, использовать наш декрет о допущении их к судейским должностям в новом суде, они мне с недоумением ответили то же самое: «Да, у вас же нет законов!». Это был честный ответ, ибо они со своим классовым сознанием буржуазии и буржуазным мировоззрением без декретов пролетарских (да и с такими декретами) за судейским столом могли быть только судьями старого режима, т. е. буржуазии.

Сами массы трудящихся легче решили этот вопрос. Еще до Октябрьской революции их недоверие к старому суду вырвалось наружу тем, что они стали просто бойкотировать старый и устраивать революционный суд, напр., в Выборгском районе в Ленинграде, в Кронштадте и в др. местах. Министерству Керенского пришлось еще до того сделать уступку и посадить к старым мировым судьям по одному заседателю из рабочих и солдат. Но эту меру Временное правительство под давлением буржуазии вскоре отменило. Мы знаем отношение масс к зданиям и канцеляриям царских судебных мест (их сжигали!), к этим фабрикам «суда скорого и милостивого», но строго классового, в феврале 1917 г. А после Октябрьской революции «Следственная комиссия при Реввоенном Комитете» была органом, к которому люди обращались по всем делам, начиная от политических и уголовных и кончая гражданскими и даже бракоразводными.

Дней через 10 в правительстве победила мысль «Декрета о суде № 1», т. е. об отмене всех прежних судов и об образовании единого народного суда из рабочих, т. е. одного народного судьи и двух заседателей, главным руководителем которого должно быть его классовое сознание. В эту первую эпоху, конечно, трудно говорить о применении закона и о законности, разве только об известной правомерности. Суд революционной эпохи выполняет одновременно в большей или меньшей степени роль правотворческую.

Эту мысль должны будут позаимствовать у нас все пролетарские революции, по крайней мере на первое время. Но если при быстром течении революции, когда революционный народ сжег все законы и провел решительно общую национализацию, общегражданские отношения настолько упрощаются, что, действительно, достаточно одного классового сознания, чтобы здравым умом решать их справедливо с точки зрения победившего класса пролетариата,—то значительно труднее найти соответствующих следователей.

Хороший судебный следователь, это — «спец», обладающий большим опытом и недюжинными способностями. Таких быстро создать нет возможности. Старые же следователи, как в громадном большинстве своем сознательные члены класса буржуазии, конечно, не могут быть следователями против членов своего же класса, а еще меньше—против трудящихся. С другой стороны, у революционных рабочих, по крайней мере первого периода, было столько глубокого недоверия к представителям старой следственной власти, что попытки провести в следственные комиссии наиболее честных бывших судебных следователей не удались. Если общеследственная часть старого режима была технически плоха, то новая, конечно, чисто технически отставала от прежней.

Но с некоторым отступлением при нэпе мы внесли вновь осложнения и в гражданские правовые отношения. Это осложняет и роль суда. Октябрьская сессия ВЦИК 1922 г. постановила ввести единую систему судебных учреждений для всей РСФСР с Верховным судом РСФСР во главе. Верхов-

ный суд РСФСР действовал как объединяющий орган над всеми судами Республики. В нем концентрирован верховный судебный надзор в лице верховной кассационной инстанции, Уголовной и Гражданской кассационных коллегий.

Верховный суд по судебным делам был подчинен только президиуму ВЦИК, который персонально назначает его состав и в праве отменять его решения. Прокурору Республики принадлежало право только опротестовывать определения Верховного суда во ВЦИК.

Верховный суд РСФСР рассматривал по жалобам сторон, по протестам прокуроров в кассационном или, по собственному почину, в ревизионном порядке все поступающие к нему дела краевых, областных и главсудов, а по истребованию прокурора РСФСР или председателя Верховного суда любое дело любого суда (значит, и нарсуда) на территории Республики. Пленуму, а ныне президиуму Верховного суда, сверх того, принадлежит право разъяснений по судебной практике, имеющим обязательную силу для всех судов Республики.

В целях приближения суда к населению нарсуду ныне переданы почти все категории уголовных дел, права Верхсуда почти полностью переданы областным, краевым и главсудам. Отношение Верхсуда к НКЮ изложено дальше.

2. ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Органом надзора за законностью является у нас государственная прокуратура. В первые месяцы революции этот надзор был предоставлен самим гражданам, а с введением института правозаступников как обвинение, так и защита возлагались на них. Впервые особая должность публичного обвинителя создается в 1918 г. при Трибунале. Мысль о государственной прокуратуре возникла лишь с переходом к нэпу, и мы видели, какое живое участие в создании прокуратуры принял сам Ленин в 1922 г.

На прокуратуру возлагается:

1. Надзор от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозучреждений, общественных и частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного обвинения (в суде) и опротестования нарушающих закон постановлений (перед надлежащими учреждениями).
2. Наблюдение за следствием и дознанием, не исключая ГПУ.
3. Поддержание обвинения на суде.
4. Наблюдение за содержанием под стражею.

Из перечня вытекают очень широкие права прокуратуры как по уголовным, так и по гражданским делам (право предъявлять иски в защиту граждан и опротестовывать и приостанавливать в лице прокурора Республики даже вступившие в силу решения по гражданским делам).

Прокуратура имеет право присутствовать во всех заседаниях, не исключая Совнаркома, местных исполкомов и т. д.

Прокуратура является организациею, ограничивающеюся союзною республикою; общесоюзного прокурора пока нет, а есть лишь прокурор при Верховном суде Союза для надзора за законностью конституционной.

Прокурором Республики по закону раньше состоял Наркомюст, ныне в РСФСР его заместитель. На местах— местные прокуроры и их помощники, назначаемые прокурором Республики, т. е. из центра.

Автономные республики имеют своих прокуроров республики, не подчиненных прокурору РСФСР.

Военная прокуратура по всему Союзу подчинена непосредственно прокуратуре Верховного суда Союза, в составе которого находится военная коллегия, как высшая военно-судебная инстанция и орган надзора за всеми военными трибуналами. Ныне при Верхсуде Союза состоит и транспортная коллегия как высшая инстанция по уголовным делам по транспорту.

IX. СОВЕТСКИЙ АППАРАТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Я отбрасываю название «исполнительная власть», ибо оно совершенно устарело и, во всяком случае, к советской системе неприменимо. Если относительно прокуратуры или суда еще можно сказать, что они только применяют или исполняют законы, то и это лишь с оговоркою, ибо и прокуратура и суд имеют право, хотя и в исключительных случаях, применять не один закон, но и принцип целесообразности (прекращая, например, уголовные дела по нецелесообразности их), руководствоваться общею политикою рабоче-крестьянского правительства (ст. 4 и 237 ГПК) и т. д. Но относительно всего остального государственного аппарата сказать, что он лишь исполняет законы или распоряжения верховной власти, было бы совершенно ложным представлением, основанным на пресловутой теории разделения властей. Он является *аппаратом управления* государством в буквальном смысле слова, а не просто аппаратом исполнения декретов или указов.

Обращаясь к изучению нашего госаппарата, мы, соответственно всему сказанному, должны избрать другую систему, чем прежде. О партии и роли партии я уже говорил, и более подробное рассмотрение ее построения выходит за пределы моей задачи.

Я поэтому начинаю с Госплана, определяющего план всего управления. За ним идет Рабкрин, как посредствующее звено между партией и госаппаратом и как орган, на котором лежит правильная и рациональная организация всего остального аппарата. Я перехожу вслед за тем к Наркоминделу, как органу представительства Советского государства, затем к СТО, вокруг которого группируются хозяйственные наркоматы, далее к органам внешней и внутренней обороны (армии и ГПУ) и, наконец, к аппарату исполнения культурных задач и некоторым вспомогательным госорганам. Я оговариваюсь, что эта группировка пока у нас в жизни недостаточно ярко выражена, но что эта тенденция намечается очень серьезно и с каждым днем проявляется сильнее.

А. ОБЩЕСОЮЗНЫЙ АППАРАТ УПРАВЛЕНИЯ

а. Государственная плановая комиссия (Госплана)

Председатель Госплана ныне введен в состав Совнаркома Союза и сама Плановая комиссия стала самостоятельной комиссией при Совнаркоме Союза. VI Всесоюзный съезд советов отмечает этот факт словами:

«Рост социалистического сектора как в производстве, так и товарообороте, получившего в результате последовательного осуществления индустриализации страны и колхозно-совхозного строительства абсолютный перевес в народном хозяйстве, дал возможность перейти к высшим формам ведения планового хозяйства—к единому народнохозяйственному плану и единому финансовому плану. Усилилось значение и роль плановых органов, в том числе Государственной плановой комиссии Союза ССР, которая из комиссии СТО преобразована в комиссию Совета народных комиссаров Союза ССР на правах самостоятельного наркомата, с включением в нее Центрального статистического управления, причем председатель Госплана утверждается ЦИК Союза ССР».

Что означает Госплан вообще, какое это достижение и трудное достижение, мы верно оценим, выслушав слова Ленина на докладе о Брестском мире (7/III 1918 г)[1]:

«Задача победы над внутренним врагом была в высшей степени легкой задачей. Задача создания политической власти была в высшей степени легка, ибо массы дали нам скелет, основу этой власти. Республика советов родилась сразу. Но оставались еще две гигантской трудности задачи, решение которых никоим образом, не могло быть тем триумфальным шествием, каким шла в первые месяцы наша революция,—«у нас не было и быть не могло сомнения, что дальнейшая социалистическая революция станет перед задачами гигантской трудности: вопервых, это были задачи внутренней организации, стоящие перед всякой социалистической революцией. Отличие социалистической революции от буржуазной состоит именно в том, что во втором случае есть готовые формы капиталистических отношений, а советская—пролетарская—власть этих готовых отношений не получает, если не брать самых развитых форм капитализма, которые, в сущности, охватили небольшие верхушки промышленности и совсем мало еще затронули земледелие. Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение своего государственного экономического механизма в единую крупную машину, хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом,—вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи. По нынешним условиям труда она никоим образом не допускала решения на «ура», подобно тому, как нам удавалось решить задачи гражданской войны».

Впервые плановая комиссия под названием электрификационной возникла по знаменитой резолюции ВЦИК от 2—7/II 1920 г. по предложению Ленина о Гоэлро:

«Наряду с ближайшими насущнейшими, неотложными и первоочередными задачами по устройству транспорта, устранению кризисов в топливе и продовольствии, борьбе с эпидемиями, организации дисциплинированных армий труда, для Советской России

[1] Исправлен текст по последнему изданию Соч. Ленина, т. XXII, стр. 315—316.

впервые представляется возможность приступить к более планомерному хозяйственному строительству, к научной выработке и последовательному проведению в жизнь государственного плана всего народного хозяйства».

А когда по поводу первого доклада Гоэлро раздавались критики видных коммунистов, Ленин 21 февр. 1921 г. им ответил очень резко:

«Научная выработка государственного плана всего народного хозяйства»,—можно ли не понять этих слов, этого решения нашей высшей власти? Если кичащиеся перед «спецами» своим коммунизмом литераторы и сановники не знают этого решения, то остается только напомнить им, что незнание (наших же законов) не есть аргумент».

С тех пор Плановая комиссия получила дальнейшее развитие. Пока она действовала, так сказать, вне остального госаппарата, она потерпела и от известных вредителей. В муках у нее родились планы пятилетки, «подготовки социализма», которая сейчас осуществляется, а затем и генеральный план социализма. Соответственно тому Госплан получил и соответственное место, как «комиссия при Совнаркоме Союза», с введением ее председателя на правах наркома в СНК с правом решающего голоса.

При совнаркомах союзных республик имеются свои госпланы.

б. Комиссии исполнения при Совнаркоме СССР

Это учреждение образовано накануне 1931 г., «в целях обеспечения проведения поставленных задач социалистического строительства и организации проверки фактического исполнения директив правительства», особенно имея в виду «укрепление советской дисциплины» в госучреждениях и предприятиях, «борьбу с бюрократизмом, связывающим растущую инициативу рабочих масс и трудящихся деревни». Это—выполнение одного из лозунгов Ленина последних его лет: «центр тяжести перенести на подбор людей, на проверку фактического исполнения».

Председателем комиссии является председатель Совнаркома, заместителем—НК РКИ, а секретарем—один из секретарей ЦК ВКП(б), в состав входят председатель ВЦСПС и председатель Колхозцентра.

Соответствующие комиссии образуются и при СНК союзных и автономных республик и при краевых и областных исполкомах.

Б. НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ИНСПЕКЦИИ (РКИ)

Рабкрин, прежде чем, по политическому завещанию Ленина, превратиться в «основной орган советской власти по проведению в жизнь мероприятий к усовершенствованию госаппарата, полному овладению им и приспособлению его к задачам социалистического строительства» (см. Положение от 12 ноября 1923 г.),

имел довольно продолжительную историю. В конституции 10 июля 1918 г. его называли Наркоматом государственного контроля, и к нему перешли фунукции дореволюционного госконтроля. Контроль был наиболее бюрократическим учреждением и оказался более тормозом, чем содействием советской работе. В то же время нужда в действительном контроле была крайне чувствительна. Сами рабочие выдвинули идею особой пролетарской инспекции с значительным количеством участников из пролетарских масс, которая, производя обследования московских предприятий, проявила революционно-классовую инициативу. Тогда и была выдвинута идея замены бюрократического госконтроля рабочей инспекцией, и в результате состоялось примирительное разрешение вопроса, по которому оба учреждения объединились под названием Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции. Таким образом Рабкрин был заражен бюрократическим Госконом, а Госкон освежен рабочими массами Рабкрина. Но в действительности получился результат, о котором Ленин мог лишь сказать: «Наркомат Рабкрина не пользуется сейчас ни тенью авторитета. Все знают, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрина, нет и что при современных условиях с этого Наркомата нечего и спрашивать». Он говорит даже о таком «безнадежном деле, как Рабкрин». Но Ленин смело предлагает из него «через несколько лет выработать учреждение, которое, во-первых, само должно быть образцовым, во-вторых, всем внушать доверие». Задача реорганизованного Рабкрина—поставить один образцовый наркомаг, но «этот один наркомат должен определить собой весь наш госаппарат в целом». Работа должна быть проведена с выдержкой («лучше меньше, да лучше») и на строго научных началах.

В основу этой мысли Лениным кладется предложение: соединить в единое учреждение—партийную Центральную контрольную комиссию (ЦКК) с Рабоче-крестьянской инспекцией (РКИ). Ленин, прежде всего, отвечает на ожидаемые возражения о неудобстве соединения партийного и советского учреждения. «Как мы действовали в более опасные моменты гражданской войны?»—спрашивает Ленин и отвечает: «Мы сосредоточили лучшие наши партийные силы в Красной армии; мы прибегали к мобилизации лучших из наших работников; мы обращались за поисками новых сил туда, где лежит наиболее глубокий корень нашей диктатуры». «Почему бы, в самом деле, не соединить те и другие (т. е. советское и партийное учреждения), если это требуется интересом дела. Разве кто-либо не замечал когда-либо, что в таком комиссариате, как Наркоминдел, подобное соединение приносит чрезвычайную пользу и практикуется с самого его начала? Разве в Политбюро (ЦК) не обсуждаются с партийной точки зрения многие мелкие и крупные вопросы о «ходах» с нашей стороны в ответ на «ходы» заграничных держав?.. Разве это гибкое соединение советского аппарата с партийным не является источником чрезвычайной силы в нашей политике?» «А ведь

Рабкрин и посвящен всему нашему государственному аппарату, и деятельность его должна касаться всех и всяких без всякого изъятия государственных учреждений, и местных, и центральных, и торговых, и чисто чиновничьих, и учебных, и архивных, и театральных и т. д.,—одним словом, всех без малейшего изъятия. Почему же для учреждения с таким широким размахом, для которого, кроме того, требуется еще чрезвычайная гибкость форм деятельности, почему же для него не допустить своеобразного слияния контрольного партийного учреждения с контрольным советским?»[1].

Соответственно этому политическому завещанию Ленина на XII съезде партии и была выполнена реорганизация ЦКК и РКИ.

Президиум ЦКК избирается пленумом ЦКК из «работников цекистского типа». Нарком Рабкрина назначается ЦК партии по возможности из состава президиума ЦКК. Параллельно в состав коллегии Наркомата должны войти несколько членов президиума ЦКК. Не менее половины остальных членов ЦКК делегируются для работы РКИ и в области выполнения возложенных на них советских заданий работают под руководством коллегии РКИ согласно директивам инструкции и положению о совместной работе, вырабатываемым президиумом ЦКК вместе с коллегией наркомата и утверждаемым ЦК партии.

Пленарные собрания ЦКК происходят непосредственно перед пленумом ЦК. ЦК партии делегирует на пленарные заседания ЦКК своих представителей с совещательным голосом.

Предложения относительно необходимых изменений и мероприятия по усовершенствованию госаппарата, хозяйственно-административной работы и пр., а также касающиеся замены руководящих работников на местах и в центре, ЦКК через свой президиум вносит в ЦК партии—пленум, полит- и оргбюро, соответственно характеру вопроса.

Все основные вопросы, касающиеся работы РКИ и улучшения государственного аппарата, а также главнейшие практические мероприятия и распределение членов ЦКК для работы в РКИ подлежат обсуждению на постоянных совместных совещаниях президиума ЦКК и коллегии РКИ, созываемых периодически не реже двух раз в месяц.

Вновь образованная коллегия РКИ поставила себе целью прежде всего преобразовать свой аппарат и выработать свой план (см. Положение об этом наркомате).

Задачи ставятся чрезвычайно широко.

В первую очередь—это изучение и исправление нашего госаппарата, особенно там, где он приходит в соприкосновение с населением; руководство и объединение работы всех учреждений по научной организации труда, производства и тех-

[1] Ленин, XVIII, 2, стр. 133.

ники управления, с образованием особых ячеек содействия по улучшению аппарата; тщательное изучение бюджета, производственного плана и производительности труда; изучение и обследование преступлений и бесхозяйственности госорганов, постановка счетоводства и отчетности и т. д., и т. д.

РКИ имеет право не только делать ревизии и требовать всяких сведений, но тут же требовать и устранения недостатков или виновных лиц, предлагать улучшения и налагать дисциплинарные взыскания; право участия в заседаниях как высших, так и низших органов, созыв совещаний, приостановка злоупотреблений и т. д.,—значит, не только ревизия, но и устранение замеченных ревизиею недостатков; предъявление даже от своего имени исков об убытках.

Кроме коллегии, РКИ имеет 4 центральных управления:

а) оперативное управление, из отдельных инспекций (промышленной, торговой и т. д.);

б) по улучшению госаппарата, из двух секций: 1) труда и производства и 2) управления и техники;

в) по счетоводству и

г) общее управление (секретариат, организационно-инструкторский и хоз. финотдел).

В. ВНЕШНЕЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОВВЛАСТИ (НАРКОМИНДЕЛ)

Внешнее представительство лежит на верховном органе власти—на ЦИК Союза и его Президиуме. Вопросы о мире и войне, о государственных договорах и т. д. сосредоточены здесь с предварительным их обсуждением в Совнаркоме. При отсутствии личного «главы государства» торжественный прием заграничных представителей, принятие от них верительных грамот и т. д. лежат по установившемуся порядку на одном из председателей Президиума ЦИК Союза (по очереди). Исполнительным органом центральной власти в этом отношении является Наркоминдел.

Наркоминдел осуществляет дипломатические сношения Союза ССР и входящих в Союз республик с другими государствами. В этом отношении НКИД является посредником между высшими органами Союза (Президиумом ЦИКС и Совнаркомом) и представителями других государств.

Его задачи:

а) защита внешних политических и экономических интересов Союза, а также находящихся за границею граждан Союза;

б) выполнение постановлений о заключении договоров и соглашений с иностранными государствами;

в) и г) руководство проведением в жизнь заключенных с иностранными государствами договоров, наблюдение за выполнением и содействие соответствующим учреждениям Союза

и отдельных республик в осуществлении ими прав, установленных этими договорами.

Вся связь с заграницею идет через НКИД. Он имеет своих уполномоченных и в совнаркомах союзных республик и, кроме того, своих агентов в портовых городах. Полномочные представители Союза при иностранных правительствах хотя и утверждаются Президиумом ЦИК, но их работою руководит нарком. Прочие представители назначаются смотря по важности их, либо Совнаркомом Союза, либо Наркоминделом.

Г. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ КОМИССАРИАТЫ СОЮЗА

а. Совет труда и обороны (СТО) как объединяющий орган

Ввести единый план во все народное хозяйство советского государства, как основу перехода к социализму, было основною задачею советской власти. Поэтому еще 5 декабря 1917 г. был опубликован декрет о Высшем совете народного хозяйства, задачей которого была объявлена «организация народного хозяйства и гос. финансов». С этой целью Совет вырабатывает общие нормы и план регулирования экономической жизни страны, согласует и объединяет деятельность центральных и местных регулирующих учреждений и т. д. Как известно, ВСНХ шел по другой дороге и со временем превратился в нарком, на котором лежало главным образом руководство промышленностью, а руководство гос. хозяйством и ведение планового хозяйства в целом выпало на долю органа, развившегося постепенно.

30 ноября 1918 г., когда, ввиду угрожавшей опасности, Советская Россия была объявлена военным лагерем, полнота прав по мобилизации сил и средств страны в интересах обороны была передана вновь образованному Совету рабочей и крестьянской обороны. С ослаблением внешнего фронта и переводом армии на трудовые занятия на Совет обороны были возложены новые обязанности с прибавлением в названии слова «труд»: Совет труда и обороны (СТО). СТО считался комиссией при СНК и означал сначала ускорение и упрощение прохождения вопросов, но вскоре оказался параллелизм работы, разграничение которой было проведено в 1922 г., причем на СТО были возложены: единый хозяйственный план РСФСР и проекты постановлений, содержащие нормы, направленные к объединению и усилению деятельности экономических наркоматов, или проведение в жизнь отдельных мероприятий экономических наркоматов, доклады об обороне страны и отчеты экономических комиссариатов, ВЦСПС и Центросоюза. С образованием Союза ССР единство государственного хозяйственного плана приняло общесоюзные размеры и вслед за утверждением союзного договора было принято постановление об образовании единого для Союза Совета труда и обороны.

Задача СТО Союза—осуществление хозяйственного и финансового планов Союза, корректирование их в соответствии с эко-

номическою и политическою обстановкою, а также ближайшее руководство наркоматами в области мероприятий хозяйственных и по обороне Республики. Его состав не имеет междуведомственного характера.

Роль СТО чрезвычайно поднялась с введением в его состав в начале 1931 г. генерального секретаря партии, одновременно продолжая начатое по РКИ соединение партийных и советских функций.

СТО, под председательством председателя Совнаркома, состоит из членов, персонально назначаемых СНК Союза. Он руководит экономическими совещаниями союзных республик и комиссиями при СТО (напр. Концесс. Ком.). Постановления, распоряжения и инструкции его обязательны для всех центральных и местных органов власти, но могут быть обжалованы и приостановлены или отменены Совнаркомом Союза.

СТО работает по единству хозяйства Союза, разрабатывая и предварительно рассматривая промышленно-финансовый план Союза, общесоюзный бюджет, регулирует имущественные споры между гос. учреждениями и гос. предприятиями и т. д.

Я уже говорил, что это объединение хозяйственных наркоматов вокруг и под руководством СТО пока находится только в первой стадии развития; в союзных республиках им соответствует Экосо—прежний СТО. Мы роль республиканских хозяйственных комиссариатов рассмотрим в связи с Экосо РСФСР.

б. Отдельные хозяйственные наркоматы Союза

1. Общесоюзные наркоматы

ГОСПЛАН

Председатель Госплана (см. выше) входит в СНК на правах общесоюзного наркома.

НАРКОМАТ ПО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ (НАРКОМВНЕШТОРГ)

Это—общесоюзный наркомат, на который возлагается руководство всей внешней торговлей (монополией), значит, не только разработка общих мероприятий и составление экспортного и импортного плана, но и осуществление этого плана, заведывание таможнями и таможенною политикою, участие в руководстве деятельностью торговых портов и т. д.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ (НКПС)

Это—общесоюзный наркомат. На него возлагается общее руководство и управление всем, находящимся на территории и ведении Союза, железнодорожным и безрельсовым транспортом.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА (НАРКОМВОД)

Наркомвод выделен из НКПС как общесоюзный наркомат и ему поручено управление всем речным и морским транспортом и всем портовым хозяйством.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПОЧТ И ТЕЛЕГРАФОВ (НАРКОМПОЧТЕЛЬ)

Это—общесоюзный наркомат. На него возлагается руководство и управление всеми видами народной связи Союза.

2. Объединенные наркоматы

ВЫСШИЙ СОВЕТ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА (ВСНХ) СОЮЗА

Это—объединеный наркомат, состав которого ныне назначается, как во всех наркоматах. На Высший совет народного хозяйства Союза возлагается в пределах, установленных основным законом Союза, регулирование, руководство и управление общесоюзной промышленностью и директивное руководство ВСНХ союзных республик, а равно подведомственными ему торговыми предприятиями, в том числе наблюдение и за кооперативною и частною промышленностью, составление производственного плана, разработка вопросов рационализации производства, ведение промышленной статистики, созыв съездов и составление бюджета промышленности, а равно и издание обязательных правил, регулирующих промышленность вообще, как государственную, так и частную, и т. д. Роль народного комиссара принадлежит его председателю, а роль коллегии играет президиум.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ФИНАНСОВ (НАРКОМФИН)

Это—объединенный наркомат Союза. На нем лежит руководство финансовым делом Союза и объединение финансовой политики, в том числе распоряжение металлическим и валютным фондом, организация и регулирование системы денежного обращения, составление проекта бюджета и контроль его проведения, регулирование государственного и коммунального кредита, банковое дело (с Госбанком во главе), общегосударственные налоги и т. д.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ТРУДА (НАРКОМТРУД)

Объединенный наркомат. На него возлагается регулирование условий труда на территории всего Союза. С введением нэпа на него возложена большая задача, в том числе регулирование заработной платы, охраны и рынка труда, тарифно-конфликтные дела, распоряжение общесоюзным фондом социального страхования, проведение общесоюзных мер по соцстрахованию, наблюдение за единообразным применением законодательства о труде, научно-исследовательская работа по вопросам труда и т. д.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ (НАРКОМЗЕМ) СОЮЗА

Переустройство сельского хозяйства на социалистических началах, образование в системе общесоюзных органов колхозных и совхозных органов, колхозных и совхозных объединений и ряда

крупнейших сельскохозяйственных предприятий вызвали необходимость установления единого общесоюзного руководства сельским хозяйством и образования в этих целях Народного комиссариата земледелия Союза ССР.

Это по существу директивный наркомат. Но он имеет по основным своим заданиям право непосредственно сноситься с местными органами НКЗ (при нем Совхозцентр и Колхозцентр). Против этого нового комиссариата долго возражали некоторые работники союзных республик. Бурное развитие колхоздвижения смело это сопротивление.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ СНАБЖЕНИЯ (НАРКОМСНАБ)

Объединенный наркомат. Выделен из общего Наркомата торговым (Наркомторг), с оставлением внешней торговли в ведении общесоюзного Наркомвнешторга. Он ведает внутренним снабжением, в том числе и торговлею.

Д. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБОРОНА

а. Наркомат по Военным и Морским делам (Наркомвоенмор и Красная армия)

Этот общесоюзный наркомат состоит из народного комиссара, а в виде коллегии при нем—Революционного военного совета Союза (Реввоенсовета), состоящего под председательством наркома и заместителя его, главнокомандующего всеми вооруженными силами Союза (Главком) и членов Совета по назначению Совнаркома. По сравнению с другими наркоматами роль Реввоенсовета осложняется вхождением в него Главкома. Главком в пределах директив пользуется полною самостоятельностью во всех вопросах оперативно-стратегических, отдавая отчет наркомиссару и Реввоенсовету.

Этот наркомат ведает на всей территории Союза строительством всех вооруженных сил, их управлением и снабжением. Не перечисляя всех его функций, можно только сказать, что они весьма широки, даже в области издания обязательных постановлений и особого суда (военные трибуналы).

б. Рабоче-крестьянская Красная армия (РККА)

Оборона социалистического отечества от внешнего и внутреннего классового врага впервые в массовом масштабе создала вопрос о систематическом и организационном вооружении трудящихся. Задачи этого особого типа войны—гражданской войны в международном масштабе—выдвинули и новый тип армии.

Энгельс в своем «Анти-Дюринге» относительно дореволюционной французской армии замечает, что она была «военным слепком с абсолютизма». «Только такая революция, как французская,—говорит он,—могла изобрести массовую армию и в то же время

найти для нее свободные формы движения,—военную силу, сумевшую разбить сражавшуюся в рядах союзных войск старую неуклюжую армию, представляющую собой военный слепок с абсолютизма».

Вот таким «военным слепком» с советского строя только и может быть советская армия.

В буржуазном строе государственная власть оторвана от народа, стоит над народом. Буржуазная армия, этот «военный слепок» с буржуазного строя, также оторвана от народа, противопоставлена ему, как орудие принуждения в руках буржуазии, стоит над народом. В советском строе государственная власть есть власть самого народа, власть подавляющего большинства народа, рабочих и крестьян. И советская армия, этот «военный слепок» с советского строя, не может быть не чем иным, как армией народной, армией рабочих и крестьян, армией, которая не стоит над народом.

Чтобы понять ее построение, мы должны вкратце остановиться на ее возникновении и развитии. Сказанное сейчас предопределяет направление этой работы: на первом месте—пролетаризация состава армии как массы; на втором—пролетаризация, вернее, большевизация командного состава. Как и при абсолютизме, так и в буржуазном государстве армия в массе также состояла из трудящихся, которые под дисциплиною палки, проводимою командным составом из крепостников-феодалов или из буржуазной интеллигенции, защищали власть своих же угнетателей. Рабоче-крестьянская армия должна иметь и командный состав из трудящихся.

Наша рабоче-крестьянская Красная армия (РККА) родилась на четвертый месяц существования советской власти (годовщина 23 февраля) и представляет собою вполне однородное с нею пролетарско-классовое учреждение. Ее предшественницею была Красная гвардия, возникшая отчасти стихийно еще до октября 1917 г. на началах добровольного поступления, отчасти в виде партизанщины. Декретом от 23 февраля 1918 г. было объявлено о создании Красной армии на строго классовых началах, но вначале также из добровольцев: «из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся масс». Новая армия является фундаментом для замены постоянной армии всенародным вооружением. 29 мая 1918 года, однако, пришлось нам перейти от добровольческой армии ко всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян. Но и тут, как во всей советской системе, основное ядро образовалось из мобилизации коммунистов и наиболее сознательных и энергичных профработников. Внешний и внутренний фронт заставил расширить численность Красной армии от 200 000 весной 1918 г. до 1 250 000 в 1919 г. и 5 300 000 в 1920 г. Лишь в 1924 г. эта цифра упала вновь до 600 000 чел. на основах всеобщей воинской повинности. В то же время мы уже серьезно начали ставить вопрос о милиционной системе, чему особо способствовал более тесный союз пролетариата с крестьянством.

Но мы уже видели, что пролетаризация армии, как массы, составляла только часть (и даже не главную часть) задачи. Ленин формулировал по отношению к «спецам» задачу словами: «Не только подавление сопротивления, не только «нейтрализация», но взятие на работу, принуждение служить пролетариату» (ср. и программу ВКП(б). Командный состав у нас так и состоял из старых спецов, которых пришлось обезвредить приставлением к ним своих комиссаров. Мы знаем, какую существенную роль в Великой французской революции играли комиссары революции в революционной армии, но их задача была много раз легче. Лишь постепенно у нас вырастают кадры вполне надежных спецов из коммунистов или рабочих вообще, и ныне мы, имея свои военные училища, вплоть до Академии Ген. штаба, можем считать этот вопрос в значительной степени решенным.

Одновременно с демобилизацией революционных кадров мы переходим к обязательной воинской повинности для всех граждан мужского пола (общесоюзный закон, «Сбор зак.», № 40, 1930 г. ст. 404).

По этому закону «защита СССР является обязанностью всех граждан Союза», но «оборона Союза с оружием в руках осуществляется только трудящимися, на нетрудовые элементы возлагается выполнение иных обязанностей по обслуживанию обороны Союза». Организации вооруженных сил присвоено название: «Рабоче-крестьянская красная армии СССР», которая разделяется на сухопутные, морские и воздушные силы; в ее состав входят и войска специального назначения: войска ОГПУ и конвойные войска. Всеобщая обязательная военная служба трудящихся устанавливается с 19 до 40 лет и состоит из допризывной подготовки (2 года, с 19—21 г.), действительной службы с 5 лет, с 21—26 г.)) исостояние в запасе (до 40 л.). Днем начала состояния на действительной службе считается день приема призывной Комиссией, а срок службы исчисляется с следующего за этим днем 1 января.

Действительная военная служба состоит: а) из службы в кадровом составе и пребывания в продолжительном отпуску, с привлечением за это время на повторительные курсы, или б) из службы в переменном составе территориальных частей, или в) из обучения не войсковым порядком.

Граждане, состоящие на действительной военной службе, носят почетное звание красного воина (красноармейца или краснофлотца), получают служебную красноармейскую книжку и пользуются известными льготами.

На действительную службу призываются достигшие к 1 января года призыва 21-летнего возраста, причем производится жеребьевка. От жеребьевки освобождаются: окончившие высшие учебные заведения, рабфаки, техникумы, школы 2-й ступени и т. п., отбывающие действительную службу в особом порядке (чрез 2 месяца действительной службы могут поступать в войсковые школы и т. д.). Вводятся льготы по се-

мейному положению и отсрочка для образования. Непринятые на действительную службу, но признанные при освидетельствовании годными, поступают в так называемые территориальные части. Допускается возможность и образования особых национальных частей.

Трудящиеся женщины могут приниматься на военную службу в добровольном порядке.

Существенно новым явлением при РККА является ее Политическое управление в Реввоенсовете (ПУР) как орган, ведающий и руководящий административно-политической и политически-просветительной работой в РККА и флоте. Ему подчинена вся система политически-просветительной работы в армии, которая в дисциплине армии трудящихся играет решающую роль. «Военная смычка с крестьянством»—так была озаглавлена одна статья (т. Гусева) к 5-летнему юбилею [1]. Нельзя найти более подходящего лозунга, чем этот, ибо он объемлет мысль, высказанную Лениным еще в 1918 г.: «Уже создается рабоче-крестьянская армия; она в усадьбах и деревнях—это крестьянское население, вернувшееся к своей земле, вырванной у помещиков. Им есть, что защитить, и, если на Россию обрушится нашествие, мы встретим врага как один человек» (XV, стр. 291). С наступлением гигантского колхозного движения красноармейцы играют громадную роль, давая десятки тысяч обученных трактористов и вообще колхозников.

в. Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ)

В целях объединения революционных усилий союзных республик по борьбе с политической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом учреждается при СНК Союза ОГПУ, председатель которого входит с совещательным голосом в Совнарком Союза и назначается Президиумом ЦИК Союза. ОГПУ руководит ГПУ союзных республик, а равно «особыми отделами» армии. На нем лежит и организация охраны границ Союза, и исполнение всех приговоров с лишением свободы свыше 3 лет. В каждой союзной республике у него свой уполномоченный, имеющий право совещательного голоса в местном совнаркоме. У ОГПУ собственная смета и свои войска. Его представитель входит в состав Верховного суда Союза, но для ОГПУ имеется надзор прокурора Верховного суда Союза в лице особого помощника последнего.

ГПУ заменило в феврале 1922 г. Всероссийскую чрезвычай-

[1] Что вносит рабоче-крестьянская Красная армия в советскую жизнь, покажут несколько цифр. В 1927 г процент бывших красноармейцев в сельсоветах СССР составлял 29,6%, среди председателей сельсоветов 45,7%, в ревизионных комиссиях 27,8% (см. Выборы советов в 1927 г. — «Власть советов», стр. 14). А по официальному докладу Красная армия дала за 3 года 65 000 обученных культработников в деревню (избачей и т. д.), 76 000 коммунистов, 87 000 комсомола, 550 000 грамотных, получив их неграмотными, и т. д.

ную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности (ВЧК).

Так как Рабкрин является объединенным наркоматом, одноименный нарком которого в РСФСР действует по его директивам, то здесь на нем нет надобности останавливаться. То же самое относится к прочим объединенным (хозяйственным) наркоматам Союза и их одноименным наркомам в союзных республиках. Тем менее надобности излагать роль уполномоченных общесоюзных наркомов. Мы ограничимся ролью 6 местных наркомов РСФСР.

О том, что при совнаркоме союзных республик образованы свои госпланы и комиссии исполнения, я уже говорил в отделе об управлении СССР.

С ликвидацией, по постановлению ЦИК и СНК Союза наркоматов внутренних дел, при Совнаркоме РСФСР в целях «специального планового руководства и строгой увязки его со всем местным хозяйством страны и с темпами ее развития» создано особое Главное управление коммунального хозяйства, ныне превращенное в самостоятельный наркомат.

Е. АППАРАТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РСФСР

1. Хозяйственные наркоматы РСФСР

ЭКОСО РСФСР

Мы уже видели, что прежний СТО РСФСР превратили в СТО Союза. Прежний СТО РСФСР переименован в Экосо (экономическое совещание) РСФСР и является в известной степени местным органом СТО. Его задача: согласование всех экономических и хозяйственных мероприятий, проводимых экономическими народными комиссариатами РСФСР.

Его состав: председатель—председатель СНК РСФСР или его заместитель—и наркомы: снабжения, финансов, земледелия, председатель ВСНХ и председатель ВЦСПС. С совещательным голосом участвуют представители и других наркоматов по делам их ведомств, уполномоченные общесоюзных наркоматов, Центросоюза и Госплана. Срок обжалования в 3 дня в Совнарком.

НАРКОМЗЕМ

Наркомзем ныне является одноименным наркоматом Наркомзема СССР. Он имеет своею задачею «развитие и укрепление всех отраслей и видов сельского хозяйства Республики и реорганизацию его в направлении социалистических форм и отношений».

НАРКОМХОЗ (Н. К. КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО)

Ввиду громадных задач по коммунальному хозяйству, эти функции были выделены в особый Наркомат Союзной республики.

2. Культурные и административные наркоматы РСФСР

Далее идут отдельные наркоматы РСФСР, имеющие лишь республиканское значение и не имеющие представительства в союзном правительстве.

НАРКОМЮСТ

По новой конструкции НКЮ имеет целью внести единство в проведении революционной законности и в работе всех органов юстиции (прокуратуры, суда, подготовка законов). К этому присоединены функции Главного управления исполнением приговоров судов по уголовным делам. Его заместителями в этих целях являются: председатель Верхсуда (по судебной линии), прокурор Республики (по прокурорской линии) и начальник ГУМЗа.

НАРКОМПРОС

Народный комиссариат по просвещению ведает всей научной, художественной и учебной деятельностью РСФСР как общего, так и профессионального характера. Этот комиссариат ныне обнимает значительно более широкие задачи, чем прежнее министерство просвещения. Постепенно в этот комиссариат передаются все культурные задачи как гражданского, так и военного и духовного ведомств, все книжное и издательское, как и театральное дело. Ему поручается заведывание и всеми делами б. министерства двора. Далее, Главполитпросвет (Главное управление внешкольного образования и политико-просветительной работы среди взрослых), который объединяет и руководит всей государственно-агитационной и политически-просветительной работой среди взрослых. При нем Главпрофобр (Главное управление по профессиональному образованию) и вся сеть научных учреждений.

НАРКОМЗДРАВ

Рядом с социальным обеспечением и народным просвещением необходимо поставить заботы об охране здоровья населения, каковые функции возложены на Наркомздрав. Здесь концентрируются все мероприятия, имеющие целью поднятие уровня здоровья населения и устранение условий, нарушающих здоровье или влияющих на него.

НАРКОМСОБЕС

Этот комиссариат является новым ведомством. Первоначальное его название было Народный комиссариат социального призрения, он был переименован в Нар. ком. социального обеспечения. С изданием положения о соц. обеспечении (31 октября 1918 г.) он получил широкие полномочия, ибо ему было поручено обеспечение трудящихся за все время неспособности их к труду (по малолетству, болезни, увечью, старости и т. д.)

16*

Нынешнее положение комиссариата, после перехода от соц. обеспечения к социальному страхованию и после передачи социального страхования в ведомство Народного комиссариата труда, весьма сокращено:

а) обеспечение инвалидов и семейств инвалидов, а равно и семейств призванных в Красную армию и лиц комсостава;

б) организация государственной и общественной помощи при стихийных социальных бедствиях;

в) содействие созданию органов социальной взаимопомощи (напр. крест. общ. взаимопомощи) среди сельского населения, ремесленников, кустарей и т. д., а равно руководство и контроль за деятельностью этих органов;

г) организация использования труда инвалидов и т. д.;

д) защита правовых интересов обеспечиваемых.

X. АВТОНОМНЫЕ СОВЕТСКИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСПУБЛИКИ И ОБЛАСТИ

(СТ. СТ. 44—48 КОНСТИТУЦИИ РСФСР)

В Конституции 1918 г. только одна статья (11) предусматривала образование особых областей, как федеральных частей РСФСР.

В новой редакции Конституции целая глава (5 статей) посвящена автономным республикам и областям, уже как факту. Однако, что означает тут слово автономия? Наша советская система, если иногда и слишком поддается перенятой от буржуазии терминологии, в одном осталась верна Ленину, а именно в том, что всякое понятие она всегда ставит вполне конкретно. Говоря об автономии, она имеет в виду не какую-то автономию вообще, но определенную, конкретную автономию—национальную и соответственно тому—культурную. Уже прежняя ст. 11 Конституции говорила о допустимости «автономных областных союзов», «отличающихся особым бытом и национальным составом». Значит, «особый» быт и национальный состав тогда уже считались обязательным условием вхождения территориальных областей на автономно-федеральных основах в Российскую федеративную республику. Значит, в то время как конфедеративные части («союзные республики») из уже фактически сложившихся, более или менее отделившихся республик переходят к федерализму, как к большему сближению, в данном случае, наоборот, происходит противоположный (центробежный) процесс: области «самоопределяются», становятся из централизованных в отношения автономно-федеральные. Это своеобразный процесс. Перефразируя слова Ф. Лассаля, обращенные им когда-то к рабочим Германии: «Вам пока надо доказать, что вы рабочие», нам приходилось иногда говорить нашим бывшим «инородцам»: «Вас пока сперва самих надо убедить в том, что вы нация, народ, имеющие право на свою культуру». До тех пор они не были «иным» народом, но они не были и русскими; для них было изобретено слово «инородцы». Это лишь в редких исключениях (верхи) были кандидаты на поглощение их великорусским народом, чаще всего—«обреченные на медленное вымирание». Это то, что «цивилизованные» народы Запада называют «аборигенами», туземцами завоеванных стран, колоний. Это было особое выражение для «обреченных» на гибель. У них были только «быт» и «просторечие», им надо было сперва внушить, что для их жизни необходимы культура и язык (ли-

тературный) с введением извне, иногда впервые, своего шрифта. Если их верхи иногда и успели уже денационализироваться, обрусеть, низы—трудящиеся—должны были проделать свое культурное не возрождение, а просто рождение.

Без помощи и поддержки братьев—трудящихся остальной России—они этого процесса проделать не могли. Вот чем объясняется их совершенно особое, исключительное положение.

Буржуазные ученые гадают на филологическом происхождении слова «автономия». Автономия—это буквально «самозаконодательствование», значит,—учредительные функции и независимое (не требующее чьего-либо утверждения) законодательство. Сами буржуазные ученые сознаются, что конкретно эти понятия бессодержательны. Чем оно отличается от пресловутого «суверенитета»? Но сама буржуазия более скромна. Она задается разве только определением, чем отличается автономия от обычного самоуправления. Правда, строго различают автономию и просто местное самоуправление, но под первою понимают лишь более широкий вид самоуправления, более всестороннюю самостоятельность «с правом известного рода законодательных функций», но это различие и в буржуазном понимании самоуправления количественно трудно уловимо.

В самоуправлении одни усматривают просто децентрализацию, в противоположность централизму, как «требование большей самостоятельности местных органов для заведывания государственными делами на месте». Другие в самоуправлении подчеркивают «большее (опять-таки сравнительная степень!) допущение участия народа к исполнению государственных функций при управлении местностью» (Кульчицкий). Но все эти крайне неопределенные пояснения, конечно, никакого определенного понятия нам не дают. Ибо где грань большей или меньшей степени самоуправления?

Я уже сказал, что советская автономия имеет конкретное значение. Она стоит на почве экономического и политического единства, централизма, но одновременно за культурную (бытовую), национальную децентрализацию. Но быт превращается в культуру в атмосфере не буржуазной власти, а власти трудящихся; значит, не отчуждает взаимно, а сближает различные нации. А язык, по мере развития, поднимает культуру и превращает людей, не знающих ни одного языка (литературного), в знающих два языка (образовательный minimum), т. е. из разъединяющего момента превращается в объединяющий.

Высшими органами государственной власти в пределах территории каждой автономной советской социалистической республики являются съезды советов, а в период между этими съездами—избираемые ими ЦИК, права которых определяются основным законом (конституцией) каждой автономной советской социалистической республики. Постановле-

ния съездов советов автономных советских социалистических республик могут быть отменяемы и изменяемы Всероссийским центральным исполнительным комитетом советов, а также приостанавливаемы Президиумом Всероссийского центрального исполнительного комитета советов.

Постановления центральных исполнительных комитетов и всех центральных органов автономных советских социалистических республик могут быть отменяемы, изменяемы и приостанавливаемы Всероссийским центральным исполнительным комитетом советов и его Президиумом.

Бесцельно гадать, как пойдет дальнейшее развитие и вскоре ли будет изжито национальное недоверие как препятствие к сближению. Форма автономно-культурного федерализма создает именно форму, в которой, при условии советской власти трудящимся, изживаются эти недоразумения и предубеждения буржуазного, феодального, царского прошлого. На XV съезде участвовали представители 64 национальностей, в том числе лопари, самоеды, тофы, шапсуги...

Автономные республики посылают непосредственно по 5 представителей каждая, а области по 1 в Национальный совет Союза как часть союзной центральной власти.

Отчужденность, и вообще особенности, имеют разные степени, отчего и разнится построение автономии. Общий тип отношений РСФСР к автономным республикам такой же, как отношения Союза к союзным республикам. РСФСР имеет единый ВЦИК и Совнарком для всей федерации. Автономная республика имеет свой съезд советов и ЦИК и свой совнарком из наркоматов, никак не подчиненных (кроме добровольного и разве еще экономического подчинения) одноименным наркоматам РСФСР. Это наркоматы: юстиции, просвещения, здравоохранения, коммунального хозяйства и соц. обеспечения и, кроме того, 6 объединенных комиссариатов (подчиненных директивным одноименным наркоматам РСФСР, которые, в свою очередь, подчинены директивам объединенных наркомов СССР): земледелия, финансов, труда, внутренней торговли, рабкрин, наркомснаб и ВСНХ. «В зависимости от местных бытовых условий цики автономных республик имеют право сократить количество народных комиссаров и соответственно изменить состав Совнаркома» (ст. 47 Конституции). Права центральных органов устанавливаются конституциею автономных республик. В пределах этих прав они имеют право издавать законодательные акты, обязательные на территории автономной республики.

Автономные области, собственно, лишь количественно отличаются от республик. У них Положение заменяет Конституцию; в общем их власть построена по системе исполкомов. Но бытовой или культурный и национальный моменты одинаково действуют и тут. Подчинение Всероссийскому съезду советов, ВЦИК и Совнаркому РСФСР одинаково в силе как для автономных республик, так и автономных областей.

О вхождении автономных республик и автономных областей в краевые объединения речь будет дальше.

В состав СССР сейчас, кроме 7 союзных республик, входят 16 автономных республик и 15 автономных областей; из них в РСФСР—11 автономных республик и 15 автономных областей.

Названия автономных сов. соц. республик РСФСР: Башкирская (Уфа), Татарская (Казань), Казакская (Алма-Ата, б. г. Верный), Дагестанская (Махач-Кала), Крымская (Симферополь), Якутская (Якутск), Карельская (Петрозаводск), Немцев Поволжья (Покровск), Бурято-Монгольская (Верхнеудинск), Киргизская (г. Фрунзе), Чувашская (Чебоксары).

Названия 14 областей: Вотская [1] (Ижевск), Калмыцкая (Элиста), Марийская—Черемиса (Иошкар-ола), Коми-Зырянская (Сыктывкар), Мордовская (Саран), Ойратская (Улала), Адыгейская (Краснодар), Северо-Осетинская (Владикавказ), Ингушская (Владикавкар), Карачаевская (Мик-Шах), Черкесская, Чеченская (Грозный), Хакасская и Кара-Калпакская (Турткула).

Кроме того, объединенная автономная область: Кабардино-Балкарская (Нальчик). Это объединение имеет во главе объединенный исполком, выбранный на началах равенства Кабардою и Балкарией.

Сверх того имеются особые «управления Северных окраин» со своими национальными исполкомами.

---

[1] Ныне по национальному названию: Удмурдская,

XI. ВЛАСТЬ НА МЕСТАХ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

А. ОБЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ВЛАСТИ НА МЕСТАХ

Мы видели вначале, что борьба за «суверенность» государственной власти с местным владычеством дворян-феодалов, завершившаяся современной буржуазной демократией, постепенно привела к максимальной централизации властей: как законодательной, так и особенно исполнительной. Буржуазная революция окончательно распылила все «общество», разрушив все местные связи,—не только в деревне, где вместо прежнего объединения крестьян под властью феодала, как «посредствующего звена» между ним и центральною властью, создалось бесконечное количество независимых мелких крестьянских хозяйств как самостоятельных ячеек, но и в городах, где и семейные трудовые ячейки экономически разрушались капитализмом и где одновременно с отменою цехового строя было запрещено и всякое объединение рабочих (во Французской революции).

Но для проведения мероприятий новой централизованной власти необходимы были представители этой власти на местах, и она для этой цели постепенно стала назначать туда из центра своих особых уполномоченных, или «управляющих»: губернаторов (дословно—именно управляющих), префектов, комиссаров и т. д., с целым штабом подчиненных им и обыкновенно назначаемых ими же чиновников. Бывало, что этих своих представителей центральная власть выбирала из местных людей (местных землевладельцев или капиталистов), и тогда образовывалось, как в Англии, так называемое местное самоуправление по назначению из центра.

Местами, наконец, хозяйственные функции «доверялись» выборному представительству местного населения, но и в этих случаях функции самоуправления считались лишь делегированными, препорученными от центра. Естественно, что между центром и местным самоуправлением возникали бесконечные споры, борьба за власть, как мы это особенно ярко видели у нас на прежних земских самоуправлениях, пока таковые были учреждениями чисто выборными. Но это явление отнюдь не было явлением одной только царской России, но явлением, по крайней мере, общеевропейским, и можно сказать, что этот антагонизм между центральною властью и ее представителями и местным самоуправлением является одной из основных состав-

ных частей современной демократии. Ею возбуждались вздорные иллюзии об особом демократизме местного самоуправления, откуда возникали всякие планы муниципализации, муниципального социализма и т. д., противопоставляемые национализации, государственному капитализму и т. д. Но трезвая действительность показывает, что всякое самоуправление есть лишь составная часть всего аппарата классового господства, к которой в центре относятся с большим или меньшим недоверием, пока идет классовая борьба между классом земельных собственников и капиталистов. На деле вся власть на местах принадлежит представителям, назначенным из центра, а местным самоуправлениям доверяются лишь ограниченные функции, определяемые обыкновенно словами «хозяйственные функции» и заключающиеся главным образом в разных возложенных на них обязанностях, т. е. в исполнении «предначертаний» центральной власти.

Б. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ САМОУПРАВЛЕНИЯ

Чтобы понятие самоуправления и власти на местах стало яснее, я дам краткую справку из буржуазных теорий, сопоставив эти теории с исторической их подоплекой.

Последовательно мы в науке о самоуправлении находим три течения:

1) общественную теорию общины (Ротган, Мауренбрехер, Аренс),

2) органическую теорию (Гирке, Прейс и др.),

3) государственную теорию (Л. Штейн и Р. Гнейст) и разветвление последней на юридическую и политическую. Я только вкратце передам сущность каждого течения в связи с историческими фактами, послужившими базой для каждой из них.

Мы знаем, что Великая французская революция выдвинула в противовес центральному буржуазному правительству местные коммуны. Интересно, что этот новый тип самоуправления получил свое первоначальное оформление в организации, образовавшейся из выборщиков для двухстепенных выборов в центральное представительное собрание. Вещь была простая: отменяемую власть феодала на местах надо было чем-нибудь заменить, а в это пустое место весьма пригодилась организация, образовавшаяся революционным путем из неразошедшихся после выборов выборщиков. Эти коммуны, как известно, сыграли важную роль в Великой революции. Новые самоуправления в несколько сокращенном виде на местах просуществовали до самого переворота Бонапарта[1].

---

[1] Наука вообще так плохо была информирована насчет местной жизни разных стран, что и Маркс и Энгельс впали в ошибку насчет отсутствия самоуправления во Франции, где оно просуществовало со времени Великой революции вплоть до «18 Брюмера» (см. новое издание «Разоблачение насчет процесса коммунистов в Кёльне», Цюрих 1885 г.).

1. Организация общины вошла отсюда в Бельгийскую конституцию [1] и оттуда попала в германскую науку, как общественная теория самоуправления. Эта теория 30—40-х годов прошлого столетия заключается в том, что община является государственной властью, как бы государством по отношению к государству, значит, как бы демократическая федерация общин-государств. Из этого положения вытекает необходимость организации надзора центра за общиной, а для этого надзора создаются единицы высшего порядка. Значит, власть общины — собственная, а не делегированная (препорученная) высшими органами власть. Таково было и первоначальное объединение общин бывших родов или феодальных волостных государств. Эта теория излагает только реальную действительность, наступившую вместе с отменой феодальной местной власти.

2. Экономическое развитие привело к централизации, к образованию все более и более централизованной власти. Как это отразилось в теории? Прежде всего в органической теории самоуправления. Эта теория, как бы она ни была наивна, является большим шагом вперед. Она все государство приравнивает к живому организму. Государство—это сложная личность (Gesammtperson). Низшая его организация—это община. Последняя хотя и является низшим социальным организмом, но обладает целым рядом публично-правовых полномочий, не делегированных от государства, а принадлежащих ей самостоятельно, по собственному праву, как социальному организму. На первый же взгляд видно, что популярность органической теории объясняется именно той постановкой вопроса, благодаря которой получается живая органическая связь между отдельными частями государства, центра и мест, чего механическая общественная теория не дала.

3. Централизм усиливается; община и вообще местное самоуправление превращаются в прислужников центральной власти. Создается новая теория самоуправления — государственная. Самоуправление—это то же государственное управление (Selbstverwaltung-Staatsverwaltung). Нет принципиальной разницы между государственной и местной властью, все общинные дела—государственные, только одни из них—общие, другие—местные. Из представителей этой теории Л. Штейн еще близок к органической школе; он отстаивает выборность местного самоуправления и достаточную самостоятельность его на правах юридического лица публичного права. От Штейна идет направление юридическое: Лабанд, Еллинек и др., у которых от Штейна осталось собственно только то положение, что самоуправление хотя и выборное, имеет права не собственные, а производные, делегированные, препорученные от центра.

[1] Бельгийская конституция 7 февраля 1831 г. повторяет во всем радикальную терминологию французской революции. Поэтому она, утверждая конституционную монархию, прибавляет, что «власть эта королю делегирована (препоручена народом». Но прерогативы (преимущества) ему предоставлены чисто королевски («божьею милостью»).

Другое течение государственной теории самоуправления, политическое, берет свое начало от Р. Гнейста. Гнейст на основании изучения старого английского «самоуправления» приходит к заключению, что сущность правильного самоуправления, мол, заключается в том, что власть на месте осуществляется не через чиновников-бюрократов, но через бесплатно исполняющих свои обязанности почетных представителей мест, каковыми были, например, английские мировые судьи, назначенные королем пожизненно из местных дворян по представляемым ему спискам, на началах повинности. Он против выборных и за почетные должности местного самоуправления. Он называет этот «идеальный английский порядок местного управления» начальственным видом самоуправления. Мы назвали бы его помещичьим или смешанным помещичье-буржуазным (ибо в мировые судьи попадали и фабриканты и капиталисты-землевладельцы) классовым самоуправлением, тогда как первое течение представляет первоначальное буржуазно-демократическое самоуправление. Последователи Гнейста смягчили его теорию, требуя не чисто почетных должностей, но лишь чтобы они были больше почетными должностями, чем профессией, т. е. как бы побочной профессией, и т. д. Сам Гнейст при всей его добросовестности, может быть незаметно для себя, внес в английскую действительность свои германские юнкерские классовые взгляды. Англия не пошла по дороге, указанной ей Гнейстом; напротив, закон 13 августа 1888 года ввел выборные графские советы, но и они свой исполнительный орган выбирают еще совместно со съездом мировых судей.

Эта поправка в английскую систему самоуправления сразу была внесена в САСШ и в английских колониях: в Австралии, Канаде и т. д. Там все должностные лица, как то: губернаторы, судьи и прокуроры и т. д., обыкновенно выборные. Там нет на местах вообще назначенных от центра представителей власти. Местные органы являются одновременно местной властью и исполнительными органами центральной власти. Это действительно своего рода демократия, но строго капиталистически-буржуазная демократия.

Если ознакомиться подробнее с порядком выборов местной общины (township) в САСШ, на общих собраниях (они называются избирательными митингами)[1], то мы там находим много похожего на наши местные советы, только без выделения буржуазии, а, напротив, как раз с перевесом крупной и мелкой буржуазии, а где на местах проникает и власть капитала, там все дела предрешают буржуазные партийные организации («Сau-

[1] См. Фэрли, Местное самоуправление в С.-А. Соед. Штатах, 1910 г. стр. 133. «Живые и поучительные прения — вот наиболее характерная черта таун-митинга. В каждом таком собрании половина всех речей приходится на 4—5 лиц, но каждый имеет свое право делать указания, вносить поправки; иногда даже неизбирателям разрешается делать сообщения, а прения часто бывают весьма интересны...»

cus»—фракции), и общие собрания избирателей превращаются в пустую формальность.

Это и есть тот демократизм, который К. Маркс в своей критике Готской программы противопоставил европейскому бюрократизму, но с тех пор он принял другую форму; атмосфера партийной коррупции, охватившая всю буржуазную Америку, проникла, конечно, и в самоуправление, что ухудшается еще продажностью старых вождей рабочего класса.

Во Франции господствует противоположный тип местного управления—крайний централизм. Имеются местные департаментские и общинные выборные учреждения, но они имеют в значительной степени лишь совещательный характер, ибо утверждение всех постановлений зависит от центра или от представителя центра, префекта, и т. д. Отсюда копировалось всероссийское земство и самоуправление многих других стран. И в этой атмосфере возникла та несколько странная постановка вопроса, что «разрешаемая центром самоуправлению компетенция зависит от того, насколько центральная власть может доверять органам самоуправления». А не наоборот!

Конечно, основной вопрос в каждом самоуправлении—чисто классовый: какие общественные круги призваны, какие интересы представлены в самоуправлении, т. е. каков его классовый состав? Если те же самые, как и в центральной власти, то получается гармония сотрудничества; если нет, то возникает вопрос «о доверии», а вместе с тем и о контроле центра над самоуправлением.

Централизованная буржуазная государственная власть заинтересована лишь в том, чтобы капитализм свободно мог подчинить своему влиянию всю страну, и для этого стремится назначать на места своих политических, административных и судебных представителей для проведения буржуазного правопорядка, буржуазной законности и т. д. Под надзором этих лиц она согласна предоставлять местам известную долю «автономии» по чисто экономическим и лишь иногда политическим вопросам (охрана безопасности буржуазии). Отсюда и фикция противоречия центрального управления и местного управления, игравшая такую роль в спорах о преимуществах муниципализации над национализацией и т. д. (ныне этот спор уже изжит). Так, мы получаем целый ряд типичных примеров систем самоуправления: английское так называемое самоуправление и развившееся из него американское действительное самоуправление, наконец, французский централизм с мнимым самоуправлением. Но при всех этих системах самоуправление и государственное управление относятся как часть к целому в единой организации классового господства, т. е. в государстве. Всякие трения и антагонизмы, вытекающие из различных ступеней развития разных частей страны, в этом ничего не меняют.

В. СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ НА МЕСТАХ

И наш советский край является централизованной властью, ибо централизация еще более необходима при переходе к планомерному хозяйству вместо анархии частного капиталистического хозяйства. Это так называемый демократический централизм.

Но он не имеет, как общее правило, особых представителей центра на местах. Местные советы являются всей властью на местах, т. е. они являются одновременно местной самостоятельной властью и единственными исполнительными органами центра. Тут нечего скрывать, что эта задача чрезвычайно трудно разрешима, да еще в таких грандиозных размерах, при российской отсталости и при крайнем разнообразии местных условий. Но для всякого ясно, что только так может быть решена задача получить работающий без трений громадный аппарат, в котором, как в правильном механизме, согласованы были бы отдельные частицы механизма для общего действия.

Проблема отношений центра и мест вообще является самой сложной проблемой самоуправления, ибо требует согласования самых различных местных и общих интересов. Развитие и осложнение буржуазного общества с ростом капитализма создает массу централизованных, всеобщих интересов, противопоставляемых отдельным местным интересам. С одной стороны, тенденций к чрезмерной централизации, с другой стороны, так называемый местный сепаратизм, «местная колокольня». Известно, что, например, самая действительно демократическая конституция Европы, швейцарская, предусматривает даже экзекуции, т. е. насильственные меры против отдельных кантонов вооруженными силами соседних кантонов по поручению центра. Вполне естественно, что эти явления повторялись и в России, особенно после того как царский и шедший по его стопам режим Львова—Керенского придерживался принципа безусловного подавления силой всякого проявления местного сепаратизма и местной самодеятельности вообще.

Этот местный сепаратизм должен был даже усилиться в первое время после Октябрьской революции, когда чрезвычайно развивались синдикалистские стремления (часто прикрывающие мелкобуржуазное шкурничество), объявляющие железные дороги монополией железнодорожников, пароходы—достоянием водников и т. д. И мы ныне можем с некоторой гордостью констатировать, что эти стремления в хозяйственной области были изжиты. Такая же система в капиталистическом мире проведена в Северной Америке, Канаде, Австралии и некоторых других английских колониях, где также нет на местах назначаемых из центра чиновников, а губернаторы и т. п. представители власти избираются на местах, и местные органы, таким образом, являются не только самостоятельными местными органами, но и исполнительными органами центральной власти. Но там получается согласованный центральный и местный режим буржуазии, клас-

са капиталистов, тогда как только советская система гарантирует единство рабоче-крестьянской власти.

Обращаясь к практической обстановке вопроса у нас, мы как наиболее яркую характеристику буржуазной системы недоверия к местам приведем опыт революционного Временного правительства Львова—Керенского. Сейчас после Февральской революции Временное правительство назначало всюду своих комиссаров из бывших тузов земского и городского самоуправления, невзирая на протесты с мест, выражавшиеся местами даже в арестах этих земско-городских комиссаров и в выборе своих революционных комиссаров. Был созван съезд комиссаров, и на нем лишь при давлении Временного правительства проведен принцип назначения: «вся власть на местах принадлежит комиссарам Временного правительства».

Но одновременно прошла по всей стране волна революционных выборов органов самоуправления. Только под давлением этого факта и с целью сужения функций революционного самоуправления, и то лишь 1 мая 1917 года, появилось постановление о городских выборах, 30 мая—о волостном земстве и 14 июня—о губернских и земских выборах. Наконец 8 июля («Сбор. узак.», 1917 г., ст. 869 и 870) вышли положения о городском и земском самоуправлениях. Эти положения можно назвать самыми позорными актами этого правительства, ибо они ограничились тем, что переработали с чисто внешней стороны прежние царские земские и городовые положения 90-х годов. Кто-то из старых царских чиновников, просмотрев по поручению «революционного» Временного правительства прежние положения, так и написал: «такие-то статьи положения 1892 г. отменить, изменить, дополнить или изложить в следующем виде». Значит, изложить революцию 1917 г. в словах царского режима! Стоит только вычеркнуть эти дополнения—и старая власть на местах восстановлена. И на подобное издевательство решились в то время, когда почти всюду уже образовалась революционная власть на местах! Вместо надзора и утверждения губернатора ввели надзор и утверждение комиссара—и «революционный порядок» был установлен.

Старая система самоуправления состояла в простом перечислении всех дел, «возложенных на земское и городское самоуправления»—без утверждения или с утверждением начальства. Насколько мелочен этот перечень, видно из двух-трех примеров. Городская дума, напр., могла издавать обязательные постановления (следует 34 пункта): «14) о порядке нумерации домов, а также об очистке дворов, об устройстве и содержании помойных ям... и отхожих мест и т. д. и т. п.» [1].

Сопоставьте с этими многословными положениями чрезвычайно простые статьи нашей Советской конституции 1918 и 1925 гг.

[1] Меньшевики из коалиционного правительства (Церетели тогда уже был министром почт и телеграфов) буквально поняли мечты ревизионистов 90-х годов о муниципализации отхожих мест, столь едко высмеянных еще Каутским добрых старых времен.

о предметах ведения органов советской власти на местах. Ст. 64 ныне гласит: «Краевые, областные, районные органы советской власти и их президиумы, а также советы депутатов имеют своей задачей:

а) принятие мер к поднятию данной территории в культурном и хозяйственном отношении и составление местного бюджета;

б) проведение в жизнь постановлений соответствующих высших органов советской власти;

в) разрешение вопросов, имеющих местное для данной территории значение;

г) объединение советской деятельности в пределах данной территории;

д) обеспечение в пределах данной территории революционной законности и охраны государственного порядка и общественной безопасности и

е) обсуждение вопросов общегосударственного значения как по собственному почину, так и по предложению вышестоящих исполнительных комитетов».

Основная мысль этой статьи проста и ясна и заключается в том, что местные съезды, советы и исполкомы являются всей властью на местах (для разрешения всех, а не только хозяйственных вопросов местного значения), а одновременно и единственными исполнительными органами центра на местах. Это означает, что в пределах общего законодательства общих правил и инструкций, местные органы имеют всю местную власть нераздельно: и исполнительную, и судебную (выборы нар. судьей), и в известной мере даже законодательную (местные постановления, на нарушающие общих декретов) и т. д. Правда. Конституция обходит молчанием самый сложный вопрос о пределах местной «автономии», т. е. о тех пределах, которые поставлены центральной властью, но это вполне естественно, раз Конституция лишь «записала то, что завоевано». Распределение функций и пределов властей—это вопрос длительного и диалектического развития. Но Конституция ясно и отчетливо ставит вопрос о единой местной власти, как политической, так и экономической, с правом обсуждения и вопросов общегосударственного значения.

Ст. 65 определяет право контроля съездов и их исполнительных комитетов над деятельностью местных советов всего района, а областным съездом и их исполнительным комитетам кроме того принадлежит право отмены решений действующих в их районе советов с извещением об этом в важнейших случаях центральной советской власти.

Этой простой формулой Конституции, конечно, не исчерпан сложный вопрос компетенции (подведомственности), который и у нас уже имеет свою историю. Первый период нашей власти был, с одной стороны, периодом чрезвычайно широкой местной власти, с другой же стороны—периодом обильного делегирования центром своих ведомственных

представительств и всяких чрезвычайных и регулярных уполномоченных центра на места.

Первое явление было естественным последствием революции. Чем интенсивнее в том или в другом месте была революция, тем она шире развертывала инициативу и свою власть: местные декреты самого общего характера, конфискации, контрибуции и др. налоги и т. д. Это—период разрушения старой власти, естественно создавшей стремление к автономным действиям, сила которого определяла именно степень революционности. (Бывали изредка такие же стремления в обратном направлении, т. е. в направлении контрреволюции.) Второе явление имело две причины: а) вытекающее из системы централизации вмешательство центра в местные дела (пока за отсутствием общих декретов—чисто фактическое), б) вытекающее из перенятой от старой власти системы ведомств чисто бюрократическое стремление механически подчинять себе места. Вмешательство центра, значит, происходило или путем уполномоченных или, с установлением более или менее правильной сметной системы, путем ведомственной бюджетной зависимости местных отделов. Эта последняя зависимость осуществлялась просто тем, что отдельные народные комиссары назначали или, по крайней мере, влияли на назначение заведующих, а то и всего состава соответствующих местных отделов, и держали эти отделы в зависимости от народного комиссариата путем сметы: не выполнил того или иного требования, наказа или т. п.—угроза закрыть кредит. Надо признаться, что известная доля вины падает на неловкую формулировку старой 63 статьи Конституции, что «при советах образуются (местные) отделы», вместо того чтобы сказать, что исполком образует отделы (нынешняя статья 57) или что его аппарат состоит из отделов. Все эти явления были сначала чисто фактического характера, и только из опыта вырастают те два определенных и противоположных течения, которые дали себя почувствовать с первого же дня успокоения фронта и которые кончились известным компромиссом на IX партийном и на VII, VIII и IX Всероссийских съездах советов.

О борьбе против бюрократизма мы уже говорили выше. Здесь мы вкратце отметим лишь борьбу за местную инициативу, за местный контроль и за местную власть. Эти требования многим показались чуть ли не контрреволюцией, по крайней мере, влиянием крестьянства, т. е., по тогдашнему пониманию, мелкобуржуазной стихии. Нельзя отрицать, что и такие причины играли известную роль, но корнем этой борьбы была просто борьба за местную советскую власть, которая весьма многим товарищам, застрявшим в прежней идеологии, показалась запретною, не говоря уже об удобствах прежней системы для бюрократа-централиста: нажать кредитную кнопку, и готово, а то переписывайся, агитируй и т. д.

Но революция не признает легких решений вопросов; она является суровым и беспощадным критиком. И решения VII и VIII съездов советов являются тому ярким доказательством. То,

что робко прошло на VII съезде, было решительно подтверждено на VIII и IX. Решение, как я уже сказал, было компромиссным. Но если можно говорить о демократическом централизме, как системе, то он осуществляется именно в советском строе.

Основные принципы достигнутого компромисса между центром и местами заключались:

1. В определенной и окончательной формулировке положения, что местные советы и съезды, а между съездами и исполкомы, являются высшими органами власти на местах, а одновременно и единственными исполнительными органами центра, причем центральные управления, по общему правилу, ведут все дела через местные советы и их отделы, упраздняя неподведомственные местным советам отделения и специальные управления (не исключая и временных для ударных работ).

2. Исключения из этого принципа допускаются лишь по постановлению ВЦИК или его Президиума для отдельных учреждений, а затем отдельных ведомств, как, напр., военного, железнодорожного и т. п., и для трестированных и особо важных государственных предприятий, и впредь подчиненных своим центральным правлениям, а ныне для ведомств общесоюзных наркоматов. Но край(обл)исполком имеет право контролировать и ревизовать деятельность всех правительственных учреждений, как временного, так и постоянного характера, не входящих в состав исполкомов (за исключением армии), немедленно доводя об этом до сведения соответствующего центрального управления.

3. Для исполнения всей местной работы и для проведения постановлений вышестоящих исполкомов и центральной власти исполкомы образуют соответствующие отделы и ставят во главе их избираемых исполкомом заведующих, причем соответствующий народный комиссар имеет право отвода. В случае разногласия вопрос решает Президиум ВЦИК.

4. Непосредственно исполкомам и их президиумам могут давать предписания только вышестоящие исполкомы (в том числе ВЦИК) и их президиумы и Совнарком. Им же только, а равно и вышестоящим съездам, разрешается отменять постановления местных съездов, исполкомов и их президиумов.

5. Наркомиссары и отделы делают свои ведомственные распоряжения соответственным отделам, но все распоряжения, имеющие особо важное значение, одновременно сообщаются ими исполкому, который следит за правильным и своевременным их исполнением.

6. Отделы исполкомов состоят, таким образом, в двойном подчинении: местному исполкому и соответствующему наркомиссару. Отдел должен исполнять распоряжения наркомиссариата или вышестоящего исполкома и его отдела, но если он

находит их невыполнимыми, то он о том сообщает президиуму исполкома, который, не приостанавливая проведения в жизнь, свои соображения об отмене представляет: крайисполком—в Совнарком или ВЦИК, райисполком—в крайисполком, уведомляя одновременно органы, коими сделано распоряжение. Только в исключительных случаях, при явном несоответствии распоряжения постановлениям Совнаркома или ВЦИК и под коллективною судебною ответственностью крайисполкома, допускается приостановление. Как видно, этот принцип внесен и в отношения объединенных наркоматов.

Положение подробно формулирует права и обязанности съездов, исполкомов и их отделов, причем перечень имеет в виду не столько разграничение функций, сколько напоминание особенно неотложных задач. Край (обл) съезд решает все местные вопросы, но обсуждает и вопросы общегосударственного значения, утверждает местный бюджет, доводя до сведения наркомфина, а равно и отчет по исполнению сметы, утверждает отчеты исполкома, его отделов и выбирает исполком и делегатов на Всероссийский съезд. Как съезды, так и заседания исполкомов происходят публично.

Так решила советская система одну из самых трудных задач «государствоведения», организацию местной власти и одновременно «местного самоуправления». Советская организация общества, как самое гибкое объединение отдельных ячеек общества в виде советов, является одновременно и самою совершенною формою, какую мы до сих пор знаем.

Дальнейшее течение жизни внесло известные поправки в эту стройную схему. Когда переход к нэпу потребовал перехода к революционной законности, по настоянию Ленина была введена единая прокуратура, не знающая двойной подчиненности. Местные прокуроры (с упразднением отделов юстиции) назначаются из центра и подчинены только центру. Но роль прокурора—роль надзора, наблюдения; его мероприятия—протест (а не отмена неправильного распоряжения или действия) или привлечение к ответственности за неправильное действие.

С образованием Союза ССР образуются и централизованные общесоюзные наркоматы, которые на местах имеют своих неподчиненных местам уполномоченных или агентов. Но все эти наркоматы отличаются исключительными особенностями, и положение о них не меняет основного принципа, что центральная связь в общем не имеет своего особого представителя на местах кроме местного исполкома.

Г. КРАЕВОЙ ИЛИ ОБЛАСТНОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

С проведением в жизнь районирования РСФСР проведена широкая и действительная децентрализация управления. По этой схеме краевые или областные органы получают широкие полномочия. В то же время они ближе связаны с

местами через районные организации: центр—край или область—район—село или город.

Краевые или областные организации в своих съездах и исполкомах с их президиумами по существу повторяют, только на более широкой базе, все, что уже существовало для исполкомов вообще. Некоторые осложнения вносят в них вхождение по добровольному постановлению (с правом выхода) автономных республик, сохраняющих свой национальный характер. Краевым судам передано и право суда последней инстанции.

а. Общее положение

Исполком между съездами советов является высшим органом власти в пределах территории. Число членов его и кандидатов к ним определяется ВЦИК. Они избираются на 1 год. Исполком всецело ответствен перед избирающим его съездом советов, который в праве отозвать членов его и до срока, т. е, до истечения года. В состав расширенного исполкома могут быть приглашены представители окружных исполкомов, члены советов крупных промышленных центров и представители профсоюзов и т. д.

Президиум. Для проведения в жизнь постановлений исполкома и высших органов власти, а также для направления и объединения действий всех подведомственных исполкому учреждений на его территории избирается президиум исполкома. В период между заседаниями исполкома президиуму присваиваются все права последнего за исключением принятия бюджета. Президиум состоит из председателя, его заместителя, членов президиума и секретаря.

Отделы. Исполком для выполнения всей работы, подлежащей ведению его власти, и для проведения в жизнь постановлений ВЦИК и центральной власти образует отделы, соответствующие в общем наркоматам, за исключением иностранных и морских дел, почт и телеграфов, путей сообщения и внешней торговли, вместе с тем прибавляя особый отдел коммунального хозяйства и ныне отдел политический и архивное бюро. Закрытие существующих отделов, а равно образование новых допускается по постановлению Совнаркома с утверждения ВЦИК или его Президиума. Военотделом заведует уполномоченный НКВоенмор; при крайисполкоме состоят уполномоченные НКПС и НКПочтель.

На исполнительный комитет в целом возлагается ответственность за деятельность отделов и за точность и своевременность выполнения распоряжений центральной власти, почему все крупные мероприятия отделов, как принципиальной, так и практической важности, равно как и сметы отделов (до представления в центр), отделами вносятся на утверждение исполкома.

Постановления исполкома отменяют Совнарком или ВЦИК

и его Президиум, а равно и Всероссийский съезд советов. Туда же направляются и жалобы на его постановления. В свою очередь исполкому принадлежит право контроля над деятельностью всех местных советов, а равно и право отмены решений тех же советов с извещением о том, в важнейших случаях, центральной советской власти.

Для наиболее важных вопросов созываются расширенные заседания исполкома с участием членов местных советов и исполкомов. С совещательным голосом в исполкомах участвуют заведующие отделами, не состоящие членами, и особо приглашенные лица. Заседания публичны и доступны для трудящихся масс.

Положение подробно излагает круг ведения очередных заседаний. Они имеют предметом ведения: а) вопросы текущей деятельности президиума и отделов, б) проведение в жизнь декретов, постановлений и распоряжений центральной власти, в) борьбу с контрреволюцией и охрану революционного порядка и г) руководство, направление и объединение деятельности всех находящихся в пределах губернии сов. учреждений. В заседаниях с совещательным голосом участвуют и нечлены исполкома: заведующие отделами, прокурор и особо приглашенные лица.

Во исполнение своих задач исполком имеет право непосредственного сношения с центром вплоть до представления об отмене или изменении нецелесообразных постановлений, и в исключительных случаях—до приостановления под коллективной ответственностью явно незаконных распоряжений. Он посылает во ВЦИК доклады, издает обязательные постановления и имеет права юридического лица с правом заключения займов, как внутренних, так и заграничных.

Положение вводит подробный, хотя и примерный перечень функций исполкома, который можно делить на вопросы общей и местной политики и вопросы общего и местного хозяйства. По общим делам он является исполнителем центра, но ему предоставляется право «контроля и ревизии всех правительственных учреждений, не входящих в состав отделов (за исключением учреждений действующей армии и прокурорского надзора), но без вмешательства в административно-хозяйственную деятельность правлений предприятий, входящих в общегосударственные и областные объединения», и немедленно доводя до сведения соответственного центрального учреждения. «В экстренных случаях» это право доходит до временного отстранения должностных лиц.

Ему принадлежит борьба с контрреволюцией и охрана революционного порядка, спокойствия и безопасности, обращение в случае надобности к содействию военной силы, с правом предания суду, с производством обысков, высылок, арестов и возбуждением ходатайства об объявлении военного положения.

Он может отменять и изменять постановления и распоряжения подведомственных ему учреждений и

даже распоряжения уполномоченных центральных учреждений, за исключением лишь уполномоченных ВЦИК. Он назначает, устраняет, смещает, подвергает дисциплинарным взысканиям и предает суду всех служащих подведомственных ему учреждений, а равно подвергает дисциплинарным взысканиям своих же членов (за неявку на 3 заседания) и членов нижестоящих исполкомов и их президиумов.

Он наблюдает за поступлением центральных налогов и сборов и при исполнении общей сметы имеет право передвижения кредитов по общей смете одного ведомства в другое не свыше 10%. Местный бюджет составляется из местных налогов, в пределах особого закона, из надбавок к общим налогам, из займов и доходов с собственных местных предприятий и из арендных платежей, кроме того из отпущенных центром сумм. Он составляет производственные планы и сметы.

В дальнейшем Положение перечисляет задачи исполкома по всем ведомствам, не исключая кооперации («оказывать всемерную поддержку, предоставлять им всякие преимущества пред частными предпринимателями и принимать совместно с Центросоюзом участие в выборах органов потребительских обществ»), охраны труда и забот о помощи безработным и т. д. Наконец, всестороннее содействие рабочим совхозов и коллективам. Как я уже сказал, перечень имеет примерный характер, ибо Положение не отменяет слов Конституции, что исполкомы между съездами являются «высшей» властью на местах.

Исполком созывает очередной годичный съезд, а равно, по своему усмотрению или требованию $^1/_3$ части всего числа местных исполкомов и горсоветов—внеочередной съезд. Такое же право на созыв чрезвычайного съезда принадлежит и Президиуму ВЦИК, с правом требовать перевыборов на чрезвычайном съезде исполкома.

б. Отделы

В краевых исполкомах имеются отделы.

Заведующие отделами избираются исполкомом сроком на один год. Соответствующий народный комиссар имеет права отвода; разногласия по этому поводу разрешает Президиум ВЦИК. Бывшие когда-то при отделе коллегии ныне отменены. Смещение и временное отстранение заведующего может быть произведено исполкомом в случае преступления по должности, бездеятельности и несоответствия своему назначению, с немедленным доведением о том до сведения ответственного наркомиссара.

Отделы, как уже сказано, одновременно подчинены и исполкому и соответствующему наркомиссару в порядке, уже изложенном выше.

Функции отделов исполкомов в общем просты и понятны для всякого, кто знаком с функциями наркоматов, исполнителями кото-

рых они являются, и только для нескольких из них необходимо дать кое-какие пояснения.

Заведующий отделом несет ответственность за ход работы отдела и всех подведомственных отделу учреждений как пред исполкомом, так и пред соответствующим наркомом. В своей деятельности отдел направляется, инструктируется, контролируется и руководствуется постановлениями и распоряжениями как исполкома и его президиума, так и соответствующего наркомиссара. В случае разногласия между распоряжениями наркома и исполкома и его президиума или в случае технической невозможности их исполнить отдел о том немедленно представляет исполкому и наркому. Исполком в этом случае не позже 7 дней или отменяет свое распоряжение, или на свой риск приостанавливает исполнение. Обжалование без приостановления не освобождает отделы от немедленного исполнения. Отдел может постановления президиума обжаловать в губисполком, но без права приостановить от себя исполнение.

в. Члены исполкома

Каждый член исполкома исполняет определенные обязанности, на него возложенные исполкомом. Члены исполкома в пределах территории исполкома не могут быть арестованы без предварительного доведения до сведения президиума.

г. Район как основной центр местной власти

Мы уже видели, какие крупные изменения произошли в делении территории РСФСР и всего СССР со времени революции. Это деление получило известное завершение с отменою волости и округа и с введением сильной районной власти как решающего местного партийного и советского центра. Такой шаг сделался необходимым особенно вследствие широко развернувшейся коллективизации сельского хозяйства.

«Переустройством системы низовых органов советской власти в целях полного приспособления их к задачам широкого социалистического строительства—ликвидацией округов и созданием из районов основного звена социалистического строительства в деревне—правительство Союза ССР завёршило районирование Советского союза, являющееся необходимой предпосылкой для социалистической реконструкции народного хозяйства. Ликвидацией округов и превращением районов в узловой пункт разрешения хозяйственных и политических вопросов деревни, усилением городских и сельских советов достигнуто укрепление производственного смыкания сельского хозяйства с промышленностью и приближение органов власти к населению». Так характеризует эту меру VI Всесоюзный съезд советов.

Когда Маркс («Гражданская война 1871 г.») писал об объединении местных коммун как о способе «привести сельских про-

изводителей (крестьян) под духовную гегемонию главных городов, и обеспечении их, таким образом, в лице городских рабочих, естественными представителями их интересов», то он высказал приблизительно ту же мысль, которую мы привели в исполнение, создавая сильный районный центр. Ленин неоднократно высказывал такую мысль об уездной соввласти, но уезд был, с одной стороны, слишком крупная единица; с другой стороны, самые уездные центры не были обеспечены рабочими силами и далеко не всегда имели революционное значение. Теперь укрупнением волости до района и с ликвидацией всех промежуточных звеньев (уезда, округа, губернии) достигнуто сокращение административных единиц и усиление района силами окружных центров. На 1 декабря 1930 г. в СССР было: 2917 районов, 704 города, 70 038 сельских советов. Сейчас идут разговоры об укрупнении сельсоветов, чтобы их обеспечить самостоятельным бюджетом как сильную местную власть.

1. Районные съезды и их исполкомы

Районный съезд советов избирается всеми находящимися на территории сельскими советами по норме: один делегат на 300 жителей, а также от городских советов, совхозов и машинно-тракторных станций вне городских поселений, от фабрик и заводов, по норме 1 делегат на 60 избирателей.

Городские советы, не подчиненные рику, не посылают своих представителей на районные съезды советов.

Съезды бывают очередные или внеочередные. Очередные районные съезды созываются районным исполнительным комитетом в установленные вышестоящими исполнительными комитетами сроки; внеочередные районные съезды советов созываются:

а) по предложению вышестоящих съездов советов или их исполнительных комитетов;

б) по инициативе районного исполнительного комитета;

в) по требованию советов, объединяющих не менее одной трети населения данного района.

На районные съезды советов и районные исполнительные комитеты возлагаются следующие основные задачи: а) наблюдение за осуществлением революционной законности, проведение в жизнь и разъяснение законов и распоряжений советской власти; контроль за выполнением законов в пределах района; подавление всякого противодействия законам и мероприятиям советской власти; борьба с искажением классовой линии в применении законов и во всей практической работе советских органов, кооперативных и других общественных организаций; обсуждение вопросов общесоюзного, республиканского, краевого, областного значения и внесение в вышестоящие органы законодательных предложений, основанных на местном опыте и инициативе; б) организация масс рабочих, колхозников, батраков, бедноты и середняцких слоев

крестьянства для выполнения плана индустриализации страны и социалистического переустройства сельского хозяйства на основе коллективизации, кооперирования и строительства советских хозяйств; в) неуклонное проведение политики наступления на капиталистические элементы города и деревни и ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации; г) вовлечение трудящихся масс в непосредственное государственное управление; выдвижение в аппарат рабочих, колхозников, батраков, бедноты и середняков; широкое развертывание самокритики, социалистического соревнования и ударничества; решительная борьба с бюрократизмом, волокитой и бесхозяйственностью; организация широкого общественного контроля за работой всех учреждений, предприятий и кооперации в пределах района; д) осуществление культурной революции путем проведения всеобщего начального обучения, ликвидации неграмотности и других мероприятий, направленных к поднятию политического и культурного уровня масс; создание условий для переустройства быта трудящихся на социалистических началах; е) проведение в жизнь национальной политики советской власти, принятие мер к повышению политического, экономического и культурного уровня всех национальностей и вовлечение их в советское строительство; ж) содействие строительству рабоче-крестьянской Красной армии и организация сил и средств района для повышения обороноспособности Союза ССР.

Районные съезды советов и районные исполнительные комитеты руководят деятельностью всех районных учреждений, сельских и городских советов района и наблюдают за деятельностью неподведомственных районным органам учреждений и предприятий, находящихся на территории района.

Райисполком (рик) между съездами является высшей властью в пределах своей территории. Он созывается не реже одного раза в месяц.

Его избирает районный съезд в составе не более 45 человек и кандидатов к ним не более $^1/_3$ состава.

Районный исполком выбирает из своей среды президиум не более 9 человек, а из состава президиума председателя и секретаря. Президиум в период между заседаниями исполкома пользуется всеми правами последнего и ответствен перед ним. Рик имеет право: издавать обязательные правила и налагать административные взыскания, отменять, изменять и приостанавливать постановления всех нижестоящих советов и органов, подчиненных рику, пользоваться правами юридического лица. Рик имеет свой бюджет. Положение подробно перечисляет функции риков.

2. Отделы районного исполкома

Отделы рика построены так же, как и отделы край- или облисполкома, по принципу той же двойной подчиненности, причем,

напр., разногласия по отводам назначенного районным исполкомом заведующего отделом со стороны отдела крайисполкома разрешает президиум крайисполкома.

В составе районного исполнительного комитета образуются отделы: 1) общий, 2) земельный, 3) финансовый, 4) планово-статистическая часть, 5) районная рабоче-крестьянская инспекция, 6) управление милиции и уголовного розыска.

В районах со значительно развитой местной промышленностью и значительным коммунальным хозяйством может быть с разрешения Президиума образован 7-й отдел местного хозяйства и дорожного строительства.

При районном исполнительном комитете состоят инструктора по советскому строительству и районные инспектора: 1) по местному хозяйству и дорожному строительству, 2) по снабжению, 3) по народному образованию, 4) по здравоохранению, 5) по труду, 6) по социальному обеспечению, 7) по военным делам и 8) по физической культуре.

Инспектор по военным делам, подчиняясь районному исполнительному комитету на общих основаниях по оборонной работе,—подчиняется районному военному комиссару.

При районном исполнительном комитете состоит комитет по улучшению труда и быта работниц и крестьянок.

3. Народный суд и районная прокуратура

Особого отдела юстиции в районе нет. По положению о едином суде низшей инстанцией суда является народный судья единолично или с двумя народными заседателями. Народный судья избирается исполкомом округа на один год и может быть отозван им же по собственной инициативе или по предложению НКЮ.

Народные заседатели призываются на сессии, не более 6 дней, по особым спискам, составляемым на 1 год.

Как состав народных судей, так и их заседатели должны быть исключительно из лиц, обладающих советским избирательным правом.

Следующей инстанцией является краевой (обл., Глав.) суд, состоящий из председателя, его заместителей, постоянных членов и народных заседателей. Он является высшим судебным центром, органом кассационным, надзорным и судебным органом первой инстанции по важнейшим делам, отнесенным к его ведомству. К выборам и составу его относится все то же, что и к народному суду. Народные заседатели (по 2) участвуют в заседаниях по первой инстанции.

Над край(обл)судом следующая и высшая инстанция—Верховный суд РСФСР.

Районный прокурор назначается непосредственно краевым (обл) прокурором или прокурором автономной республики по принципу централизованной подчиненности вышестоящему прокурору.

XII. СОВЕТЫ — МЕСТНАЯ ВЛАСТЬ

Как трудно рождаются новые общественные и государственные формы организации, тому лучшим показателем может служить история городских и сельских советов. Когда они возникли в стихии революции, они как там, так и здесь были поняты неверно или вовсе не поняты. Они уже образовали в лице своих съездов и их исполнительных органов крупные и сильные организации, в лице циков и центральных исполкомов создали новые органы новой пролетарской власти, а основная ячейка этой власти за это время как бы исчезла и во всяком случае перестала быть органом власти, а в лучшем случае была органом агитации, демонстрации и т. д., митингования—разговоров, а не работы. И стоило много усилий, много сомнений, доходящих моментами до полного разочарования, чтобы, наконец, найти настоящую дорогу, привести городские и сельские советы более или менее к одному знаменателю, создать действительно работающую, основную, низшую ячейку соввласти и подвести тот недостающий фундамент под советскую власть, о котором в области экономики и культуры в последние годы так много говорил Ленин. А пока не было этого фундамента, вся надстройка опиралась на традиционных началах, или, так сказать, висела в воздухе.

«До сих пор мы не достигли того, чтобы трудящиеся массы могли участвовать в управлении. Кроме закона есть культурный уровень, который никакому закону не подчинишь. Вследствие этого низкого культурного уровня советы, будучи по своей программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления для трудящихся через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы. Здесь перед нами задача, которую нельзя решить иначе, как длительным воспитанием»[1].

Пришлось вести серьезную борьбу за образование этого фундамента в виде избирательной борьбы к перевыборам советов: быть или не быть новой пролетарской власти, в которой бы рабочий и трудовой крестьянин учились и начали сами управлять делами своего государства и своего общества (см. выше выборы).

В мою задачу не входит писать историю советов. Не могу дать и выдержек из таковой истории, ибо она в книжках еще не написана, а сейчас впервые пишется самой жизнью революции

[1] Ленин, т. XVI, стр. 127 и сл.

на страницах этой истории. А я вам могу пока дать только краткую нумерацию или схему этой истории.

Основная и низшая ячейка советской власти это - советы депутатов. Советы выбираются: а) в городах, фабричных и заводских поселках и б) в селах. В городах с количеством жителей свыше 100 000 чел. могут избираться и районные советы. История каждой из этих ячеек шла особыми путями. Город и деревня—две противоположности капиталистического мира. Это противоречие осталось и в переходный к социализму период, в виде своеобразного двухклассового общества: пролетариата и крестьянства. Их союз, их смычка должны были получить выражение и в развитии этих двух типов советов. На первом месте пока стоит чисто пролетарский горсовет.

А. ГОРОД И ГОРОДСКИЕ СОВЕТЫ

Роль города в истории и политической жизни всем известна. Мы знаем древний город, как древнее первобытное демократическое государство. Мы потом, при феодализме, видим город как очаг будущего буржуазного государства. Наконец, победа буржуазии развивает, вместе с усилением и централизацией государственной власти, капиталистический, промышленный и торговый город в то основное противоречие между городом и деревней, на которое указывает К. Маркс в своем «Капитале». Но это развитие одновременно и подготовляет ту силу, которая должна свергнуть класс капиталистов, буржуазию. А форма новой власти—это советы рабочих, как носители диктатуры пролетариата.

Переход от роли борца за власть к роли держателя всей власти на местах, не только политической, но и хозяйственной, обусловливает целый ряд последовательных перемен в самом понимании роли советов. Начиная с замены советами бывших городских дум, сначала существовавших параллельно с советами, горсоветы то расширяют, то суживают свою деятельность, и окончательная форма организации их работы только ныне устанавливается. Особенно большие колебания горсоветы пережили в связи с вопросом об их исполнительном органе, но доходило до того, что и сами горсоветы местами признавались как бы лишними. Уездные горсоветы в большинстве уездных городов не существовали. Затем стали объединяться губернские исполкомы и их отделы с горисполкомами, причем руководствовались главным образом соображениями сбережения сил. Но при значительной многолюдности наших учреждений вообще этот мотив, конечно, играл не решающую роль. Повидимому, главной основой этой тенденции являлась тяга к бюрократизации. VII Всероссийский съезд советов открыл борьбу в общегосударственных размерах против бюрократизма. VIII съезд категорически требует восстановления и образования советов во всех уездных и даже заштатных городах и фабрично-заводских поселках. Положение 26 января 1922 г. упраздняет как губернские, так и уезд-

ные горисполкомы. Но это положение в текст Конституции не включено. Одновременно Положение 1922 г. узаконило институт секций горсоветов, работающих в связи с отделами. Положение о горсоветах от 24 октября 1925 г. вводит особые президиумы советов во всех городах.

а. Порядок выборов

По положению от 25 октября 1925 г. нормы Конституции были изменены соразмерно с количеством жителей города. Так, в городах с количеством жителей свыше 1 000 чел. избираются городские советы по норме: при населении в 1 000 чел.—1 депутат на 15 избирателей, от 1 000 до 3 000—1 депутат на 20 избирателей и т. д., а от 100 000 и больше—на 200, в Москве и Ленинграде—на 400 избирателей. Советы избираются на 1 год. Мы здесь говорим о городах с преобладающим, по общему правилу, фабричным и вообще рабочим населением. Советы особенно крупных городов являются главными органами советской власти вообще. Постановлением VIII съезда советов (1920 г.) вменено было в обязанность производить регулярно выборы городских советов повсюду, а по Положению 1925 г.—созывать эти советы на пленум не реже 1 раза в месяц. Во исполнение этого постановления предложено было всем губисполкомам восстановить городские советы в тех уездных центрах, где таковые временно, в условиях гражданской войны, бездействовали, а равно приступить к организации их в тех уездах и заштатных городах, где таковые вовсе не были образованы. Это правило строго проводится Положением 1925 г.

б. Функции городского совета

В границах своего ведения, т. е. в пределах города, городской совет есть высшая на данной территории власть. Его основная задача—объединить все трудящееся население для участия в местном и государственном управлении и строительстве. Горсоветы имеют все права высшего органа власти: а) принятие мер к поднятию культурно-хозяйственного состояния города и улучшению жизни и быта населения; б) разрешение всех вопросов местного значения; в) обслуживание вопросов общегосударственного значения; г) проведение в жизнь постановлений высших органов власти; д) объединение деятельности всех подведомственных горсовету учреждений и руководство ими; е) составление, утверждение и исполнение горбюджета. При этом горсоветы пользуются всеми правами особого юридического лица. Горсовет путем практических предложений и указаний направляет и согласует работу секций и намечает план дальнейшей их работы.

в. Порядок заседания советов

Пленум, общее собрание советов, собирается не реже одного раза в месяц; он созывается президиумом совета по усмотрению последнего или по требованию не менее $^1/_3$ членов совета. Заседанием и работой совета руководит президиум совета. На заседания советов предлагается привлекать большее количество рабочих, устраивая эти заседания в рабочих кварталах, на крупных фабриках и заводах. Это—прямая противоположность тому стремлению, какое проводится буржуазными парламентами и прочими собраниями: устраивать свои заседания подальше от «улицы», запрещать всякие политические митинги и демонстрирования ближе 1—2 или более километров от здания собрания и т. д. В заседаниях советов участвуют и кандидаты, даже заведующие отделами и вообще рабочие и крестьяне. Кандидаты и вообще нечлены совета участвуют лишь с совещательным голосом, т. е. не участвуют в голосовании. Необходимо присутствие не менее ½ всех членов не только при открытии заседания.

г. Права пленума горсовета

Права горсоветов перечислены в Положении 1925 г Я на этих функциях подробно останавливаться не буду (перечень содержит более 60 пунктов).

На пленум возложены следующие функции: а) утверждение бюджета, займов и отчетов по исполнению бюджета; б) рассмотрение вопросов местного совстроительства; в) определение числа секций и распределение по ним предметов их ведения, а равно и членов совета; г) избрание делегатов на съезды советов; д) выборы президиума, утверждение его отчетов; е) доклады по вопросам местного хозяйства и управления; ж) доклады секций, доклады и отчеты заведующих горотделами; з) план работ пленума совета и секций; и) утверждение мандатов своих членов. Но этот перечень Положения является лишь примерным, а отнюдь не исчерпывающим.

д. Исполнительные органы горсоветов

Мы уже видели, что первоначально горсоветы имели горисполкомы, которые были впоследствии слиты с губ- или уездисполкомами,—с общими у них отделами. Ныне по общему правилу только заштатные города и фабричные поселки имеют (сокращенные) исполкомы из 7-ми человек с сокращенным количеством отделов. В 1931 г. в Московской области город Москва выделяется в самостоятельную единицу, но с горсоветом во главе и с подразделением на районы.

Для горсоветов вообще Положение 1925 г. вводит особые президиумы горсоветов, которые являются исполнительным органом советов. Президиум состоит из председателя и 10 членов. Лишь для Москвы и Ленинграда это число определяется

особо президиумом ВЦИК. Президиум выбирается из числа членов совета на 1 год.

Президиум в пределах его ведения является также высшим органом между собраниями совета. Но особые отделы он имеет лишь для непосредственного заведывания городским хозяйством в виде коммунальных отделов. В остальном его исполнительными органами технически являются отделы соответствующего край-, обл- или окрисполкома, в которых для этого образуются особые городские части; по соглашению с заведующими этих отделов совет назначает особых заведующих городской работой.

е. Секция городских советов

Помимо Конституции жизнь создала секции советов. Положения 1922—1925 гг. узаконили эти секции. Эти секции образуются по важнейшим отделам на основе добровольной записи членов, но участие каждого члена в одной из секций обязательно. Это делается для вовлечения членов совета и широких масс трудящихся в строительство и практическую работу. Их задачи подсобные и контрольные. Обязательны секции: по коммунальному хозяйству, финансово-бюджетная, народного образования, здравоохранения и кооперативно-торговая. Другие образуются советами по надобности.

Работа происходит под руководством избранного бюро секции (из трех лиц) в качестве исполнительного и распорядительного органа. Здесь обсуждаются все существенные вопросы работы. Допускаются общие заседания нескольких секций, если вопрос относится не к одной только секции, собирается общее заседание в определенные пленумом или президиумом сроки. Секция может образовать комиссии, приглашать сведущих лиц, а равно и представителей рабочих организаций, как-то: членов комсомола, профсоюзов, фабзавкомов и т. д.

Участие члена совета в заседаниях секций обязательно, о своей работе в секции он должен докладывать избирателям. На время исполнения поручений секции член совета может быть освобожден от непосредственных служебных обязанностей лишь по постановлению президиума исполкома. Секции собираются в нерабочее время.

Ныне о развитии работы секции имеются уже ценные данные [1];

---

[1] Число участников секции довольно быстро растет; по Москве 19 000 человек; по всему СССР — до 3 миллионов. Но по отдельным фабрикам цифры еще неудовлетворительны. Так, например, по некоторым заводам и фабрикам Москвы

	Число раб.	Число чл. секций
На текстильной ф-ке «Красная заря»	2 700	185
» ф-ке «Трехгорная мануфактура»	8 000	140
» заводе «Серп и молот»	4 900	70
» ф-ке «Красная Роза»	2 000	60
» » имени Маркова	1 400	55
» » «Электролампа»	500	26

недавно был проведен даже конкурс на **лучшую** секцию. Повидимому, секция и является той формой, которая призвана победить бюрократические замашки **отделов** исполкомов. Это, конечно, лишь «начало целой исторической полосы, задачей которой является постепенное вовлечение всего трудящегося населения в работу по управлению государством».

Это еще далеко до поголовного участия в управлении!

ж. Старостат

Этим словом обозначают **группы горсоветских депутатов** на предприятиях. Эти объединения возникли стихийно на чисто практической почве: в целях как лучшего обслуживания **нужд и запросов своих избирателей**, так и **воздействия** на своих избирателей в целях политической и общественной **активности** последних. Возникли старостаты лишь в последние 4 года (не ранее 1927 г.). Московский совет утвердил первое положение о старостатах 7 июня 1929 г. Так как старостаты возникают рядом с партячейками и месткомами профсоюзов и создается известная опасность параллелизма и распыления сил, то о их значении и роли в будущем пока трудно говорить.

Б. СЕЛЕНИЕ И СЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Если мы исходим от совета, как низшей ячейки организации, то ближе всего было бы, по примеру города, основную ячейку в деревне организовать как сельский совет. На деле у нас долгое время **основной ячейкой** власти на местах в деревне являлась **волость**, но **в волости совета нет**, а имелись лишь **съезды** советов и постоянно существовал лишь **волисполком** (вик). Это объяснялось той громадной разницей, какая еще существовала между городом, где экономическая жизнь, само производство объединяют трудящихся, и деревней, где еще существовали зародыши капитализма, частная собственность и индивидуализм и куда объединение, советизация пока вносились лишь из города. Если и существовали вытекающие из общинного владения **сельские сходы**, то они при царском режиме искусственно поддерживались в целях круговой поруки за выкуп и государственные налоги, все более разлагаясь. Но и при советском режиме они трудно поддавались социализации, а проявляли сильную тенденцию в сторону гражданского оборота. Так, основной ячейкой власти на местах долго являлась **волость**, а волость слишком крупная по пространству единица, чтобы ее охватить **единым советом**.

Историческая роль «волости» («власти») в подробностях не выяснена; как она объединила переходящее на оседлость население в виде **поселков, поселений**, нас здесь не интересует. Факт тот, что волость представляла впоследствии всю территорию, находившуюся **под одной властью** князя, дворянина, вообще помещика. Значит, деление или объединение

довольно случайное и притом в достаточной степени ненавистное, почему ее при районировании заменили районом.

Еще до буржуазной революции в деревне началось серьезное движение за единую бессословную волость как местную земскую единицу, с требованием включить в волость и землю и население привилегированного «имения», вотчины помещика. Эту борьбу завершил Октябрь, отдав крестьянской волости назад украденную у нее помещичью землю и уничтожив одновременно как форму сословия, так и экономическое его основание и содержание. Образовалась впервые трудовая волость, но с остатками средневековья и задатками капитализма. Для борьбы с этими остатками и более еще задатками, имевшимися и находившими здесь благоприятную почву, был выдвинут лозунг крепкой экономической советской волости в виде таких мероприятий, как, напр., волостной бюджет, «превращающий волость в организм, имеющий право решать по-своему целый ряд основных вопросов своей жизни».

Доклад РКИ рисовал перспективы новой волости следующими словами:

«Введение волостных бюджетов, как следствие общей линии децентрализации управления хозяйством страны, в основе своей было направлено к усилению самодеятельности мест, наиболее полному привлечению широких кругов крестьянства к делу непосредственного управления государством и повышению уровня удовлетворения культурно-хозяйственных нужд деревни.

Разрешение указанных задач ставило целью — приблизить местное хозяйство к местным органам, заинтересовать и побудить самое население, а особенно его наиболее активные элементы, к наилучшему ведению своего хозяйства.

Пробуждение в низах активности, передача руля управления хозяйством волости самому населению—лучший путь к укреплению союза города и деревни».

Все это показывает, что сельские советы без помощи городского пролетариата не были в состоянии выявить своей инициативы, от которой зависел весь успех дальнейшего хода развития. Лозунг «лицом к деревне» имел в виду не только и не столько волость, сколько именно поселение, селение, деревню. Районирование упразднило волость, заменяя ее более широким объединением—районом.

Два крупных события—резолюции XV и XVI съездов партии о резком и серьезном повороте к социализации сельского хозяйства и вообще деревни—не могут оставаться без влияния на развитие именно сельских советов.

Но вместе с бурным ростом коллективизации сельского хозяйства возникли фантастические планы «левацкого» характера о ликвидации сельских советов и о передаче их функций в «экономические» организации, в правления колхозов. Эти попытки лик-

видации советской власти на местах получили надлежащий отпор, а роль советов вместе с коллективизацией вырастает.

Понятное дело, что как раз бывший батрацкий и бедняцко-середняцкий элемент колхозов здесь получает перевес, но как враг кулака, а не единоличника, середняка и бедняка, как будущих членов колхоза.

а. Сельские советы

В деревне низшей и, значит, основной ячейкой Советской власти является сельский совет, выбираемый в деревнях, селах, станицах и местечках, в городах с населением менее 10 000 чел. населения, аулах, хуторах и пр. по расчету 1 депутат на каждые 100 человек населения, но в числе не менее 3 депутатов на каждый сельский совет, сроком на один год.

По положению о сельсоветах (от 1 января 1931 г.) сельский совет, являясь органом власти в пределах своей территории, главнейшими своими задачами имеет поднятие крестьянского хозяйства, борьбу с невежеством, темнотой, болезнями и другими неустройствами сельской жизни, защиту прав трудящегося населения на основе союза рабочих с крестьянами, проведение в жизнь законов рабоче-крестьянского правительства, имеющих целью улучшение жизни трудящихся, широкое вовлечение крестьян и крестьянок в управление государством и дело улучшения государственного аппарата и выборов своих делегатов на съезды советов.

В новом положении мы имеем налицо важный признак сельсовета, как органа диктатуры пролетариата в деревне; основной упор делается уже не на поднятие крестьянского хозяйства, а на руководство социалистической реконструкцией сельского хозяйства; далее вводятся совершенно новые моменты—участие в индустриализации страны и осуществление борьбы с кулацко-капиталистическими элементами вплоть до ликвидации кулачества, как класса, на основе сплошной коллективизации. Прежний момент о вовлечении крестьянства в управление государством получает здесь более активный характер.

Положение перечисляет не только права и обязанности сельсоветов, но и предметы их ведения (всего 67 пунктов). Его основная задача—вовлечь в дело строительства местной жизни все трудящееся население, и в этих целях он созывает общие собрания граждан (сходы), объявляет и разъясняет законы и распоряжения правительства, исполняет сам или представляет высшим органам пожелания этих сходов и т. д. Сельсовет подотчетен районному исполкому.

Исполнительной властью является президиум сельского совета, председатель и уполномоченные сельсовета. Сельсоветы избирают секретаря, как правило, из своей среды. Для проверки хозяйственно-финансовой деятельности избирается особая реви-

зионная комиссия. Президиум на время между заседаниями сельсовета пользуется его правами.

При сельсоветах образованы (для мелких уголовных и гражданских дел) особые сельские суды.

б. Секции сельсоветов

В городах секции возникали и развивались в известной мере стихийно, для сельсоветов был внесен уже готовый опыт секций городских советов в особое Положение. Это—массовая организация по вовлечению батрачества и бедняцко-середняцкого крестьянства в практическую работу по управлению государством.

В законе было сказано: «В целях вовлечения крестьян, крестьянок, батраков, батрачек, рабочих и служащих, трудовой деревенской интеллигенции в практическую работу сельсоветов, а также для удовлетворительной проработки вопросов по различным отраслям деятельности упомянутых...сельсоветов при них образуются постоянные комиссии (секции): а) здравоохранения; б) финансово-налоговая; в) сельскохозяйственная; г) культурно-просветительная; д) местного хозяйства и благоустройства; е) торгово-кооперативная». Этот перечень секций является примерным. Это значит, что образование при всяком сельсовете именно всех этих секций—необязательна. Но сельсоветы могут в зависимости от местных условий создавать и другие секции. Поступление в секции вообще должно быть добровольно, но каждый член сельсовета обязан работать в одной из секций. Состав секций утверждается сельсоветом. Ныне с широким колхозным движением прибавилась новая форма работы с.-х. секции— с.-х. производственные совещания. Выработанные проекты идут на утверждение сельсовета. Их роль, таким образом: а) быть организацией для вовлечения в практическую работу широких масс трудящихся и б) быть органом трудовым и подготовительным.

XIII. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТ И ПРОМЫШЛЕННО-ФИНАНСОВЫЙ ПЛАН

ст. ст. 73—86 констнтуции)

Всем известно, что без бюджета современное государство существовать не может. Но что означает слово «бюджет»? Если справиться в английском словаре, то мы находим, что слово «budget» (по-французски bougette) первоначально означало кожаный мешок. Рассказывают, что в старину раз в год в парламент прибывал «канцлер казначейства» с мешком денег и произносил речь о распределении этих денег на будущий экономический год в государственном управлении. Эту речь впоследствии и назвали «budget». Конечно, никогда у государства не было и нет в наличии средств для покрытия всех расходов будущего года. И это предание просто сказка. Другие поясняют, что первоначально слово это означало кожаный портфель с государственной сметой доходов и расходов. Мы уже знаем, что англичане любят образные выражения. Но суть дела заключается не в словах, а в смысле этой сметы.

Что мы разумеем ныне под понятием бюджета? И в настоящее время это слово имеет различное значение. По буржуазному бюджет представляет собою «систему государственных доходов и расходов, приведенных в состояние взаимного равновесия», другими словами, это есть финансовая система данного государства в действии.

Другие говорят, что это есть просто «роспись государственных расходов и доходов», т. е. сумма государственных расходов и изысканных на их покрытие доходов.

По существу всякое государство существует на счет трудящихся, и в буржуазном государстве по хитрой механике трудящиеся своим прибавочным трудом сами оплачивают аппарат, держащий их в подчинении. Но буржуазия умеет искусственно скрывать действительное происхождение своих доходов и представить дело так, как будто бы бюджет покрывается всеми классами равномерно. Но стоит только вспомнить, что у имущих классов нет других источников доходов, кроме неоплаченного ими труда трудящихся, и что, значит, все доходы государства, составляющиеся главным образом из «налогов», «перелагаются» на трудящихся. Классовая же борьба между имущими классами сводится в этой области к борьбе при распределении их военной добычи, дани с трудящихся.

Много было споров в науке государственного и финансового права о характере акта бюджета: закон ли это или особого рода акт? Все эти споры можно назвать в значительной степени праздными. Ясно, что это не обыкновенный, а особого рода закон, разрешающий на срок (обыкновенно на 1 год) правительству получать средства из наличного фонда государства и из доходов, т. е. налогов и займов, на ведение дел государства. Неразрешение бюджета в парламентском государстве означало отставку правительства; иногда даже сокращение его (напр., на знаменитый 1 рубль) являлось недоверием, достаточным для провала правительства. И бюджет в те времена, пожалуй, был единственным реальным средством власти в распоряжении народного представительства.

Ныне, во времена власти финансового капитала, государственных займов и косвенных налогов, и бюджетное право стало в значительной степени мнимым правом. И если с.-д. до 1914 г. обыкновенно голосовали против бюджета, как содержащего военные кредиты, то это было лишь простой демонстрацией, да еще невинной демонстрацией, пока с.-д. всюду были в меньшинстве. А когда дело стало серьезным—в 1914 г.,—то все они, как один человек, в решающих государствах голосовали за эти кредиты и за весь бюджет.

Всякое буржуазное правительство зависит от класса капиталистов, на первом месте—финансового капитала, ибо бюджет зависит от него.

Нас здесь не интересует историческая сторона бюджетного права, как бы ни были интересны отдельные ее моменты с точки зрения классовой борьбы. Мы ограничимся чисто практической стороной вопроса в наших условиях.

И для нас бюджет имеет значение как смета расходов и доходов, но мы ставим вопрос гораздо шире, чем его ставит буржуазное государство. В условиях военной разрухи и глубокого кризиса капитализма ни одно правительство Европы не покрывало своей сметы расходов сметой обыкновенных доходов, не делало того и в довоенное время почти ни одно правительство, ибо военный бюджет пожирал всегда гораздо больше, чем составляли регулярные доходы: дефицит покрывался государственными займами, особым весьма выгодным способом получения процентов для денежного капитала, но еще более выгодным способом для колоссальной наживы финансового капитала путем эмиссий (выпуска государственных займов). Во время войны эти займы в значительной степени были заменены *принудительными* займами, путем использования станка для бесконечных эмиссий бумажных денег.

Для социалистического государства проблема сметы заключается в проблеме *всеобъемлющего финансово-хозяйственного плана*. И в эту смету должны были войти не только денежные доходы, но и все материальные средства, добываемые из производства и обмена. Раз государство перешло к общегосударственному хозяйству, в котором видели коммунизм, то

существовала единая касса доходов и расходов. С другой стороны, здесь в смету расходов ставились не только обычные государственные расходы, но и жалованье и заработная плата почти всему рабочему классу. В то время как буржуазный бюджет имеет отношение лишь к излишку (хотя бы мнимому излишку) каждой экономической единицы, например, фабрики, хозяйства, отдельного хозяина и т. п., в революционный бюджет «военного коммунизма» поступали продукты хозяйственных единиц целиком в валовом виде без вычета расходов, а не только чистый доход или по разверстке вся необходимая государству сумма, не считаясь с вопросом, остаются ли излишки у производителя, вернее, не допуская вовсе таких излишков. В эпоху, когда производство как в городе, так и в деревне упало ниже всякого минимума, только о таком бюджете могла быть речь. И в действительности слова «смета расходов» и, еще в большей степени, «смета доходов» были одною фикцией. Если эти сметы вообще имели какое-либо значение, то смета расходов—лишь как известное ограничение произвола ведомств, тогда как доходы, особенно «сверхсметные доходы», т. е. всякие конфискации, играли роль противоположную, давая в общей сложности суммы сравнительно незначительные, но расширяя расходы вне всяких пределов.

В Конституции 1918 г. отдел о бюджете приходится назвать самым бедным по содержанию. Про него сначала даже совсем забыли и в последнюю минуту внесли в проект несколько статей, сводящихся к общему—правда, весьма ценному и для тогдашней тенденции революционно-верному—принципу. «Финансовая политика РСФСР в настоящий переходный момент диктатуры трудящихся способствует основной цели экспроприации буржуазии для подготовления общего равенства граждан республики в области производства и распределения. Для этого она ставит себе задачей предоставить в распоряжение органов советской власти все необходимые средства для удовлетворения местных и общегосударственных нужд Советской Республики, не останавливаясь перед вторжением в право частной собственности.

Она не говорит ни слова о том, что недостаточно одного «вторжения в право частной собственности», т. е. в область накопленного труда прошлого, но что необходимо сюда же включить и «производство новых ценностей» и притом в достаточном или, по крайней мере, в возможно большем количестве. Возбуждая иллюзии, что экспроприации буржуазии достаточно для предоставления в распоряжение советских органов всего необходимого для местных и общегосударственных нужд,—она могла только еще понизить уже и так упавшую производительность труда. Я не утверждаю, что так случилось: скорее всего, статья оказалась без всякого влияния: ее не читали вовсе, ибо она писала то, что еще не было «завоевано». Более реальное значение имела ст. 80, как основанная на реальных фактах: «Государственные доходы и расходы РСФСР объединяются в общегосударственном бюджете. То был ответ на все

местно-сепаратистические тенденции, может быть, слишком в сторону централизма, но безусловно необходимый и верный по существу.

С переходом к нэпу и стабилизации денежного курса вопрос о бюджете и у нас принял совершенно новый характер. И мы снова раздробили все «единое» и «коммунистическое» хозяйство на отдельные экономические ячейки, стали считаться с их действительными «излишками», устанавливая систему налогов и т. д. Другими словами, мы стали строить бюджет снова как-бы по-буржуазному, что, конечно, не означает, чтобы мы закрывали глаза на нарождающееся у нас реальное общеплановое хозяйство.

Совсем другую картину, чем во время писания Конституции 1918 г., представляет нынешний СССР. Вместо политики «одного потребления» накопленного, вступил неслыханно быстрый рост производства и увеличение действительного «народного богатства».

Громадный рост народного хозяйства на основе развернутого социалистического наступления по всему фронту обеспечил небывалый для капиталистического хозяйства темп роста народного дохода страны и значительное возрастание в нем удельного веса обобществленного сектора. Так за 2 истекших года народный доход возрос до 59,5 млрд. руб., причем рост его за 1928/29 г. составил 11,5% и за 1930 г.—20%. Удельный вес обобществленного сектора в народном доходе за это время поднялся с 53,4% в 1928/29 г. до 74,5% в 1930 г.

Это, конечно, отражается и на доходах государства. В 1930 г. из общей суммы выполнения доходной части финансового плана в 23 427 млн. руб.—35,8% приходится на обобществленный сектор. Главную массу этих доходов составляет прибыль, которая дает 19% всей суммы финансового плана.

Конституция Союза почти-что ограничивается тем, что она устанавливает принцип общесоюзного бюджета, в который бюджеты союзных республик входят как составная часть.

И в тексте Конституции РСФСР 1925 г. отдел «о бюджетном праве» действительно ограничивается правовой стороной дела: определением порядка утверждения смет центральных и местных бюджетов и их исполнения.

Все государственные доходы и все расходы, включая сюда доходы и расходы автономных республик, объединяются в общегосударственном бюджете. Бюджет входит как составная часть в единый государственный бюджет Союза, в соответствии с конституцией Союза и издаваемыми в порядке общесоюзного законодательства правилами.

И распределение расходов и доходов, собираемых на территории РСФСР, на расходы и доходы Союза и РСФСР устанавливается в порядке общесоюзного законодательства.

Как утверждается бюджет РСФСР?

Сначала его утверждает Совнарком и за ним после просмотра особой бюджетной комиссии ВЦИК, а затем он направляется для включения в общесоюзный бюджет в законодательные

органы Союза, которые, конечно, в праве внести поправки и изменения.

В таком же порядке бюджет автономных республик включается после принятия его цитком, с утверждением Совнаркома РСФСР и ВЦИК, как составная часть в бюджете РСФСР— как в составную часть союзного бюджета.

Мы знаем, какая трудная задача после бывшей разрухи согласовать необходимейшие расходы с весьма скромными доходами, после того как выпуск бумажных денег, как способ пополнения бюджета, отпал, а займы, исключительно внутренние, играют незначительную роль.

На 1 декабря 1930 г. весь государственный долг (почти исключительно из внутренних займов) составлял только три миллиарда двести миллионов рублей, причем более миллиарда относится к обобществленному сектору народного хозяйства.

Первые бюджеты оставались «ориентировочными», т. е. проектами, по которым приблизительно можно «ориентироваться», т. е. справляться. Но наш бюджет уже превратился в реальный, действительный бюджет. Это возможно только при существовании жестких правил, а таковые вводят статьи 81 и 82 Конституции: «Ни один расход из средств государственной казны не может быть произведен без установления на него кредита в росписи государственных доходов и расходов или без издания особого постановления законодательных органов Республики. Все расходы по росписи расходуются в пределах сметных подразделений по их прямому назначению».

И прочие местные единицы, наравне с автономными республиками, имеют свои местные бюджеты, утверждаемые их съездами или исполкомами под общим контролем центральных органов Республики. И район получает свое бюджетное право и свой бюджет с предоставлением ему известных налоговых и неналоговых (напр., из производства) средств.

Но недостаточно утвердить бюджет, необходимо его и выполнить. Отчет по исполнению бюджета Республики после просмотра его бюджетной комиссией утверждает ВЦИК.

Чтобы дать понятие о нашем нынешнем союзном бюджете, я приведу несколько цифр на 1923/29 г.: общегосударственный бюджет исполнен в сумме 8965½ млн. (тут в итоге исключены суммы, передаваемые из центра местам). Налоги покрывают 70% всего бюджета, неналоговые доходы (от промышленности, торговли, банков, лесов, недр и т. д.)—15,5%, от займов—14,5%. А что мы имеем на 1931 год?

Доходная часть финплана 1931 г. намечена в 31,7 млрд. руб. Из них средства обобществленного сектора составят 13,4 млрд. руб. или 42% всех доходов, налоги 11 млрд. рублей, или 35,3%, вместо 70% 2 года тому назад, в том числе налог с оборота—9,3 млрд. руб. и привлеченные средства населения 3,8 млрд. или 12,2%.

С какой быстротой идет этот рост, видно из речи т. Молотова по докладу правительства Союза VI съезду советов.

	Намечено было пятилетним планом за 2 года пятилетки	Выполнено за 2 года пятилетки
Народный доход (в млрд. р.)	58,3	59,5
Государственный бюджет (в млрд. р.)	17,0	21,0
Капитальные вложения в основные фонды обобществленного сектора (в ценах соответствующих лет — в млрд. р.)	12,7	13,8
Валовая продукция планируемой промышленности (включая пищевую) в ценах 1926/27 г. (млрд. руб.)	29,3	30,5
Посевная площадь (вся — в млн. га)	239,0	245,8
Товарная продукция зерновых (млн. центнеров)	221,2	267,3
Грузооборот (млн. тонн)	350,9	409,2

Значит—сплошное перевыполнение.

Но план пятилетки был первым шагом: на третий год пятилетки, т. е. на 1931 г. мы читаем в докладе НКФ уже следующее:

«Составление в 1931 г., наряду с государственным бюджетом, также и единого оперативного финансового плана является, несомненно, крупным достижением в планировании народного хозяйства. Переход к системе единого финплана, охватывающего все ресурсы государства, направляемые на капитальное строительство, пополнение оборотных средств обобществленного сектора, на культуру, управление и оборону СССР, заметно расширяет поле финансового маневрирования и постепенно приближает нас к будущему бюджету социалистического хозяйства. Рост плановой организованности нашей финансовой системы является выражением достигнутых успехов в развитии всего социалистического строительства страны».

В Конституции СССР это отражалось во включении в компетенцию Союза дополнения в 3 слова: утверждение единого финансового плана и единого государственного бюджета Союза. Докладчик т. Енукидзе отметил, что мы, по заветам Ленина, вносим в Конституцию только то, что «трудящимися массами СССР прочно завоевано». Ведь это мало общего имеет с бюджетами буржуазного строя, где все производственные доходы и расходы относятся к «бюджетам» отдельных предпринимателей.

«То обстоятельство, что мы смогли к 1931 г. перейти к системе единого финансового плана,—это вовсе не техническое изменение финансовой организации—это отражение громадных успехов социалистического строительства в нашей стране, это отражение того гигантского усиления позиций социалистического хозяйства и обобществленного сектора, которого мы достигли за предшествующие годы нашего строительства и в особенности за последние годы развернутого социалистического наступления по всему фронту. Только опираясь на эти позиции обобществленного сектора, можно поставить перед собой задачу—охватить в еди-

ной системе, в едином финансовом плане все ресурсы страны, идущие на капитальное строительство, на усиление оборотных средств, на культурное строительство, на управление и оборону нашей страны, охватить и связать все эти ресурсы в единую систему, в единый план, выполнение которого требует максимальной организованности и дисциплины». (Доклад НКФ Союза на VI съезде советов).

XIV. ЭМБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Если бы буржуазный историк, проспавший последние 13 лет, т. е. нашу революцию (а буржуазные историки любят спать с открытыми глазами), увидел подлинник Брестского мирного договора, он пришел бы в ужас. Ибо там рядом с орлом германского империализма (орлом, про которого еще Гейне писал: «Ты, мерзкая птица!») красуется воззвание: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». И к этим словам «руку приложили» мы, побежденные.

Когда в Германии приближалась революция, то (летом 1918 г.) берлинские рабочие, не доверяя известиям печати буржуазии и социал-предателей из России, каждое утро посылали разведчиков на улицу «Unter den Linden» («Под липами») посмотреть—развевается ли еще там (над Берлинским посольством Советской России) красное знамя РСФСР.

А когда германская цензура 1918 г. так притесняла печать, что о России можно было печатать только официальные декреты, то Советская конституция РСФСР, да еще закон о социализации земли были единственными легальными агитационными брошюрами в пользу социалистической революции. Теперь эту агитацию ведет неукоснительное проведение в жизнь этой конституции в течение 13 лет.

Когда по поводу подписанного Брестского мирного договора поднимались возражения против помещения под текст нашего воззвания «К пролетариям всего мира», нам достаточно было предъявить постановление о государственном гербе, впоследствии вошедшее в ст. 89 Конституции, где читается, что «герб РСФСР состоит из изображений на красном фоне в лучах солнца золотых серпа и молота, помещенных крест-на-крест рукоятками книзу, окруженных венцом из колосьев и с надписью:

а) Российская социалистическая федеративная советская республика.

б) «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

А на основании ст. 90: «Торговый морской и военный флаг Российской социалистической федеративной советской республики состоит из полотнища Красного (алого) цвета, в левом углу которого—у древка наверху—помещены золотые буквы РСФСР или надпись: «Российская социалистическая федеративная советская республика».

Для рабоче-крестьянского правительства показалось вполне естественным объявить своим знаменем красный флаг. Не так думало буржуазное Временное правительство. В Петербургском

ИК было прочное большинство в пользу красного знамени, но не таково было мнение правительства. Керенский открыто не выступал против красного знамени, но известно, что во Временном правительстве разрабатывались и иные планы, равно как и Марсельеза была лишь временно признана гимном новой республики до представления на конкурс нового гимна. Этот новый гимн nors concours (вне конкурса) представила Октябрьская революция в виде Интернационала. Я помню, что последний протест против красного знамени был заявлен из недр коалиционного министерства путей сообщения и заключался в соображениях опасности по службе движения, так как, мол, красный флажок означает остановку поезда. Но Октябрьская революция преодолела и этот довод, и красное революционное знамя впервые попало в Конституцию.

Революция в 1918 г. в Германии, напр., решительно отвергла красное знамя, а своего орла решилась лишь превратить в еще более безобразную, чем прежняя, столь ненавистную не одному Гейне, птицу.

Итак, если во Французской революции 1848 г. спор о красном знамени был лишь спором о символе социальной республики, для дальнейших пролетарских революций это уже—лозунг, а в Советской конституции РСФСР—даже средство агитации.

По союзному договору мы сделали шаг дальше. И Союз ССР имеет свой фланг, свой герб и свою государственную печать. Союзный герб является яркой иллюстрацией к словам декларации об образовании Союза: «оно послужит верным оплотом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Соц. Сов. Республику». Союзный государственный герб состоит из серпа и молота на земном шаре, обрамленном колосьями, с надписью на шести языках: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» На верху герба имеется пятиконечная звезда, а государственный флаг СССР состоит из красного или алого полотнища, с изображением на его верхнем углу у древка золотых серпа и молота и над ними красной пятиконечной звезды, обрамленной золотой каймою.

XV. ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЙСТВИЕ: ГОСУДАРСТВО ОТМИРАЕТ

Из нашего определения государства, как аппарата господства классов, вытекает, что одновременно с прекращением существования классов, т. е. с наступлением бесклассового общества, прекратит свое существование и государство. Энгельс это исчезновение государства определяет словами: государство «отмирает», т. е. он вместе с тем подчеркивает, что это будет не событием одного момента, но процессом длительным.

Это просто логический вывод из всей истории классового общества. «Когда государство, наконец-то, становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним. С того времени, когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбою за отдельное существование, порождаемое теперешней анархией в производстве, те столкновения и эксцессы, которые проистекают из этой борьбы,— с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления, в государстве... Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другою излишним и само собою засыпает. Место правительства над лицами заступает управление вещами и руководство процессами производства. Государство не отменяется, оно отмирает» [1].

В вопросе об отмене государства коммунисты не одиноки. И анархисты требуют этой отмены. Но,—пишет Ленин,—«мы вовсе не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства, как цели. Мы утверждаем, что для достижения этой цели необходимо временное использование орудий, средств, приемов государственной власти против эксплоататоров, как для уничтожения классов необходима временная диктатура угнетенного класса. Маркс выбирает самую резкую и самую ясную постановку вопросов против анархистов: свергая иго капиталистов, должны ли рабочие «сложить оружие» или использовать его против капиталистов, для того чтобы сломить их сопротивление? А систематическое использование оружия одним классом против другого класса,—что это такое, как не «преходящая форма» государства? [2].

Отсюда вытекает и глубокая разница между «гибелью» буржуазного и отмиранием Советского государства. «Буржуазное го-

---

1 Энгельс, Ниспровержение науки господином Евгением Дюрингом.
2 Ленин, XIV, 2, стр. 345.

сударство не «отмирает», по-Энгельсу, а «уничтожается» пролетариатом в революции. Отмирает после этой революции пролетарское государство или полугосударство»[1].

Вопрос о необходимости переходного периода между капитализмом и коммунизмом с особым государством пролетарского типа, о самом переходном периоде и т. д. подробно разработан впервые в книге Ленина «Государство и революция», чтение которой для всякого сознательного человека (не только коммуниста) обязательно. Я по этому поводу скажу лишь несколько слов. Вслед за Марксом (см. его «Критику Готской программы герм. с.-д.») и Ленин делит переход к коммунизму на две фазы: социализма и коммунизма. «Научное различие между социализмом и коммунизмом только то, что первое слово означает первую ступень, вырастающую из капитализма нового общества, второе слово—более высокую, дальнейшую ступень его»[2].

Чем отличается первая ступень от второй в правовом смысле? Ленин поясняет: «В первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) «буржуазное право» отменяется не вполне, а лишь отчасти, лишь в меру же достигнутого экономического переворота, т. е. лишь по отношению к средствам производства. И постольку остается еще необходимость в государстве, которое, сохраняя общую собственность на средства производства, охраняло бы равенство дележа продукта»[3].

Лишь на второй ступени развития возможно отмирание и государства и права. «Государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: «каждый по способностям, каждому по потребностям», т. е. когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться по способностям». «Узкий горизонт буржуазного права... будет тогда перейден»[4].

Не утопия ли это? Ленин отвечает и на этот вопрос:

«С точки зрения буржуазной легко объявить подобное общественное устройство «чистой утопией» и зубоскалить по поводу того, что социалисты обещают каждому право получать от общества, без всякого контроля за трудом отдельного гражданина, любое количество трюфелей, автомобилей, пианино и т. п. Таким зубоскальством отделывается и поныне большинство буржуазных «ученых», которые обнаруживают этим и свое невежество и свою корыстную защиту капитализма.

Невежество,—ибо «обещать», что высшая фаза развития коммунизма наступит, ни одному социалисту в голову не приходило, а предвидение великих социалистов, что она наступит, предполагает и не теперешнюю производительность тру-

[1] Ленин, XIV, 2, стр. 310
[2] Его же, XVI, стр. 248.
[3] Его же, XIV, 2, стр. 374.
[4] Там же, стр. 375—376.

да и не теперешнего обывателя, способного «зря»—вроде как бурсаки у Помяловского—портить склады общественного богатства и требовать невозможного.

До тех пор пока наступит «высшая» фраза коммунизма, социалисты требуют строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен начаться с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводится не государством чиновников, а государством вооруженных рабочих»[1].

«Ибо когда все научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма»,—тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие—люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентики, и шутить они с собой едва ли позволят), что необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой.

И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства»[2].

Но можно ли так ставить вопрос у нас, когда после взятия власти пролетариатом ему пришлось сделать как будто несколько или даже много шагов назад? Воспользуюсь я и здесь для характеристики этого процесса словами Ленина: «Задаются и такие вопросы—где граница отступления?.. Отступать будем до тех пор, пока не научимся, не приготовимся перейти в прочное наступление... потому что, только когда мы сможем за что-нибудь уцепиться, можно будет переходить к наступлению...»[3].

«При советской власти,—говорит Ленин в одной из своих последних статей,—раз государственной власти принадлежат все средства производства, у нас действительной задачей остается только кооперирование»[4]. Ленин не забывает напомнить и о возможных жесточайших нападениях наших врагов. Но тут сила сопротивления зависит от успехов наших и всемирного пролетариата.

Одно остается вне спора: государство, а равно и право в классовом смысле вместе с исчезновением органов принуждения испаряется, отмирает.

---

1 Ленин, XVI, 2, стр. 376.
2 Там же, стр. 380—381.
3 Его же, XVIII, 1, стр. 408.
4 Там же, 2, стр. 139.

Но не надо слишком прямолинейно представлять себе линию развития. И очень опасным представляется «уклон» к слишком торопливым ожиданиям отмирания государства. Сейчас в данный момент, напротив, усилилась классовая борьба внутри СССР, усиливается она и в мировом масштабе. Вся буржуазия готовится к интервенции, т. е. к войне против СССР. Готовятся обе стороны к действительно «последнему» бою. Пока эта последняя победа еще не одержана, будут еще существовать и классы, и классовое государство пролетариата.

Склад издания
магазины и отделения
КНИГОЦЕНТРА и
КООПКНИГИ
почтовые заказы направлять
МОСКВА, 64,
«КНИГА-ПОЧТОЙ»
Книги высылаются
наложенным платежом
(без задатка)